

Ольга Вавиленко

Летопись страданий и мужества

Красноярск

2020

В книге, основанной на документах и свидетельствах очевидцев, рассказывается об истории репрессий в Сухобузимском районе Красноярского края в 1920–1956 гг.

Доподлинны все имена, факты, события. Книга иллюстрирована фотографиями, предоставленными жителями Сухобузимского района, потомками репрессированных. Содержит документы и фотографии, ранее не публиковавшиеся.

Книга издана при поддержке историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»

Отпечатано ЗАО «Луна-Река», 660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 8,
стр. 2. Тел. (391) 204-12-80, e-mail luna-reka@mail.ru

Подписано в печать 16.10.2020 г.

Формат 60x84/16. Бумага офс. 80 г/м², 392 стр. Офсетная печать.

Посвящается памяти моего сына Владимира Вавиленко

Содержание

Алексей Бабий. Впечатляющая мозаика	5
От автора	8
Хотелось бы всех поименно назвать.	
Хроника людского горя (1920–1956 гг.) – о репрессированных уроженцах и жителях Сухобузимского района Красноярского края	14
Поругание святынь – об изъятии церковных ценностей в храмах Сухобузимской, Шилинской, Нахвальской волостей. 1922 год	112
Сценарий не менялся, или О том, как закрывали храмы «по просьбам» верующих – о фальсификации воли народа. 1931 год	123
Поезд памяти – о том, как через 43 года после освобождения калмыки побывали на месте ссылки	142
Калмыцкие горы – о жертвах операции «Улусы»	147
Зажгите поминальную свечу солдату – 70 лет на нем незаслуженно висело клеймо предателя	154
Горько в родимой земле им лежать – об истреблении кулаков в 1937 году	173
Тайные молитвы сестер Бандеры – о нахождении в ссылке родных сестер Степана Бандеры	191
И уставало сердце плакать – о сотруднике ЦК ВКП(б) Е.В. Вартамяне	206
Врач Луи Доклер – о выпускнике Ленинградского мединститута	231
И все, казалось, не хватало Стране клейменных сыновей – о сыне М.П. Томского Юрии Михайловиче	235
Фамилия как приговор – о невестке Г.Е. Зиновьева Берте Левиной (Джафаровой)	249
Крушение – о преследовании родственников маршала М.Н. Тухачевского и о сибирской ссылке Марианны Владимировой	266
Американский мишка – о талантливом военинженере Г.Е. Шмидте, расстрелянном «за измену Родине», и судьбе его семьи	295
Окно в ночи – история преподавателя исторического материализма З.А. Фитермана, рассказанная его внуками	355
Об авторе	386
Использованная литература	387

Впечатляющая мозаика

Энтузиасты-исследователи истории политических репрессий есть во многих районах Красноярского края. Каждый из них работает по-своему, каждый интересен и эффективен.

Бывший прокурор Освальд Егорович Богданов в результате многотомной переписки с детьми репрессированных и правоохранительными органами создал книгу памяти Рыбинского района. Районные книги памяти создали Людмила Константиновна Миллер в Саянском районе и Фрида Людвиговна Щукина в Краснотуранском районе. Преподаватель Енисейского педагогического колледжа Ирина Моисеева много лет ездит со студентами по району и опрашивает депортированных и их детей. Директор Бирилюсского краеведческого музея Надежда Лактионова в районном архиве проработала все материалы, имеющие отношение к репрессированным, и составила списки. То же сделала в Курагинском районе пенсионерка Александра Ивановна Фролова – 2500 дел! Николай Леонтьев из Минусинского краеведческого музея составил списки репрессированных по всему югу Красноярского края.

Журналист Ольга Вавиленко работает в своём стиле, ярко и эффективно. Она не только собирает материалы о репрессиях, но и публикует их в районной (и не только) газете, получая многочисленные журналистские награды, краевые и федеральные. Помогает именно журналистский подход: ухватить какое-то мимолётное упоминание, вцепиться в факт, личность – и искать, используя едва видимые ниточки, находя свидетелей, документы. Так из мимолетного упоминания о сыне Томского родился большой очерк с фактами, документами и фотографиями. Я всегда завидовал этой способности Ольги, потому что сам работаю с большими списками, и заняться чьей-нибудь отдельной судьбой не получается. Вот и о том, что сын Томского был в ссылке в Красноярском крае, я знал уже лет двадцать, но не выделил его среди сотен знаменитостей, их родственников, сосланных в наши края. А Ольга выделила, нашла – а по ходу расследования нащупала и другие ниточки, к другим людям.

Сухобузимский район, о котором пишет Ольга, нельзя назвать каким-то

особенным. Здесь, как и везде, была коллективизация и 37-й год. Сюда, как и в другие районы Красноярского края, было сослано множество людей – раскулаченных крестьян, немцев, латышей, литовцев, поляков, китайцев, военнопленных-«шестилетников» и т.д. Ведь Красноярский край входил в тройку самых «ссылных» регионов СССР: у нас не было только потоков депортированных чеченцев с ингушами и крымских татар – все остальные категории ссылных у нас были. Но в Сухобузимском районе ещё было и сельскохозяйственное отделение Норильлага, и филиал «шарашки» ОТБ-1, и совхоз НКВД (МВД-МГБ-КГБ). А ещё и соседство с секретным комбинатом 815 по производству оружейного плутония. Лагпункты «атомного» Полянлага тоже одно время находились на территории района (в Атаманово), на правом берегу Енисея и рядом со вторым отделением совхоза «Таежный».

Норильлаг, как и многие лагуправления, – империя, вещь в себе. Не полагаясь целиком на «союзное» снабжение, завел два подсобных хозяйства – в Сухобузимском и Шушенском районах, да и в самом Норильске выращивали картошку, капусту, другие овощи, содержали скот. «Приватизировали» Енисейский речной флот. Всё делалось с размахом.

Ольга собрала много материалов по истории совхоза «Таежный», 25-го лаготделения Норильлага. Это впечатляющая мозаика, сложенная из судеб самых разных людей – и детей политических деятелей, и неграмотных калмыков, и крестьян-немцев, и заключенных агрономов. Мы жалуемся на недоступность ведомственных архивов, но много информации можно найти в архивах предприятий, районных архивах – что Ольга и сделала. Это образцовая работа.

«Шарашка» ОТБ-1 довольно известна – о ней написана книга, снят фильм. Известно и «красноярское дело геологов», тесно связанное с ОТБ-1. Там работали заключенные геологи и химики, связанные с урановым проектом. Филиал ОТБ-1 в Шилинке известен меньше. Там работали ученые, отбывшие срок, но находившиеся в ссылке. Поэтому особо ценны сведения, собранные «на месте». Если о самой «шарашке», закрытой тюрьме, могли рассказать только те, кто там сидел, жизнь филиала была более открыта.

Отдельная тема – так называемые «повторники», то есть люди, которые отсидели свой срок, выжили и вышли. Однако, начиная с 1948 года, их стали арестовывать и по тем же самым обвинениям отправлять уже не в лагерь, но в пожизненную ссылку. Основным местом ссылки для «повторников» был Красноярский край, и в Сухобузимском районе таких было немало. История биолога Александра Леопольдовича Яворского, первого директора заповедника «Столбы», в этом ряду стоит особняком. Он отбыл десять лет в Вятлаге, спасаясь от мерзостей лагерной жизни тем, что писал поэму «Столбы». Не успел вернуться домой, как был отправлен в бессрочную ссылку в Сухобузимский район. Поистине танталовы муки – быть буквально в двух часах езды от любимых Столбов и знать, что никогда их больше не увидишь.

Историки любят слово «фундированный». То есть, материал основывается на документах, имеются ссылки на документы. В этом смысле некоторые очерки Ольги Вавиленко – больше, чем журналистское расследование, это скорее научные работы, хорошо фундированные, но написанные не на научном во-

лапюке, а живым человеческим языком.

Зная неуёмный характер Ольги Вавиленко, могу предсказать, что эта книга – не последняя. Пройдёт несколько лет, наберётся новая серия статей. И будет новая книга. И это замечательно.

Алексей Бабий,
председатель Красноярского общества «Мемориал»

От автора

Сухобузимский район Красноярского края был образован в 1924 году. В него вошли Сухобузимская, Шилинская, Нахвальская, Погорельская волости, а также деревни Пермь Межовской волости, Дуброва Еловской волости и деревня Карымская Частоостровской волости.

Район расположен в 50 километрах севернее города Красноярска. Площадь составляет 5612 кв. км. С юга на север район пересекает красавец-Енисей. В западной части по нему проходит Енисейский тракт.

Население района в настоящее время – 20 тысяч человек – живет на левобережье. Правый берег – лесной – так и остался необжитым. Там всего три маленьких деревеньки – Большой Балчуг с населением 120 человек, да обезлюдевшие Усть-Кан и Подпорог, где не наберется и десятка жителей.

В правобережной части района добывают золото, ведут лесозаготовки. На левобережье развито сельскохозяйственное производство.

35-й год я живу в Сухобузимском районе, столько же работаю в редакции районной газеты «Сельская жизнь». Тридцать лет (1988–2018 гг.) была главным редактором газеты.

Как и большинство коллег писала о земляках, актуальных проблемах региона.

Но после общения с героем своего очерка, краеведом Виктором Александровичем Аференко, ныне почетным гражданином Сухобузимского района, тоже увлеклась изучением прошлого малой Родины.

Идти по протоптанной дорожке было неинтересно. Хотелось найти что-то особенное, не известные ранее или малоизвестные, удивительные факты из истории района.

Краевед был прав: трудно найти более увлекательное занятие, чем работа в архиве. Попадаешь туда – и забываешь обо всем. Прежде я и не подозревала, что хранилища содержат столько уникальных дел, еще никем не изученных. Они несут в себе не только достоверную информацию, но и передают колорит эпохи, живой ток истории.

И именно в архивах я поняла: прошлое района таит в себе не просто отдельные «белые пятна». Есть и сплошные. И связаны они с политическими репрессиями 1920–1950-х годов, которые еще никто не изучал.

Мы в редакции, конечно, знали, что в сталинские времена на территории района действовали исправительно-трудовые лагеря, маялись в ссылке люди разных национальностей. Но считали, что они отбывали **заслуженное** наказание. Было представление, что контингент в основном составляли бандеровцы, полицаи, власовцы.

Я и мои коллеги даже не подозревали, что подавляющее большинство репрессированных – **ни в чем не повинные люди**.

Да, собственно, и представления о сталинских репрессиях были смутные. Хотя кто-кто, а я-то должна была о них знать! Родной дед Алексей Иванович Спицын после раскулачивания был осужден по 58-й статье и погиб в Сиблаге.

Его сына, моего отца, вместе с мачехой и сводной сестрой отправили в ссылку. Приемная мать вскоре умерла от голода, 9-летний мальчик тоже оказался на грани жизни и смерти. Об этом каким-то чудом стало известно родной матери отца. И она кинулась в глухую, необжитую тайгу спасать сына. Выкрала его, полуживого, из казенного дома. Ребенок опух от голода и уже не мог самостоятельно передвигаться. Бабушка несла его на руках.

Позже, умирая от страха, выправила метрики, записала сына на свою фамилию и поменяла ему отчество. Так отец превратился из Спицына Михаила Алексеевича в Соркинова Михаила Ивановича.

Но **никогда** нам ничего об этом не рассказывал.

Отец вообще был молчаливым, сдержанным человеком, своих чувств не показывал. В 1989 году местная газета «Эхо Турана» (Краснотуранск) неожиданно стала публиковать списки реабилитированных земляков. Мы не узнавали своего отца. Он не мог скрыть волнения, тщательно и трепетно изучал каждый выпуск, не мог дождаться, когда мартиролог дойдет до буквы «С». Боялся не дожить.

Я помню его лицо, когда он прочитал короткую справку о реабилитации своего отца...

Мы и не представляли, что это значило – убедиться, что родной человек ни в чем не был виноват, и его честное имя, хоть и с большим опозданием, но восстановлено.

Ну почему же тогда я не догадалась запросить копию архивно-следственного дела деда! Не знала, что ее можно было получить и узнать, в чем его обвиняли. Как жаль...

Папа ушел, так и не узнав ответа на мучившие его всю жизнь вопросы о судьбе своего отца

А я как журналист упустила возможность заняться настоящим делом.

Прошли годы. Новое потрясение ждало меня впереди. В тот день на глаза попался один из томов «Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края». Этот мартиролог с именами пострадавших и замученных людей издавался с 2004 года по инициативе Красноярского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Я открыла его часов в 6 вечера и не могла оторваться до 2-х ночи. Читала и не верила своим глазам. Ну не могли же в самом деле истребить столько народа?!

Но вот они – подлинные фамилии, имена, отчества. И почти все знакомые. В Сухобузимском районе живут потомки.

Господи, как и чем могли навредить государству неграмотные крестьяне!?

А я-то думала, что у Александра Солженицына и Варлама Шаламова художественный вымысел и большие преувеличения...

Мы стали публиковать в своей газете списки незаконно осужденных сухобузимцев, выбирая их имена из книг «Мемориала».

Пришли первые читательские отклики. Люди со слезами благодарили нас, когда узнавали из газеты о горькой судьбе канувших в небытие родственников.

Однажды позвонила Татьяна Матвеевна Худоногова. Нашла в списках

свекра, имя которого родня старалась не упоминать. Еще бы! Ведь Филипп Худонов был позором семьи. В годы войны расстрелян как предатель... Об этом вдове сообщили в военкомате.

Но в перепечатанной нами из «Книги памяти» справке – Ф.И. Худонов осужден к 10 годам заключения за антисоветскую агитацию.

Как же узнать, был ли он действительно приговорен к высшей мере наказания за измену родине, или тут какая-то ошибка?

К тому времени в живых оставалась единственная дочь солдата Галина Филипповна, 84 лет, совершенно слепая.

От ее имени, а потом от имени внука (заручившись их согласием) начала делать запросы. Первый ответ пришел из краевого управления Федеральной службы безопасности РФ. Выясняется: наш земляк в 1942 году попал в Ягринлаг Архангельской области, где через 15 дней скончался при невыясненных обстоятельствах. Мы вновь отправили запросы и получили копию подлинного уголовного дела.

Так спустя 69 лет дочь солдата, наконец, узнала – ее отец никогда не изменял родине. Он вообще ни в чем не был виноват. Его погубила пара неосторожных фраз.

На основе архивного дела был написан очерк «Зажгите поминальную свечу солдату».

История семьи Худоновых потрясла многих читателей. Редакция получила немало откликов. Один из них пришел, откуда и ожидать не могли – из Северодвинска. От председателя общества памяти жертв политических репрессий Галины Шавериной. Активисты общества «Совесть» собирали и перезахоранивали косточки узников Ягринлага. На братской могиле поставили памятник с бронзовой плитой, обвитой колючей проволокой. Но на обелиске не было ни единой фамилии. Останки оставались безымянными. Галина Шаверина и ее сподвижники упорно восстанавливали забытые имена узников, писали в архивы, искали родственников.

К 30 октября 2015 года стало известно 75 имен умерших в Ягринлаге политзаключенных. Их выгравировали на мемориальных плитах, которые поставили у братской могилы.

Конечно же, среди них было имя Филиппа Ивановича Худоногова. В Северодвинске посадили именной кедр в память о нашем земляке, его потомков пригласили приехать на открытие мемориальных плит.

Таким же образом – с помощью архивного уголовного дела – удалось выяснить судьбу Ивана Никифоровича Рогужева. И его дочь Ева Ивановна Ворсина (Рогужева), проживающая в поселке Кононово, в 92 года узнала, что отец умер не в 1942 году от болезни, как официально сообщили семье, а расстрелян 30 декабря 1937 года, через 12 дней после ареста.

Его и еще четырех мужиков из глухой деревеньки Усть-Кан забрали 18 декабря 1937 года. Следствие по делу «контрреволюционной группы» шло целых 9 дней. Несчастных колхозников обвинили в том, что они *«систематически вели агитацию против ВКП(б) и Советского правительства, распространяя к/р. Клевету, высказывали террористические намерения в адрес руководи-*

телей ВКП(б) и Советского правительства. Призывали население на вооруженное восстание для свержения Советской власти».

Оказалось, 30 декабря 1937 года в Красноярске казнены не 5, а 14 невинных душ только из одного Сухобузимского района.

Заканчивался страшный год, Красноярскому краю нужно было рапортовать о перевыполнении лимита по уничтожению «врагов народа».

Мне не составило никакого труда передать копии документов дочерей Худоногова и Рогужева в управление социальной защиты населения, ведь справки о реабилитации уже были собраны. Вскоре пожилым женщинам был присвоен статус лиц, пострадавших от политических репрессий, назначена доплата к пенсии, установлены льготы.

Позже еще нескольким землякам я помогла узнать о судьбах пропавших отцов, а детям «врагов народа» – получить статус реабилитированных лиц.

Постепенно стало выясняться, что в районе репрессированы сотни людей. А может быть, больше тысячи. Никто не считал.

Стоило вникнуть поглубже – обнаружилось, что в 1930–1950-х годах район стал местом сбора всякого рода «вредных» и «опасных» для государства элементов.

У нас был полный интернационал: здесь разговаривали на немецком, украинском, калмыцком, польском, румынском, латышском, еврейском, китайском, японском ... и еще не менее чем на 40 языках.

Все осуждены по политическим мотивам – классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам. Как исключение – «указники» и небольшая прослойка лиц, привлеченных к ответственности за незначительные правонарушения.

На территории Сухобузимского района с 1935 года размещалась колония, преобразованная в 1941 году в Миндерлинский совхоз НКВД (позднее подсобное хозяйство УМВД-УМГБ-УКГБ). На отделениях совхоза «Таежный» – подсобного хозяйства Норильского комбината – Норильского ИТЛ – с 1942 года действовал отдельный лагерный пункт, лагерные командировки, а с 1950-го – лаготделение № 25 Норильского ИТЛ, с 1952-го и лаготделение № 26. В них отбывало наказание немало узников, осужденных по 58-й статье.

После войны близ Седельниково, Истока и Борска появились лагеря японских военнопленных.

Сюда же пригнали «власовцев» – красноармейцев, побывавших в немецком плену, и репатриантов – гражданских лиц, в силу разных причин оказавшихся за пределами своей страны. Среди них были как насильно вывезенные в Германию, так и перебежчики.

С 1948 года в ссылку стали прибывать «повторники» – 58-я статья, отсидевшая срок в исправительно-трудовых лагерях.

С 1949 в Шилинке действовало отделение ОТБ-1 – Особого технического бюро, собравшего высокообразованных специалистов из числа заключенных и ссыльных.

В 1950 году в обстановке строжайшей секретности на землях Сухобузимского района начали строить комбинат № 815 – предприятие по наработке оружейного плутония (начинки для атомных бомб). Управлению строительства

железных рудников (так в целях конспирации называли объект 815) на некоторое время передавали дом отдыха «Таежный», часть подсобного хозяйства Норильлага.

Из всех ближайших сел и деревень, отделений совхоза «Таежный» были выселены неблагонадежные лица. Так что ссыльным, спецпоселенцам и спецконтингенту пришлось пережить еще одну, никем не объявленную высылку.

В Сухобузимском районе отбывало ссылку немало известных людей: комбриг Василий Шипов, член Высшей военной инспекции РККА, сотрудник личного секретариата народного комиссара по военным делам Н.И. Подвойского Сергей Баландин, профессор Борис Цомакион, основатель заповедника «Столбы» Александр Яворский, писатели Ян Скрыган и Анатолий Горелов, художник Андрей Галядкин, архитектор Геворг Кочар, синолог Алексей Штукин, директор научно-исследовательского института Вера Ревзина, ученый-агроном, писатель Николай Супруненко, альпинисты Арий Поляков и Владимир Кизель.

Пока не удалось найти полноценные сведения о военнослужащем Василии Шипове, работавшем в ссылке бригадиром и учетчиком животноводства. Рассказывают: перед освобождением он получил большую посылку от жены. А когда пришел в совхоз «Таежный» прощаться, люди так и ахнули. Василий Федорович был одет не в привычную всем телогрейку и кирзовые сапоги, а в мундир высшего командного состава. Никто не подозревал, что скромный учетчик был до ареста командиром 9-й отдельной мотоброневой бригады в Монголии.

Об этом эпизоде мне рассказала бывший бухгалтер Третьего отделения совхоза Лидия Артемьевна Гурова, проживающая ныне в Красноярске.

Народная память сохранила имена родственников известных политиков, военачальников, общественных деятелей, находившихся на поселении в Сухобузимском районе. В их числе младший сын М. Томского Юрий Томский, невестка Г. Зиновьева Берта Левина, племянница маршала М. Тухачевского Марианна Владимировна, вдова известного философа Яна Стэна Валерия Стэн, внучка украинского поэта Ивана Франко Вера Франко, семьи генералов Н. Трубецкого и С. Честохвалова, консула В. Вальтера.

Жители Атаманово рассказали, как летом на полянах дома отдыха «Таежный» команду норильских футболистов тренировал Андрей Старостин.

Но в наших селах и деревнях отбывали наказание и пособники фашистов – участники Организации украинских националистов, Украинской повстанческой армии, «Лесных братьев», полицаи, изменники родины и их семьи, в том числе родные сестры Степана Бандеры.

Как только ссыльных сняли с учета в спецкомендатуре, почти все вернулись домой. Остались единицы.

Чтобы узнать подробности из жизни ссыльных, я записываю воспоминания жителей района, собираю фотографии, ищу потомков репрессированных по всему свету.

Изучаю архивные документы, историческую и краеведческую литературу, ресурсы интернета, веду обширную переписку с архивами, людьми, проживающими в разных регионах страны и за рубежом – в Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Белоруссии, Казахстане, США, Израиле.

Ценными сведениями со мной поделились профессор, доктор медицин-

ских наук Феликс Вартанян (Москва), племянники маршала Тухачевского Мария и Андрей Тухачевские (Москва), профессор Евгений Иешко (Калининград), кандидат технических наук Альберт Шмидт (США), внуки Залмена Фитермана – Лев, Наталья, Ольга (США, Израиль), режиссер, сценарист, продюсер Дзинтра Гека, архитектор Аполония Удре, Арвидс Варпиньш, агроном Эрвинс Нейбургс, Лайма Смурге, Андрис Инсбергс (Латвия), педагог Татьяна Унгурс (Италия), архитектор Куно Рауде и энергетик Индрек Каасик (Эстония).

Некоторые репрессированные, их дети и внуки сами меня находят. Многие материалы этой книги были опубликованы на страницах районной газеты «Сельская жизнь», других изданий, размещены в интернете. Там и обнаруживают потомки репрессированных дорогие им имена.

Больше всего писем получаю из Латвии. По архивным документам мне удалось установить, что в 1940–50 гг. в наши села и деревни было депортировано около 300 латышей, в основном женщины и дети. Однажды по просьбе Аполонии Удре вместе с Виктором Горячевым и Натальей Лазавиковой (Горячевой) в одном из поселков совхоза «Таежный» мы отыскали заброшенную могилу ее бабушки Маргиты Райбарт, умершей в 1944 году.

В 2017–2018 гг. я ездила в Латвию и Эстонию, встречалась там с людьми, отбывавшими ссылку у нас в районе, и их детьми.

Не всегда получается установить связь, получить необходимые сведения. Написала Марианне Неерланд Солейм, автору книги «Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах». Но, видно, письмо ушло в спам...

Мне хотелось обменяться сведениями. Марианне Солейм написала в своей книге, что из Норвегии группу советских военнопленных доставили в пос. Суслонгер Марийской АССР. Именно оттуда, из войсковой части Суслонгера, более 100 человек (не исключено, что намного больше) в ноябре 1945 года были привезены к нам в район. Большинство узников – из описываемых норвежским историком лагерей. После 1952 года большинство «норвежцев» уехало домой. Но кое-кто остался, в районе живут их дети и внуки. В семье Варик до сих пор хранят ремень, подаренный советскому солдату каким-то добросердечным норвежцем.

Работа в архивах совхозов «Таежный» и «Миндерлинский» позволила установить новые имена отбывавших ссылку в Красноярском крае, до меня еще не открытых никем из исследователей. Много среди них незаурядных личностей.

Книга содержит более 200 исторических фотографий. Но они не из опубликованных ранее источников, не из фондов музеев или архивов. Почти все предоставлены потомками репрессированных и земляками – людьми, ныне живущими, или когда-то проживавшими в нашем районе.

Фотографии, а также большинство архивных документов, размещенных в книге, публикуются впервые.

Я не историк, поэтому не ставила задачу написать историю репрессий в Сухобузимском районе, а лишь предприняла попытку открыть малоизвестные, либо совсем неизвестные ее страницы.

Возможно, они будут интересны читателю и полезны исследователям, которые более основательно и профессионально занимаются этой темой.

«Хотелось бы всех поименно назвать»

Хроника людского горя (1920–1956 гг.)

Более 10 лет я занимаюсь поиском уроженцев и жителей Сухобузимского района Красноярского края, ставших жертвами политических репрессий.

Но как у Анны Ахматовой в поэме «Реквием»:

«Хотелось всех поименно назвать,

Да отняли список, и негде узнать...»

Сначала я выбирала имена земляков в «Книге памяти жертв политических репрессий Красноярского края», первый том которой вышел в 2004 году.

Другими источниками информации стали похозяйственные книги сельских Советов Сухобузимского района, книги приказов и другие документы совхоза «Таежный», Миндерлинского совхоза (подхоза) НКВД (МВД-МГБ-КГБ), различные документы Государственного архива Красноярского края, Сухобузимского муниципального архива, интернет-ресурсы, научная и краеведческая литература, газеты, журналы, рассказы жителей района и потомков репрессированных.

Начала составлять список репрессированных земляков. Но вскоре поняла: установить всех – непосильная задача для одного человека.

Мне не удалось изучить весь мартиролог, размещенный на сайте Красноярского «Мемориала». К тому же он постоянно пополняется новыми именами, так как процесс реабилитации продолжается.

Границы Сухобузимского района менялись. В мой список не включены имена уроженцев и жителей населенных пунктов Погорельской, Частоостровской и Еловской волостей, которые в 1924 году вошли в состав Сухобузимского района, а в 1936-м были переданы Емельяновскому району.

Еще раз уточню: список неполный. Но все-таки в данной «Хронике» названа значительная часть пострадавших. По ней видно, каких масштабов достиг сталинский террор в отдельно взятом районе Красноярского края. И район этот типичный, он ничем не отличался от других сельских районов региона.

1920 год

Репрессирован 31 уроженец и житель Сухобузимского района. Расстреляно 5 человек.

Крест на берегу реки

В июне 1918 года советская власть в Енисейской губернии свергнута. 23 июня в Томске создано Временное Сибирское правительство.

18 ноября к власти пришел Колчак. Он провозглашен Верховным правителем России.

В марте 1919 года Колчак ввел в Енисейской губернии военное положение. Начались реквизиции, массовые репрессии и насильственная мобилизация мужчин на фронт.

Осенью 1919 года колчаковские войска стали отступать по всем направлениям. 18 декабря 1919-го – 7 января 1920-го части 5-й Красной Армии Восточного фронта во взаимодействии с партизанами провели Красноярскую операцию. В результате у берегов Енисея окружена и уничтожена большая группировка войск Колчака. Началось их отступление.

После поражения у стен енисейской столицы перед главнокомандующим войсками Восточного фронта В.О. Каппелем стояла задача спасти погибающую армию. Колчак в это время был уже в Иркутске. Чтобы соединиться с ним, а также с Забайкальскими войсками атамана Г.М. Семенова, нужно, во что бы то ни стало, вернуться на Транссибирскую магистраль.

Пока же царила неразбериха, и единого плана отступления не было. Ожесточенные бои разметали войска на отдельные части, между которыми не было связи.

Большинство их, оторвавшись от преследования, направилось в сторону Енисейского тракта и вниз по Енисею.

Так нежданно-негаданно Частоостровская, Погорельская, Сухобузимская, Шилинская, Нахвальская волости Прикрасноярья стали свидетелями отступления белой армии, которое позже назовут Великим Сибирским Ледяным походом. И хотя на их территории не было крупных сражений, а лишь незначительные стычки, глухие села и деревушки вошли в историю Гражданской войны. Никогда еще, за все время своего существования, деревенские улицы не видели такого количества вооруженных людей. По ним прошли тысячи саней и повозок. Исследователи называют разные цифры: 12, 25, 30, 35 тысяч человек. На повозках кроме командиров и бойцов разместились беженцы, семьи некоторых офицеров, в том числе женщины, дети.

Все населенные пункты были разграблены. Колчаковцы отбирали лошадей, фураж, теплую одежду, продукты питания.

Самое же страшное, что случается на любой войне, – это гибель мирных жителей. Кто-то из дружинников, не оценив масштаба сил противника, оказал сопротивление, кто-то погиб в результате случайной стычки.

Белое войско перешло по льду Енисей. На правом берегу Каппель созвал совещание. В результате группа генерала Сукина в Большом Балчуге отделилась от ядра и пошла на Север, чтобы совершить обход по реке Ангаре.

Дивизии во главе с генералом-лейтенантом В.О. Каппелем, ориентируясь по старым переселенческим картам, пошли к городу Канску по реке Кан.

Была теплая зима, и река не замерзла в местах порогов. Случился затор. Движение остановилось. А ночью ударил мороз.

Сколько жертв – замерзших в ледовом плену Кана белогвардейцев – осталось лежать в снегах, неизвестно до сих пор. Как признали позже участники похода: «суровая природа – сильнее нас и страшнее возможных встреч с противником». Каппель отморозил ноги в полынье Кана. В ближайшей деревне Барге врач без наркоза совершил ампутацию простым ножом. Он отрезал почти полностью левую ступню, фаланги пальцев правой ноги пострадавшего.

Через две недели, 26 января 1920 года, Каппель умер от крупозного воспаления лёгких. По другим сведениям – от заражения крови в результате отморожения.

Он скончался на разъезде Утай, около станции Тулун Иркутской губернии, в возрасте 36 лет.

Гроб с генералом почти месяц следовал вместе с войсками. С воинскими почестями полководца захоронили в Кафедральном соборе Александра Невского города Читы. Но позже по какой-то причине прах был перенесён на кладбище Читинского женского монастыря.

К осени стало ясно, что Забайкалье белой армии не удержать. Каппелевцы не могли оставить дорогое им захоронение на поругание и забвение. Разрыли могилу, извлекли останки, залили гроб гипсом. И снова прах генерала следовал с войсками на восток, по пути отступления. Победенная армия пересекла границу России и оказалась в северном Китае.

Русского генерала погребли в Харбине, у стен православной Иверской церкви. В 1955 году китайцы памятник разрушили. Территорию у храма расчистили. Место захоронения, казалось, было потеряно навсегда.

Но в 2006 году могила все-таки была найдена, и останки белого генерала вернулись на родину. По благословлению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II захоронены в Москве, в некрополе Донского монастыря. Рядом с могилами генерала А.И. Деникина и философа И.А. Ильина.

А двумя годами раньше в обезлюдившей деревеньке Подпорог Сухобузимского района, на берегу Кана, организация «Спецстрой» по инициативе генерала Владимира Михайловича Кияева поставила часовню. На стене обители начертано: *«освящена часовня сия в честь и память равноапостольного Великого князя Владимира».*

А вот еще одна табличка с надписью: *«8–10 января 1920 г. здесь проходила 35-тысячная Русская армия под командованием генерал-лейтенанта В.О. Каппеля. Это был Великий Сибирский Ледяной поход, когда русские люди навсегда покинули свою Родину».*

Рядом с часовней поставлен православный крест в память о жертвах Гражданской войны.

Позже в разных местах на Кане появились деревянные, а потом металлические кресты. Но не все люди одобряли почитание воинства Колчака. Первый деревянный крест был сожжен. На его месте появился новый. На одной стороне написано: «Памяти жертв Гражданской войны», на другой – «Главномандующему Русской армией генерал- лейтенанту В.О. Каппелю».

Это была дань уважения белому воинству, не изменившему армейским традициям, своему долгу, как они его понимали.

Между тем на другом берегу Кана более 50 лет стоит памятник, увенчанный красной звездой. На металлическом обелиске выгравирован текст: *«Коштунков Мефодий Петрович. 1902-20-VI. Зверски замучен колчаковцами в годы Гражданской войны 8 января 1920 г.».*

Могли ли люди, открывавшие памятник Мефодию Коштункову, представить себе, что рядом появятся памятники врагам советской власти? Семьдесят лет героями считали только тех, кто шел под красными знаменами.

Наши современники не ищут правых и виноватых, все понимают: была страшная война, брат шел на брата. Время уравнило погибших. И Мефодий Коштун-

ков, и десятки, а может, сотни замерзших в ледовом плену Кана белогвардейцев – жертвы чудовищной бойни. И люди молят об одном: чтобы никогда больше трагедия не повторилась.

В январе 2010 года была юбилейная дата. Великому Сибирскому Ледяному походу исполнилось 90 лет. Группа энтузиастов отправилась на снегоходах по его пути, чтобы почтить память всех погибших. В крещенские морозы они проехали по таежной глуши в общей сложности более 300 километров.

Остановились на безлюдном берегу Кана напротив горы, поросшей лесом. Поставили трёхметровый деревянный крест, зажгли поминальные свечи. Протоиерей Димитрий Смирнов – в ту пору председатель синодального Отдела по взаимодействию с Вооружёнными Силами и правоохранительными органами Московского патриархата отслужил заупокойную литию. В 2006 году московский священник участвовал в поиске останков В.О. Каппеля на территории Китая и в перезахоронении их в Донском монастыре, а теперь прибыл на место, погубившее генерал-лейтенанта.

По окончании молитвы над безмолвными льдами прозвучал трехкратный ружейный залп...

Летом того же года клир собора Михаила Архангела города Железногорска организовал первый крестный ход от Большого Балчуга до деревни Подпорог. После богослужения в большебалчугской Покровской церкви священник Анатолий Кизюн обращается к собравшимся с напутственным словом. Призывает к общей молитве о мире, рассказывает о страшных днях братоубийственной войны, о Ледяном походе.

15 километров паломники с хоругвями, крестами и иконами идут по лесной дороге. В колонне люди разных поколений (от 20 до 60 лет), а среди них подростки и даже дети.

В пути всего один привал. Крестоходцев одолевает мошка и комары. Не помогают ни москитные сетки, ни защитные кремы. Но люди словно не чувствуют этих неудобств, как и физической усталости. Большинство испытывают необычайный душевный подъем. Возносят молитвы в память о погибших, просят у Бога благодати сельчанам, ныне живущим в заброшенных деревнях.

С тех пор крестный ход стал традицией.

Список белых офицеров

Некоторые участники Великого Сибирского Ледяного похода в январе 1920 года остались в наших селах. Одни не могли продолжать путь из-за тяжелой болезни (свиерпствовал тиф), другие простудились, получили серьезные отморожения. Кто-то добровольно сходил с дистанции. Местные крестьянки выхаживали раненых и больных.

Вероятно, большинство белогвардейцев покинуло Сибирь. Но не все. Краевед Виктор Александрович Аференко в своей книге «Эхо Гражданской войны» пишет, что в свое время находил бывших каппелевцев, беседовал с ними.

Называет их имена. По его словам, фельдшер белой армии Яков Моисеевич Гершевич обосновался в Усть-Кане, бывший офицер Николай Иванович Лубя-

нов стал учителем в Михайловке Емельяновского района. Краевед утверждает также, что в 1930–40-х директором Атамановской средней школы работал бывший белый офицер Владимир Акимович Лысенко.

В Государственном архиве Красноярского края мне как-то попали в руки списки белых офицеров, проживавших в Сухобузимском районе в 1924 году. Списки (так и хочется сказать, доносы) составили сельские Советы по требованию волисполкома. Местную власть понудила это сделать краевая.

На обрывках плохой бумаги, где карандашом, где перьевой ручкой, почти все корявым почерком, написано 11 имен.

«Седельниковский сельсовет:

Турский Константин Антонович – штабс-капитан, секретарь с/с.

Усть-Канский сельсовет:

Панов Николай Григорьевич – чин неизвестен, служит в Канском лесничестве, обмеряет лес в тайге.

Н-Николаевский сельсовет:

Колпаков Николай Конезачи? (неразборчиво) – штабс-капитан, учитель Н-Николаевской школы.

Большебалчугский сельсовет:

Сафонов Василий Сергеевич – прапорщик.

Атамановский сельсовет:

Шмидт Александр Карпович – подпоручик, лесничий.

Гришин Иван Петрович – прапорщик, учитель Атамановской школы.

Хлоптуновский сельсовет:

Романов Яков Логинович – прапорщик, учитель Хлоптуновской школы.

Шошкинский сельсовет:

Криволуцкий Иван Викторович – корнет, секретарь с/с.

Ковригинский сельсовет:

Якутович Владимир Казимирович – прапорщик, учитель.

Миндерлинский сельсовет:

Николаев Петр Иванович – военврач, секретарь с/с».¹

Можно предположить: некоторые из этих офицеров – участники Великого Сибирского Ледяного похода. Безусловно, есть в списке и местные уроженцы. Известно точно, что к ним принадлежит Константин Антонович Турский, родной брат Красноярского епископа Александра Антоновича Турского, расстрелянного 26 ноября 1937 года. Оба уроженцы Седельниково. Фамилия Криволуцкий тоже распространена в районе, скорее всего, корнет Иван Викторович Криволуцкий тоже наш земляк. Имя Владимира Казимировича Якутовича я раньше находила в «Памятной книжке Енисейской губернии на 1915 год». В это время он работал учителем в одноклассном начальном училище деревни Ковригино.

В отношении остальных ничего не могу сказать.

Скорее всего, судьбы белых офицеров сложились трагически. Наверное, первое, что сделала власть после получения списков, – уволила бывших воинов царской армии. Их, как тогда выражались, «вычистили» из органов власти, школ, советских учреждений как неблагонадежных. В дальнейшем, особенно в памятном 1937 году, белое офицерство органами НКВД было практически истреблено.

Приговоры ревтрибунала

Как только Красноярск заняли красные, они сразу же восстановили губЧК. Она была наделена правом *«расстреливать на месте контрреволюционеров, шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов, саботажников и прочих паразитов»*.

С конца января 1920 года в Сухобузимской, Шилинской и Нахвальской волостях губЧК начала арестовывать крестьян, участвовавших в вооруженной борьбе против советской власти, состоявших в армии Колчака, либо оказывавших ей содействие. В тюрьму попали десятки сухобузимцев, среди которых были и женщины. По приговорам ревтрибунала часть была расстреляна.

Среди арестованных находились лица, причастные к террору против гражданского населения. К смертной казни был приговорен, например, командир карательного отряда Соколов-Свиридов, обвиненный в истязаниях жителей села Атаманово Сухобузимской волости. Но репрессиям подвергли и крестьян, насильно мобилизованных в колчаковскую армию, не участвовавших ни в каких карательных операциях, не оказывавших помощь колчаковцам. А также и тех, кто не одобрял новую власть.

Казнь Евдокии Куликовой и Ларисы Игнатович

3 февраля 1920 года в Сухобузимском забрали Александра Александровича Долгих (Долгова). 21 марта ревтрибунал за службу в армии Колчака приговорил его к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян.

1 марта 1920 года губЧК взяла под стражу уроженку и жительницу села Атаманово Евдокию Ефимовну Куликову. Через три недели ревтрибунал за службу в армии Колчака приговорил 27-летнюю женщину к высшей мере наказания.

Действительно ли она состояла в белой армии? Невозможно представить, что молодая женщина с оружием в руках участвовала в карательных операциях против мирного населения. Ведь считалось, что именно за такие деяния ЧК казнила людей.

Была ли у нее семья, дети? Неизвестно.

21 марта в селе Малое Нахвальское арестовали Ларису Николаевну Игнатович, 1896 года рождения. 1 апреля в этом же селе забрали Константина Деевича Лисенкова. 28 июля оба были расстреляны.

Пик репрессий пришелся на март–июль 1920 года. В числе первых арестован уроженец и житель Абакшино Михаил Федотович Казаков (дело прекращено за недоказанностью). Отпустили домой не только Казакова, но и многих других, не найдя доказательств «преступления». Часто хватали без разбору, порой единственно за то, что человек обругал советскую власть. Может, для того, чтобы другим неповадно было.

30 марта пришли в дом жителя Атаманово Фирса Витошкина. Суровое обвинение главы семьи в бандитизме. Но уже в мае чекисты прекратили уголовное дело в связи с амнистией.

В апреле арестованы Василий Федорович Ананков (Шила), Василий Василье-

вич Саломатов (Малое Нахвальское), Илья Александрович Семерихин, Петр Савинович Тропин и Петр Леонтьевич Статкевич (Нахвальское), Иван Васильевич Кудрявцев (Сухобузимское), в мае – Иван Иванович Григорьев-Царенко (Миндерла).

В мае в тюрьме оказался и сельский писарь Николай Яковлевич Немов из Шошкино. Там, наверное, встретил односельчанина Петра Григорьевича Темных, которого обвинили в участии в карательном отряде. За недостаточностью улик выпустили. Но в 1937 году расстреляли как «врага народа».

В июне 1920 года в Красноярске арестовали молодую женщину, уроженку маленькой деревеньки Новониколаевки Сухобузимской волости Варвару Емельяновну Макушину. 20-летнюю портниху обвинили «в сокрытии проживания ее мужа под чужой фамилией и сокрытии проживания у них польского офицера». Удивительная формулировка. Знать бы, что за ней скрывается...

Может быть, муж и польский офицер состояли в войсках Каппеля и отстали во время Ледового похода?

Но все подробности скрыты в архивах. Известно лишь, что осудили Варвару на два года. Пробыла в заключении пять месяцев, освобождена по амнистии.

Приговоренных к лишению свободы и содержанию под стражей держали в тюрьме и в лагерях принудительных работ.

25 мая 1920 года в Красноярске создали концлагерь № 1. Заключенных содержали здесь в тяжелых условиях.

Массовые аресты в Сухобузимской, Нахвальской и Шилинской волостях производились и в сентябре 1920 года. В Ковригино чекисты нагрянули сразу в несколько домов местных жителей по фамилии Ковригины. В списках жертв политических репрессий 1920 года Ковригиных четверо – Иван Гаврилович, Павел Алексеевич, Петр Тимофеевич, Семен Степанович. В этой же деревне забрали Семена Фадеевича Седельникова, Владимира Казимировича Якутовича. В Атаманово арестовали Михаила Степановича Тюменцева, чуть раньше – Михаила Евдокимовича Володина.

Здесь же взяли под стражу дворянина, уроженца Санкт-Петербурга Петра Андреевича Гансона, 1893 года рождения. Интересно, как дворянин оказался в глухом сибирском селе? Был сослан из столицы при царе? А может быть, отстал от армии Колчака?

Гансона, обвиненного в антисоветской деятельности, вскоре выпустили. Потом снова арестовали. В конце-концов он попал под амнистию. Дальнейшая судьба неизвестна.

В Миндерле забрали Сидора Ивановича Вангина. Правда, через 12 дней, не найдя подтверждения антисоветской агитации, освободили под подписку о невыезде. В октябре за решеткой оказался житель Сухобузимского Алексей Васильевич Седельников.

В число арестованных попали атамановский купец Митрофан Романюк и его сыновья.

Митрофан Романюк, как и его старшие сыновья Яков и Иван, участники Первой мировой войны, георгиевские кавалеры, был на стороне белого движения. Яков в царской армии за боевые заслуги был награжден именованным оружием. Но

средний сын Дмитрий служил в Красной армии, в гражданскую войну участвовал в штурме Перекопа.

Отца по приговору ЧК расстреляли 21 марта 1920 года, сыновей Якова и Дмитрия приговорили к заключению. Причем, Дмитрия обвинили в содействии отряду белых под командованием Медведева. Братьям удалось избежать расстрела в 1920-х годах. Но в пору «Большого террора» обоих приговорили за контрреволюционную агитацию к высшей мере наказания, расстреляли в июле 1938 года.

Братоубийственная война поставила кровных родственников по разные стороны баррикад не только в этой семье.

Не было героев. Только жертвы

Уроженец Вологодской губернии Александр Афиногенович Мальцев переехал с семьей в Сибирь в 1897 году. Архиереем Енисейской епархии рукоположен в священника и направлен настоятелем Богородице-Казанской церкви в село Иркутское Погорельской волости Красноярского уезда (ныне деревня Иркутская Сухобузимского района). В семье было семеро детей, пять сыновей и две дочери – Петр, Александра, Руфин, Прокопий, Антонин, Елена, Алфей.

Как было заведено в священнических семьях (пять поколений предков Мальцевых были церковнослужителями), дети шли по стопам родителей. Дочери окончили Красноярское женское епархиальное училище, все пятеро сыновей – духовную семинарию или училище. Родители готовили их к пастырской службе. Шестое поколение Мальцевых должно было стать продолжателями династии. Но настали новые времена.

Старший сын Петр, еще будучи семинаристом, увлекся социалистическими идеями. Участвовал в революционном движении в Красноярске. В 1906-м арестован по обвинению в антиправительственной деятельности.

Когда началась гражданская война, сыновья священника оказались по разные стороны баррикад. Антонин мобилизован в Красную Армию, Руфин воевал в армии Колчака. Муж старшей дочери Александры Николай Осипов тоже был белым офицером. Они участвовали в Великом Сибирском Ледяном походе, во время которого Руфин, прапорщик отдельного конного дивизиона Отдельной Добровольческой стрелковой бригады, погиб. Неизвестно, где находится его могила. Возможно, он нашел смерть недалеко от мест, где прошло его детство и юность.

Младшая дочь Елена и её муж, Григорий Бобылев, были партизанами Тасеевской советской республики. Причем Григорий входил в руководство партизанской армии, был членом Канского уездного ревкома.

Не только семья священника Мальцева была вовлечена в братоубийственную гражданскую войну. Общество раскололось. У противоборствующих сторон были разные идеалы. Одни боролись за светлое будущее, где все будут равны, другие – за православную веру, спасение Отчизны. И те и другие отстаивали интересы «своей» России.

Кровопролитная война принесла неисчислимые бедствия для народа. От голо-

да, болезней, террора и в боях погибло (по различным данным) от 8 до 13 млн человек, в том числе около 1 млн бойцов Красной армии. Эмигрировало из страны до 2 млн человек.

Прошло 88 лет. Были переосмыслены события гражданской войны. Теперь многие считают, что в братоубийственной войне не было победителей и не было побежденных. Не было и героев. Только жертвы.

Сын священника Купресо́ва

В 1920 году арестовали уроженца села Нахвальского белого офицера Михаила Федоровича Купресо́ва. Он происходил из священнической семьи. Отец Федор Васильевич Купресо́в окончил Красноярское духовное училище, духовную семинарию в Томске. Около 10 лет возглавлял Казанскую церковь в селе Нахвальском. Пользовался большим уважением прихожан. В 1897 году они обратились к архиепископу с просьбой о разрешении поднести священнику Купресо́ву икону и адрес за девятилетнюю усердную службу его в их приходе. 20 марта 1897 года последовала резолюция Его Преосвященства: *«Консистория разрешит прихожанам села Нахвальского выразить их добрые благодарные чувства своему отцу духовному поднесением иконы и адреса. Копию последнего препроводить в редакцию Епархиальных Ведомостей для напечатания в похвалу благодарным чадам Церкви и в поощрение усердной и безкорыстной пастырской деятельности иереев Енисейской епархии».*²

Федор Васильевич был отмечен многими наградами, в том числе двумя орденами Святой Анны, 2 и 3 ст. С 1907 года, примерно десять лет, был священником (с 1914-го – протоиерей) Всехсвятской церкви города Красноярска.

В 1889 году в селе Нахвальском в семье священника родился сын Михаил. Больше детей не было. Михаил окончил 7 классов гимназии, в 1916 году – Иркутское пехотное училище. Служил в Красноярске в 14-м пехотном полку. В июне 1917-го ушел на фронт. После Октябрьской революции, с июня 1918-го по декабрь 1919-го, служил в армии Колчака, в 4-м Енисейском полку, в чине подпоручика. По некоторым сведениям, в 1918 участвовал в экспедиции по преследованию бежавших с золотым запасом большевиков на пароходе «Енисейск».

Арест в 1920 году не был неожиданностью. Удивительно то, что вскоре Купресо́ва освободили. Тогда он не понес никакого наказания. Но в дальнейшем органы не могли оставить без внимания офицера царской армии непростого происхождения. В 1924 году Михаил Федорович «вычищен» из соваппарата как выходец из социально чуждой среды. В 1933 году – новый арест, обвинение в антисоветской агитации. Снова не сумели найти доказательств, через два с половиной месяца выпустили.

Купресо́в старался держаться в тени. Работал счетоводом в учебно-производственных мастерских общества глухонемых города Красноярска. Когда наступил 1937 год, судьба поповского сына была предрешена. Тогда уже никто не учитывал доказательную базу. Арестанту вменили не только антисоветскую агитацию, но и участие в контрреволюционном заговоре. Приговор тройки УНКВД. Казнь.

Восстания крестьян

С конца мая 1920 года в Сибири действовала принудительная продразверстка. У крестьян под дулами пистолетов изымали не только хлеб, но и масло, мясо, овощи, мед, сырье, которое производилось в их хозяйстве. Реквизиция, а также мобилизация в ряды Красной армии вызвали сопротивление сибиряков, которые лояльно относились к новой власти. По Енисейской губернии прокатилась волна крестьянских восстаний. Кстати, в них участвовали и партизаны, боровшиеся с Колчаком.

Современные исследователи утверждают: «Первыми мятеж подняли крестьяне села Минино, вскоре к ним присоединились жители Сухобузимской, Зелеевской, Шилинской и Погорельской волостей». В некоторых случаях отряды мятежников возглавляли белые офицеры. Кандидат исторических наук Александр Шекшеев в своем труде «Под "Красным колесом". Террор на Енисее в 1920–1922 годах» пишет:

*«Осуществляя репрессивные меры по отношению к бывшим офицерам и заставив их искать спасения в тайге, чекисты обострили обстановку вокруг Красноярска, в волостях Красноярского уезда сформировались офицерские отряды, состоявшие, по слухам, из 400 человек, среди которых якобы находились генерал и два полковника».*³

Отряды мятежников, в советское время их называли бандами, действовали на территории современного Сухобузимского района. Как сообщает краевед Виктор Аференко, одну из них (150 человек) возглавлял участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер Павел Виноградов.

Действовал отряд в Шиле, Шошкино. Банда нападала на ревкомы, убивала коммунистов, чекистов, милиционеров и сторонников новой власти. В Шошкино было убито 5 человек.

По некоторым сведениям, Виноградова вскоре расстреляли сами бандиты, т.к. он запретил убивать и грабить коммунистов и местных жителей. Начальником банды стал Саломатов, который возглавил убийства и грабежи по Енисейскому тракту. В 1921 году совершен налет на село Межово (были убиты председатель сельсовета и участковый милиционер). 12 апреля 1922 г. банда Саломатова прибыла в Еловку, где было убито 20 человек, в их числе участковый милиционер, два коммуниста, инструктор продразверстки. Сожжено два дома.

В декабре 1922 года банда Саломатова была разбита отрядом Крестинского. Саломатов арестован и расстрелян.

Есть информация, что группа сопротивления находилась на правобережье Енисея. Состояли ли в ней отставшие от колонны Каппеля военные – неизвестно.

Без документов невозможно установить достоверность подобных сообщений. Сейчас некоторые историки дают совсем другую оценку тем событиям. Но, к сожалению, достоверным остается факт: в братоубийственном противостоянии гибли люди. На сельском кладбище в Шошкино на братской могиле коммунистов и комсомольцев, погибших в бою с повстанцами, стоит скромный четырехгранный обелиск.

1921 год

Репрессировано 19 уроженцев и жителей Сухобузимского района. Расстреляно 4 человека.

В бандитизме обвинили милиционера и дьякона

В 1921 году преследование действительных и мнимых противников советской власти продолжилось.

В апреле 1921 года в Атаманово арестовали милиционера Ивана Степановича Шатина, 1897 года рождения. Он был обвинен в бандитизме и расстрелян 21 июля .

Вместе с Шатиным взяли под стражу дьякона, уроженца города Казани Александра Михайловича Лисовского, тоже проживающего в Атаманово. Неизвестно, служил ли он в местной церкви. Но был обвинен в бандитизме и расстрелян, как и Шатин, 21 июля 1921 года. Через две недели здесь же, в Атаманово, нагрянули в дом 25-летнего крестьянина Ивана Борисовича Мельникова. За «бандитизм» дали 5 лет. Арестованного 5 апреля Илью Григорьевича Тюменцева выпустили через месяц по амнистии.

В мае арестовали жителя Шошкино Степана Фомича Юсева, но через 15 дней освободили из-под стражи.

8 июня в Шиле арестовали Александра Михайловича Бизова, Павла Григорьевича Зотина и Дмитрия Дмитриевича Якимова. Через месяц Бизова и Якимова приговорили к высшей мере наказания, 21 июля – расстреляли. Участие Зотина в контрреволюционной организации не подтвердилось.

10 июля взяли их односельчанина, заведующего почтовым отделением с. Шила Иннокентия Ивановича Балашева. За контрреволюционную деятельность осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

В марте арестовали уроженца Сухобузимского, красноармейца 45-го запасного полка Петра Владимировича Кристаля. За контрреволюционную деятельность дали два года. В апреле взяли неграмотную домохозяйку, Екатерину Федоровну Кристалю, проживающую в Сухобузимском, вероятно, родственницу Петра Кристаля. Екатерина Федоровна год просидела в тюрьме, прежде чем ее освободили по реабилитирующим обстоятельствам.

В тюрьму угодили Александр Иванович Иванов (Сухобузимское), Василий Григорьевич Бобровский (Шошкино), Федор Матвеевич Лейман (Шила). Житель Шошкино Иван Федорович Темных приговорен к 5 годам концлагерей, в 1930 году раскулачен, в 1937-м – расстрелян. Его односельчанин Филипп Кузьмич Арестов получил 6 месяцев заключения.

Осенью к высшей мере наказания приговорен уроженец Хлоптуново Ефим Федорович Седельников. Расстрел неожиданно заменили на 5 лет заключения. Правда, впоследствии он был раскулачен, в 1937-м расстрелян за якобы антисоветскую агитацию.

Октябрьская амнистия

Почему Ефиму Седельникову вдруг заменили казнь на заключение? Оказывается, 4 ноября 1921 года Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в ознаменование 4-й годовщины власти трудящихся и в связи с окончанием гражданской войны и переходом на мирное строительство принял декрет «Об амнистии».

Расстрельные приговоры во многих случаях заменили заключением сроком на 5 лет. Полностью освободили от ответственности дезертиров гражданской войны, лиц, осужденных за невыполнение продразверстки, политические преступления на сроки до одного года. Многим осужденным тогда сократили сроки. В народе эту амнистию называли октябрьской.

Среди жителей Сухобузимского района, репрессированных в 1920–21 гг., больше всего из Атаманово, Шилы, Шошкино, Ковригино, Нахвальского. Обвинения как под копырку – или служба в армии Колчака, или бандитизм, или антисоветская деятельность.

Набатов собрали жителей

С возвращением власти Советов в 1920 году ревкомы стали принимать постановления о запрещении преподавания Закона Божия в школах: *«т. к. в Советской Республике церковь отделена от государства и потому изучение как Закона Божия, так исповедание религии является частным делом: кому необходимо знание и изучение Закона Божия, то он может это делать вне школы»*.⁴ Из библиотек всех учебных заведений изъяли книги «религиозно-нравственного содержания».

Началась ликвидация церковных учреждений, национализация их собственности. Для этих целей в январе 1920 года при общем подотделе отдела юстиции Енисейского губернского ревкома создается ликвидационное отделение. Его задача – проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Вскоре создаются волостные комиссии. Они начинают описывать церковное имущество, чтобы передать его местной религиозной общине в аренду.

Действия власти вызывали протестные акции.

*«В с. Атаманово для проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства прибыли член волревкома тов. Павлов и делопроизводитель ЗАГСа тов. Устюгов. Крестьяне, узнав о прибытии таковых, набатов собрали всех жителей и не дали изъять из церкви метрические книги. Причем секретарь сельревкома заявил, что население Атаманово почти все нововведения советской власти встречают очень бурно...»*⁵

Это цитата из сводки информационно-инструкторского подотдела управления при Енисейском губернском революционном комитете от 13–14 июля 1920 года. Подписана заведующим отделом управления Банковичем и секретарем Комиссаренко.

В такой же сводке от 22 мая 1920 года сообщалось:

*«Шошкинское с/о в протоколе общего собрания от 6 мая упоминает два явно ненужные постановления: о желательности посещения села Епископом и о жаловании священнику. Это дело частного собрания. Характерно, что, выражая желание провести своими силами епископа, крестьяне отказались доставить на Шилинский агрономический пункт две плахи и одну чурку, мотивируя последнее отсутствием свободного времени».*⁶

Волисполкомы обязали разъяснять населению проводимые реформы. При этом прихожанам объявили: «виновные в неподчинении распоряжениям советской власти будут привлечены к ответственности по всей строгости революционных законов».

А в селениях, не исполняющих приказов губревкома, будет прекращен отпуск вина, свеч, ладана.

1922–1924 гг.

В 1922, 1923, 1924 гг. уроженцы и жители Сухобузимского района не подвергались репрессиям.

После террора Губчека в 1920–21 годах репрессии как будто стихли. Во всяком случае в базе данных Красноярского «Мемориала» я не нашла сведений об арестах сухобузимцев в 1922, 1923, 1924 годах.

1925–1928 гг.

В 1925 году репрессирован 1 человек, в 1926 – 1 человек, в 1927 – 2 человека, в 1928 – 3 человека.

В последующие годы аресты были единичны. В 1925 году в Шилинской волости по обвинению в контрреволюционной деятельности взяли крестьянина Иннокентия Петровича Алексеева. Приговорили к 5 годам лагерей.

На следующий год та же участь постигла жителя Шошкино Петра Михайловича Комина. Судьба этого человека трагична. После освобождения он вернулся домой. Но сразу был лишен избирательных прав, а в 1931-м раскулачен. Его выслали вместе с женой и двумя детьми, а также престарелой матерью на Север. Комин бежал из ссылки в Забайкалье. Через несколько лет, думая, что его уже не ищут, вернулся в Красноярск. Но в 1937 году повторно арестован и тройкой НКВД приговорен к высшей мере наказания.

В 1927 году арестовали уроженца Сухобузимской волости Якова Григорьевича Линникова, но вскоре дело было прекращено без предъявления обвинения.

В Сухобузимском взяли уроженца Уфимской губернии Никифора Васильевича Харитонов. В 1920 году он уже был осужден на 2 года концлагерей. В этот раз его продержали в тюрьме около месяца, после чего дело прекратили. В третий раз Харитонов арестовали в 1937 году. Дали 10 лет ИТЛ.

В 1928 году арестовали Алексея Кузьмича Карепова (Корепова), 1878 года рождения. Вместе с семьей сослали в Игарку.

В 1928 году арестованы и осуждены еще два человека – Алексей Алексеевич Саломатов и Терентий Иванович Тюменцев. Саломатову дали три года. В 1937 году его

расстреляли. В отношении Тюменцева дело прекратили, но в 1930 году раскулачили (отказался вступить в колхоз) и отправили в ссылку.

1929 год

Репрессировано 26 уроженцев и жителей Сухобузимского района.

В Балчуге арестовали священника

8 апреля 1929 года вышло постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», нанесшее новый удар по Церкви.

Некоторые храмы в районе уже не действовали. Вскоре их начали использовать под хозяйственные нужды. Продолжалось преследование священнослужителей, считавшихся проводниками реакционной идеологии.

Они не имели средств к существованию, кроме пожертвований прихожан. Многие были лишены избирательных прав. Преследовались даже те, кто вынужден оставить службу в церкви.

В Государственном архиве Красноярского края среди документов того времени есть заявление бывшего священника Василия Сельского, написанное им 11 января 1926 года и направленное в Сухобузимскую районную избирательную комиссию.

«Нахвальский сельсовет объявил мне, что я на основании ст. 17-й Инструкции о выборах городских и сельских Советов лишен избирательных прав, как бывший священник.

Считая это лишение избирательных прав для себя очень тяжелой мерой, прошу Сухобузимскую районную избирательную комиссию передать настоящее ходатайство о восстановлении меня в избирательных правах в Красноярскую окружную комиссию при окрисполкоме со своим заключением на основании следующих данных:

1. Церковную деятельность я оставил с 1922 года.

2. С 1923 года я состоял в профсоюзах Райземлеса, а потом совработников, членский билет № 7648

3. Был уполномоченным Красноярской районной страховой кампании, мандат № 727.

4. В выборной кампании с 1922 по 1925 годы в списке лишенных избирательных прав по г. Красноярску, как житель его, не значился.

5. В 1925 году я включен в среду крестьян с. Нахвальского, где наравне с другими веду личное трудовое хозяйство. Ни прислуги, ни наемных поденщиков у меня не было, и чужого труда я не эксплуатировал.

Высказанные данные говорят за то, что 17-я статья Инструкции ко мне применена не правильно, а потому прошу Сухобузимскую районную комиссию поддержать мое ходатайство о восстановлении меня в избирательных правах.

Василий Сельский»⁷

Неизвестна судьба бывшего служителя церкви. Часто следующим шагом после лишения классово чуждых элементов избирательных прав был их арест.

Так, 23 декабря 1929 года в Большом Балчуге арестован 45-летний настоятель

Покровской церкви Исидор Германович Козлов. Крестьянин по происхождению, уроженец Могилевской губернии, он попал в Сибирь в числе переселенцев. В Красноярске окончил учительскую семинарию. Стал приходским священником. Его, как и других представителей духовенства, обвинили в контрреволюционной деятельности. Спустя 2 месяца особая тройка ОГПУ приговорила к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован через 60 лет, в 1989 году прокуратурой Красноярского края.

Ликвидация

1929-й при социализме называли Годом великого перелома, подчёркивая успехи в ходе индустриализации и культурном развитии страны. Под таким названием была опубликована статья Сталина. Но в народной памяти этот год связан с семейными трагедиями.

Село только оправилось после гражданской войны. Крестьяне распахивали все новые и новые посевные площади, росло и количество скота на личных подворьях. Наиболее состоятельные приобретали сельхозмашины. Государство не преследовало крестьянина-собственника. Оно даже оказывало поддержку крепким хозяйствам, предоставляя им льготы по сельхозналогу.

К началу 30-х годов значительная часть крестьянства стала на ноги. Появились середняки и даже крепкие хозяева. Сельчане, за исключением бедноты и молодёжи, совершенно не ввязывались в политику, занимаясь привычными хозяйственными делами.

Гром грянул в конце 1929 года, с момента провозглашения политики сплошной коллективизации сельского хозяйства. Руководство страны объявило кампанию по социалистическому переустройству села. На деле она обернулась насильственными хлебозаготовками, сопровождавшимися массовыми арестами и разорением хозяйств.

Крестьян насильно сгоняли в колхозы, отнимая у них имущество. Не желая отдавать нажитое трудом и боясь попасть в число кулаков, люди стали резать скот и сокращать посевы.

На сопротивление деревни государство ответило силой. В конце 1929 года начались массовые репрессии против крестьянства.

Возник лозунг «Уничтожим кулака как класс». Его активно претворяла в жизнь и власть Сухобузимского района. Здесь, как и повсюду, составили списки кулацких хозяйств. Они делились на три категории:

Первая – контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение;

Вторая – наиболее богатые местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом антисоветского актива;

Третья – остальные.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, их дела передавались на рассмотрение «троек».

Раскулаченные крестьяне второй категории, а также семьи кулаков первой катего-

рии выселялись в Игарку, Енисейский район, в другие районы Севера, в соседние области.

Террор стал массовым.

Арестовывали целыми семьями – отца и сына или родных братьев. В Новотроицкой взяли братьев Слесаренко – Макара Федоровича и Алексея Федоровича, братьев Москалевых – Сергея Петровича и Ивана Петровича (5 лет концлагерей). В соседней деревушке Перми арестовали братьев Голобурда – Александра Константиновича и Константина Константиновича, братьев Ефремовых – Павла Андреевича и Василия Андреевича. Младшего брата Василия Андреевича обвинили в терроре, пособничестве иностранному государству и приговорили к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 февраля 1930 года. Его брату повезло больше – 5 лет концлагерей.

В Карымской 17 октября 1929 года был арестован 42-летний Федор Иванович Куликов. Впереди его ждал трагический путь. На сайте Красноярского общества «Мемориал» я нашла пронзительный рассказ о годах лишений его младшего сына Михаила Федоровича Куликова, написанный им в 1996 году⁸.

30 октября 1929 года Федор Куликов осужден к 5 годам заключения. Все его имущество – постройки, дом, скот, сельхозорудия были конфискованы и переданы в колхоз «Свободный труженик». Беременную жену с четырьмя детьми отправили в ссылку в Туруханский край. Семью уже вывезли в Шилу, но там объявили, что ссылка для нее отменена. Куликовы вернулись в родную деревню. А через неделю у Евдокии Викторовны родилась еще одна дочь.

Семья отправилась к месту поселения отца, в Кемеровскую область, поселок Киселевск. Отец работал в шахте крепильщиком, старший сын устроился туда же взрывником. Когда кончился срок ссылки, вся семья (7 человек) вернулась в родной Красноярск. 4 сентября 1937 года Куликова вновь арестовали. Жене сообщили, что муж по ст. 58-10 УК РСФСР осужден на 10 лет и выслан без права переписки. Через несколько дней была арестована старшая дочь. Об их дальнейшей судьбе родные ничего не знали. И только спустя годы стало известно, что 27 ноября 1937 года Федор Иванович Куликов Тройкой УНКВД по Красноярскому краю осужден к высшей мере наказания. Приговор исполнен 2 декабря 1937 года.

В Толстомысово беда обрушилась на работающую зажиточную семью Петраковых. Ивана Ефимовича арестовали за антисоветскую агитацию, дали три года концлагерей. Потом всю его семью выслали на прииск «Вельмо» в Северо-Енисейский район. Чтобы вывезти Петраковых, потребовалось несколько подвод. В ссылку отправлены сын Михаил с женой и тремя детьми от 9 месяцев до 8 лет, сын Николай с двумя детьми и даже свояк с женой и дочерью.

В последующие годы Петраковы так и жили на Севере. В 1938 году сын Ивана Ефимовича Михаил был расстрелян как враг народа в Енисейске.

В село Маковское попала семья Александра Голых (Толстомысово).

1 декабря 1929 года в Новониколаевке арестовали «контрреволюционную группу». В ней якобы состояли Алексей Евтифьевич Ганнушко, Василий Ефимович и Михаил Ефимович Гончаровы (очевидно, родные братья), Пантелей Никитович Прохоров, Василий Петрович Сугоняк, Степан Петрович Конюхов и его сын Иван Сте-

панович. Всего 7 человек. Малограмотные «контрреволюционеры» были посажены в лагеря. Некоторые их родные, например, дети, невестка и семилетняя внучка Степана Конохова высланы за пределы района. Изучая списки, я обратила внимание, что среди репрессированных очень много переселенцев – уроженцев западных губерний России, приехавших в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. Может быть, получив лимит на репрессии, решили начать с чужаков?

Кто попадал под категорию кулаков? Крестьяне, любящие и умеющие работать.

В Государственном архиве Красноярского края мне Григория Прохоровича Догадаева. У него большая семья. Чтобы всех накормить, обушь, одеть, надо немало потрудиться. Поэтому отец с сыновьями сеяли зерновые на 12 гектарах, выращивали скот. У него во дворе стояло четыре рабочих лошади, два жеребенка, четыре доводилось изучать личные карточки кулаков.⁹

Вот карточка жителя Толстомысово коровы, один подросток, две головы мелкого скота. Имелись сельскохозяйственные орудия: сеялка, молотилка, жатка. В карточке записан и дом с надворными постройками. К моменту высылки сам глава кулацкого хозяйства находился под следствием, в изоляторе. В ссылку отправили его жену Прасковью Платоновну, 57 лет, сына Николая, сына Михаила с семьей, женой Валентиной Алексеевной и двумя детьми – восьмилетним Иваном и трехлетней Фаиной.

В Воробино раскулачили 62-летнего Григория Фроловича Журавлева. Отняли добротный дом, трех рабочих лошадей, жеребенка, двух коров, три головы молодняка, 16 голов мелкого скота, сенокосилку, жатку, сепаратор. Запряг Григорий Фролович оставшуюся лошадь, сложили они с супругой Феоктистой Фроловной нехитрые пожитки, посадили пятерых внуков, 1, 2, 5, 6 и 9 лет. В сани сел сын Петр и невестка Дарья. В сопровождении конвоя поехала дружная, работающая семья в неизвестность.

В семье раскулаченного жителя Ковригино Петра Глебовича Ковригина было 10 человек. В списки «врагов народа» он попал, потому что имел 12 гектаров пашни, пять лошадей и пять коров, мелкий скот, молотилку и сепаратор. Все семейство и выслали. Жену Марию Степановну, 72 лет, сына Павла, двух невесток и пятерых внуков, самый младший – годовалого возраста.

Жителя Воробино Михаила Яковлевича Федотова выслали с женой Паликсиньей, четырехлетним сыном Виктором, а также с 75-летним отцом Яковом Федотовичем, братом Алексеем, его женой Лукерьей и их сыном – двухмесячным младенцем Владимиром.

Крепкая семья крестьянина с. Подсопки Василия Константиновича Васильева раскулачена и выслана в Енисейский район.

Однажды в районной библиотеке я рассматривала богато иллюстрированный альбом «Центр земли великой», изданный к 75-летию Красноярского края. И там увидела фотографию добротного крестьянского дома со множеством высоких окон. Подпись гласила: «Обмер дома кулака Васильева в деревне Подсопки Сухобузимской волости. 1929 год.»

Скорее всего на этом снимке жилище того самого Василия Константиновича Васильева. У ворот стоят два мальчика, подросток и взрослый мужчина. Мо-

жет, это и есть «кулак» Васильев с детьми? Или его односельчане? Вдруг кто-то из наших читателей узнает на снимке своих родных?

Хотелось бы узнать историю этой семьи. Известно, что в 1937 году В.К. Васильев проживал в Енисейске, работал плотником в «Дорстрое». Как и все бывшие кулаки, арестован за антисоветскую агитацию. Приговорен к 10 годам ИТЛ.

Лица несовершеннолетние и преклонного возраста

По требованию ОГПУ кулаков третьей категории, не участвовавших в антисоветской деятельности, расселяли на новых участках, расположенных за пределами колхозов. В Сухобузимском районе не нашли ничего лучшего, чем глухомань на правом берегу Енисея.

Работник лесного хозяйства Николай Александрович Деменев бывал в расположении бывших кулацких поселков. Один находился неподалеку от Николаевского прииска. К 1970-м там остались развалины нескольких барачков.

Бывшая жительница прииска Нина Семеновна Таскина рассказывала Деменеву, как зимой в тайгу на санях привезли кулаков. Их выгрузили в глухом, безлюдном месте. Ни дорог, ни населенных пунктов. Только лес вокруг, да снег по пояс. Стояло несколько стожков сена. Зарывшись в них, бедолаги и переночевали. Наутро стали жечь костры, отогревать землю. Топорами рубить лес. Рыть землянки, в которых предстояло жить, пока не поставили бараки.

В такие нечеловеческие условия поселили людей без всякой их вины, только за то, что имели справное хозяйство.

Кулацких поселков было несколько. В документах упоминавшегося мною архивного фонда № 1565 есть сведения о двух. Один из них назывался Белая Гора (Белая Горка, Белогорье), другой – Право-Кузеевский. Где находилась Белая Гора, мне пока выяснить не удалось.

О Право-Кузеевском можно почерпнуть сведения в Информационном докладе начальника Сухобузимского районного административного отделения (РАО) Семёнова от 19 июня 1930 года. Это был ответ на запрос Красноярского окружного административного отдела. Потрясающий документ. Он стоит того, чтобы его привести полностью.

«Поселок место расселения кулаков 3 категории имеет название Право-Кузеевский, расположен в таежной части северной стороны в одном километре от тракта «Переселенческий» и в 24-х километрах от реки Енисей. Поселок расположен в ложбине на склоне горы, окружен таежными горами, в окружности поселка в 3-4 километрах зеленого леса не имеется, за исключением древорастения молодняка, как-то ельника и смеси березняка и осинника и сухостойного кедра. Почва земли, как месторасположения поселка, так и в окружности ило глинистая большей частью покрыта мокрыми кочками. В одном километре от поселка протекает речка имеющая название «Кузеева», впадающая в реку Енисей. Кроме названной речки в 25 метрах в логу протекает ручей, впадающий в речку «Кузееву». Названный ручей является водоемным источником для жителей поселка. Качество воды вполне пригодно для употребления.»

По определению самих жителей поселка имеется возможность производить посев следующих культур как то: ржи, ярицы, ячменя и овса, а при дальнейшей обработке земли возможно посев пшеницы. Для устройства пахотных земель требуется раскорчевка, к чему уже и приступлено, раскорчевано уже свыше 2-х га. Кроме того в текущем году на раскорчеванной пахотной земле произведен пробный посев пшеницы в количестве 0,25 га. Всходы удовлетворительные, но имеется опасение, что ввиду таежной местности посев может замерзнуть. На раскорчеванной земле в поселке имеется огород, засеянный зеленью и...

На месте расположения поселка имеются выстроенные бараки из сухостойного круглого леса, крытые сухостойным накатником. При постройке барачков за неимением моха была употреблена солома. В самих бараках имеются потолки и полы из сухостойного разделанного леса. Бараки расположены на склоне горы в ложбине в три параллельных ряда. Всего барачков 10, с отделениями от 2 до 4 в каждом бараке, всего отделений 33. В каждом отделении имеется по два провета размером 71х38 см с одной входной дверью в каждом отделении. Обогревание барачков производится железными печами. Жилая площадь отделения барачков 4х7 м. В отделениях барачков имеются общие нарты и столы. В настоящее время недостаток в жилой площади не ощущается. Бараки построены в феврале месяце с/з самостоятельно. Воздвигнутых построек жителями поселка не имеется.

Всего заняты в бараках 15 отделений. В каждом отделении имеется от 1 до 4 семей с количеством членов семьи до 8 человек. Кроме вышеуказанных барачков имеется общая пекарня и баня. Хлебопекарня имеет две больших печи и обслуживание вполне достаточно. Приготовление пищи за исключением выпечки хлеба производится в занимаемых отделениях барачков на железных печах. В одном из отделений барака устроен «красный уголок», но последний не оборудован и служит для сбора молодежи в свободное время.

По мере высылки на участок Право-Кузеевский прибывают кулаки, высланные по 3 категории исключительно из пределов Сухобузимского района. Таковых по состоянию на 15 июня с/з находятся как глав семьи, так и их членов семьи 245 человек, что составляет 65 семей. Учет всех высланных кулаков ведет уполномоченный по расселению 3 категории, назначенный Сухобузимским РИКом. Из числа 65 семей, не доставленных на место высылки отдельные члены семьи в к-ве 148 человек в возрасте как то до 14 лет мужского пола 37 чел. женского 39 чел. от 14 до 16 лет мужск. пола 2, женск. пола – 3, от 16 до 18 л. муж 2 чел. женск 4 чел, от 18 до 35 муж. 5 женского – 10 чел. от 35 до 45 муж 3 женск.-6, от 45 до 55 муж. 2 жен 3 чел. И свыше 55 л. муж 12 ч. жен 20 чел.

Вышеприведенные цифры характеризуют из мест выселения лиц большей частью не совершеннолетних и лиц преклонного возраста, – причина не прибытия их на место выселения объясняется тем, что в момент их раскулачивания лица совершеннолетние и преклонного возраста остались на местах у своих родственников. В отношении лиц в возрасте от 16 до 45 лет, то таковые не прибыли в силу того, что в момент раскулачивания их хозяйств часть совершенно отсутствовали в пределах Сухобузимского района, а часть находилась и находится в изоляторе, отбывая меру социальной защиты. И есть случаи нахождения в городе в больнице на излечении.

Меры в отношении их высылки на места выселения принимаются через с/советы. В прилагаемых сведениях о натурфонде, т. е в рубрике «продовольственный» в графах «потребность» и «подлежит ввозу» не заполнено ввиду того, что цифровых данных в райисполкоме не имеется. Но из данных ... уполномоченного по расселению установлено, что запас муки у последних на 15/ VI. с/г имеется на 200 чел. Из расчета по 6 кг на едока на 3 месяца июнь – август. Выдача в настоящее время продпайка производится не всем поселенцам, находящимся в поселке, а исключительно лицам, имеющим острую нужду в продпайке. На почве этого среди поселенцев имеется недовольство... но каких-либо активных выпадов со стороны отдельных лиц и групп не наблюдается. Но в большей части отдельные лица в беседах с таковыми высказываются о неправильности подведения их хозяйств под кулаков, ссылаясь большей частью, что подведены по личным счетам... Можно отметить, что все высланные имеют выжидательную политику, имея надежду на возвращение на прежние места жительства. И поэтому своей инициативы по устройству поселка не проявляют.

Население поселка торговой сетью обслуживается следующим порядком. Уполномоченный по расселению набирает необходимый предмет первой необходимости в лавке Б-Таскинского сельпо, доставляет на поселок, где реализуется за наличный расчет без всяких норм.

По отношению же обслуживания населения медицинско-санитарным обстоит плохо, так как этот поселок прикреплен к Нахвальскому врач участку Сухобузимского района находящемуся в 37 километрах от поселка и кроме того прегражден рекой Енисеем. Больные направляются пешим порядком в Нахвальский врачучасток. Выезд же медицинских работников в поселок не производится.

Эпидемических заболеваний среди жителей поселка не имеется.

Хозяйственных планов преподанных для поселка не имеется и все проводимые хозяйственные мероприятия проводятся уполномоченным по расселению по его усмотрению.

Руководство Райисполкома даваемых уполномоченному в проведении хозяйственных и культурных мероприятий отсутствует.

В весеннюю посевную кампанию с/г силами кулаков на отведенных пашнях под совхоз расположенных в 7 километрах от дер. Б-Таскиной засеяно пшеницы рядовой 42 га, овса 6 га, льна 3 га и картофеля 0,20 га.

Кроме того организована артель из 8 человек по выработке кирпича. Данное производство устроено ручным примитивным способом. Место расположения данного производства находится в одном километре от дер. Б-Таскиной. Означенная артель организована на добровольных началах. Внутреннего распорядка в артели не имеется, управление артелью ведет один из кулаков, сведующий по выработке кирпича. Необходимыми средствами производства артель не обеспечена, программы работ артели не имеется.

К выработке кирпича приступлено с мая месяца с/г. В настоящее время производится выработка кирпича сырца, обжигание еще не начиналось. Выработка кирпича сырца достигает в день до 1000 штук. Твердого порядка реализации выработанного кирпича не имеется. Но имеется предположение, что весь выработанный кирпич будет сдан в судостроительную верфь Комсеверопути, на что предполага-

ется заключить договор. Какая сумма будет выручена от реализации кирпича пока что не известно. А также не установлено, каким путем будет проходить распределение денежных средств, полученных от реализации кирпича.

Начальник Сухобузимского РайАдмотделения Семенов».¹⁰

Катанок - четыре пары, ниток - четыре юрка

Второй поселок назывался Белая Гора.

Работы здесь не было, средств к пропитанию тоже. С наступлением тепла мужчин заставили вручную корчевать пни, чтобы посеять зерновые.

Создали небольшую артель по ручной выделке кирпича.

Ничего путного из этих затей не вышло. Произведенный каторжным трудом кирпич в глубинке сбывать было некуда.

Таяжные места не пригодны для земледелия: постоянная сырость, суглинистая почва, бедный плодородный слой. Даже овощи росли плохо. Кулацкие семьи голодали. Продовольственный паек выдавали выборочно, только остро нуждающимся. Жить в тесном, холодном бараке было невозможно. Выселенцам грозила голодная смерть.

Школы в поселке, разумеется, не было. Ближайшие учебные заведения в Берег-Таскино и Павловщине. Но до них 30–40 км, переправы через Енисей нет.

Отлучаться с места поселения кулаки не имели права.

13 октября 1930 года комендант Право-Кузеевского участка X-в возвращался из Сухобузимского. В нескольких километрах от Берег-Таскино он встретил повозку одного из жителей Белой Горы – уроженца деревни Дубровой Сухобузимского района Антона Прохоровича Лалетина. Вместе с ним на телеге, груженной скарбом, ехали его четверо детей. Комендант приказал кулаку повернуть назад и доставил всех в сельсовет. Там и составил акт о задержании Лалетина, *«который пытался уехать из поселка Белой Горки, с выселки. Собрал свои вещи, подготовился к побегу»*.¹¹

В другом акте, подписанном комендантом, уполномоченным райисполкома и членом Берег-Таскинского сельсовета, более подробно излагаются обстоятельства дела. Представители районной и сельской власти обыскали Лалетина. Нашли 200 рублей денег. Произвели осмотр вещей, описали их перед изъятием.

Какое же имущество было у кулака?

Процитируем опись:

«Новые сапоги Спартак № 26

Новых катанок 4 пары

Старых катанок 4 пары

Новая одна пара женс. ботинок

Старья детские? 5 пар

Старая одна пара сандалий

Ст. 4 юбки женские

Новые женские юбки 3 шт.

Суконной пряжи 8 мотков
Портянной пряжи 4 мотка
Овчинная детская шуба
Черная собачья доха
Постельная принадлежность. Подушек 4 одна перина
Один половик
Одна полка (?) сыромятная...
Масла 1 ½ ф. сала 2 фунта
Новые 4 фуражки 1 шапка
4 полотенца
Суконная мужская гимнастерка»¹²

В списке также значатся: зеркало, брюки мужские, женская тужурка новая, ниток 4 юрка, платков головных 4 штуки, ложек 3 штуки, вилок – 7, сахарница, муки аржаной 3 пуда, пшеничной – 1 пуд.

Лалетина арестовали и увезли в районный отдел милиции, где посадили в камеру. 20 октября его допросил райуполномоченный Красноярского окружного отдела ОГПУ:

«– **Фамилия, имя отчество, возраст?**

– Лалетин Антон Прохорович, 40 лет.

– **Семейное положение?**

– Женат. 6 детей.

– **Образование?**

– Малограмотный.

– **Национальность?**

– Русский.

– **Имущественное положение?**

– Кулак III категории. Выселен. 1 лошадь.

– **Чем занимался до 1917 года?**

– Хлебопашеством. До 1917 г служил в царской армии в качестве рядового. Участвовал в перевороте.

– **Чем занимался с 1917 по 1919 г. включительно?**

– Сельское хозяйство. В белой и красной армии не служил.

– **Чем занимался с 1920 г. по день привлечения к данному следствию?**

– Хлебопашеством.

– **Место службы и занимаемая должность?**

– Право-Кузеевский участок. Работаю в качестве рабочего в кирпичном заводе.

По существу заданных мне вопросов объясняю, что я вел разговор с комендантом участка тов. ... будут или нет у нас учить кулацких детей, который ответил, что не будут, тогда... жена отправилась на Красную Горку (Нахвальное)... договориться с зав школой и пред. коммуны. И 13.10.30г. я собрал 4-х своих детей, положил вещи, принадлежащие детям а также собрал свои вещи, которые на квартире у себя держать нельзя, думаю пусть будут у родни в д. Малой Нахвальной.

Выехавши версты 1 ½ от деревни по направлению к д. Павловщина меня

встретил комендант участка тов... завернул. Подъехавши к с/сов пересмотрел вещи и отдал их под расписку гр-ке д. Б-Таскино Таскиной Акси-
нье а меня арестовал и направил в с. Сухобузимо.

В ближайшиe школы как Б-Таскина и д. Павловишины не отдал учить детей, потому что нет квартиры да к тому и нет знакомых, а в д. М-Нахвальная у меня есть родня жены Соломатова Марфа, которая живет в коммуне одна детей нет, квартира большая. И я решил четырех детей отправить в нахвальную школу, которые в настоящее время уже учатся в школе. Уезжать я куда не собирался. Виновным себя ни в чем не считаю. Больше показать ничего не могу.

Протокол мне зачитан.

С моих слов записано верно в чем и расписываюсь Лалетин.»¹³

К месту ссылки – этапным порядком

Материалы на беглеца отправили в Красноярский оперативный сектор ОГПУ. 4 ноября 1930 года уполномоченный оперсектора изучил дело и вынес постановление:

«Кулака Лалетина Антона Прохоровича, содержавшегося под стражей при Сухобузимском РАО передать в распоряжение последнего для направления к месту ссылки этапным порядком.

Копию сего постановления направить Нач. Сухобузимского РАО для исполнения и Уполномоченному ОГПУ по Сухобузимскому району – для Сведения»¹⁴

Обычно беглецов сажали. В данном случае то ли поверил оперуполномоченный показаниям, или по какой другой причине, но Лалетина не судили, просто вернули на место ссылки.

Побеги были не редкостью. Самые отчаянные, несмотря на угрозу ареста, длительного заключения, а порой и высшей меры наказания, покидали места поселения.

В архивном деле № 617 содержится немало документов о подобных случаях. Вот начальник районного административного отделения объявляет розыск бежавших с Белогорья кулаков, с тем чтобы водворить их на место. Соответствующие бумаги ушли в сельсоветы. В списке 8 человек:

«Янов Варфоломей с. Иркутское

Янова Анастасия, с. Иркутское

Андреев Осип, с. Иркутское

Андреева Любовь, с. Иркутское

Журавский Осип, д. Воробино

Черкашин Михаил, д. Ковригино,

Бандаренко Иван, д. Бодагово,

Башкиров Афанасий, с. Атаманово».¹⁵

В другом архивном документе сообщается о побегах кулаков, высланных из Кекура, которые без разрешения возвращались в родное село. Их арестовывали и вновь водворяли на место высылки. Среди беглецов – кулак Непомнящий. Автор записки сообщает, что *«уже два раза Непомнящего*

отправляли из Кекура, но он снова там оказывается... Между прочим пожар на колхозном гумне, которое раньше принадлежало Непомнящему, был в то время, когда он был в Кекуре. Возможно, это его работа».¹⁶

Этот донос написан в Кекурском сельсовете. Беглеца отвезли в милицию. Житель д. Ковригиной Семен Тарасович Междвинский тоже был арестован и помещен в каталажную камеру Сухобузимского РАО, так как проживал в родной деревне, а не по месту высылки в п. Белая Гора.

В сентябре 1930 года председатель райисполкома обратился к начальнику Сухобузимского РАО:

«По имеющимся сведениям в районе живут кулаки, подлежащие выселению по III категории и ни каких мер к ним не принимается. Пример, в Седельниковском сельсовете живет 4 семьи, которые выселены и по случаю болезни были временно оставлены. Глава семьи живет на Белогорском участке, а семья в деревне.

По имеющимся последним сведениям райуполномоченных таких случаев очень много.

Райисполком предлагает организовать проверку и принять меры немедленно выселению их из района.

*Председатель райисполкома Кононов
Секретарь Михайлов».¹⁷*

Административное отделение требовало от сельсоветов установить местонахождение кулаков.

Подсопочный сельсовет в ответ на такой запрос сообщил, что кулак Алексей Черкашин находится в Красноярске в квартире Евдокима Нестерова, при этом указал примерный адрес. Видимо, вывели подробности у родственников репрессированных односельчан.

Татарский сельсовет информировал, что кулаки третьей категории Семен Афанасьевич, Гермаген Федорович, Иван Ефимович Толстихины, Василий Антонович Кривоуццкий работают в Красноярске, преимущественно в промстрое. Андрон Толстихин, Ефим Буржанов находятся в изоляторе, Лука Борисов – дома.

Так что у «врагов советской власти» было мало шансов скрыться от преследования.

Социалистическое производство нуждалось в бесплатной рабочей силе. Трудоспособных кулаков направляли на самую тяжелую работу – лесосплав, лесоповал в Усть-Кан и Красноярск. Если и платили – то сущие гроши.

В одном таком направлении значатся:

«Горев Иван Васильевич Абакино 19 л.

Горева Сусанна Ивановна Абакино 19 л.

Новоселов Иннокентий Абакино 42 л.

Новоселов Иван Иннокентьевич Абакино 19 л.

Корепов Иван Исаевич Иркутская

Рябченко Василий Степанович Иркутская

Борисов Лука Феофанович д. Татарская 42

Лалетин Виктор Терентьевич с. Нахвальное
Терентьев Михаил с. Нахвальное
Терентьев Антон с. Нахвальное
*Лужников Владимир Васильевич д. Шипулина 30 л.*¹⁸

Однажды получив метку...

... Читатель спросит: как же сложилась дальнейшая судьба Антона Лалетина?

Мне и самой хотелось бы это узнать. Такие сведения нашлись на сайте Красноярского «Мемориала».¹⁹

Оказывается, в 1931 году он проживал в селе Седельниково. Как там оказался – неизвестно. Может быть, направили туда на посевную? Или его и других кулаков все же перевели с Право-Кузеевского поселка, поняв всю бессмысленность содержания людей в лесу, где нет никакого производства. Хотя это вряд ли...

Но на свободе Антону Прохоровичу оставалось жить недолго. Однажды получив метку ОГПУ, человек не уходил из его поля зрения. Рано или поздно становился жертвой карательного органа.

16 апреля 1931 года Лалетин был арестован в Седельниково. Вместе с ним взяли Ивана Николаевича Леонтьева, Захара Игнатьевича Бойкова, Егора Федоровича Прокопьева. Обвинили мужиков в клевете на руководителей сельсовета. Стали раскручивать дело о контрреволюционной группе.

Что-то не срослось, и дело развалилось. Лалетина, Бойкова и Прокопьева выслали в разные районы, а Леонтьев уехал в Красноярск.

Наступил 1937 год, год истребления бывших кулаков. Ивана Николаевича Леонтьева и Захара Игнатьевича Бойкова расстреляли в Красноярске. Через несколько месяцев за антисоветскую агитацию к высшей мере наказания приговорили и Антона Лалетина. Его земной путь закончился в Игарке.

1930 год

Репрессировано 78 уроженцев и жителей Сухобузимского района, расстрелян 1

Как наши земляки оказались в тундре?

Лишенных избирательных прав и раскулаченных по первой категории судили по пунктам 10, 11 58-й статьи, обычно давали 5 лет.

Но уроженцу Атаманово, будущему Герою Советского Союза Александру Михайловичу Корольскому, а также жителю Павловщины Кузьме Семеновичу Мотеву Особая тройка вырешила по 10 лет ИТЛ.

Уроженец Павловщины Лазарь Яковлевич Вейцман, Павел Петрович Ковригин и Петр Павлович Ноздрин из деревни Ковригино осуждены на 5 лет, житель Кекура Тимофей Матвеевич Андреев – на 6 лет.

Кулаков второй категории вместе с домочадцами выслали в отдаленные места. Это были мужчины, преимущественно 40–55 лет, все до единого семейные, большинство – многодетные.

Семья Иосифа Донченко состояла из жены, четверых детей и двух племянников от 6 до 19 лет, семья Михаила Кошчева – из жены и пяти детей, самому младшему – 7 лет.

Житель Малого Балчуга Иван Иванович Осетров поехал в ссылку с 67-летней матерью, женой и тремя детьми, младшей дочери Рае было 7 месяцев.

Павла Кузьмича Легких гнали из родного дома в Игарку вместе с 89-летним отцом Кузьмой Антоновичем, 88-летней матерью Матреной Семеновной, женой Акулиной Константиновной, детьми – Пантелеймоном, Александром, Петром, Ефросиньей, Марией.

Семья кулака Ивана Степановича Ноздрина состояла из 10 человек: отец Степан Михайлович, 75 лет, жена Агафья Ивановна, сыновья Степан, Николай, Михаил, Лазарь, дочери Евдокия, Конкордия, невестка Елизавета.

«Их душам Крайний Север тесен!»

Бедолаг отвозили за 500, 1000 и даже 2000 километров от дома, часто за Полярный Круг, в зону вечной мерзлоты.

Немало наших земляков оказалось в Игарке. Николай Иванович Портнягин (отец Героя Советского Союза Сергея Николаевича Портнягина), Марк Алексеевич и Михаил Алексеевич Зайцевы (Хлопуново), Кирилл Федорович Губанов, Константин Иванович Колпаков (Сухобузимское), Григорий Карпович Крылов (Берег-Таскино), Антон Прохорович Лалетин (Дуброво). Иван Николаевич Мокин, Павел Федорович Семенов, Тимофей Иванович Янисов, Иосиф Владимирович Донченко (Атаманово), Александр Андреевич Толстихин (Шипулино), Гавриил Проккопьевич Ростовых (Большой Балчуг), Иван Савич Сучков (Шила), Антон Перфильевич Терентьев (Нахвальское), Николай Васильевич Шестаков (Кекур).

Здесь, почти в 2000 км от Красноярска, в угрюмой и безлюдной тундре было решено построить крупную лесопромышленную базу. В 1929 году начали возводить порт для экспорта лесных материалов и переработанной древесины.

Где взять рабочую силу?

В 1930 году, как только на Енисее прошел ледоход, на Север пошли баржи с раскулаченными. Потоки ссыльных шли в Игарку из разных районов Приенисейского края – Ачинского, Красноярского и Канского округов. Ссыльных выгрузили в чистом поле. Первым жильем стали землянки. На следующий год пригнали еще большие партии.

Когда поставили бараки, то назывались они ирбейскими, муртинскими, красноярскими, сухобузимскими, новоселовскими, так как высланные земляки крепко держались друг за друга, жили и работали вместе.

Даже в жгучие морозы кулаки строили город, рыбопромышленный комбинат, судоремонтную верфь, электростанции, завод строительных деталей, небольшой химический завод, радиостанцию.

Сухобузимцы работали в том числе и в «Северострое» – Управлении Северо-Енисейским строительством Северо-Сибирского государственного акционерного общества «Комсеверопуть».

Часто говорят, что Игарка построена на костях. Старики и малые дети не могли выдержать субарктического климата, немалое их число погибло на чужбине. Поэт Лука Зырянов написал пронзительные строки:

*Весь город пилит, возит лес,
Звенят отточенные пилы.
Народ простужен, жалок весь,
И вид у города унылый!
И чахлый лес возле реки,
Возле бараков грязь и плесень.
Гробы строгали кулаки:
Их душам Крайний Север тесен!
Всё больше детские гробы...
Под корень бедных высекала
Идея классовая борьбы.*

Лесоповал, шахты и прииски

Уроженца Сухобузимской волости Михаила Афанасьевича Осетрова с семьей выслали на факторию Кислокан Илимпейского района, Алексея Яковлевича Федотова (Воробино) – в Курейку, Семена Ефимовича Толстихина (Шипулино) на Усть-Курейский графитный рудник, Трофима Ивановича Романова (Шошкино) в поселок Тура Эвенкийского округа, Андрея Григорьевича Шалыгина (Шила) – в Верхнюю Кежму.

С 1925 года возобновилась добыча золота на приисках. Потребовались сильные мужские руки. Осваивать новую специальность бросили кулаков. Миндерлинец Егор Петрович Мукин с женой, пятью детьми оказался в поселке Новая Еруда Северо-Енисейского района. По переписи 1926 года в этом зимовье проживало всего четыре мужчины и одна женщина. Условия для жизни крайне тяжелые. Там Мукины похоронили младшего сына Сашу, 3 лет.

Сергея Николаевича Машталерова (Ковригино) водворили на прииск Михайловский, Николая Степановича Никитюка (Атаманово), Михаила Ивановича Петракова (Толстомысово) – на прииск Новомихайловский Северо-Енисейского района. Наравне с мужчинами вручную заготавливали топливо для драг и женщины.

50-летнего жителя Карымской Семена Яковлевича Криволицкого выслали с семьей в с. Маклаково Енисейского района. Семья немалая: 65-летняя мать Анастасия, жена Марфа, пять дочерей - Валя (2 года), Нина (3 года), Рая (5 лет), Аня (9 лет), Анисья (18 лет). Не выдержав испытаний, Семен Яковлевич скончался на пути в ссылку. Что стало с его семьей – неизвестно.

В феврале 1930 года сотни обозов с кулаками конвоировали на реку Кеть, в село Маковское Енисейского района. По дороге погибали малые дети и старики. В старинном селе кого распихали по избам местных жителей, кого в холодные,

наспех построенные бараки. Часть осталась под открытым небом, начала делать шалаши.

Среди поселенцев были и наши земляки – высотинец Афанасий Разумеевич Разманов с женой и четырьмя детьми, иркутянин Яков Никитич Янов с женой, четырьмя дочерьми и внучкой, Анатолий Федорович Черных из Подсопок с женой и шестью дочерьми, Иван Михайлович Шахматов из Кекура и трое его сыновей.

Жителей Сухобузимского района угнали также в соседние регионы. Физически крепких мужчин-кулаков направляли на угольные шахты Иркутской области. Они работали под землёй, добывая уголь, валили строевой лес.

Николай Захарович Пальчиков (Хлоптуново), Павел Алексеевич Халявин (Сухобузимское), Николай Силантьевич Шестаков (Шестаково) оказались с семьями в г. Черемхово.

В Иркутскую область сослали Гаврилу Тимофеевича Цулыгина из Князевки, Александра Николаевича и Георгия Николаевича Черкашиных, Спиридона Ефимовича Лалетина из Дуброво, Ксенофонта Игнатьевича Литвякова из Абакшино.

Иннокентия Новоселова из Абакшино сначала сослали в Читинскую область, потом водворили в г. Черемхово. Большая семья Лопатиных из деревни Ишимы тоже не по доброй воле сменила место жительства. Главу Ивана Прокопьевича отправили по этапу с женой Василисой Васильевной, сыном Яковом, невесткой Дарьей в Забайкалье. Внуки родились в ссылке.

Большинство кулаков попали в отдаленные районы. Но были и исключения в этом правиле. Некоторые семьи сослали на кулацкие участки в Большемуртинский район, а также в Красноярск – на деревообделочный комбинат и лесозаводы, куда уже пригнали ссыльных с Украины и Забайкалья.

В 1933, 1936–1938 гг. некоторых наших земляков вывезли из Игарки в Красноярск, в том числе детей, чьи родители погибли на Севере.

Самые смелые бежали их ссылки (Петр Григорьевич и Федор Федорович Размановы (Высотино), Иван Филиппович Терещенко (Шила), Александр Власович Тюменцев (Атаманово), Силантий Васильевич Шестаков. Беглецов ловили, сажали в лагерь или снова водворяли на место поселения.

В 1937–38 гг. многих кулаков расстреляли. Некоторые наши земляки были освобождены из ссылки в конце 1930-х.

В годы войны дети кулаков, годные к военной службе, были призваны на фронт. Большинство проявили беспримерное мужество и героизм. Если вы начнете изучать списки фронтовиков Игарки, Северо-Енисейского, Удере́йского, Енисейского и других районов, то обнаружите в них немало уроженцев Сухобузимского района. В том числе Героя Советского Союза Федора Петровича Тюменцева, которого в детстве сослали с родителями в Удере́йский район из деревни Шошкино.²⁰

Колосья в колючей проволоке

В 2005 году у вокзала города Черемхово Иркутской области открыли необыч-

ный памятник из черного зернистого камня лабрадорита, напоминающий кусок угля. На отшлифованной грани вырезаны колосья, перевитые колючей проволокой, сверху – серп. На камне выбита надпись: «В память о раскулаченных крестьянах и спецпереселенцах, великих тружениках и защитниках Отечества». Кажется, это единственный в России мемориал в память о раскулаченных в годы советской власти крестьянах...

1931 год

Жертвами террора стало 52 человека.

Крестьян арестовывали, предъявляли им по несколько пунктов 58-й статьи. Но справедливости ради, надо сказать, что в основном, продержав несколько месяцев в изоляторе, принимали решение о высылке неблагонадежных в отдаленные местности.

Но некоторые получили реальные сроки заключения. В их числе уроженец Павловщины, еврей по национальности, Лазарь Яковлевич Вейцман. Сначала он был раскулачен по 3-категории. Проживал на участке «Скобелевский» Большемуртинского района. В мае 1931 года особой тройкой ОГПУ осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

Были раскулачены и выселены Никита Григорьевич Скобелин, Сергей Фалалеевич Иванов, Василий Степанович Рябченко, Федор Степанович Симаков, Василий Никитич Лященко и десятки других крестьян.

1932 год

Репрессировано 13 человек.

Уроженец Берег-Таскино Василий Петрович Кочергин служил на станции Раздольной Хабаровского края. В сентябре 1932 года красноармеец арестован и за антисоветскую агитацию приговорен с 3 годам условно.

9 декабря 1932 года арестован председатель правления колхоза «Красная нива», уроженец д. Берег-Бузим Георгий Николаевич Володькин. Обвинен по ст. 58-8 УК РСФСР – совершение террористических актов против представителей Советской власти. Через пять дней (!) Восточно-Сибирским крайсудом приговорен к высшей мере наказания. Впоследствии статья была переквалифицирована, расстрел заменен на 5 лет ИТЛ.

Его земляк Марк Софронович Дьяков, рабочий колхоза «Красная нива» осужден на 8 лет ИТЛ.

Уроженец Седельниково Михаил Федотович Краснобровкин в 1932 году осужден на 6 лет ИТЛ. После освобождения работал в зерносовхозе «Таежный». Имел 5 детей. В 1937 арестован вновь, обвинен в контрреволюционной деятельности в составе подрывной группы. Осужден на 10 лет ИТЛ.

1933 год

Репрессировано 20 человек.

1 октября 1933 года арестован уроженец села Седельниково Петр Андреевич

Климовский, в то время священник Кускунской церкви. 2 января 1934 года тройкой ОГПУ за антисоветскую агитацию осужден на 3 года высылки.

5 ноября 1933 года арестован товаровед Сухобузимского райпотребсоюза Александр Федорович Яновский. Обвинен в антисоветской агитации, контрреволюционном саботаже. Осужден тройкой ОГПУ на 3 года ИТЛ.

Дело Зотина Ф.Я.

9 октября 1933 года стало черным днем для 10 семей с. Шилы. В один и тот же день было арестовано 10 мужчин. Доблестные сотрудники ОГПУ вскрыли «контрреволюционную организацию». Впоследствии сфабрикованное дело называлось делом Зотина Ф.Я.

«Контрреволюционеры» были либо совсем неграмотны, либо малограмотны. Почти все – рядовые колхозники или рабочие недавно созданного совхоза «Красноярц». Лишь трое из них были при должностях. Еремей Темных возглавлял сельсовет, Тимофей Трапезников – завхоз в школе. Иван Бычков – счетовод сельсовета.

Все мужчины, что называется, в расцвете сил. Очевидно, у всех к тому времени были семьи, росли дети.

Самому старшему Тимофею Ивановичу Балдашину было 59 лет. Он работал мельником в колхозе «Путь Ленина». Плотнику «Союззолото» Егору Павловичу Чупрову 51 год. Счетоводу Шилинского сельсовета Ивану Ивановичу Бычкову и пастуху колхоза «Путь Ленина» Михаилу Ивановичу Трапезникову по 42 года. Бычков – единственный из арестованных был приезжим, уроженцем с. Богдановки Самарской губернии. Все остальные родились и выросли в Шиле.

Возчику колхоза «Путь Ленина» Иннокентию Лаврентьевичу Темных был 41 год, колхознику Егору Степановичу Комину – 39 лет, председателю Шилинского сельсовета Еремею Степановичу Темных – 32, возчику совхоза «Красноярц» Ивану Никифоровичу Малофееву и завхозу школы Тимофею Павловичу Трапезникову – по 28 лет. Самому молодому и самому главному обвиняемому Федору Яковлевичу Зотину – 27 лет. Он работал полеводом в зерносовхозе «Красноярц».

Все 10 мужчин были признаны виновными в контрреволюционной деятельности. 2 января 1934 года тройка ОГПУ вынесла девяти фигурантам дела одинаковый приговор – 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Меньший срок был дан Тимофею Балдашину – 5 лет ИТЛ.

В один лагерь они попали или в разные – неизвестно. Известно лишь, что Михаила Ивановича Трапезникова в апреле 1934 года из Красноярской тюрьмы отправили в Амурскую область. 2 августа на четвертом лаготделении в Сковородинском отделении Бамлага он погиб.

Не менее трагично сложилась дальнейшая судьба Егора Павловича Чупрова. Приговор (10 лет лагерей) 13 января 1935 года тройкой ОГПУ был заменен ссылкой на 8 лет. Он работал в ту пору подеревщиком в совхозе «Падь» Бартацкого сельсовета Большемуртинского района.

11 июля 1937 года был арестован по делу Петкевича П.М. (8 человек). Через

три месяца и 10 дней (21 ноября 1937 года) приговорен тройкой НКВД к высшей мере наказания и в этот же день расстрелян.

1934 год

Репрессировано 3 человека.

Власть уже расправилась с «кулаками». Наиболее работающие семьи высланы. Остальным крестьянам ничего не оставалось, как идти в колхозы. Но в новых хозяйствах никак не могли наладить производство. Обобщественный скот погибал (начались эпидемии), земля не давала добрых урожаев. Во всем обвиняли «вредителей». К их числу относили людей, которые никаких преступлений не совершали, просто не приветствовали коллективизацию.

7 января тройкой ОГПУ за антисоветскую агитацию на 5 лет ссылки осужден уроженец Могилевской губернии житель Усть-Кана единоличник Дмитрий Терентьевич Новоселов. Еще не закончился срок ссылки, как вновь был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Енисейске 25 мая 1938 года.

В 1934 году раскулачен житель с. Сухобузимского Иван Васильевич Черкашин. Выслан в Игарку вместе с 82-летней матерью, женой и восемью детьми, самая младшая Тамара была младенцем.

1935 год

Репрессировано 3 человека.

Это уроженец Хлоптуново Тихон Ефимович Замараев, тракторист пункта «Заготзерно» в Атаманово Павел Васильевич Ксенофонтов, уроженец Шестаково Иннокентий Андреевич Шабович.

***

В пяти километрах от Миндерлы в апреле 1935 года была организована Миндерлинская колония отдела мест заключения УНКВД по Красноярскому краю. В колонии отбывали срок многие раскулаченные крестьяне. В 1941 году преобразована в Миндерлинский совхоз НКВД.

***

Совхоз «Таежный» вошел в систему НКВД

1936 год

Репрессировано 6 человек.

М.И. Седельников, А.С. Якимов, И.Е. Катков, М.Ф. Мельников, А.С. Болев (Болеев). А.И. Гаврилова. Уроженка Шошкино Анна Ильинична Гаврилова была арестована в январе 1936 года по подозрению в антисоветской деятельности. Но в апреле по постановлению помощника прокурора освобождена.

1937 год

Репрессировано 132 уроженца и жителя Сухобузимского района. Расстреляно 70 человек.

Большой террор

28 июня 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) признало *«необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков»*. 2 июля 1937 года приняло постановление «Об антисоветских элементах». Этим документом дан старт созданию троек при региональных управлениях НКВД.

30 июля 1937 года нарком внутренних дел Николай Ежов подписал приказ № 00447, предусматривавший меры по репрессированию "бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов". В стране начались массовые аресты крестьян, священников, бывших дворян, а также людей, заподозренных в связях с белым движением или оппозиционными политическими партиями.

Но аресты уроженцев и жителей Сухобузимского района уже шли полным ходом.

20 апреля арестован уроженец и житель с. Сухобузимского Капитон Иванович Караськов, 1912 года рождения. Красноармеец 3-й батареи 94-го арtpолка, дислоцировавшегося в г. Красноярске, обвинен в контрреволюционной агитации по ст. 58-10 УК РСФСР. 7 июля осужден Военным трибуналом на 6 лет тюремного заключения и 3 года лишения политических прав.

7 июля взяли 49-летнего Алексея Назаровича Куянова, уроженца д. Воробино. В 30-х годах он лишен избирательных прав, раскулачен, выслан. Но из ссылки бежал. Проживал в Красноярске. В семье трое детей. Работал в транспортном отделе парoxодства, перевозил грузы на своей лошади. Тройкой УНКВД приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 06.10.1937.

7 июля 1937 года еще одной жертвой стал конюх Первого отделения совхоза «Таежный» 56-летний Ларион (Илларион) Емельянович Лукин. Его признали виновным в контрреволюционной агитации. Ларион Емельянович тоже был в свое время раскулачен. 30 октября его приговорили к высшей мере наказания, на следующий день расстреляли

8 июля задержан тракторист Миндерлинской МТС уроженец и житель д. Толстомысово Егор Матвеевич Кузнецов. Содержался в Красноярской тюрьме. За антисоветскую агитацию приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 30.11.1937 в г. Красноярске.

Через 2 дня, 9 июля, арестован уроженец Шилы Иван Филиппович Терещенко. В 1930 раскулачен, лишен избирательных прав. От ссылки скрылся. Работал пильщиком на мясокомбинате в Красноярске. Расстрелян 7 октября 1937 года.

Извращение речи Сталина

Репрессиям были подвергнуты многие партийные, советские и хозяйственные

руководители. Исключены из партии, сняты с работы секретари РК ВКП(б), директора совхоза «Таежный», Павловского затона, Миндерлинской и Красногорской МТС, начальники политотделов, специалисты.

Еще 18 января 1937 года в Сухобузимском арестованы заведующий районной школой Иван Макарович Козлов и заведующий райздравотделом Леонтий Ануфриевич Рубцов. В 1936 году за «извращение речи т. Сталина» Козлову, имеющему высшее партийное образование, объявлен выговор. Сейчас же Козлова и Рубцова обвинили в контрреволюционной агитации. А поскольку Большой террор еще не начался, спецколлегия Красноярского краевого суда дала «детский» срок - 5 лет ИТЛ.

На сайте Красноярского общества «Мемориал» есть информация, что в 1937 году арестованы директор совхоза «Таежный» Пискунов, технический директор Плотников, начальник политотдела Т.И. Гавриш, начальник ЦРМ М.Б. Зицер. К сожалению, никакими другими сведениями о них не располагаю.

«Таежный» в ту пору был подсобным хозяйством ГУСМП.

На сайте Красноярского «Мемориала» размещена «Справка на бывшего начальника Игарского Политотдела СМЕРНОВА. А.С. и ПЕТРОВА, бывшего Начальника С/Х Отдела Теруправл. ГУСМП» от 26.04.1938 года, подписанная сотрудником УНКВД Красноярского края младшим лейтенантом госбезопасности Потаповым. В ней утверждается:

«ПЕТРОВ – Начальник Сельско-хозяйственного отдела Теруправления ГУСМП, по имеющимся у нас материалам характеризуется как антисоветская личность, который среди работников ГУСМП распространял антисоветскую агитацию, заявлял “раньше у помещиков работали с хлебом без всякого приварка, а производительность была выше, хорошо кормить это создать у рабочих лень”. Также высказывал свое мнение в защиту троцкистской банды, действовавшей в Совхозе “Таежный”, которая принесла убыток государству в 4,5 миллиона рублей; и заявлял рабочим “людей из Совхоза посадили ни за что, они не троцкисты”».²¹

«Банда» Бойкова

С началом Большого террора и вовсе наступили страшные времена.

Даже в таком маленьком районе, как Сухобузимский, почти каждую неделю разоблачали «врагов народа». Главной мишенью стали кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания. По требованию вышестоящих органов сотрудники районного отдела НКВД вскрыли несколько «повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формирований».

Повторно возбуждали уголовные дела против раскулаченных, членов семей священнослужителей, купцов, лиц, служивших ранее в армии Колчака.

Надо ли говорить, что никакой троцкистской банды в совхозе «Таежный» не было. Как не было контрреволюционеров, террористов, вредителей, антисоветских агитаторов в колхозах, артелях, учреждениях и леспромхозах.

Люди работали с утра до ночи: растили хлеб, занимались подсобным хозяйством. Никакого отношения к политике не имели. Да и не могли иметь. Заботы

были другие: прокормить семьи, вырастить детей, дать им специальность. К ни в чем не повинным людям, обычно под покровом ночи, приходили с обшском вооруженные сотрудники НКВД, уводили отцов семейств с собой. Других «изымали» прямо на рабочем месте.

...Осенью в поле и на токах даже ночью не стихала работа. Полеводы торопились убрать зерновые.

Дмитрий Кузьмич Симашкин в совхозе «Тасжнй» был занят на обмолоте зерновых. Ничто не предвещало беды.

Внезапный арест. Абсурдное обвинение в контрреволюционной деятельности. Стремительно разворачивающееся следствие. Через три недели – смертный приговор. 36-летний мужчина ничего не успел понять, как его поставили к стенке.

Как потом оказалось, следователи включили рабочего Симашкина в «повстанческую группу» Захара Игнатьевича Бойкова, уроженца Седельниково, раскулаченного в 30-х годах и отправленного в ссылку. И ничего, что главарь «повстанцев» жил в другом районе (Емельяновском), работал пастухом в артели «Красная Сибирь» Вознесенского сельсовета. По легенде следователей, в банду он сумел вовлечь еще 10 человек. В том числе своего родного сына Александра Захаровича, столяра ДОКа, проживающего в трудовом поселке Базаиха. Из 11 членов группы 5 жили и работали в Красноярске. Петр Осипович Журавский и Иван Николаевич Зайцев занимались частным извозом, Николай Тимофеевич Желтовский – рабочий базы «Консоюз», Иван Николаевич Леонтьев – прокатчик лесозавода. Двое – Степан Григорьевич Седельников, Михаил Васильевич Лозицкий – работали в седельниковском колхозе «Искра». Павел Евгеньевич Максимов служил десятником дорожного строительства, Константин Александрович Макаров – агентом по заготовке кожсырья в с. Сухобузимском. 10 человек из 11, проходивших по делу З.И. Бойкова, уроженцы села Седельниково. Одни в период коллективизации раскулачены, другие, спасаясь от неминуемой ссылки, перебрались в Красноярск. Но это не убергло от расправы.

Дело о «повстанцах» было состряпано в Сухобузимском отделе НКВД. Дочь Ивана Николаевича Леонтьева Анна Ивановна вспоминала:

«20.08.37 г., в пять вечера, за Иваном Николаевичем пришли двое в чёрном и сразу объявили: «Вы арестованы!» ...Они перевернули в квартире все вещи, но забрали только письма и увели Ивана Николаевича в тюрьму. Передачи в тюрьме не принимали».

Анна Ивановна называла фамилии уполномоченного Красноярского УГБ и сотрудника Сухобузимского райотдела НКВД. *(Ее воспоминания тоже размещены на сайте Красноярского общества «Мемориал»).*²²

27 ноября состоялось заседание тройки УНКВД. 30 ноября Дмитрий Симашкин и еще шесть «повстанцев» были расстреляны, четверо приговорены к 10 годам заключения.

Для счета – маловато

Одного за другим взяли девять уроженцев Высотино Размановых (Розмановых).

Несколько семей трудолюбивых крестьян Размановых в 1930 году раскулачили и сослали на Север. После ссылки большинство не вернулось в родную деревню, укрепились на разных производствах – в «Дорстрое», на кирпичном заводе, в кооперативе города Красноярска, совхозе «Таежный».

Первого из Размановых – Василия Гавриловича – взяли еще в 1936-м, осудили на 6 лет ИТЛ.

В 1937-м арестовали шестерых Размановых, в следующем году – еще двоих. Александра Федоровича, Федора Федоровича, Ивана Васильевича расстреляли 1 ноября 1937 года, Максима Павловича – через три дня, 4 ноября. Петра Федоровича и Ивана Гавриловича расстреляли 9 августа 1938 года.

Егору Александровичу, Петру Григорьевичу дали 8 и 10 лет ИТЛ.

Размановых обвиняли не просто в антисоветской агитации, но и участии в контрреволюционной повстанческой группе.

Их записали в «банду» уроженца Высотино Ивана Назаровича Достовалова, которого в 1930 году раскулачили и сослали в Игарку. Достовалов из ссылки бежал и вернулся в родные края. Устроился в артель, которая вела строительные работы на Енисейском тракте.

Расстрелять бывшего кулака в одиночку – для счета маловато. «Паровозом» к нему присоединили еще 9 человек. Итогом следствия стал приговор: Ивану Достовалову, Ивану, Федору, Александру Размановым – высшая мера наказания. Остальным повезло: 10 лет ИТЛ.

Егор Александрович Разманов стал жертвой другой вымышленной повстанческой группы. Четыре месяца он томился в застенках Красноярской тюрьмы, пока не взяли его «сообщников».

В тюрьме оказались и счетовод совхоза «Таежный» Фома Иосифович Петрович, и слесарь Константин Осипович Назаров.

Как Егор Разманов, Фома Петрович и Константин Назаров угодили в одну контрреволюционную повстанческую группу – непонятно.

«Организатором» назначили бухгалтера крайсоюза финбанковских работников Николая Петровича Захлыстина.

По каким признакам подбирали «подельников»? Среди них уроженцы Седельниково, Высотино, Кекура, Хлоптуново, Нахвальского. Фома Петрович родом из Гродненской губернии, Семен Токарев из Оренбургской, Николай Захлыстин – уроженец Красноярска.

Судили группу 7 декабря. Константина Осиповича Назарова приговорили к высшей мере наказания, других отправили в исправительно-трудовые лагеря, кого на 8, кого на 10 лет.

Дело художника Рахлецкого

Заведующего нефтебазой совхоза «Таежный» Алексея Алексеевича Ермолаева каким-то невероятным образом «привязали» к делу художника, преподавателя педагогического и лесотехнического институтов, автора книги по геометрическому черчению и начертательной геометрии Алексея Алексеевича Рахлецкого. По нему проходило 43 человека. Следователи объединили в придуманную ими

же повстанческую группу десятки совершенно разных людей. В их число попали известные, прекрасно образованные, талантливые представители интеллигенции и простые рабочие.

Чекисты «установили», что большая контрреволюционная организация занималась на территории края созданием диверсионных групп, секторов, ячеек.

Ермолаева, как и других, обвинили в контрреволюционном заговоре. Дома остались убитая горем жена и трое детей.

Саботажники

«Сухобузим, 22 сентября (КРАСТАСС). В колхозах, обслуживаемых Красногорской МТС, имеется 12 сложных молотилок, 4 комбайна, 11 автомашин, не считая простых молотилок и живой тягловой силы. Ежедневно можно намолочивать не менее трех тысяч центнеров зерна. На деле же молотилки не работают, крытых токов в колхозах нет, скирдование хлеба не производится.

Руководители колхозов «Борьба» и «Красные горки» стали на путь саботажа молотья и хлебосдачи под предлогом, что в первую очередь надо убрать хлеб. Однако хлеб не убирается (скошено только с половины площади). Также и колхозы «Большевик» и «Сельхозработчий» к хлебосдаче еще не приступили. Умышленно затягивают уборку и хлебосдачу колхозы: «9 января», «Путь Ильича» и другие.

За последние четыре пятидневки ни от одного из колхозов не поступает натуроплата за работы МТС. Дирекция МТС только 12 сентября удосужилась начислить натуроплату и разослать счета колхозам. Автомашин МТС используются на других работах, но только не на отгрузке хлеба. Дирекция Красногорской МТС не является подлинным организатором работы на косовице, скирдовании, молотье урожая и хлебосдаче.

В результате полной безответственности, плохого обслуживания этой МТС, колхозы убрали 55 процентов площади и выполнили лишь 55 проц. годового плана хлебопоставок государству. А Сухобузимский райком партии и райисполком покровительствуют саботажникам из Красногорской МТС».

Газета «Красноярский рабочий», 24.09.1937.²³

Расстрелы начались в августе

Расстрелы жителей и уроженцев Сухобузимского района начались в августе 1937-го. Первым 23 августа 1937 года уничтожен уроженец Атаманово, матрос пакгауза в тресте «Енисейзолото» Степан Федорович Ваганов. Он был обвинен в диверсии. В тюрьме пробыл всего 33 дня. В такой ничтожно короткий срок было проведено следствие. Приговор вынесен 23 августа и в этот же день приведен в исполнение.

Завтрашний день стал последним для уроженцев с. Седельниково – чернорабочего Афанасия Григорьевича Желтовского и сына священника Николая Владимировича Словцова. Словцов проходил по делу об участниках контрреволюционного заговора. Аресты по нему шли в 1936, 1937 и 1938 годах в разных насе-

ленных пунктах. В Красноярске взято 123 человека, в Торгашино – 16, в Москве – 2, в Ленинграде – 1, в Зелёное – 6, в Уяре – 6. В селе Седельниково Сухобузимского района по этому делу было арестовано тоже 6 человек.

В августе убито 3 уроженцев и жителей Сухобузимского района, в сентябре – 3, в октябре – 7 человек, в ноябре – более 20 человек.

11 ноября расстреляны уроженцы деревни Карымской Дмитрий Артемьевич и Иннокентий Павлович Фомины. В гражданскую войну воевали в рядах белой армии. Жена и сын Дмитрия Артемьевича жили в Китае и между ними шла переписка. Этого было достаточно.

26 ноября исполнен приговор (расстрел) в отношении епископа Красноярской епархии Александра Антоновича Турского. Ему был 51 год. Родился в с. Седельниковском Сухобузимской волости в 1886 году. В 1907 году окончил учительскую семинарию, работал сельским учителем в Большемуртинской волости. В 1915 окончил духовную семинарию, был отправлен в Урянхайский край. Служил в Белоцарске (ныне Кызыл) в сане протоиерея, благочинного Урянхайского края. В 1922–24 гг. – протоиерей церкви села Ермаковского. Турский становится сторонником обновленческой церкви. Последующие 10 лет служил в Минусинске. Сначала протоиерей, затем епископ Минусинско-Хакасской епархии. В 1934 году переехал в Красноярск. В марте 1935 года первоиерархом Виталием назначен епископом Красноярской епархии.

3 октября 1937 года арестован органами НКВД. Обвинен в том, что создал и руководил повстанческо-контрреволюционной организацией, насчитывающей около 100 человек. Якобы эта организация поддерживала связь с японской разведкой, белогвардейской организацией РОВС и ставила своей главной целью свержение советской власти. 21 ноября 11 человек было приговорено к высшей мере наказания – расстрелу, 3 человека – к 10 годам ИТЛ.

Только в один день – 30 ноября – лишены жизни 11 сухобузимцев.

Расстреляны отец Алексей Карпович Ситничук и его сын Сергей Алексеевич из Нахвальского. Оба работали плотниками «Крайтрансторгпита». Оба обвинены в контрреволюционных преступлениях. В этот же день расстрелян уроженец Седельниково 56-летний Иван Николаевич Зайцев.

В этот же день расстреляны Дмитрий Кузьмич Симашкин, Петр Осипович Журавский, Захар Игнатьевич Бойков.

Кровавая бойня 30 ноября продолжалась. В этот же день приведен в исполнение смертный приговор 64-летнему уроженцу Атаманово Ивану Васильевичу Тюменцеву. В 1931 году он был раскулачен и выслан в Игарку, откуда бежал. Карающий меч НКВД все равно настиг его. Убиты Порфирий Александрович Губин, Егор Матвеевич Кузнецов, Михаил Васильевич Лозицкий, Павел Евгеньевич Максимов.

Заканчивался кровавый год. **В декабре было расстреляно 28 человек.**

1 декабря расстрелян тракторист Миндерлинской МТС, поляк, уроженец Варшавы Ян Фелюх, проживавший в Подсопках.

7 декабря расстрелян уроженец Хлоптуново Ефим Федорович Седельников. Его судьба полна драматизма. Он прошел все три круга ада. В 1921 приговорен к

расстрелу, но приговор был изменен на 5 лет заключения. В 1930 году раскулачен и сослан. Работал подеревщиком на Предивинской судовой, состоял на учете как трудпоселенец. 2 декабря 1937 года арестован. Через 5 (!) дней тройка УНКВД дала высшую меру. В тот же день приговор приведен в исполнение.

В этот же день 7 декабря 1937 года расстреляны уроженец Красных Горок, до ареста рабочий Павловского затона Иван Петрович Соломатов, уроженец Нахвальского рабочий Павловских судоремонтных мастерских Игнатий Осипович Соломатов, а также уроженец Князевки, конюх Шилинской «Союзбазы» Алексей Федосович Сподобаев.

18 декабря 1937 года в маленьких окраинных деревнях Усть-Кане и Шошкино было арестовано примерно по 10 человек. В НКВД сфабриковано сразу два дела о контрреволюционных организациях – Михаила Зайцева и Акима Першина. 30 декабря расстреляно пять жителей Усть-Кана – Михаил Федосеевич Зайцев, Евдоким Филиппович Катков, Иван Никифорович Рогулев, Павел Кузьмич Легких, Дмитрий Кузьмич Ключев.

В этот же день расстреляны шесть (!) жителей Шошкино. Аким Захарович Першин, Степан Фокеевич Юсов, Петр Григорьевич Темных, Матвей Игнатьевич Патрушев, Михаил Николаевич Прокопьев, Александр Макарович Туговинок.

В этот же день уничтожены чернорабочий конторы «Заготскот» с. Сухобузимского Григорий Васильевич Бакшеев (Вакшеев), уроженец Кекура вахтер мелькомбината с. Сухобузимского Архип Николаевич Растворов, молотобоец Усть-Канского лесопункта Тимофей Дмитриевич Марусин.

Всего 14 человек.

31 декабря в Красноярском крае был расстрелян всего один человек. Палачи встречали Новый год.

Год завершился. УНКВД праздновало победу: лимиты «кровой жатвы» выполнены и перевыполнены. Некоторые чекисты были поощрены премиями, не исключено, что получили ордена, повышение по службе.

1 января 1938 года они тоже отдыхали, набирались сил.

Следующая акция состоялась 2 января, в этот день в Красноярске было убито 75 человек.

По разным источникам в основном по «Книгам жертв политических репрессий Красноярского края» удалось выяснить, что в 1937 году было репрессировано не менее 132 уроженцев и жителей Сухобузимского района. Не менее 70 из них расстреляны.

И это, конечно, не полный список. Полный список до сих пор неизвестен.

Среди расстрелянных – две женщины. Уроженка села Сухобузимского Матрена Филипповна Волкова жила в Красноярске, работала закройщицей швейных мастерских Всероссийского общества глухих. Арестована 7 июля 1937 года, 6 октября – расстреляна.

Уроженка деревни Таскино Федосья Касьяновна Гребнева работала сторожем 5-й дистанции пути Красноярской железной дороги. Арестована 1 октября 1937 года. Обвинена в шпионаже, 24 декабря расстреляна.

Умерли в тюрьме

Несколько человек умерли в заключении в 1937–38 гг., не дождавшись приговора. Среди них Николай Васильевич Геворкян, Тимофей Алексеевич Жаворонков, Матвей Никитич Злобин, Петр Зиновьевич Лозицкий, Михаил Григорьевич Трухин.

Признаны невиновными

В редчайших случаях арестованные были признаны невиновными. Насколько мне известно, в 1937 году только 2 человека из 132 были оправданы – уроженец деревни Дуброво, член ВКП(б) дорожный мастер КЖД Пантелей Иванович Дрянных и житель Большого Балчуга счетовод сельпо Иван Петрович Сысоев. Еще в отношении нескольких человек дела были прекращены. В их числе – корректор редакции газеты «Ударник социалистических полей» Павел Ильич Назаров, директор мастерской Павловского затона Алексей Денисович Войнов. 23 марта 1937 года арестована группа руководителей, «проводивших подрывную работу в области колхозного строительства». В нее включили директора Красногорской МТС Кондратия Николаевича Чернова, районного уполномоченного Комитета заготовок при СНК СССР Илью Михайловича Медведева, бывшего второго секретаря Сухобузимского РК ВКП(б) Дмитрия Ивановича Симакова. Предъявлено обвинение по трем пунктам 58-й статьи – 7, 10, 11. Но доказать вину следствие не смогло.

Правда, через год 5 июня 1938 года Симаков и другие вновь были арестованы. 8 мужчинам снова предъявлены обвинения в причастности к контрреволюционной организации, терроре. В подельники Симакова включили И.М. Медведева, К.Н. Чернова, бывшего директора Миндерлинской МТС А.И. Звягина, заместителя директора по расчетам Миндерлинской МТС М.А. Максакова, начальника краевой конторы Госбанка А.П. Клопова, бывшего секретаря Сухобузимского РК ВКП(б), начальника почтового отделения в г. Красноярске И.П. Хмуркина. Илья Михайлович Медведев – в прошлом красногвардеец, участник гражданской войны. Занимался в районе планированием и организацией заготовок хлеба-бофуража, технических культур, кож, шерсти.

Дмитрий Иванович Симаков в январе 1937 года переехал из Сухобузимского в Красноярск и был принят преподавателем на кафедру политэкономии СибЛТИ. Кроме того, исполнял обязанности заведующего фундаментальной библиотекой института. 37-летний доцент имел высшее образование, окончил Коммунистический университет им. Сталина и 3 курса аспирантуры экономического отделения Ленинградского института.

Арестованные не признавали свою вину. Позже Военный трибунал СибВО направил дело на доследование, оно было прекращено прокуратурой по реабилитирующим основаниям.

Такое случалось крайне редко.

Список уроженцев и жителей Сухобузимского района Красноярского края, расстрелянных в 1937 году

1. Бакшеев (Вакшеев) Григорий Васильевич, Сухобузимское, 30 декабря
2. Бойков Захар Игнатьевич, Седельниково, 30 ноября
3. Ваганов Степан Федорович, Атаманово, 23 августа
4. Вертикулаков Александр Федорович, Кекур, 28 декабря
5. Волкова Матрена Филипповна, Сухобузимское, 6 октября
6. Гребнева Федосья Касьяновна, Берег-Таскино, 24 декабря
7. Губин Порфилий Александрович, Кекур, 30 ноября
8. Достовалов Иван Назарович, Высотино, 1 ноября
9. Желтовский Александр Григорьевич, Седельниково, 26 октября
10. Желтовский Афанасий Григорьевич, Седельниково, 24 августа
11. Жирин Макар Егорович, Татарская, 2 декабря
12. Журавский Петр Осипович, Седельниково, 30 ноября
13. Зайцев Иван Николаевич, Седельниково, 30 ноября
14. Зайцев Михаил Федосеевич, Подпорог, 30 декабря
15. Злобин Матвей Николаевич, Шошкино, умер 03.12.1937
16. Катков (Котков) Евдоким Филиппович, Усть-Кан, 30 декабря
17. Ключев Дмитрий Кузьмич, Усть-Кан, 30 декабря
18. Комин Петр Михайлович, Шошкино, 7 октября
19. Кузнецов Егор Матвеевич, Толстомысово, 30 ноября
20. Куликов Федор Иванович, Карымская, 2 декабря
21. Купресов Михаил Федорович, Нахвальское, 3 декабря
22. Куянов Алексей Назарович, Воробино, 6 октября
23. Легких Павел Кузьмич, Глубокий Ручей, 30 декабря
24. Лозицкий Михаил Васильевич, Седельниково, 30 ноября
25. Лубнин Федор Иванович, Воробино, 2 декабря
26. Лукин Илларион Емельянович, Атаманово, 1 ноября
27. Максимов Павел Евгеньевич, Седельниково, 30 ноября
28. Мальцев Андрей Андреевич, Сухобузимское, 28 декабря
29. Марусин Тимофей Дмитриевич, Усть-Кан, 30 декабря
30. Назаров Константин Осипович, Седельниково, 7 декабря
31. Патрушев Матвей Игнатьевич, Шошкино, 30 декабря
32. Прокопьев Михаил Николаевич, Шошкино, 30 декабря
33. Подпорин Сергей Иванович, Сухобузимская волость, 26 ноября
34. Рагулев (Рогулев) Иван Никифорович, Усть-Кан, 30 декабря
35. Разманов Александр Федорович, Высотино, 1 ноября
36. Разманов Иван Васильевич, Высотино, 1 ноября
37. Разманов Федор Федорович, Высотино, 1 ноября
38. Растворов Архип Николаевич, Кекур, 30 декабря
39. Розманов Максим Павлович, Высотино, 4 ноября
40. Романок Яков Митрофанович, Большой Балчуг, 23 июля
41. Саньковский Иван Францевич, Седельниково, 26 октября

42. Седельников Ефим Федорович, Хлопуново, 7 декабря
43. Симашкин Дмитрий Кузьмич, Ковригино, 30 ноября
44. Ситничук Алексей Карпович, Нахвальское, 30 ноября
45. Ситничук Сергей Алексеевич, Нахвальское, 30 ноября
46. Словцов Николай Владимирович, Седельниково, 24 августа
47. Смирехин Филипп Назарович, Нахвальское, 22 ноября
48. Соломатов Иван Петрович, Красные Горки, 7 декабря
49. Соломатов Игнатий Осипович, Нахвальское, 7 декабря
50. Сподобаев Алексей Федосович, Князевка, 7 декабря
51. Терещенко Иван Филиппович, Ши́ла, 7 октября
52. Темных Иван Федорович, Шошкино, 26 октября
53. Темных Петр Григорьевич, Ши́ла, 30 декабря
54. Толстихин Семен Ефимович, Шипулино, 15 сентября
55. Трухин Александр Михайлович, Миндерла, 5 сентября
56. Трухин Михаил Григорьевич, Миндерла, арестован в 1937-м, умер в заключении
57. Туговиков Александр Макарович, Шошкино, 30 декабря
58. Турский Александр Антонович, Седельниково, 26 ноября
59. Тюменцев Иван Васильевич, Атаманово, 30 ноября
60. Фелюх Ян Иванович, Подсопки, 1 декабря
61. Фомин Дмитрий Артемьевич, Карымская, 11 ноября
62. Фомин Иннокентий Павлович, Карымская, 11 ноября
63. Цапник Иосиф Анисимович, Сухобузимское, 30 декабря
64. Черных Анатолий Федорович, Подсопки, 25 ноября
65. Шаврин Михаил Абрамович, Иркутское, 7 октября
66. Шатов Фрол Тимофеевич, Подсопки, 7 декабря
67. Широков Петр Алексеевич, Кекур, 16 октября
68. Юсев Егор Фокеевич, Шошкино, 26 октября
69. Юсев Степан Фокеевич, Шошкино, 30 декабря
70. Якимов Дмитрий Павлович, Подсопки, 28 декабря

1938 год

Было представление, что самым ужасным был 1937 год. Но, оказывается, таким же кошмарным был и 1938-й. Его жертвами стали не менее 116 уроженцев и жителей Сухобузимского района. 50 человек расстреляно.

18 января 1938 года расстреляна уроженка с. Сухобузимского Анна Антоновна Шахматова. Портниха, работающая в Красноярске на дому, была обвинена в шпионаже и антисоветской агитации.

16 мая сотрудники НКВД пришли в дом к жителю с. Шошкино рабочему промартели Демьяну Сергеевичу Кучуку. Короткое следствие. Обвинение по ст. 58-10, 11 УК РСФСР. Приговорен к расстрелу.

25 июля 1938 года расстрелян уроженец Дубровой Николай Ефимович Губанов.

К различным срокам лагерей приговорены: уроженец Хлоптуново Семен Степанович Замараев, заведующий столярной мастерской райисполкома Федор Григорьевич Кривошенко, уроженец с. Подсопки Василий Прокопьевич Кувалов, Семен Арефьевич Кожаткин из Сухобузимского. Алексей Максимович Гриненко из Кекура.

11 сентября арестован счетовод колхоза «Герой труда» Андрей Логинович Легких. 27 сентября арестован его младший брат Иван Логинович. Старшему брату дали 5 лет ИТЛ, в отношении младшего дело прекратили.

В этом году были расстреляны за несовершенно совершенные преступления дроворуб лесозаготовительного пункта в Шиле Сергей Иванович Коваль (31 марта), уроженец Берег-Таскино Григорий Ильич Дмитриев (27 апреля), уроженец Кекура Иван Михайлович Шахматов (15 августа), уроженец Сухобузимской волости Самуил Яковлевич Абрамович (20 августа), счетовод Подсопочного сельсовета бывший диакон Степан Антонович Климов (9 августа), уроженец Атаманово, врач, заведующий санчастью УНКВД Моисей Григорьевич Гольденберг (14 июля), сапожник из Атаманово Филипп Алексеевич Захаров (23 июля).

Моисей Григорьевич Гольденберг родился в семье купца в 1884 году в с. Атаманово Сухобузимской волости. В 1916-м окончил медицинский факультет Томского университета. Состоял в партии эсеров.

В 1919 году был ординатором Красноярского военного госпиталя и в советское время какой-то период работал в госпитале. Первый раз арестован ОГПУ в 1924 году. Был освобожден в 1926 году. Работал врачом по внутренним и нервным болезням в санчасти УНКВД, консультантом поликлиники, заведующим стационаром краевой лечебной комиссии крайпартактива. Арестован 4 ноября 1937 года как участник антисоветской военно-троцкистской организации, занимавшейся вредительством в лечебной практике. 14 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в тот же день (по другим данным, во время следствия очками перерезал себе вены).

Не пожалели стариков

19 мая 1938 года в Большом Балчуге было арестовано четверо мужиков – 75-летний Викентий Викторович Зауголков, 69-летний Федор Романович Таскин, 68-летний Гавриил Прокопьевич Ростовых, 61-летний Максим Григорьевич Головков. Все, несмотря на солидный возраст, работали в колхозе. М.Г. Головков в горячем цеху – кузнецом. Все происходили из крестьян-середняков, за исключением Гавриила Ростовых. Он был признан кулаком и в 1930 году раскулачен, выслан с семьей в Игарку.

Всех балчугских стариков обвинили в антисоветской агитации. 10 июня 1938 года всех четверых тройка УНКВД Красноярского края приговорила к высшей мере наказания. В один и тот же день – 8 августа – они были расстреляны. (По другой информации Головков приговорен к 10 годам ИТЛ)

«Шпионское» гнездо на Кузеевском прииске

Жарким днем 9 июля 1938 года большая группа вооруженных сотрудников НКВД неподалеку от Берег-Таскино переправилась через Енисей и углубилась в тайгу. Пришлось преодолеть в восточном направлении десятки верст по плохой дороге, пока не достигли строений Посольно-Кузеевского прииска.

Он находился в самом настоящем медвежьем углу. Кругом непроходимый лес, никаких путей сообщения нет. Населенных пунктов в округе нет. Крохотные деревеньки по берегам рек и те недоступны из-за отсутствия дорог. От «Большой земли» отделяет буйный Енисей.

Что же ведет сюда представителей карательного органа? Какое чрезвычайное происшествие заставило целый день трястись на телеге? Может быть, случилось убийство? Авария на производстве? Разбойное нападение? Кража драгоценного металла или иное посягательство на социалистическую собственность? Как только люди в военной форме появились в этом отдаленном, труднодоступном поселке, все его жители замерли в тревожном ожидании. Недобрая весть распространилась мгновенно. Прибывшие энкавэдешники никакого расследования не производя, стали арестовывать старателей. По списку. Одного, второго, третьего... Когда счет дошел до 5, в поселке началась паника. Люди вздрагивали от каждого шороха, боялись сказать лишнее слово.

По каким признакам выдергивали мужиков – непонятно. Самому старому из арестантов – уроженцу Енисейской губернии Федору Ивановичу Исакову – 64 года. Конюху Емельяну Гавриловичу Фетискину – 62 года, старателю Ивану Алексеичу Керасирову, родившемуся неподалеку, в Большемуртинской волости – 60 лет.

Выходец из Витебской губернии Куприян Шабоха из числа переселенцев. На Енисее оказался в период массового переселения жителей густонаселенных мест европейской части России на сибирские просторы. Единственный из всех арестованных он уже имел судимость. В период раскулачивания проживал в д. Покровке Дзержинского района, занимался сельским хозяйством. Видимо, не горел желанием вступить в колхоз. В 1931 году его обвинили в контрреволюционной деятельности по подрыву власти рабоче-крестьянских советов и приговорили к 3 годам концлагерей. И вот второй арест – в 50 лет.

Взяли и 45-летнего заведующего магазином Павла Николаевича Шилова. Остальные бедолаги были молодыми старателями от 30 до 37 лет. Уроженцы разных районов Красноярского края – Иван Сорокин, Федор Бугаев, а Михаил Кирпичников, Егор Мальшев, Иван Масюков, Николай Кабанов – родом из Забайкалья.

Назавтра аресты продолжились. Под стражу заключили рабочего прииска уроженца Ирбейской волости Ивана Андреевича Анциферова, 50 лет, и забойщика Григория Емельяновича Фетискина (скорее всего сына уже арестованного конюха Емельяна Фетискина).

Еще через три дня, 13 июля, арестовали уроженца Псковской губернии Михаила Алексеича Алексеева.

Ничего не объясняя, арестантов под конвоем повезли в районный отдел милиции.

Итак, 13 рабочих и завмаг Посольно-Кузеевского прииска оказались за решеткой.

Никто не знал, в чем их вина. Но после первого допроса стало ясно, что всех работяг подозревают в шпионской (!) деятельности. Получается, действовали не в одиночку, а свили вражеское гнездо на золотодобыче.

Интересно, какими секретами государственной важности или военными тайнами могли обладать эти, в большинстве своем малограмотные люди? Разведке какого государства и каким образом из глухой тайги их передавали?

Но тем не менее следствие шло по всем правилам того времени. Из бедных, испуганных, ничего не понимающих старателей всеми законными и незаконными способами выбивали признание в измене Родине. Их «преступления» карались высшей мерой уголовного наказания – «расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок 10 лет ...»

Многочисленные изнуряющие допросы обычно заканчивались приговором.

Обвинение в шпионаже было в ту пору не редкостью. В Сухобузимском районе отбывало ссылку немало «пособников иностранных разведок». Это были ученые, специалисты, побывавшие за границей, или имевшие контакт с иностранными коллегами. Что уж говорить об ученых, если даже уроженец села Седельниково епископ Красноярской епархии Александр Андреевич Турский был обвинен в том, что якобы осуществлял через бродячих монахов сбор различной информации и передачу ее японской разведке.

Полтора года следователи трудились над доказательствами шпионской деятельности старателей. Но, то ли не смогли наскрести мало-мальски правдоподобных улик, то ли повлияло ослабление репрессий в конце 1938 года. Так или иначе, но 29 января 1940 года дело было прекращено за недоказанностью.

Да, на исходе 1938-го репрессии, наконец, остановились.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года положило конец Большому террору.

Все внесудебные органы, кроме Особого совещания, были ликвидированы, все массовые операции прекращены. Упрощенный порядок ведения следствия категорически запрещался, на любой арест теперь нужно было получить санкцию прокурора.

В мартрологе Красноярского «Мемориала» я нашла, что не менее 46 возбужденных уголовных дел в отношении уроженцев и жителей Сухобузимского района по ст. 58 были прекращены. Десятки мужиков вернулись к семьям.

Но к этому времени 50 (а, возможно, и больше) были расстреляны. Некоторые, не дождавшись ни приговора, ни реабилитации, скончались в тюрьмах.

С августа 1937-го по ноябрь 1938-го тройкой УНКВД Красноярского края были приняты решения по 583 протоколам. 18 132 ни в чем не повинных человека обвинены в политических преступлениях. Приговорено к расстрелу 12603 человека, к отбытию срока в лагерях – 5529. Не менее 90 процентов из них составляли бывшие кулаки.

За два года расстреляно более 120 уроженцев и жителей Сухобузимского района.

Как с точки зрения нормальной логики объяснить, во имя чего этих людей послали на смерть? Нет ответа...

Список уроженцев и жителей Сухобузимского района Красноярского края, расстрелянных в 1938 году

1. Абрамович Самуил Яковлевич, Сухобузимский район, 20 августа
2. Геворкян Николай Васильевич, Миндерлинская колония, умер в заключении 20 ноября
3. Губанов Николай Ефимович, Дуброва, 25 июля
4. Гольденберг Моисей Григорьевич, Атаманово, 14 июля
5. Дмитриев Григорий Ильич, Берег-Таскино, 27 апреля
6. Замараев Ефим Степанович, Хлоптуново, 2 января
7. Замарев Константин Спиридонович, Хлоптуново, 23 марта
8. Захаров Филипп Алексеевич, Атаманово, 23 июля
9. Зауголков Валентин Викторович, Большой Балчуг, 8 августа
10. Знаменский Леонид Леонидович, Миндерлинская колония, 27 апреля
11. Зотин Михаил Николаевич, Шошкино, 3 декабря 1938 года приговорен к ВМН. Не расстрелян. 17 марта 1939 года приговор заменен на 15 лет ИТЛ
12. Жаворонков Тимофей Алексеевич, Нахвальское, умер в заключении в январе 1938
13. Карманов Илья Тимофеевич, Дуброво, 16 июня
14. Климов Степан Антонович, Подсопки, 9 августа
15. Клушкин Иссаак Алексеевич, Усть-Кан, арестован 5 мая 1938 года. Умер в заключении 11 марта 1939
16. Клушкин Филипп Алексеевич, Усть-Кан, арестован 5 мая 1938 года. Умер в заключении 11 марта 1939
17. Коваль Сергей Иванович, Шила, 31 марта
18. Колпаков Константин Иванович, Сухобузимское, 17 марта
19. Кристаль Петр Владимирович, Высотино, 10 июня
20. Кудинов Артемий Сергеевич, Сухобузимский район, 10 июня
21. Кучук Иван Сергеевич, Шошкино, 9 августа
22. Лавринович Степан Григорьевич, колхоз «Труженик», 27 июля
23. Лалетин Антон Прохорович, Дуброво, 20 апреля
24. Лиханский Михаил Елиферьевич, Берег-Таскино, 2 октября 1938 года приговорен к ВМН. Дело прекращено 07.08.1939 г.
25. Лоцицкий Петр Зиновьевич, Седельниково, умер в заключении в 1938 году
26. Матюшенко Родион Алексеевич, Большой Балчуг, 14 мая
27. Машталеров Сергей Николаевич, Ковригино, 25 мая
28. Мокин Иван Николаевич, Сухобузимский район, 26 февраля
29. Ноздрин Елизар Евгеньевич, Подсопки, 15 августа
30. Ноздрин Павел Петрович, Сухобузимский район, умер в заключении 03.02.1938
31. Петраков Михаил Иванович, Толстомысово, 25 мая
32. Портнягин Николай Иванович, Хлоптуново, 16 июня

- 33.Разманов Петр Федорович, Высотино, 9 августа
- 34.Разманов (Розманов) Иван Гаврилович, Высотино, 9 августа
- 35.Романюк Яков Митрофанович, Большой Балчуг, 23 июля
- 36.Ростовых Гавриил Прокопьевич, Большой Балчуг, 8 августа
- 37.Саламатов Александр Федорович, Малое Нахвальское, 19 апреля
- 38.Семенов Павел Федорович, Атаманово, 16 июня
- 39.Соломатов Иван Андреевич, Сухобузимский район, 15 августа
- 40.Степанов Михаил Прокопьевич, Сухобузимский район, 8 августа
- 41.Таскин Федор Романович, Большой Балчуг, 8 августа
- 42.Турукин Владимир Самуилович, Шила, 8 февраля
- 43.Тюренков Ефим Николаевич, Малое Нахвальское, 15 августа
- 44.Филиппов Иван Никитич, Сухобузимское, 9 января
- 45.Шалыгин Матвей Николаевич, Большой Балчуг, 25 июля
- 46.Шахматов Иван Михайлович, Кекур, 15 августа
- 47.Шахматова Анна Антоновна, Сухобузимское, 18 января
- 48.Шереметьев Федор Степанович, Сухобузимский район, 15 августа
- 49.Юсев Василий Фокеевич, Шошкино, 26 марта
- 50.Яныков Константин Григорьевич, Подсопки, 15 августа

1939 год

Репрессировано 12 уроженцев и жителей Сухобузимского района. 5 человек умерло в заключении

Пик политических репрессий в Советском Союзе пришелся на 1937 год. В 1938-м наступил спад. Некоторых граждан даже стали выпускать из тюрем. Фальсифицированные обвинения снимались. Высшая мера наказания заменялась заключением в лагерь.

16 февраля 1939 года для уроженца Атаманово молдаванина Зиновия Георгиевича Дулаппо стал вторым днем рождения. В этот день его выпустили из тюрьмы. НКВД прекратило уголовное преследование по реабилитирующим обстоятельствам. 8 месяцев пробыл учитель средней школы п. Соврудник Северо-Енисейского района под следствием. Его обвиняли в шпионаже (!), антисоветской пропаганде и агитации. Видимо, не нашли даже маломальских доказательств шпионской деятельности учителя сибирской глубинки.

Но репрессивная машина, сбавив ход, не остановилась. Продолжила свое движение по поиску новых «врагов народа». По надуманным поводам арестовывались ни в чем не повинные люди. Пострадало немало и наших земляков. В каких только преступлениях их не обвиняли!

19 февраля на 8 лет ИТЛ осужден уроженец Малого Нахвальского плотник горторга г. Красноярска Александр Кондратьевич Скобелин.

Весна 1939 года для члена ВКП(б) с 1917 года, бывшего красного партизана, командира роты красноармейцев, ставшего заведующим райздравотделом в Сухобузимском районе, Ивана Ивановича Романова стала настоящим кошмаром. Он был арестован 3 ноября 1938 года, содержался во внутренней тюрьме НКВД. Обвинен не только в контрреволюционной деятельности, но и соверше-

нии террористических актов, «саботаже с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата».

За несовершенные «злодеяния» Романов 27 февраля 1939 года военным трибуналом приговорен к высшей мере наказания. Прошло 3 месяца мучительного ожидания. В конце мая Военная коллегия Верховного суда СССР заменила казнь на 10 лет лагерей и 5 лет лишения политических прав.

8 марта к 4 годам ИТЛ и 3 годам лишения политических прав осужден крестьянин с. Седельниково член колхоза «Искра» Алексей Федорович Паклин.

9 марта к 8 годам ИТЛ приговорен уроженец Сухобузимской волости Степан Степанович Мукин. На момент ареста работал начальником подстанции в Эвенкийском национальном округе.

10 марта в лагерной больнице умер уроженец Толстомысово Григорий Федорович Серебряков. Он был обвинен в антисоветской агитации, военным трибуналом приговорен к 10 годам заключения. Жизни оставалось – 3,5 месяца. До ареста наш земляк работал возчиком хозчасти Красноярской железной дороги.

11 марта 1939 года выездной сессией Красноярского крайсуда прекращены дела в отношении жителей Усть-Кана братьев Клушкиных – Исаака Алексеевича и Филиппа Алексеевича. Оба обвинялись в антисоветской агитации. Братья несколько месяцев провели в тюрьме. Дело закрыли в один день в связи со смертью подозреваемых. При каких обстоятельствах она наступила – неизвестно. Почему в один день скончались оба – загадка.

Уроженец Нахвальского Ефрем Яковлевич Слащев по надуманным основаниям (противодействие, подрыв деятельности государственных учреждений, подготовка и участие в организации контрреволюционных преступлений) 15 октября 1938 года был приговорен к высшей мере наказания. По какой-то причине приговор не был приведен в исполнение. Но смерть догнала невинного человека в больнице Минусинской тюрьмы. Он скончался 15 марта 1939 года.

17 марта 1939 года как будто заново родился 20-летний матрос газохода № 3 Енисейского пароходства уроженец Шошкино Михаил Зотин. В этот день Верховный суд СССР заменил смертный приговор «контрреволюционеру» на 15 лет ИТЛ.

Неизвестно, выжил ли наш земляк в лагерях ГУЛАГа...

24 апреля в д. Татарской арестован член колхоза «13 лет Октября» уроженец Санкт-Петербургской губернии Иван Андреевич Сумиков. За антисоветскую агитацию осужден на 5 лет ИТЛ.

2 июня прекращено дело о шпионаже в отношении уроженца села Сухобузимского начальника торговой конторы ГУСМП Виктора Федоровича Устинова. В тюрьме в этот раз он провел полтора года. Первый раз был арестован в 1920 году, обвинялся в контрреволюционной деятельности. Но вскоре ЧК дело прекратила.

10 июня уроженец и житель с. Нахвальского крестьянин Петр Леонтьевич Статкевич осужден к 6 годам заключения. Это был третий по счету арест. Первый – в 1920 году, обвинение в антисоветской агитации. Но дело в Красноярской ГубЧК прекращено, освобожден из-под стражи. Занимался хлебопашеством. Второй раз арестован в 1930 году. Но вновь дело прекращено. Раскулачен

и выслан в Игарку. Третий арест – в октябре 1938-го. Статкевич работал в ту пору сторожем торго.

10 июня продавец винной лавки с. Сухобузимского Гавриил Мартынович Тихомиров осужден по ст. 58-10 ч. 1. на 8 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Почти два года, пока шло следствие, он провел в тюрьме.

11 июня 6 лет ИТЛ получил житель Шилы член колхоза «Путь Ленина» Ермолай Касьянович Петров.

26 июня освободили из-под стражи Степана Тимофеевича Еремеева, работавшего конюхом в колхозе им. Буденного в Большом Балчуге.

28 июня 1939 года бывший счетовод толстомысовского колхоза «Имени 17 партсъезда» Степан Яковлевич Романов из Красноярской тюрьмы этапом отправлен в Качинский инвалидный лагерь Емельяновского района. За совершение «террористического акта» приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам лишения политических прав.

3 июля высшая мера наказания была заменена на 10 лет ИТЛ 37-летнему уроженцу Сухобузимской волости Якову Ивановичу Ковригину. На момент ареста он проживал в Байките Эвенкийского национального округа.

1 августа за антисоветскую агитацию к 5 годам ИТЛ приговорен Савелий Семенович Мухаметдинов, уроженец Дубровой.

7 августа вышел на свободу наш земляк, уроженец деревни Берег-Гаскино, капитан теплохода «Красноярский рабочий» Енисейского речного пароходства Михаил Елиферьевич Лиханский. Больше года он находился в тюремных застенках. Был приговорен за шпионаж, вредительство, участие в контрреволюционной организации к расстрелу. Поводом для обвинения в шпионаже послужила его заграничная командировка в Германию. Туда Комсевморпуть направил его в качестве представителя, чтобы следить за ходом строительства четырех теплоходов.

К счастью, дело Лиханского попало на проверку, и прокуратура Енисейского бассейна прекратила его за отсутствием состава преступления.

17 августа уроженец с. Кекур Тимофей Матвеевич Андреев осужден Красноярским краевым судом на 10 лет ИТЛ. Его преследование началось в 1930 году, когда он был лишен избирательных прав, раскулачен. Тогда же получил первый срок за «контрреволюционные преступления». Отбыл срок, работал в своем хозяйстве. Но вскоре вновь был арестован.

В этот же день к разным срокам приговорены его односельчане: Алексей Максимович Гриненко к 5 годам, Сергей Ефимович Никифоров к 6 годам.

18 августа красноармеец войсковой части № 135 войскового соединения № 7138 действующей армии уроженец д. Воробино Иван Гурьянович Москвитин был обвинен в совершении террористического акта против представителей советской власти и приговорен военным трибуналом к 10 годам ИТЛ и 5 годам лишения политических прав.

Через день, 19 августа 1939 года, Василий Исаакович Абашеев из д. Ковригино выездной сессией Красноярского краевого суда осужден по ст. 58-10 на 6 лет исправительно-трудовых лагерей и 4 года поражения в правах.

В этот же день 7 лет ИТЛ получил житель Глубокого Ручья член колхоза «Красная Звезда» Кузьма Степанович Жариков.

20 августа крайсуд приговорил австрийца, рабочего Миндерлинского колхоза «Красный пахарь» Виктора Михайловича Яношека к 10 годам ИТЛ (ст. 58-10. ч. 1)

11 сентября по реабилитирующим обстоятельствам УНКВД прекратил дело в отношении уроженца Атаманово Александра Ефимовича Гужевского. На момент ареста он работал начальником семеноводческого сектора крайзо.

7 октября к 6 годам приговорен уроженец Сухобузимского сторож магазина № 28 Кировского райторга города Красноярск Иван Васильевич Веселков.

12 октября член кононовского колхоза «Герой труда» Ефим Васильевич Рыжиков осужден на 5 лет ИТЛ за антисоветскую агитацию. Его брат – Илья Васильевич, бригадир полеводов этого же хозяйства, оправдан и освобожден из-под стражи.

13 октября житель Кононово счетовод колхоза «Герой труда» Андрей Логинович Легких приговорен к 5 годам ИТЛ. Его брат Иван Логинович был признан невиновным и освобожден Сухобузимским РО НКВД.

13 декабря в крайсуде был оправдан фельдшер Миндерлинской сельхозхозяйственной колонии Федор Никитич Пузанов, обвиняемый в контрреволюционной деятельности.

В ноябре 1938 года с разницей в один день в Берег-Таскино были арестованы отец и сын Остовы – Захар Михайлович и Александр Захарович. Оба подозревались в контрреволюционной деятельности в составе организации. Больше года шло следствие. 64-летний старик, не выдержав допросов, скончался в тюрьме. Его сын – председатель колхоза «Путь Ильича», 15 декабря 1939 года был оправдан выездной сессией Красноярского краевого суда.

1940 год

Репрессировано 4 уроженца и жителя Сухобузимского района. Умер в тюрьме один человек.

Репрессии как будто остановились. В 1940 году арестован уроженец Большого Балчуга Петр Викентьевич Зауголков. В момент ареста проживал в Красноярске, работал столяром в жилуправлении. Осужден на 6 лет ИТЛ. Уроженец Павловщины Андрей Иванович Михайлов тоже жил в Красноярске, работал сторожем автогаража Красноярской железной дороги. За антисоветскую агитацию осужден на 5 лет ИТЛ. Умер в тюрьме 2 августа 1942 года.

Уроженец Миндерлы Фрол Степанович Толстихин работал кочегаром на хлебозаводе в Красноярске. Арестован 20 декабря 1940 года. Осужден на 10 лет ИТЛ, Уроженец Хлоптуново Марк Алексеевич Зайцев, содержавшийся в тюрьме с 1938 года, там и умер 2 апреля 1940 года.

Профессор – у школьной доски

В 1940 году в Сухобузимском районе появился еще один ссыльный. Интелли-

гентного вида мужчина, лет 60. Никто не знал, кто он и откуда. Вскоре его приняли в Сухобузимскую школу учителем физики. Если б знали ученики, кто объясняет им закон Ньютона! Это был крупный ученый-физик, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР, доктор физико-математических наук, профессор Борис Федорович Цомакион.

Легендарная личность! Окончив в Одессе гимназию с серебряной медалью, Борис Цомакион поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета. Был призван в армию и служил в Маньчжурии. Получив диплом, стал преподавать в гимназии. В 1914 году снова мобилизован в действующую армию. Участвовал в Первой мировой войне, был дважды ранен. Будучи контуженным, попал в плен. В немецком лагере военнопленных учил товарищей-заключенных математике. Осенью 1918 года вернулся в Одессу. Сначала преподавал в реальном училище, а через несколько месяцев был принят на должность ассистента кафедры физики Одесского политехнического института. Стал одним из организаторов физической лаборатории.

В 1920 году его первый раз арестовали как бывшего царского офицера. Но вскоре освободили «как необходимого высшей школе». Борис Федорович работал инструктором всеобуча в Красной армии, преподавал физику в Институте народного образования, был назначен техническим директором радиотелеграфного завода.

В политехническом институте занимался теоретической физикой и радиотехникой.

В 1927 году его направили в командировку в Германию для изучения немецких радиостанций и производства радиоприемников.

Через три года в числе других профессоров ОПИ арестован ОГПУ. Но сфабрикованное дело о контрреволюционной организации развалилось, и профессор оказался на свободе.

Ничто не могло остановить его научных изысканий и плодотворной практической работы. Цомакион стал одним из основателей Одесского института инженеров связи. В 1935-м – первый заместитель директора по учебной и научной работе. Член редколлегии, ответственный редактор журнала «Научно-технический сборник». В 1936 проектировал радиоцентр Наркомвода в Новороссийске, радиоцентр Черноморского пароходства.

Казалось, пережил страшный 1937 год...

Увы. В апреле 1938 года ученого, получившего широкую известность, снова арестовали. Он был осужден за шпионаж (!) и приговорен к 5-летней ссылке в Сибирь.

Несколько лет профессор преподавал в Сухобузимской средней школе. Его имя сохранилось в приказах и другой документации учебного заведения.

В 1943 году его пригласили на работу в Красноярский педагогический институт - по ходатайству декана физико-математического факультета Л.В. Киренского.

Это был смелый шаг – допустить «врага народа» до студентов. Но, видимо, уже тогда Л.В. Киренский (в дальнейшем академик АН СССР, профессор, Герой Социалистического труда, создатель и первый директор Института физики АН СССР в Красноярске) имел большой авторитет.

С 1943 по 1951 года профессор Цомакион заведовал кафедрой физики этого вуза. Он читал курсы теоретической физики, писал курс электродинамики и работал в тесном контакте с Леонидом Васильевичем Киренским. Являясь крупнейшим специалистом в области радиосвязи, электродинамики и магнетизма, внес огромный вклад в повышение уровня теоретической подготовки студентов, аспирантов и сотрудников кафедры.

В 1948 году Киренский и Цомакион основали аспирантуру в пединституте.

Умер Б.Ф. Цомакион 30 декабря 1955 года в Красноярске, так и не дождавшись реабилитации. Реабилитирован посмертно в 1957 году.

Его книга «Курс электродинамики для педагогического института» тоже издана после кончины автора.

В настоящее время в библиотеке Института физики им. Л.В. Киренского СО РАН есть коллекция Б.Ф. Цомакиона, которая входит в свод книжных памятников Красноярского края. Книги, брошюры, журналы 1930–50 гг. Большинство книг – по физическим наукам, 77 – по техническим, 23 – других. В основном на русском языке, но есть и иностранные издания.

В Государственном архиве Красноярского края также имеется личный фонд Б.Ф. Цомакиона.

1941 год

Репрессировано 24 уроженца и жителя Сухобузимского района. 2 человека расстреляно.

В Сухобузимский район привезли депортированных жителей бывших восточных воеводств Польши, западных областей Украины, Белоруссии, граждан республик Прибалтики.

Осенью поступила большая партия немцев Поволжья.

Уроженец села Сухобузимского Константин Самсонович Гребнев работал нарядчиком в тресте очистки города Красноярска. Арестован 26 апреля 1941 года. Обвинение по ст 58-10.11 УК РСФСР. 8 октября военным трибуналом приговорен к ВМН. Расстрелян 31 декабря 1941 года.

Уроженец села Седельниково Александр Иванович Леонтьев находился в действующей армии. Служил в 527-м ветлазарете. Арестован 24 ноября. За антисоветскую агитацию приговорен к ВМН. Расстрелян 15 декабря 1941 года в Воронежской области.

Шла война. Но даже в драматические дни, которые переживала вся страна, не останавливался маховик политических репрессий.

Буквально на следующий день после начала войны в Большом Балчуге был арестован работник колхоза им. Буденного Егор Кузьмич Сорокин 1910 года рождения. Обвинение в антисоветской агитации по ст. 58-10 УК РСФСР. Суд был скорым и несправедливым. Через 10 дней после ареста, 4 июля 1941 года, выездной сессией Красноярского крайсуда приговорен к высшей мере наказания с конфискацией личного имущества. Редкий случай: смертная казнь 3 ноября заменена 10 годами ИТЛ.

24 июля 1941 в д. Иркутской арестована Прасковья Степановна Романова. Ма-

лограмотная женщина работала в колхозе «Совет». После скоротечного следствия ей предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Менее чем через месяц, 18 августа, выездной сессией Красноярского крайсуда осуждена на 7 лет ИТЛ и 3 года лишения политических прав.

25 июля в Дуброво был взят под стражу 59-летний Андриан Андрианович Дрянных. Работал в колхозе «Красный партизан». Обвинен в антисоветской агитации. Военным трибуналом гарнизона г. Красноярска 26 февраля 1942 осужден на 8 лет ИТЛ.

Конюх Сухобузимского райисполкома Степан Романович Шкерин арестован 24 августа 1941 года. Та же статья, 10 лет ИТЛ.

10 ноября 1941 года та же участь постигла уроженца Усть-Кана лесоруба лесозаготовительного участка Анисима Петровича Рунькова. 58-я статья, высшая мера наказания. Но приговор отменен специальной коллегией Верховного суда РСФСР. Дело передано на новое рассмотрение. Осужден 17 марта 1943 ОСО НКВД СССР на 5 лет ИТЛ.

Житель села Павловщина Мерза Фатифьевич Махамедишин работал плотником стройучастка. 30 ноября арестован. По ст. 58-10 УК РСФСР приговорен 25 декабря 1941 года к ВМН. Расстрел 17 января 1942 года заменен на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав.

***

В декабре 1941 года приказом № 113 по управлению НКВД Красноярского края Миндерлинская сельскохозяйственная колония была преобразована в подсобное хозяйство ХОЗО УНКВД. Временно исполняющим обязанности директора назначен Ткаченко.

16 декабря 1941 года Ткаченко вступил в должность и издал приказ № 1 о штатах. Это очень интересный документ. Из его содержания следует, что подсобное хозяйство одновременно было и лагерем – со всеми его атрибутами. В штатном расписании соседствуют должности специалистов сельского хозяйства и сотрудников исправительно-трудового лагеря НКВД. Директор хозяйства по совместительству – начальник лагеря.

Как и у всякого подразделения ГУЛАГа здесь есть взвод военизированной охраны (командир Субботовский).

1942 год

Репрессировано 16 человек, расстреляно 3.

В один и тот же день – 31 января 1942 г. – приговорены к расстрелу уроженец Неаполя итальянец Эдмондо Пелузо и бывший дворянин поляк Адольф Конрадovich Заницкий, отбывавшие ссылку в селе Сухобузимском. 6 марта того же года оба расстреляны в г. Красноярске.

Пелузо было 60 лет. Это был высокообразованный человек, владевший, кроме родного, русским, французским, испанским, английским, немецким языками. Окончил среднюю школу в США. С 1915 учился на историко-филологическом факультете Гейдельбергского (Германия) и в Цюрихском университетах. Пять

лет, с 1910 по 1915 год, работал корреспондентом газеты «Юманите». Активно участвовал в политической жизни. Сначала состоял в социально-демократической партии. С 1919 года член компартий Баварии, Италии. С 1915 года неоднократно арестовывался полицией в Австрии, Швейцарии и Италии. С 1923 по 1925 год находился в заключении.

В 1927 прибыл в СССР. К своему несчастью, принял советское гражданство, вступил в партию большевиков. Избирался делегатом 4 и 5 Конгрессов Коминтерна. До 1932 года работал в Коммунистическом университете Востока им. Сталина. Основал марксистский кабинет итальянского и испанского института Маркса-Энгельса-Ленина. Жил в Москве, работал в детдоме для испанских детей.

26 апреля 1938 года арестован органами НКВД. До объявления приговора сидел в Бутырской тюрьме. 14 мая 1940 года как «англо-итальянский шпион» осужден ОСО НКВД СССР на 5 лет ссылки. Мягкость приговора, наверное, можно объяснить абсурдностью предъявленного обвинения. Итальянца отправили в Сибирь. 24 июня 1940 года он прибыл в с. Сухобузимское.

Неизвестно, как уроженец побережья Тирренского моря пережил суровую зиму. Имел ли теплую одежду и обувь? Где его поселили – на квартиру к местным жителям или в барак для ссыльных?

Имея разностороннее европейское образование, в нашем селе он не мог устроиться на работу. Неизвестно, где находил средства к существованию. Не имел права отлучиться из села.

На седьмой день войны, 29 июня 1941 года, в его избушку нагрянули сотрудники НКВД.

В этот же день был взят и другой ссыльный – А.К. Заницкий.

Поляк Адольф Конрадович Заницкий был старше Пелузо на 5 лет. Родился в Одессе в 1877 году, происходил из дворянского рода, поэтому был лишен политических прав. С берегов Черного моря был сослан на 5 лет в село Сухобузимское как социально чуждый элемент, тоже в 1940 году. Работал счетоводом в артели инвалидов имени Максима Горького.

В этот же день арестовали политического ссыльного бывшего военного атташе во Франции – бывшего сотрудника Разведупра в РККА Аркадия Семеновича Семенова-Блас. Еврей, родом из г. Измаила. В 1940 сослан как социально опасный элемент на 5 лет в с. Сухобузимское.

Четвертым был ссыльный Тургенич. Его фамилия есть на сайте Красноярского «Мемориала». Номер архивного дела – 12071 – точно такой же у Заницкого, Пелузо, Семенова-Блас. Значит, они проходили по одному делу. Но ничего не удалось узнать о Тургениче, даже имя и отчество.

Невозможно представить, чтобы эти образованные, умудренные жизнью и тюремным опытом, заброшенные немилосердной судьбой из Европы в медвежий угол, вели в глухой сибирской деревеньке какую-либо агитацию. Возможно, общались между собой. В трудных условиях человек всегда тянется к людям своего круга.

Они прекрасно подходили для «повстанческой контрреволюционной организации». Ее и «создали» сотрудники НКВД. Возможно, существовало какое-то

секретное указание, по которому местным органам НКВД было приказано в условиях военного времени «зачистить» вверенную территорию от неблагонадежных элементов.

Эдмондо Пелузо и Адольф Заницкий расстреляны. Семенов-Блас 31 января 1942 года ОСО НКВД СССР осужден к ссылке в Красноярский край на 5 лет с добавлением неотбытого срока. Судьба Тургенича не известна.

***

В условиях военного времени преследованиям подвергались в основном наши земляки, находившиеся в действующей армии или в ссылке.

26 февраля 1942 года военным трибуналом гарнизона г. Красноярска на 8 лет ИТЛ осужден уроженец д. Дубровой Андриан Андрианович Дрянных, 59 лет. Он был из крестьян-середняков, малограмотный. Работал в колхозе «Красный партизан». Арестован 25 июля 1941 года. Обвинен в антисоветской агитации.

7 июня уроженец д. Таскино военнослужащий учебного батальона 174-й стрелковой дивизии Петр (Порфирий) Игнатьевич Толстухин осужден на 10 лет ИТЛ.

8 июля арестована наша землячка, уроженка Сухобузимского района заместитель начальника 626-го полевого госпиталя Анна Афанасьевна Рубан. Но, к счастью, дело ее было прекращено ОО НКВД Волховского фронта по реабилитирующим основаниям.

28 июля 1942 года высшую меру наказания за «антисоветскую агитацию» получил уроженец Шилы красноармеец 144-гострелкового полка Дмитрий Иванович Темных, 1911 года рождения. Расстрелян 4 августа.

Уроженец Миндерлы Федор Давыдович Сонин жил в Красноярске, работал швейцаром в ресторане парка культуры и отдыха. В 1942 году арестован за антисоветскую агитацию, но в 1943 году освобожден.

Уроженцы Сухобузимского района Михаил Афанасьевич Осетров и Петр Ефимович Баев арестованы в месте ссылки – на фактории Кислокан Илимпейского района. Осетров работал пильщиком, Баев – плотником. Баеву дали 10 лет. Осетров по ст. 58-8,10 приговорен к высшей мере наказания, но Эвенкийским окружным судом расстрел заменен на 10 лет ИТЛ.

На 10 лет лагерей осуждены уроженец Атаманово красноармеец 5-го запасного стрелкового полка 271-й запасной стрелковой дивизии Григорий Алексеевич Захаров, красноармеец 1061 стрелкового полка Ф. И. Худоногов из Карымской (умер в заключении в 1942 году).

Такая же мера наказания определена уроженцам района, работающим на разных производствах. Среди них – И.Е. Лозицкий, Д.М. Лалетин, Н.С. Леонтьев, В.В. Ноздрин.

В 1942 году арестован уроженец Подпорага красноармеец 19-го отдельного железнодорожного батальона Исаак Денисович Колосов. Военным трибуналом был оправдан, из-под стражи освобожден.

***

Совхоз «Таежный» перешел в подчинение Норильскому комбинату – Нориль-

скому ИТЛ. Создан Отдельный лагерный пункт (ОЛП) «Таежный», лагерные командировки.

***

В населенные пункты района привезли немецкие семьи, высланные из Ленинграда и Ленинградской области. Среди них – Юнкер, Иешке, Шейфер, Нусбаум.

***

24 июня 1942 года в СССР, с постановления Государственного комитета обороны за № 1926-сс началось преследование совершеннолетних членов семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных к высшей мере наказания по ст.58-1а и 58-1б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик: за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории, за попытку измены Родине и изменнические намерения, за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории.

Престарелых родителей, сестер, братьев, жен и детей под конвоем отправляли в ссылку в отдаленные местности СССР на срок в пять лет.

Десятки семей доставили в совхоз «Таежный», подсобное хозяйство НКВД – совхоз «Миндерлинский», колхозы Сухобузимского района.

Большинство составляли солдатские вдовы. Но были и генеральские. В совхозе «Таежный» отбывали ссылку вдова, два сына, две дочери начальника ВОСО Красной армии, генерал-лейтенанта технических войск Н.И. Трубецкого, вдова и дочь генерал-майора командира 25-го стрелкового корпуса С.М. Честохвалова, вдова и сын военинженера преподавателя академии Г.Е. Шмидта. Главы семей были расстреляны за измену родине, впоследствии реабилитированы.

1943 год

Репрессировано два человека.

Красноармеец 37-го батальона 57-й отдельной инженерно-саперной бригады уроженец села Сухобузимского Гаврила Иванович Машков получил 10 лет ИТЛ и 3 года лишения политических прав.

Уроженец Сухобузимского района Степан Архипович Шурупов работал кузнецом на участке Красноярской железной дороги. За антисоветскую агитацию приговорен Военным трибуналом к 4 годам ИТЛ.

***

22 декабря 1943 года НКВД издал приказ № 001766 «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей».

По другому приказу наркома внутренних дел, № 00127 от 7 февраля 1944 года,

на спецкомендатуры возлагались задачи *«агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев по предупреждению побегов, розыску, выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел, связанных с преступлениями, которые совершались спецпереселенцами»*.

«Обслуживание» распространялось на депортированных немцев и калмыков, народы стран Балтии.

На территории Сухобузимского района действовало четыре спецкомендатуры: в Сухобузимском – № 90, в Шиле – № 91, в Атаманово – № 92 и в Усть-Кане – № 191.

Родители – в ссылке, сыновья погибают на фронте

Спецпереселенцы были бесправны. Подавляющее большинство, в том числе дипломированные специалисты с высшим образованием, вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом в сельском хозяйстве, на лесоповале или на стройках. Молодежь не имела возможностей для повышения квалификации или получения образования.

Многие поселенцы годами не имели никаких сведений о родных, в том числе и о воевавших на фронтах Великой Отечественной. Часто случалось, что в ответ на запросы приходили похоронки.

Такую весть получила ссыльная армянка Р.А. Оганесян: *«Ваш сын старший сержант Егоняк Николай Сумбатович, уроженец Артикского района Армянской ССР, верный воинской присяге, погиб 1 июня 1944 года»*.

В Сухобузимский военкомат пришла бумага с просьбой известить ссыльную-калмычку Наранову Кермен Бадмаевну о том, что солдат Наранов Эльдя Наранович, уроженец Еногаевского района Сталинградской области попал в плен и умер в плену 10 июня 1944 года.

Матрене Дяк, работавшей в совхозе «Таежный», пришла похоронка на мужа Николая Дмитриевича Дяка, погибшего 12 июля 1944 года.

Семье Диланян тоже пришло страшное известие: солдат Диланян Рубен Шмагонович, 1922 года рождения, уроженец Тбилиси, погиб 20 августа 1944 года у деревни Хаджимус Бендерского района Молдавской ССР.

В сентябре 1944 года в/ч 22661 отправила в Миндерлинский совхоз НКВД извещение для Нины Григорьевны Закреничной: ее сын сержант Закреничный Борис Куприянович, находясь на фронте, пропал без вести 16 августа 1944 года. Некоторых ссыльнопоселенцев, оторванных от родных мест, похоронки находили и через несколько лет после окончания войны.

1944 год

Репрессировано 5 уроженцев и жителей Сухобузимского района.

Уроженец Высотино, военнослужащий, шофер РККА Василий Иванович Бабурин за антисоветскую агитацию осужден Военным трибуналом на 8 лет ИТЛ.

Уроженец Дубровой Александр Степанович Лалетин жил в Красноярске, рабо-

тал кузнецом на ПВРЗ, по ст. 58-10 осужден на 10 лет. Столько же получил уроженец Воробино Григорий Семенович Першин, проживающий в Красноярске. В этом же городе 23 июня 1944 года была арестована уроженка Шошкино, стрелочница железнодорожной станции Бугач Мария Павловна Шаповалова. Два месяца пробыла в тюрьме и была оправдана Военным трибуналом КЖД. Нередко арестовывались лица, отбывавшие ссылку в Сухобузимском районе. Так, ссыльный Василий Яковлевич Максимов, работавший в колхозе, арестован в октябре 1944 года, осужден на 6 лет.

***

В район привезли депортированные калмыцкие семьи.

20 января 1944 года вышел приказ директора Миндерлинского совхоза НКВД Глаголева о приеме спецконтингента численностью 150 человек. Коменданту Пригарину поручено организовать подготовку помещений, мало-мальски пригодных для жилья – вымыть их, оборудовать, утеплить и регулярно топить. Вместе с начальником санчасти он обязан обеспечить санобработку прибывших, баню, а вещи пропустить через дезокамеру.

Центральный участок должен принять 60 человек, Шилинский – 90. Заведующей отделом кадров Горбуновой приказано переписать контингент, отдельно выделив мужчин и женщин старше 16 лет, детей – до 3 лет, от 3 до 12, от 12 до 16 лет.

В приказе ни единым словом не сказано, что спецконтингент этот – калмыки. Но судя по дате, речь идет именно об этом депортированном народе. Тем более что буквально в следующих документах стали появляться труднопроизносимые калмыцкие имена.

В совхозе новичков определили на разные работы. В списках появились: Сангаджи Дорджиев, Булгун Наранова, Ферте Джимбева, Эренцен Сенгляев, Кука Бовланова, Гаря Эреднеев, Бодуш Китаев, Саранг Укукуев. Вскоре калмыков стали называть Иванами, Борисами, Федорами, Мариями, Валентинами и Аннами.

В совхоз «Таежный» большая партия калмыков поступила летом 1944 года. Много калмыков работало в «Заготскоте», колхозах, подсобных хозяйствах военных заводов № 4, № 327, № 703.

***

В октябре или ноябре из Волынской области, в частности из Луцка и окрестных сел, в наш район прибыл этап из ссыльных украинцев и поляков.

1945 год

Репрессировано 2 человека.

Это уроженец деревни Усть-Кан Иван Арсентьевич Коштунков. Во время ареста он учился в Саратовском пехотном училище. Обвинен по ст. 58 и осужден на 10 лет ИТЛ.

В этом же году был арестован депортированный калмык Шовгур (Шавгур)

Убушеевич Горяев, работавший в совхозе, осужден за антисоветскую агитацию на 7 лет ИТЛ.

***

9 мая пришла долгожданная победа. Возвращались домой уцелевшие на войне солдаты. Прибыли к семьям и воевавшие калмыки. Их немедленно поставили на учет в спецкомендатуре.

Поток «врагов народа» не только не иссяк, а резко увеличился после окончания войны.

Пошли этапы репатриантов. Среди них иностранные граждане – поляки, мадьяры, венгры, сербы, чехи, болгары. Были и немцы, подданные Германии.

Преобладали, конечно, советские граждане. Сослали и тех, кто добровольно ушел на Запад вместе с немцами, и тех, кого враг насильственно угнал в Германию.

В ноябре 1945 года все население Атаманово взбудоражило шокирующая новость: привезли власовцев. Так называли не только лиц, служивших в РОА, строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских, но и бывших советских военнослужащих, попавших в плен по не зависящим от них причинам и не запятнавших себя в лагерях.

В колонне шли молодые мужчины разных национальностей: русские, украинцы, казахи, татары, армяне, грузины, узбеки, таджики, карелы, коми... Бывших советских военнопленных под конвоем препроводили в лагерь.

Они попали в плен на разных фронтах, большей частью в первые месяцы войны, когда в окружении оказались целые армии.

Испытали весь ужас фашистских концлагерей. Кто отбывал неволю в Польше, кто в Прибалтике, кто в Германии, кто в Финляндии. Прибыли узники из Австрии, Югославии, Италии и Франции. Но больше всего среди военнопленных было заключенных немецких лагерей, расположенных в Норвегии.

В июне 1945 года «норвежцев» доставили в военный лагерь поселка Суслонгер Марийской АССР. И вначале они как будто продолжали службу в родной армии. Но СМЕРШ уже полным ходом вел проверку репатриантов. Она требовала немало времени.

Тогда военнопленных погрузили в вагоны и повезли на восток. В Красноярске с ними уже обращались как с преступниками. Большую группу отправили в ОЛП «Таежный», Миндерлинский совхоз НКВД.

Старожилы Атаманово говорят: сюда привезли примерно 200 человек.

Проверки пленными продолжались больше года. Можно предположить, что фактов предательства у большинства не установили, так как пленных не осудили, наоборот, через девять месяцев выпустили из-за колючей проволоки.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. № 691-271сс Министерству внутренних дел СССР было разрешено по окончании проверки передать спецконтингент в постоянные кадры предприятий Министерства черной металлургии для трудового использования на предприятиях, расположенных в северных районах Кемеровской, Свердловской и Молотовской областей с оставлением на положении спецпереселенцев в указанных областях сроком на 6 лет.

«Шестилетники» оказались не только на металлургических, но и на других предприятиях.

1946 год

Репрессировано 2 человека.

По обвинению в измене Родине был арестован уроженец Атаманово, красноармеец 229-го полка 52-й дивизии конвойных войск МВД СССР Борис Алексеевич Жемчугов. Осужден на 8 лет ИТЛ.

29 октября 1946 года в районе арестован главный врач Сухобузимской районной больницы латыш Екабс (Яков) Дилле. 17 января 1947 года Красноярским крайсудом осужден за контрреволюционную агитацию по 58-й статье на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 14 октября 1959 года.

Скорее всего, семья Дилле была депортирована в Сибирь в 1941 году. В совхозе «Таежный» с 7 марта 1943 года счетоводом-учетчиком 3 отделения работал сын врача Леонид Дилле. А с 1941-го по 1942-й Леонид был фотографом Ново-Васюганского райпромкомбината Нарымского округа Новосибирской области. С 1942-го по 1943-й – дежурный сторож в артели «Красный сибиряк».

Сыльнопоселенцев, как правило, не призывали в действующую армию, они считались политически неблагонадежными. Для Дилле почему-то было сделано исключение. Перед выселением из Латвии он успел закончить среднюю школу в Даугавпилсе. Знал, кроме родного латышского, английский, русский и немецкий языки.

В апреле 1944 года Леонид Дилле ушел из совхоза «Таежный» на фронт.

Спустя 70 лет в архиве Сухобузимского военкомата я нашла на него похоронку. Якова Дилле извещали, что его сын, красноармеец 665-го стрелкового полка Леонид Дилле «верный воинской присяге, проявив героизм и мужество», погиб 8 февраля 1945 года в Восточной Пруссии. Захоронен «с отдаением воинских почестей в братской могиле. Она находится в 800 метрах северо-западнее с. Лимы (Ламы? неразборчиво)».

Можно представить, какое горе обрушилось на отца.

Мне очень хотелось узнать, выжил ли врач Дилле в лагерях, как сложилась его жизнь после освобождения. Задавала эти вопросы знакомым журналистам, когда весной 2017 года была в Латвии. Но не получила ответа. Никто, к сожалению, не знал о его судьбе.

Но эта история неожиданно получила продолжение.

В октябре 2018 года в военкомате я снова просматривала папку с похоронками. Попалось извещение о гибели Леонида Дилле. Вновь перечитываю его. Жалею молодого человека. Погиб, когда до окончания войны оставалось всего три месяца.

Но надо идти дальше. Переворачиваю страницу.

И... вдруг вижу на обороте похоронки какую-то запись.

Не может быть!

Впервые в жизни такое встретилось. От волнения перечитываю второй, третий раз.

Черным по-белому написано:

«Выслано ошибочно. Данный красноармеец жив и имеет письменную связь с родственниками. Полевая почта 64081Н. Дата последнего письма 15 мая 1945 года».

К сожалению, ничего больше о судьбе отца и сына выяснить не удалось.

***

15 марта 1946 года согласно закону о преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР, а всех народных комиссариатов – в министерства НКВД стал именоваться Министерством внутренних дел. С этого же месяца Миндерлинский совхоз ХОЗО НКВД получил новое название – Миндерлинский совхоз ХОЗО УМВД. Он по-прежнему имел два участка – Центральный и Шилинский. Первый размещался в Борске, второй – в Шилинке. Примерно в середине ноября 1946 года распоряжениями начальников управлений – МГБ и МВД – генерал-майора Ковшука и генерал-майора Семенова по состоянию на 1 декабря 1946 года совхоз был разделен на два самостоятельных хозяйства.

Директором Миндерлинского совхоза УМГБ назначили В.М. Глаголева, директором Шилинского совхоза ХОЗО УМВД – А.Г. Кроколева.

1947 год

Репрессирован один уроженец Сухобузимского района и трое ссыльнопоселенцев.

2 января 1947 года в совхозе УМВД арестован депортированный калмык Мишиш Тимирович Иванов, 1885 г.р., уроженец с. Цаган-Аман Астраханской губернии. Спецпереселенца обвинили в антисоветской агитации. 27.01.1948 выездная сессия Красноярского крайсуда приговорила его к 6 годам ИТЛ и 3 годам лишения политических прав.

В 1947 году были арестованы уроженец Краснодарского края Н.И. Постол, работавший в совхозе НКВД с 1941 года, заведующий зернотоком этого же хозяйства В.Н. Циммерман.

Уроженец д. Глубокий Ручей красноармеец Георгий Васильевич Рогулев с июня 1943 до капитуляции Германии находился в плену у немцев. С июля 1945 по день ареста служил в военной комендатуре. Арестован в ноябре 1946. Обвинен в измене родине по ст. 58-1-б УК РСФСР. Как известно, военнослужащие, осужденные по этому пункту, карались высшей мерой уголовного наказания – расстрелом. Нашему земляку повезло. В результате расследования оперсектором советской военной администрации по федеральной земле Саксония 11 марта 1947 года дело прекращено, так как не были найдены доказательства измены Родине.

***

Начали возвращаться из трудармии немцы и калмыки. Их охотно принимают в

колхозы и совхозы. В этом году, а еще больше в 1948-м, наконец- то воссоединились многие из порушенных семей.

1948 год

Репрессирован один уроженец Сухобузимского района.

Военнослужащий Евгений Тимофеевич Новиков осужден по ст. 58 на 15 лет.

Но в этом году в стране начался новый виток репрессий.

В Сухобузимский район привезли литовцев. Согласно постановлению Верховного Совета от 21 февраля 1948 года спецпоселению подлежали семьи литовских националистов, оказывающих сопротивление советизации Литвы, а также сочувствующие им и кулаки с домочадцами. Операция под кодовым названием «Весна» была проведена 22–23 мая 1948 года.

Литовцев определили на работу в колхозы и совхозы – в Подсопки и Шилу, Миндерлу и Шошкино, Сухобузимское и Ковригино, на лесоучастки, поселки совхозов УМВД и УМГБ.

Вскоре сюда же стали поступать бывшие лагерники, отсидевшие срок по 58-й статье.

21 февраля 1948 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О направлении особо опасных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

В этом Указе перечислены места ссылки: район Колымы, некоторые области Казахстана, а также Новосибирская область и Красноярский край. Предписывалось расселять ссыльных «на 50 км севернее Транссибирской магистрали».

Сухобузимский район и ранее был местом ссылки осужденных по политическим мотивам. А в этом случае и вовсе идеально подходил для приема «второрников»: расположен на 50 км севернее железной дороги, имеет спецкомендатуры.

Так на совхозных и колхозных полях рядом с власовцами оказались «шпионы» разных мастей, «диверсанты», «террористы», «троцкисты», правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп. Среди лиц, «представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности», было много евреев. В стране началась борьба с космополитизмом.

В результате район стал прибежищем ученых, писателей, художников, бывших руководителей ведомств, крупных специалистов, родственников известных людей.

В Сухобузимский район сослали сына М.П. Томского Юрия Михайловича Томского, племянницу маршала М.Н. Тухачевского – Марианну Владимирову. Невестка Г.Е. Зиновьева врач Берта Самойловна Джафарова (Левина) вместе со вторым мужем отбывала ссылку сначала в совхозе «Тажный», а затем в Павловщине. Оба работали в больнице.

Известный сортоиспытатель, заслуженный агроном РСФСР, писатель Николай Владимирович Супруненко после лагерного срока тоже попал в Сухобузимский район. Долгие годы возглавлял сортоучасток в Шиле.

В район был сослан инспектор Всесоюзного отделения каракулеводства Бекир Умеров, отбывший 10 лет в лагерном заключении. Работал старшим зоотехником на Третьем отделении совхоза «Таежный» до 1954 года. Позднее многое сделал для реабилитации крымских татар.

Зоотехником, заведующим фермой Саман в совхозе «Таежный» трудился бывший заключенный, участник гражданской войны (начальник экспедиционного отряда Южного фронта), бывший зоотехник управления конезаводов СССР Павел Александрович Гофман.

Сторожем маслозавода в Миндерлинском совхозе МГБ работал известный башкирский музыковед, композитор Иван Васильевич Салтыков, пианисткой клуба – выпускница Киевского музыкально-театрального института Лидия Леонидовна Жовнер. На разных работах – артистка Галина Зиновьевна Залнеховская-Тапер, актер и режиссер Александр Акимович Иваненко.

20 лет каторжных работ

В течение 1948 года административный режим в местах спецпоселений был ужесточен. 21 февраля 1948 года Совет министров СССР издал Постановление за № 418-161 сс «О ссылке, высылке и спецпоселениях».

Согласно документу вся «работа по административно-ссылным, высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи» передавалась из МВД в МГБ.

Органам поручалось *«организовать строгий учет, агентурное наблюдение и гласный надзор за ссылными и высланными и заставить их периодически являться на регистрацию в местные органы МГБ СССР»*.

УМГБ Красноярского края, Новосибирской области и МГБ Казахской ССР укрепили опытными чекистами. Например, в УМГБ Красноярского края направили 120 оперативных работников, в районных отделах (отделениях) МГБ ввели должности участковых уполномоченных.

Для предотвращения побегов в районы ссылки, высылки отправили четыре отдельных усиленных батальона внутренних войск МГБ СССР.

26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны»:

«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Великой Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства».

Указ предусматривал уголовную ответственность *«за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения»*.

Мера наказания поражала своей жестокостью – 20 лет каторжных работ.

За невыработку трудодней – ссылка

2 июня 1948 года издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Труд в колхозах был, по сути, официально объявлен принудительным. Ведь еще 15 апреля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР введена уголовная ответственность для лиц, виновных в невыработке обязательного минимума трудодней, в форме наказания исправительно-трудовыми работами в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты до 25 процентов трудодней в пользу колхоза. Ответственность наступала с 16 лет и до пенсионного возраста. Подростки от 12 до 16 лет хотя и должны были выработать не меньше 50 трудодней в год, но за невыполнение такого минимума уголовной ответственности не несли.

Выселялись «указники», как правило, на восемь лет. Из Красноярского края ссылали в северо-западные районы Хабаровского края. А в наш регион – с Поволжья, из Курской, Белгородской и других областей.

Мне довелось изучать в краевом и районном архивах похозяйственные книги сельских Советов Сухобузимского района за военные и послевоенные годы. Изучая список жителей деревень, я никак не могла понять, почему так много пометок – «находится в заключении» – даже напротив фамилий женщин и пожилых людей. Думала: большинство этих людей, видимо, пострадали «за колоски», ведро картошки или за опоздание на военный завод, куда мобилизовывали многих сельских девушек и ребят. Оказывается – еще и за невыработку трудодней.

1949 год

Репрессирован один человек.

В совхозе «Таежный» арестован слесарь Карл Карлович Штурц. Гражданин Германии, видимо, отбывал здесь ссылку. ОСО осудило немца по ст. 58-6,10,11 на 10 лет ИТЛ. В 1955 году Штурц освобожден досрочно и репатриирован в Германию.

Операция «Прибой»

В 1949 году в села и деревни Сухобузимского района привезли семьи из Латвии, Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии. Появились и уроженцы Эстонии, но их было немного.

В Прибалтике и Западной Украине вооружённые отряды («лесные братья», Украинская повстанческая армия) продолжали партизанско-террористическую борьбу с властями. В Белоруссии действовала Белорусская освободительная армия».

Задержанных участников этих отрядов и тех, кто оказывал им содействие, су-

дили, приговаривали к различным видам наказания, чаще всего к длительным срокам заключения. Были репрессированы также их родственники.

В 1949–1950 гг. в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии проведена коллективизация. Она сопровождалась ликвидацией кулачества. У зажиточных крестьян изымали землю, имущество и средства производства и передали их в колхозы. Кулацкие семьи выселили в Сибирь.

На основании Постановления Совета министров СССР за № 390-138сс от 29 января 1949 года в конце марта 1949 года началась операция «Прибой» – депортация жителей Эстонии, Латвии и Литвы в Сибирь. В общей сложности (с учетом довыселенных) всего в марте 1949 года было депортировано 94 779 чел., из них мужчин – 25 708, женщин – 41 987 и детей – 27 084 чел. Они поступили в Омскую, Томскую, Новосибирскую, Иркутскую и Амурскую области. В Красноярский край направили 13 823 человека.

***

В 1949 году в совхоз «Таежный» в числе других ссыльных был принят ученый, преподаватель института, научный сотрудник музея, краевед, первый директор заповедника «Столбы» Александр Леопольдович Яворский.

Пять лет ссыльный ученый проработал в этом хозяйстве. В архиве хозяйства хранится его служебная карточка № 13/21. В ней указано, что в 1937 году Яворский осужден на 10 лет по ст. 58-8, 58-10.

Всего одну неполную страницу занимают сведения о трудовой деятельности. Но за сухими формулировками – трагедия талантливого, образованнейшего человека, который мог бы достичь высоких вершин, реализовать свой яркий талант на благо Родины.

Но в трагическом 1937 году Яворский приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Вятлаг. Освободился 22 мая 1947 года. Вернулся в Красноярск, снова начал работать в музее и в учебно-опытном лесничестве (лесхозе) при СибЛТИ.

Полтора года передышки. 31 декабря 1948 года Яворский арестован прямо в музее. Приговорен к вечному поселению. Яворский прибыл в совхоз с открытой формой туберкулеза легких, полученного в тюрьме.

Принят рабочим Первого отделения совхоза «Таежный». Правда, уже через год он назначен ботаником опытного поля, а в 1954, незадолго до освобождения, – агротехником.

Но разве были условия для научной работы на совхозном отделении. Мог ли ученый в подневольных условиях применить накопленные знания?

Но Яворский не умеет плохо работать. Об этом свидетельствуют записи в книгах приказов. Несмотря на статус «врага народа» его неоднократно премировали за ударный труд.

***

Немало прекрасных ученых, специалистов разного профиля поселили в Шилинке. Здесь в 1949 году появился филиал ОТБ-1 (Особого технического бюро). Оно входило в Главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации ме-

сторожеден и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае (Енисейстрой).

ОТБ-1 создавалось по приказу министра Внутренних дел Союза ССР. На бюро возложили выполнение научно-исследовательских, проектно-конструкторских и опытных работ для «Енисейстроя».

1950 год

Репрессировано три человека.

Арестован уроженец села Сухобузимского, рядовой воинской части № 16907 Александр Павлович Киселев. За антисоветскую агитацию осужден на 8 лет ИТЛ.

В этом году осуждены двое ссыльных, отбывавших наказание в Сухобузимском районе – уроженец города Николаева, рабочий колхоза имени Буденного в Большом Балчуге Петр Георгиевич Тумарев и уроженец Курской губернии, агроном совхоза «Таежный» Евгений Львович Марков. За антисоветскую агитацию Тумарев получил 10 лет ИТЛ, а Марков – 25.

***

Выросло число заключенных в ОЛП «Таежный» Норильского ИТЛ, поэтому отдельный лагерьный пункт преобразовали в лагерьное отделение № 25.

15 ноября 1950 года введено новое штатное расписание, утвержденное комбинатом.

1951 год

Репрессировано четыре человека. Все – из числа ссыльных.

13 апреля народным судом к 10 годам заключения осужден Г.А. Щербаков, 19 мая – к 8 годам заключения Х. Курбан-Назаров, в августе 1951 года 8 лет получил А.Т. Фатулаев.

В 1951 году на 10 лет ИТЛ осуждена ссыльная сербка Надежда Александровна Невская.

***

Увеличилась численность заключенных 25-го лаготделения Норильлага.

9 мая «в связи с расширением объема работ совхоза «Таежный» и увеличением списочного состава» отдельный взвод военизированной охраны реорганизован в 28-й дивизион. Вольнонаемными в совхозе (доме отдыха) «Таежный» в 1951 году работало около 2000 человек. Население села Атаманово составляло 3300 человек.

На основании распоряжения начальника Норильского ИТЛ и комбината МВД СССР В.С. Зверева в Пировском районе было создано еще одно отделение «Таежного», пятое по счету. Оно занялось заготовкой сена для комбината и его заполярных хозяйств. Часть ссыльных и ссыльнопоселенцев была перебросена в Пировский, а затем и Казачинский районы.

***

В 1951 году сдан в эксплуатацию дом младенца лаготделения № 25 на 200 детей. Заключенные женщины работали наравне с мужчинами. А родившихся в неволе детей помещали в казенное учреждение. До трех лет ребятам росли рядом с матерями. С 3-летнего возраста их отправляли в детские дома.

В 1951 году в дом младенца привезли 100 детей из Норильска.

***

26 февраля 1950 года Совет министров СССР принял совершенно секретное постановление о строительстве в Красноярском крае оборонного предприятия по наработке плутония для ядерного оружия – комбината № 815. Документ был подписан Иосифом Сталиным. Предприятие разместили в граните Атамановского кряжа, на территории Сухобузимского района.

По распоряжению МВД СССР под грифом «совершенно секретно» в 1951 году сначала в Атаманово, а потом и на отделениях совхоза, а также в селах, находящихся на правом берегу Енисея, установили особый режим, ограничивающий постоянное и временное проживание лиц, подпадающих под паспортные ограничения.

Персонами нон грата стали политссылные, власовцы, депортированные народы, ссыльнопоселенцы.

Началось «великое переселение народов». Сомнительный элемент переселяли в другие населенные пункты Сухобузимского района и за его пределы. Всем, кто состоял на учете в спецкомендатурах, пришлось пережить еще одну, никем не объявленную ссылку.

1952 год

Репрессировано два человека.

5 марта 1952 года Военным трибуналом по ст. 58-8,10 на 25 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав осужден ссыльный казах уроженец Туркестанского края Джандулла Сарсенбаев, проживавший в Усть-Кане и работавший в химлесхозе.

Такой же чудовищный срок получил ссыльный украинец из Ровенской области рабочий Миндерлинской МТС Петр Яковлевич Антонюк. Но определением Военной коллегии приговор ему заменен на 10 лет ИТЛ.

***

По состоянию на 1 января, на учете только одной из четырех спецкомендатур – Атамановской № 92 состояло 1256 человек из числа спецпоселенцев, ссыльных и высланных, в их числе 526 мужчин, 388 женщин, 342 ребенка. Немцы, калмыки, власовцы, оуновцы, кулаки из Прибалтики, указники.

Такую справку (№ 45/3-824 от 21.06.2016) на наш запрос прислал Информационный центр ГУ МВД России по Красноярскому краю.

***

Распоряжением Совета министров СССР от 22 марта 1952 года и последовав-

шим за ним через восемь дней распоряжением министра внутренних дел Круглова (№ 560 от 31.03.1952) Норильскому комбинату предложено к 1 января 1953 года перевести дом отдыха, пионерский лагерь и центральную усадьбу совхоза «Таежный» вниз по течению реки Енисей.

На Четвертом отделении, в устье реки Исток, невиданными темпами развернулось строительство. Здесь даже открыли новое отделение Норильлага – № 26. Вскоре контору совхоза, ЦРМ перебазировали на Четвертое отделение.

***

18 декабря 1952 года начальник комбината В.С. Зверев в соответствии с постановлением Совета министров СССР издает распоряжение № 0711 «О передаче центральной усадьбы дома отдыха «Таежный» и пионерского лагеря строительству железных рудников». Так в целях конспирации назывался комбинат № 815. Ему переданы дом отдыха, пионерский лагерь, огород и тепличное хозяйство, лесные дачи.

Но менее чем через год «Таежный» вернулся в ведение Норильского комбината, а центральная усадьба – в село Атаманово.

***

В 1952 году закончился срок ссылки для «шестилетников» – бывших советских военнопленных.

1953 год

В 1953–1957 гг. не было репрессировано ни одного уроженца или жителя Сухобузимского района.

5 марта на совместном заседании ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ и МВД СССР в единое ведомство во главе с Берией – МВД СССР.

Подсобные хозяйства АХО УМГБ и ХОЗО УМВД, находящиеся в Сухобузимском районе, объединены в одно. Теперь оно называется Миндерлинское подсобное хозяйство АХО УМВД Красноярского края. Директором назначен И.К. Ануфриев.

***

В апреле 1953 года Норильский комбинат передали из системы ГУЛАГа в только что созданное Министерство металлургической промышленности. Вскоре лагерное отделение Норильлага на территории совхоза «Таежный» было расформировано.

1954 год

13 марта 1954 года создан Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. МВД СССР было вновь разделено на два ведомства – КГБ при Совете министров СССР и МВД СССР.

Подсобное хозяйство АХО УМВД перешло в подчинение УКГБ и стало называться Миндерлинский подхоз ХОЗО УКГБ Красноярского края.

Началось освобождение

19 апреля 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление об освобождении из ссылки ранее осужденных за антисоветскую деятельность к лишению свободы на срок до 5 лет включительно и после отбытия наказания направленных по нарядам МГБ, МВД СССР и постановлениям Особого Совещания при МГБ-МВД СССР в ссылку на поселение.

Освобождение указанных лиц по совместному приказу министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Круглова и генерального прокурора СССР Р. Руденко от 24 апреля 1954 года следовало закончить к 1 июня 1954 года. Органам милиции было приказано выдавать освобожденным паспорта, иноподданным и лицам без гражданства – виды на жительство. Личные учетные дела освобожденных сдавались в архив.

Не прошло и трех месяцев, как 5 июля 1954 года последовало Постановление Совета министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев».

В постановлении отмечалось: *«В результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев, будучи трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, и считая, что в связи с этим применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью».*

Приказ министра внутренних дел СССР № 00597 от 16 июля 1954 г. детализировал процедуру.

Лица, состоявшие на учете спецпоселений, имели право проживать в пределах данной области, республики, края; находившимся в служебных командировках предоставлялась возможность свободного передвижения в любой пункт страны на общих правах.

Отныне невольники – обитатели поселков, сел и деревень Сухобузимского района могли уехать в Красноярск, в любой из районов края. Но по прибытии к новому месту жительства обязаны были встать на учет в органах МВД.

Поселенцы были поражены, когда им объявили, что им уже не нужно ежемесячно являться в комендатуру для отметки. Достаточно один раз в год.

Отменялись штрафы и аресты за несоблюдение режима спецпоселения.

В месячный срок с учета органов МВД сняли детей спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 года. И впредь детей на учет не брали. Однако юноши и девушки старше 16 лет по-прежнему учитывались в книгах посемейного учета.

Исключение делалось для зачисленных в учебные заведения. Им разрешили выезд к месту учебы в любой пункт страны.

Органы советской власти обязали *«усилить политическую работу среди спец-*

поселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь. Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские организации, а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью».

Постановление не распространялось на лиц, «осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания».

Это касалось четырех категорий спецпоселенцев:

украинских националистов, бандитов «ОУН – УПА», бандпособников и членов их семей, выселенных из западных областей Украинской ССР в 1944–1952 годах;

членов семей бандитов, бандпособников и кулаков с семьями, выселенных из Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, западных областей Украинской и Белорусской ССР и Псковской области в 1945–1952 годах;

«андерсовцев» и членов их семей, выселенных из Литовской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году;

иеговистов, выселенных из Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году.

16 июля 1954 г. по совместному приказу Генерального прокурора СССР, министра внутренних дел СССР и председателя КГБ при Совете министров СССР лица, находящиеся по решениям Особого Совещания в ссылке на поселении на основании директивы МГБ СССР и Прокуратуры СССР № 66/241 сс от 26 октября 1948 года, от ссылки на поселение освобождены и с учета сняты.

Повторники – «шпионы», «диверсанты», «террористы», «троцкисты», правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и «участники других антисоветских организаций и групп», сосланные навечно, получили свободу.

13 августа 1954 года постановлением Совета министров СССР № 1738/789сс снимались ограничения по спецпереселению:

с «бывших кулаков», выселенных в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации;

с немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение немцев не производилось;

с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подлежали.

Начался массовый выезд ссыльных и ссыльнопоселенцев на родину.

***

На месте 25-го лаготделения Норильского ИТЛ остался Атамановский лагерный пункт, который подчинялся Красноярскому лагерному отделению УИТЛК УМВД Красноярского края. Совхоз «Таежный» не мог обойтись без дармовой рабочей силы заключенных. Директор совхоза М.М. Коняхин заключил договор с лагпунктом п/я № 288/12 о предоставлении «рабочей силы в количестве 750 человек с 1 мая по 15 октября 1954 года для производства следующих ра-

бот: сельскохозяйственных, погрузо-разгрузочных и строительных...». В зимнее время потребность хозоргана в з/к сокращалась до 300 человек.

1955 год

10 марта 1955 года вышло Постановление Совета СССР № 449-272 с «О выдаче спецпоселенцам паспортов».

23 марта 1955 года по предложению Министерства внутренних дел СССР и Министерства обороны СССР Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О призыве на действительную военную службу некоторых категорий спецпоселенцев». Отныне ссыльная молодежь должна была служить в армии. С момента призыва ее снимали с учета в спецкомендатурах.

28 апреля 1955 года Совет министров СССР принял Постановление № 858517с «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею, Китай находящихся на территории СССР граждан этих стран».

23 мая 1955 года вышел соответствующий приказ министра внутренних дел С. Круглова № 00205, касающийся иностранных граждан, находящихся в местах поселений.

На территории района отбывали ссылку немало поляков, румын и китайцев. Были чехи, словаки, болгары, венгры, немцы (не российского происхождения), корейцы. Сколько человек тогда выехало из района за границу – не известно. Некоторые из иностранцев обрели в Сибири семьи. Их жены не решались выехать на чужбину, поэтому и мужья-иностранцы остались здесь на жительство. По этой причине, например, остался на Третьем отделении совхоза «Тажный» поляк Григорий Монастырский. Его сын, ныне покойный, Иван Григорьевич Монастырский, однажды дал мне заявление отца на имя коменданта спецкомендатуры Сухобузимского РО МВД от 11 июня 1955 года. В нем Григорий написал о желании остаться проживать в Советском Союзе, так как он имел семью – жену и детей. Иван Григорьевич обратил мое внимание на то, что заявление отца написано на листочке о прохождении ежемесячной регистрации в спецкомендатуре.

И все-таки многие выехали на историческую родину. С отделений совхоза «Тажный» чаще всего уезжали в Польшу. Уехал в Польшу белорус Александр Петрович Чечура с женой, братом и детьми.

Приняли решение выехать на постоянное место жительства в Польшу и поляки, живущие в Борске и Шилинке. 12 ноября 1955 года в Миндерлинском подхозе УКГБ вышел приказ № 162. В одном из пунктов значилось: «Уволить из подхоза ввиду отъезда в Польшу с 14 ноября 1955 года следующих лиц:

Войцеховского М.Ю.

Дзежгва М.Ф.

Касацкого Н.С.

Маркачевского И.А.

Свительского С.А.

Миллера Н.Ф.

В 1955–56 гг. выехали на родину граждане Германии Фрида Кляки, майор люфтваффе Генрих Отто Шумахер, работавшие в Миндерлинском совхозе УКГБ. Покинули Советский Союз и граждане Японии Усидима Ясудика, Хирата Худео, гражданин Северной Кореи Пак Хен Нам, уроженец Чехословакии Доминик Курцер.

Большая амнистия

17 сентября 1955 года издан Указ Президиума Верховного Совета «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»:

«руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или незнанию оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до десяти лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше десяти лет за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан».

Сняты с учета немцы

После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселениях» немцы были сняты с учета и освобождены из-под административного надзора органов МВД. Однако они не получили право возвращаться в места, откуда были выселены, не было речи и о возвращении им имущества, конфискованного при выселении. АССР немцев Поволжья так и не была восстановлена.

1956 год

Население Сухобузимского района начало значительно сокращаться. В 1956, 1957, 1958 гг. происходил массовый выезд на родину литовцев, эстонцев, латышей, калмыков. Большинство ссыльных и депортированных народов навсегда покинули Сибирь.

***

Навсегда исчезли с территории района исправительно-трудовые лагеря. В оставшихся от них зданиях разместили различные организации. В Атаманово в бывшем женском лагере открылась краевая психиатрическая больница. В Шилинке здания ОТБ-1 занял дом инвалидов, позднее перепрофилированный в психоневрологический интернат. Миндерлинский совхоз ХОЗО УКГБ передали Красноярскому сельскохозяйственному институту для учебно-опытного хозяйства.

...В 2014 году Шилинке по инициативе и на средства сына репрессированных В.Д. Углова сооружен памятник землякам: «Воинам-победителям 1941–1945 гг. Труженикам тыла. Жертвам репрессий. От благодарных потомков».

Спустя некоторое время в Атаманово на народные средства тоже поставили памятник жертвам политических репрессий. Место, где стоит камень, и все вокруг исхожено даже не сотнями, а тысячами репрессированных, ни в чем не повинных людей. Полито их потом и кровью. А рядом у околицы – кладбище, где некоторые мученики нашли последний приют.

На открытии мемориала В.Д. Углов объяснил, что подвигло его на строительство памятника:

- Не устаю восхищаться силой духа моих земляков. Люди, прошедшие через горнило войны, репрессий, потерявшие все, пережившие тяжелейшие испытания, находили в себе силы сохранять человечность, доброе отношение к людям, любовь, веру в лучшее и способность жить по совести. И я много думал о том, как сберечь память о них. Так появился этот мемориал.

Теперь потомкам есть куда положить цветы.

Источники

1. ГАКК, Ф.Р. 1565. Оп.1. Д.23. «Сухобузимский районный Совет депутатов трудящихся. Исполнительный комитет
2. [https://www.aksobor.ru/istorija_blagochinija_svjashhennosluzhiteli_achinskogo_blagochinija/kupressov_feodor_svjashhennik](https://www.aksobor.ru/istorija_blagochinija/svjashhennosluzhiteli_achinskogo_blagochinija/kupressov_feodor_svjashhennik)
3. <https://yandex.ru/search/site/?searchid=2291563&text=%C2%AB%D0%9F%D0%BE%D0%B4%20%22%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%BC%22.%20%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%95%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B5%20%D0%B2%201920-&web=0&110n=ru>
4. «Религия и общество в Приенисейской Сибири». 1920-1930-е годы, сборник архивных документов и материалов, Красноярск, 2011, Поликор, с. 33
5. Там же. С. 210
6. Там же, с. 46
7. Цитируется по книге «Религия и общество в Приенисейской Сибири. 1920–1930-е годы, сборник архивных документов и материалов, Красноярск, 2011, с.106
8. <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/K/Kulikov.htm>
9. ГАКК Ф.Р.1565.Оп. 3, Д. 617
10. Там же. Л.66-68.
11. ГАКК, Ф.Р.1565. Оп.3, Д.617. Л.88.
12. Там же. Л.89
13. Там же, Л.91
14. Там же. Л.87
15. Там же. Л.97
16. Там же Л.92..
17. Там же Л.81
18. Там же. Л.93
19. https://memorial.krsk.ru/martirol/lab_la1.htm
20. ГАКК, Ф.Р.1565. Оп. 3. Д. 617. Л.15.,71, 95,97.
21. https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Docs/380426.htm
22. <https://memorial.krsk.ru/svidet/mileont.htm>
23. https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/KK/370924_3.htm

Снегоходы идут по пути Капеля. Фото Виталия Иванова

В 2010 году на Кане появился еще один деревянный крест. Протоиерей Димитрий Смирнов – в ту пору председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями – отслужил заупокойную литию. Фото Виталия Иванова

Первый деревянный крест, поставленный на берегу реки Кан в память о жертвах Гражданской войны, главнокомандующем Восточным фронтом Белой армии генерале В.О. Каппеле был сожжен. Позже над рекой вознеслись другие кресты. Стараниями депутата Железногорского городского Совета Ильи Банникова водружен металлический крест.

*На реке Кан – один из самых трудных участков Великого Сибирского ледяного похода.
Фото Виталия Иванова*

*Большой Балчуг в наши дни.
Фото из фондов Горно-химического комбината г. Железгорска*

Участники крестного хода у часовни в Подпороге. Фото Светланы Тараненко

Начальнику Красноярского Край. Упр. Лес. 66

На Ваш № 110-Б от 31 мая 1930 г.

Информационный доклад.

П. К. К. К.
СУХОБУЗИМСКОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА.
10 мая 1930
№ 641.
Сухобузимское Краевое упр.
Сибирск
10 мая 1930

Восход местн. расклевывающий кулик. Э. Кафе-
приш имеет название "Право-Кузеевский" рас-
положен в тихой части северной стороны
в одном километре от тропы. Перелесенный и в 24 м
высотой от реки Вишней. После расклевывания в летнее на-
чало года, окружен густыми горами, в середине поля
13-14 километра зеленой лес не имеет до высоты 1 м
разрастания молоденьких как то. ельнички в лесу березки и
осины и сучковатой коры. Почва земли как будто
расположенный поселке так и в окрестности его. Шлифов
сделано заборы повороту морями когалами, в одном кило-
метре от поселка протянулся река ишиной название
Кузеев. впадающей в реку Вишней, кроме названной реки
25 метров в длину протянулась река впадающая в реку Ку-
зеев. названной реки впадает водохранилище и восточнее
для жителей поселка, как будто вода вливая приливом, для
поселенцев. По определению наших любителей поселка ишиной
возможности производить посев асфальта культуры как то:
Вино, ячмень, пшеница и овес, и при дальнейшей обрабо-
ке земли возможно посев пшеницы, для устройства по-
селка земли подлежат расклевыванию к тому же и
месту можно, расклевывая уже свыше 2 га земли так
в текущий год на расклевыванной пашенной земле по-
сея пшеницы посев пшеницы в количестве 42500 семян
удовлетворительным, но ишиной отдалено что ввиду ко-
роткой местности посев может заморозиться, в не раскле-
ванной земле в поселке Шлифов огорода засеянный

Информационный доклад начальника Сухобузимского РАО о кулацком поселке
Право-Кузеевский. ГАКК, Ф.Р. 1565. Оп.3. Д.617.Л.66-68.

1929 год. Обмер дома кулака
Васильева с. Подсопки.

Начальнику Красноярского УРО. *Смирнов* 98

Прошу об'явить розыск и водворить на место осадки бежавших кулаков с участка Белогорье Сухобузимского района.

1. Янов Варфоломей происходит из с. Иркутского
2. Янова Анастасия -.....-
3. Андреев Осип Ефимович то же
4. Андреева Любовь - то же
5. Курванский Осип Семенович дер. Воробьиной
6. Черкашин Михаил -.....дер. Ковыгиной
7. Бандаренко Иван.....дер. Бодагово
8. Ванжаров Анастасий.....дер. Атаманово

Начальник РАО
Делопроезд. *Млоков* -

1930 г. Бежавшие кулаки
объявлены в розыск. ГАКК,
Ф.Р.1565. Оп.3. Д.617. Л. 97.

Оттис 92

Заведующему лесосплавом
Земь-Колос.

Три км. правого берега
на работу хулаки.

1. Млоковцев Антон
2. Млоковцев Иван
3. Зотин Степан
4. Ковкин Федор -
5. Ковкин Петр -
6. Млоковцев Иван.

Нар. в. Ява

Распоряжение РИКа о
направлении кулаков на
лесосплав. ГАКК, Ф.Р.
1565. Оп.3. Д.617. Л. 83.

85

Сухобузимский Районный Административный Отдел, В.-Сибирского края.

Почтовая станция, отделение или агентство: Сухобузимо, Сибкрая.

краеш. госвин. з 3748 от 1264195

Отметка получателя корреспонденции	Кому <i>Рекомендацию -</i> <i>Поселка</i>
	Куда <i>Белая-Гора.</i>
Ваш № от _____ 19 ____ г.	Наш № от _____ 19 ____ г.

При ответе, просьба сослаться на наш № и дату письма.

Препровождается в Ваше распоряжение кулаки:

- 1. Латаев Александр -*
- 2. Туданов Кикита*
- 3. Лалетин Антон*
- 4. Иваница Максим -*

Кулаки направлены в поселок Белая Гора. Ф.Р. 1565.Оп.3. Д.617. Л.85.

Постановление.

48

Заключенный под стражу в качестве мерк преступника.

30 Октября 1934 г. Я Частковый инспектор Сухобузимского Р.О. доложил уполномоченному, что сын деревни Кобринской тов. Междвинского района Междвинский Семён Харавович подозревался в преступлении, предусмотренном 82 ст. 2 части 1-й код. о наказаниях и др. в виду, что оставался на свободе без надзирающей его охраны, как кулак до его ареста без санкции Уполномоченного проживающего в и.указанном ему месте в Кобринской. Кроме того ввиду отправки его посылкой везошкой по Белую Гору Уполномоченный оставался опасающимся, что он будет окриватся от работы. В посылку в порядке 146-148 ст. 1-й части код. наказания в качестве меры пресечения содержащий при Коммунальной конторе Сухобузирского Р.О.

уполномоченный Р.О. Александр Туданов

Семён Междвинский

Копию постановления посылать в Белую Гору.

Постановление о заключении кулака С.Т. Междвинского под стражу Ф.Р. 1565.Оп.3. Д.617. Л.95.

Начальнику Сухобузимского Р.А.О. 81

По имеющимся сведениям в районе живут кулаки подлежащих выселению по III категории и ни каких мер к ним не принимается, пример в Сидельниковском сельсовете живет 4 семьи, которые выселены и по случаю болезни были временно оставлены, главная семья живет на Белогорском участке, а семья в деревне.

По имеющимся последним сведениям райуполномоченным таких случаев очень много.

Райисполком предлагает организовать проверку и принять меры немедленному выселению их из района.

Председатель Райисполкома. *В. Конов* | Конов |

Секретарь *В. Михайлов* | Михайлов |

*Председатель райисполкома требует водворить кулаков на место высылки
Ф.Р. 1565.Он.3. Д.617. Л.81.*

гор. Красноярск, 1930 года, ноября 4-го дня. Я, Уполномоченный ИСЧ, Красноярского Оперативного Сектора ОГПУ - САЛЕВ А., рассмотрев материал по обвинению гр-на ЛАЛЕТИНА Антона Прохоровича, НАШЕЛ:
что гр-н ЛАЛЕТИН Антон Прохорович проживая в дер. Дубровной, Сухобузимского района ВСК, имея кулацкое хозяйство, будучи раскулаченным и высланным с указанного места жительства на Право-Кузевский участок ВСК, откуда 13/Х-30 года бежал и в дороге этого же числа был арестован, а посему на основании распоряжения ШОГПУ по ВСК за № 26104 от 18/УИ-30 года

П О С Т А Н О В И Л:

Кулака ЛАЛЕТИНА Антона Прохоровича, поддерживаемого под стражей при Сухобузимском РАО передать в распоряжение последнего для направления к месту ссылки этапным порядком.

Копию сего постановления направить Нач. Сухобузимского РАО для исполнения и Уполномоченному ОГПУ по Сухобузимскому району - для сведения.

Уполномоченный ИСЧ *А. Салев* (Салев)

СОГЛАСЕН: Нач. ИИСО *В. Жуков* (Жуков)

УТВЕРЖДАЮ: Нач. Красноперского сектора ОГПУ *В. Буда* (Буда)

*Постановление Красноярского оперсектора ОГПУ.
ГАКК, Ф.Р. 1565.Он.3. Д.617. Л.87.*

Иван Николаевич Леонтьев расстрелян в 1937 году. Фото из архива Красноярского «Мемориала»

Петр Михайлович Комин расстрелян в 1937 году. Фото из архива Красноярского «Мемориала»

Епископ Александр Антонович Турский расстрелян в ноябре 1937 года. Фото с сайта Красноярского «Мемориала».

Серьезный профессор Борис Федорович Цомакион работал учителем. Фото из архива Красноярского «Мемориала»

Все уроженцы Сухобузимского района - Герои Советского Союза – были репрессированы. Федор Петрович Тюменцев ребенком из деревни Шошкино выслан с родителями в Удерецкий район. Оттуда и был призван на фронт.

Герой Советского Союза житель села Атаманово Александр Михайлович Корольский был репрессирован в 1930 году. Срок отбывал на Беломорканале.

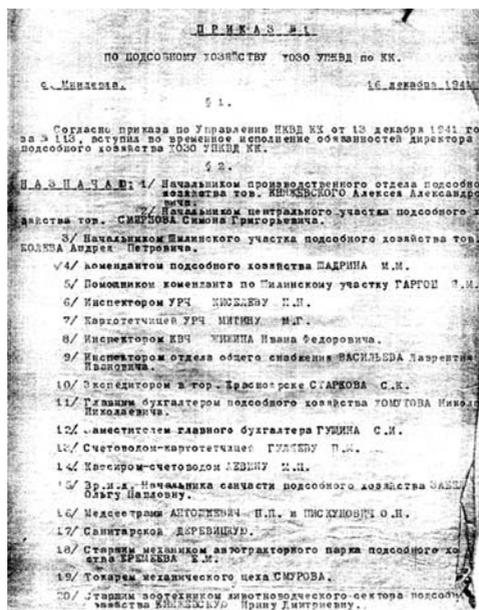
Герой Советского Союза Сергей Николаевич Портнягин с внуком Сергеем. Сам он был круглым сиротой. Когда был маленьким, его мать разорвал медведь. Отец Николай Иванович Портнягин в 1930 раскулачен и выслан в ссылку, в 1937 расстрелян в Изгарке. Фото из альбома Галины Штыкиной

*Подделец Пелузо и Заницкого, бывший военный атташе, сотрудник Разведупра РККА
Аркадий Семенович Семенов-Блас . Фото из архива Красноярского «Мемориала»*

*Дворянин Адольф Заницкий проходил по одному делу с Эдмондо Пелузо. Также приговорен
к высшей мере наказания. Фото из архива Красноярского «Мемориала»*

1941 год. Приказ № 1 по Миндерлинскому совхозу УНКВД Документ из архива Миндерлинского учхоза Красноярского агроуниверситета

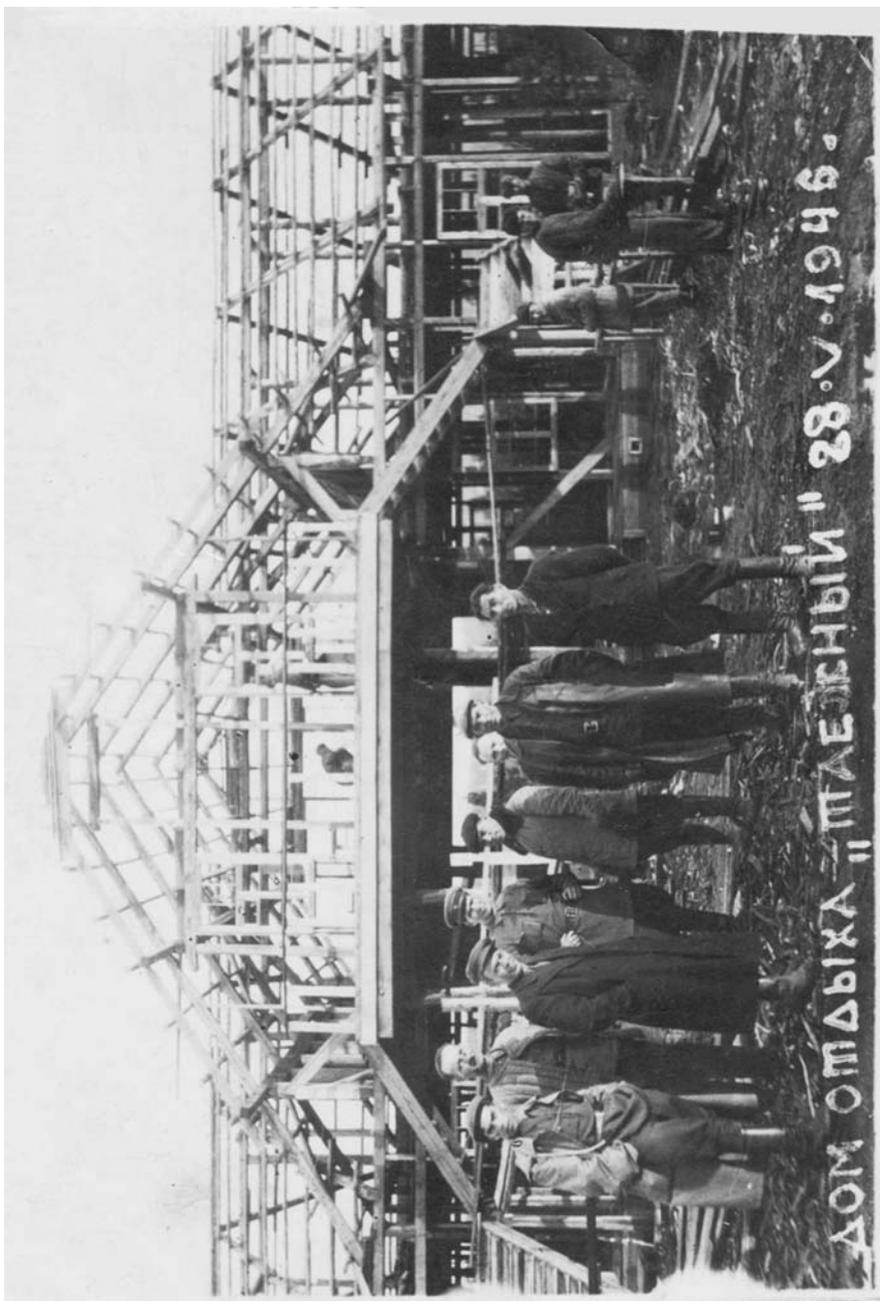
В сентябре 1941 года в Сухобузимский район были депортированы сотни немецких семей. На руках они имели акты об оставленном на родине имуществе. Такой документ хранится в семье Теодора Гейнце (Гейнзе)

Николай Владимирович Супруненко после лагеря был сослан в Сухобузимский район. Руководил Шилинским сортоучастком. Писал статьи в газеты, книги. Удостоен звания «Заслуженный агроном РСФСР». Фото из архива Красноярского «Мемориала»

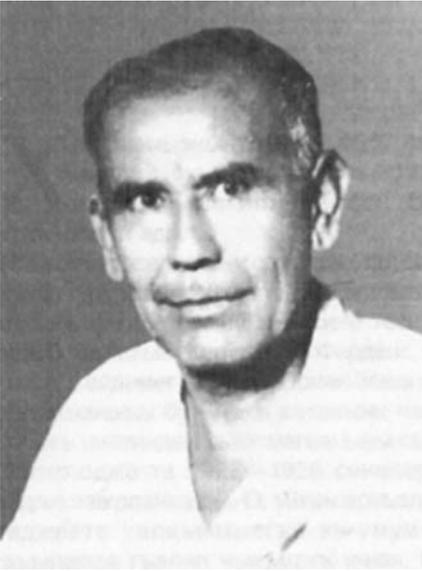

Ссыльного Сергея Александровича Баландина называли в Сухобузимском «Троцкистом». Может быть, из-за характерной бородки. Говорили, что он был секретарем Троцкого. На самом деле – член Высшей военной инспекции РККА, сотрудник личного секретариата народного комиссара по военным делам Н.И. Подвойского

Дом отдыха «Тажский».

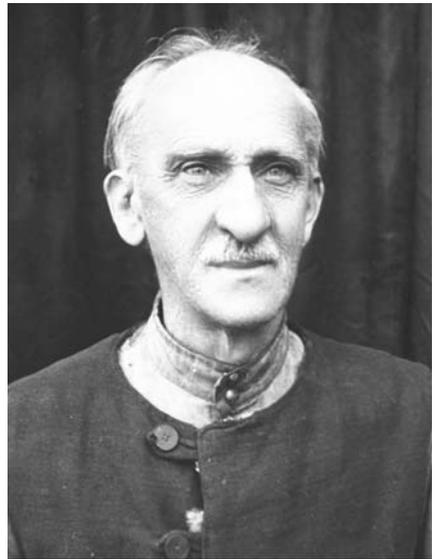
Крымский татарин Бекир Умеров в ссылке работал зоотехником Третьего отделения совхоза «Таежный».

Писатель Анатолий Горелов работал в ссылке заведующим птицефермой Первого отделения совхоза «Таежный», но был снят с должности.

Белорусский писатель Янка Скрыган жил в Миндерле и Сухобузимском.

Александр Леопольдович Яворский в ссылке – агротехник Первого отделения совхоза «Таежный». Фото из архива Красноярского «Мемориала»

СОВ. СЕКРЕТНО
(особая папка)

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от "26" февраля 1950 г. № 826-302сс/оп

Москва, Кремль

О Комбинате № 815.

В целях надежного укрытия Комбината № 815 от нападения с воздуха и обеспечения его бесперебойной работы Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Комбинат № 815 по производству теллура-120, предусмотренный к сооружению Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г. № 5060-1943 построить под землей в скальных породах с заглублением не менее 200-230 метров над потолком сооружений.

2. Утвердить для строительства Комбината № 815 площадку на реке Енисей на правом берегу в 50 км ниже города Красноярска.

Отменить Постановление Совета Министров СССР от 25 декабря 1949 г. № 5523-2112 о строительстве Комбината № 815 в районе города Томска.

3. Во изменение Постановления Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г. № 5060-1943 утвердить следующие мощности и сроки ввода в действие объектов Комбината, а также размещение их:

Разместить под землей.

Завод № 1	мощность	<u>400-450</u>	граммов теллура-120 в сутки	<u>1У кв. 1953 г.</u>
Завод № 2	- "	<u>400-450</u>	- " - "	<u>1У кв. 1954 г.</u>
Химический завод первая очередь		<u>500</u>	граммов в сутки	<u>1 кв. 1954 г.</u>
Химический завод полная мощность		<u>900</u>	граммов в сутки	<u>1 кв. 1955 г.</u>

Входящий № 4-1000
С. Я. Вран...

К С В Е Д Е Н И Ю
Категорически воспрещается снятие копии и выписка из настоящего постановления. Отметка и дата ознакомления делается на каждом документе лично товарищем, которому документ адресован, и за его личной подписью.

1950 год. Постановление Совета Министров СССР о комбинате 815.

В Усть-Кане действовал участок Красноярского химлесхоза. Здесь работали ссыльные и ссыльнопоселенцы разных национальностей. Фото из альбома Ольги Коломиец

Лес на участке Красноярского химлесхоза в Кузеево добывали ссыльнопоселенцы. Фото из альбома Анны Ткачук

На лесоповале. Рабочие поселка Кузеево. Фото Анны Ткачук

4
Секретно.
 И. О. Начальника Д/О "Ташный"
тов. КУЛЬЗВЕКОВУ.
44
 На № 1/87 от 14/II-51г.
 35с
 Детей достигших свыше 2-х летнего возраста изъять в присутствии начальника лагеря, вольнонаемного врача и оперуполномоченного и направить согласно наряда в детдома.
 В случае отказа добровольно отдать детей, вывезть конвоем, матерей изолировать, а детей забрать.
 Примите меры чтобы небыло никаких нарушений рев. законности.

Об изъятии детей в детдом.

*Немецкая свадьба Артур и Хана Гюнтер.
Фото из альбома Виктора Гюнтера*

*И в ссылке немцы играли свадьбы по своим
обычаям. Немецкая свадьба Адюра и
Гильды Вебер. Фото из альбома Анны
Визнер (Пекаревой)*

Доярка Эмма Репп из ссыльных немцев, д. Татарская. 1955 год.

П Р И К А З
НАЧАЛЬНИКА НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА
 за 1952 год.

О строительстве дома отдыха, пионерских лагерей и центральной усадьбы совхоза Таежный на новом месте.

№ 579

9 мая 1952 года

поселок Норильск.

Распоряжением Совета Министров СССР от 22 марта 1952 года и распоряжением № 560 от 31 марта 1952 года Министра Внутренних дел тов. КРУГЛОВА - Норильскому Комбинату предложено к 1 января 1953 года перевести дом отдыха, пионерский лагерь и центральную усадьбу совхоза "Таежный" вниз по течению реки Енисей.

Во исполнение указанных распоряжений, -

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Строительство нового дома отдыха, пионерских лагерей и центральной усадьбы совхоза Таежный возложить на Строительно-монтажную контору № 1, создав в ее составе два самостоятельных строительных участка:

Строительный участок № 5 - гражданское строительство

Строительный участок № 6 - дорожное строительство.

2. Начальнику стройконторы № 1 тов. ЕПИШЕВУ представить мне на утверждение график строительства ОЛП, центральной усадьбы, дома отдыха и пионерских лагерей к 12 мая с.г.

3. Для обследования строительной площадки и оформления отвода земель, направить на 4-е отделение совхоза "Таежный" комиссию в составе: тов. ИМНАДЗЕ - Начальник сельхозотдела - председатель и членов комиссии:

тов. ЕПИШЕВ - Начальник Стройконторы № 1

тов. АСТРАХАНКИН - начальник совхоза и дома отдыха "Таежный".

4. Начальнику Геологического Управления т. АНДРИАНОВУ и Начальнику Проектной конторы тов. ГУСАКОВСКОМУ направить гл. инженера проекта тов. ТОРОЦКО и геодезистов для топографической съемки территории, трассировки дорог и инженерно-геологических изысканий с расчетом окончания этих работ к 15 июня с.г.

тов. ТОРОЦКО передать картографический материал для отвода колхозных земель председателю комиссии тов. ИМНАДЗЕ 1 июня с.г.

5. Начальнику Проектной конторы тов. ГУСАКОВСКОМУ обеспечить составление проектно-сметной документации в следующие сроки:

а/ проектное задание дома отдыха, пионерских лагерей и центральной усадьбы к 20 июня с.г.

б/ объекты ОЛП "рабочие чертежи" к 20 июня с.г.

4

Форма № 104

предприятие, учреждение

Личная карточка № _____

Табель № _____

1. Фамилия Усидима

Имя Ясудика отчество _____

Год рождения 1916 месяц 27 января

Место рождения: область Япония

город _____ район _____

село _____

Национальность Япония

Социальное происхождение _____

Партийность Б-и.

Принадлежность к ВЛКСМ _____

Лен профессия _____

общее образование университет по

выст., средн., неполн. ср., начальн. (ср. классов)

литературное образование литературное ср.

11. Специальное образование _____

наименование учеб. заведения и дата окончания _____

12. Основная профессия и специализация разнораб.

13. Общий стаж работы по найму _____

14. Паспорт выдан _____

серия _____ № _____

Дата выдачи _____

на срок _____

15. Отношение к военной службе _____

15. Состоит на военном учете не служит

Карточка рабочего Миндерлинского совхоза УМГБ гражданина Японии Усидима Ясудика.

Работники Миндерлинского совхоза. Фото Надежды Марангоз

МВД России

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ
(ГУ МВД России по Красноярскому краю)

Информационный центр

ул. Дзержинского, 18, Красноярск, 660017

21.06.2016 № 45/3 – 824

на № 286 от 07.06.2016

Генеральному директору
ООО «Племзавода «Таежный»
А.Н. Губанову

Огородная ул.,16,
с. Атаманово,
Сухобузимский район,
Красноярский край, 663043

На Ваш запрос сообщаем, что в просмотренных приказах УНКВД-МВД Красноярского края, документах фондов: «Норильского ИТЛ», Управления «Енисейстрой» МВД СССР, «Таежного ИТЛ», сведений о совхозе «Таежном» Сухобузимского района, его подчиненности органам внутренних дел, Красноярскому порту, производственной деятельности нет. Документы, вышеуказанных фондов, хранящиеся в информационном центре МВД России по Красноярскому краю состоят из личных дел сотрудников, приказов по личному составу, личных дел умерших заключенных, лицевых счетов.

Сообщить Вам сведения о численности заключенных, ссыльных, бывших советских военнопленных, находящихся в разные годы в совхозе «Таежном», о работе пленных японцев не представляется возможным, так как имеющиеся картотеки в информационном центре составлены по фамилии, имени, отчеству.

В приказах УНКВД-МВД Красноярского края хранится дислокация расселения спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае по состоянию на 01.01.1952 г. В Атамановской спецкомендатуре № 92, районный центр с.Атаманово, имеются следующие пункты, где были расселены спецпоселенцы, ссыльные и высланные:

с.Атаманово – 5 семей 20 человек (категория - немцы), 1 семья 8 человек (оуновцы), 28 чел.(власовцы), 3 семьи 11чел. (кулаки из ЛССР), 61 чел.(ссыльные), 2 чел. (высланные), всего: 9семей, 130 чел., мужчин-96, женщин-24, детей-10;

п. с-за «Таежный» - 53 семьи 253 чел.(немцы), 8 семей 29 чел.(калмыки), 1семья 6 чел. (оуновцы), 30 чел. (власовцы), 1чел.(указники), 39чел.(ссыльные), 3 чел. (высланные), всего: 62 семьи, 361 чел., мужчин -132, женщин-109, детей-120;

2 отд. с-за «Таежный» - 29 семей 214 чел.(немцы), 18 семей 70 чел. (калмыки), 31 чел. (власовцы), 20 чел. (ссыльные), всего: 47 семей, 335чел., мужчин-121, женщин-109, детей-105;

3 отд. с-за «Таежный» - 50 семей 215 чел. (немцы), 11 семей 34 чел. (калмыки), 21 чел. (власовцы), 23 чел.(указники), 1семья 3 чел.(кулаки из ЛССР),

45 чел.(ссылные), 4 чел. (высланные), всего: 62 семьи, 345 чел., мужчин-133, женщин-119, детей-93;

д. Мингуль – всего: 4 семьи, 21чел., мужчин-10, женщин-9, детей-2;

д. Самон – всего: 8 семей, 64 чел., мужчин-34, женщин-18, детей-12.

О дате введения паспортного режима в с.Атаманово и переводе ссылных из Атамановской спецкомендатуры в другие места информационный центр не располагает.

По вопросу истории совхоза «Таежный» Сухобузимского района Красноярского края, его производственной деятельности рекомендуем обратиться в КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ул.Робеспьера, д.4, г.Красноярск, 660021).

Начальник

А.Б. Афанасьев

2018 год. Рига. Депортированный А. Варпиньш рассказывает автору книги о жизни в совхозе «Таежный».

Благодаря Виктору Горячеву и Наталье Лазавиковой (Горячевой) на кладбище в Мингуле найдена могила латышки М. Райбарт.

*Памятник жертвам политических репрессий в Атаманово
поставлен на народные средства.*

Памятник в Шилинке поставил сын репрессированных В. Д. Углов.

Поругание святынь

Бешеная и беспощадная

Гражданская война ввергла Россию в хаос. К тому же летом 1921 года в губерниях Поволжья случилась масштабная засуха. Неурожай повлек за собой массовый голод.

Церковь живо откликнулась на народное бедствие. В августе 1921 года основан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Патриарх Тихон разрешил церковно-приходским общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления.

Но власть под предлогом оказания помощи пострадавшим начала свою агрессивную кампанию.

26 февраля 1922 года вышел в свет декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих».

19 марта 1922 года В. И. Ленин в письме членам Политбюро с пометкой:

«Строго секретно. Просьба ни в коем случае копий не снимать...» подчеркивал:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...».

Ленин призвал соратников *"дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше ... "* [1]

В Енисейской губернии начали исполнять декрет с завидной оперативностью.

12 марта в Красноярске состоялось первое заседание межведомственной комиссии по изъятию церковных ценностей. Был определен порядок и очередность конфискации, принято решение об организации соответствующих уездных комиссий.

25 марта президиум Енисейского губкома РКП(б) для агитации в пользу намеченной акции решил провести ряд беспартийных конференций.

20 апреля 1922 года такое мероприятие состоялось в Сухобузимском. На нем присутствовал 61 делегат. Съезд беспартийных не дал согласия на изъятие церковных ценностей: *«постановили: помочь голодающим, и воззванию их мы сочувствуем, и пойти на помощь, и навстречу согласны по силе возможности помочь, кто чем может, но изъятие церковных ценностей недопустимо. Так как будет снята какая ценная риза с нашей святыни, то наша вера будет поругана и подорваны религиозные чувства».*

Но через месяц под нажимом краевых властей Сухобузимский волостной комитет был вынужден принять прямо противоположное постановление.

В Красноярске первые кощунственные изъятия произведены в апреле-мае – из Кафедрального собора, Свято-Троицкого храма, Троицкой кладбищенской церкви. Потом наступил черед других святынь.

В комиссии к тому времени включили экспертов для оценки драгоценностей и «определения их подложности». Отобранные ими реликвии, имеющие художественную и историческую ценность, передавались в музеи. Но специалистов катастрофически не хватало, поэтому многие ценные артефакты превратились в обычный металлолом.

Как гвозди в скобяной лавке

В трех волостях Красноярского уезда – Сухобузимской, Шилинской, Нахвальской – и небольшой части Погорельской, Частоостровской и Еловской (территория современного Сухобузимского района) в 1922 году действовало 10 храмов и 13 часовен.

Первые приходы здесь появились в XVII веке. В следующем столетии в шести селах – Сухобузимском, Шилинском, Подсопочном, Нахвальском, Кекурском, Атамановском – на месте сгоревших или отслуживших срок деревянных храмов выстроили каменные. В четырех населенных пунктах – Седельниковском, Миндерле, Иркутском и Большом Балчуге стояли деревянные церкви, в деревнях – молитвенные дома и часовни.

Столетиями прихожане и «доброхотные датели» с любовью обихаживали и украшали божьи дома. Никто даже в страшном сне не мог представить, что их ждет осквернение.

Он настал, этот черный день – 7 июня 1922 года.

Утром в село Шилинское, в белокаменную красавицу – церковь Покрова Пресвятой Богородицы – пожаловали незваные гости.

Это была уездная комиссия по изъятию церковных ценностей. Состояла из трех человек – председатель Чернышев, члены Трофимов и Алуф.

В храме их встретил отец Иоанн (Иван Иванович Пальмин). 41-летний служитель происходил из священнической семьи: дед был диаконом, отец – протоиереем, два брата – священники. В 1902 году Иоанн окончил Красноярскую духовную семинарию, епископом Енисейским и Красноярским Евфимием рукоположен во священника в Богородице-Рождественском кафедральном соборе г. Красноярска. Служил в храмах Минусинского, Ачинского и Енисейского уездов. В Шилинское прибыл, скорее всего, из села Казачинского. Там с 1915 по 1917 год возглавлял Троицкий храм, одновременно исполняя обязанности благочинного церкви 1-го участка Енисейского уезда. Жил одиноко. За «усердную пастырско-просветительную деятельность» награжден правом ношения скуфы.

Можно представить потрясение этого человека, когда ему объявили о цели визита и приказали привести кого-нибудь из религиозной общины. Так в качестве

«понятых» оказались крестьяне Александр Полосухин, Григорий Темных, а также представитель Шилинского сельского Совета Петр Дементьев.

Комиссия имела на руках опись церковного имущества 1842 года и «добавления, составленные позднее».

В соответствии с секретной инструкцией конфискации подлежали «все без исключения вещи из золота, серебра и драгоценных камней», в том числе богослужебные.

Не мешкая, начали срывать со стен иконы. Но интерес для приезжих представляли не сами образа, а серебряные ризы (оклады), покрывающие иконную доску.

В протоколе под № 12 появляются первые записи:

<i>«Риза сереб. с иконы -</i>	<i>8 фунтов, 93 зол.</i>
<i>-То же -</i>	<i>9 ф., 30 зол.</i>
<i>-То же -</i>	<i>10 ф.. 74 зол.</i>

-Четыре запрестольных креста с финиктовыми изображениями 5 ф. 47 з» [2]

Настоятеля заставили собирать предметы в святая святых – в алтаре. Дрожащими руками отец Иоанн взял со святого престола Евангелие. В самые торжественные моменты утрени, всенощного бдения, Божественной литургии он выносил эту священную книгу из алтаря и читал прихожанам.

Реквизиторы стали разглядывать, как крепится к Евангелию богатая серебряная обложка, инкрустированная камнями. После этого книгу с иконописным изображением воскресшего Христа в центре и обращенными к нему евангелистами небрежно бросили на весы:

Евангелие с крышками [...]покрытыми серебряными краешками ...
22 ф. 76 зол. [2]

Из алтаря извлекли большой крест, укрепленный на древке. Прежде его выносили отсюда только во время крестных ходов и других религиозных процессий. Не чуя под собой ног, настоятель, еле живой от невиданного потрясения, вынужден исполнять команды. Члены комиссии бесцеремонно хватили вещи, на протяжении столетий являвшиеся святынями.

Никто из мирян не имел права прикасаться к священным сосудам, дарохранильницам, один вид которых вызывал трепет и особое почитание. Это расценивалось как святотатство. Теперь же их трясли, ощупывали, взвешивали на весах, как гвозди в скобяной лавке.

Подошла очередь святой чаши, из которой причащались верующие.

За чашей последовал дискос, с этого блюда во время литургии собирали частицы просфоры.

<i>-чаша, дискос, звездица, ковши, две тарел. лжища</i>	<i>3 ф. 39 зол.</i>
<i>-чаша дискос, звездица, две тарел. лжища</i>	<i>3 ф. 1 зол.</i>
<i>-кадило серебряное с цепями</i>	<i>1 ф. 5 зол. (с нагаром)</i>
<i>- дарохранильница -</i>	<i>4 ф. 72 зол. (с пятью финиктовыми изображениями)</i>
<i>-дароносица с сосудом, лжищей и ковчегом</i>	<i>40 зол. [2]</i>

В протокол занесены все собранные предметы, указан вес каждого.

«Постановили: все перечисленное изъять, оставив во временное пользование серебр. дароносию, /40 з./ как необходимую для совершения таинства, какую верующие по замене ее менее ценной обязаны выдать уполномоченным лицам по первому требованию». Просьба представителей верующих оставить прибор для совершения причастия Комиссией не удовлетворена на основании того, что согласно описи имеется на лицо прибор медный Ковригинской часовни сгоревшей и не начинающей строится.

Все изъятые взвешены весами с гирями Вложено в тару, одну деревянную /ящик/ в доскуте старой ризы и в один мешок, и запечатано при всех присутствующих.

Претензий к комиссии со стороны представителей никаких не заявлено». [2]

Протокол дают подписать отцу Иоанну, Александру Полосухину и Григорию Темных. Выясняется: представитель сельсовета Петр Дементьев неграмотный. За него расписывается Григорий Темных.

На обратной стороне листа приписка карандашом:

«подлежало изъять 1 п.37 ф. 70 з.

оставлено 40 з.

изъято 1 п. 37 ф. 30 з.» .[3]

Если перевести на современные меры веса, получается, что из Шилинской церкви изъяты 31 килограмм 659 грамм серебра.

Большевицкими темпами

Грабёж церковью продолжался ударными большевицкими темпами. В тот же день, 7 июня, комиссия побывала в часовне соседней деревни Бартат. Но задержалась там недолго. Оказалось, что в часовне серебряных предметов совсем мало – сосуд, дискос, звездица, лжица и две тарелочки. Вся утварь, необходимая для проведения богослужения, – в единственном экземпляре. Комиссия не стала ничего изымать, но в протоколе отметила: *«Принимая во внимание необходимость оставив указанных предметы и... необходимость скорейшего передвижения комиссии в более богатые храмы, предложить священнику представителям верующих выдать Укомиссии обязательство о скорейшей замене серебряных предметов малоценными и выдаче упомянутых предметов...»*. [4]

Документ свидетельствует: ценное имущество изымалось не только из церковей, но и часовен. Часовни и молельные дома были в Шошкино, Дубровой, Татарской, Ишимах, Высотино, Хлоптуновой и еще в семи деревнях.

Однако стояла задача в первую очередь обчистить наиболее богатые храмы.

Поэтому 9 июня комиссия направилась в Нахвальскую волость.

В Нахвальской Богородице-Казанской церкви (протокол № 16 от 9 июня 1922 года) при изъятии присутствовали священник Николай Богоявленский, от общины верующих – Василий Ярлыков и Дмитрий Колпаков, от Нахвальского волисполкома – Максим Иванов.

Добычей стали оклады с 7 больших икон, весом от 2 до 19 фунтов каждая, ризы с двух маленьких образов. 9 венчиков «с различными искусственными камеш-

ками», 2 Евангелия с серебряными обложками, сосуды, 2 дискаса, ковш с тарелочкой, три креста, дарохранительница (4 фунта 54 золотника), 2 кадила (1 фунт 76 золотников), дароносица.

Все описанные серебряные предметы комиссия забрала с собой, всего 1 пуд 37 фунтов 73 золотника (31 кг.842 гр.)

Подлежало изъятию 2 пуда 2 фунта 9 золотников. Оставили церкви во временное пользование один сосуд, дискос, дароносицу, звездицу, лжицу, тарелочку, гробик (так в протоколе) общим весом 4 фунта 32 золотника. Священник и верующие просили оставить также Евангелие и один крест, но комиссия им в этом отказала.

Наследие Матониных

В 6 часов вечера того же дня Чернышев, Трофимов и Алуф прибыли в Кекур. Им не надо было спрашивать дорогу. Величественный Пророко-Ильинский храм с 6-ю колоколами был виден отовсюду. Его просторная территория обнесена каменной изгородью с железными решетками.

Каждого, кто входил сюда, поражало богатое убранство, не характерное для сельской обители. Здесь был невероятно красивый резной иконостас работы красноярского мещанина Фёдора Ушакова. 44 иконы! Ранее этот иконостас украшал Покровскую церковь в Красноярске (ныне это Свято-Покровский кафедральный собор). В 1840-е годы в Покровской церкви шла реконструкция. В 1845 году великолепный иконостас продан кекурской церкви.

Наверное, он стоил немалых средств. Откуда их взял сельский приход?

Скорее всего, иконостас купили уроженцы Кекура купцы Матонины. Они поставляли хлеб и другие товары на золотые прииски, а потом сами занялись добычей золота. В 1862 году на средства Косьмы Киприяновича в кекурской церкви был построен придел во имя святителя Николая Чудотворца. В 1883 году его сын Аверьян возвел поблизости двухэтажный каменный особняк для сельского училища, которое и после смерти благотворителя содержали его родные.

Рядом с храмом находилась часовня – фамильный склеп Матониных. Разбогатев, купцы Матонины жили в разных городах, в том числе в Енисейске, но похоронить себя завещали на малой родине – в Кекуре. Их воля была исполнена. Косьма Киприянович, четыре его сына, Михаил, Аверьян, Ефим, Тимофей и их жены захоронены в фамильном склепе. В 1922 году он еще был цел. Позже варварски уничтожен.

Матонинское училище стоит до сих пор. Сейчас там располагается детский сад. Процедура конфискации ценностей кекурской церкви не отличалась от предыдущих.

Что мог сделать местный священник Смарагд Тыжнов? Наверное, плакал, когда на его глазах с 8 святых икон сдирали серебряные ризы. Священнику было 53 года, 18 из них он отдал этой церкви. Да и вся его прежняя жизнь была связана с духовным служением. Тыжнов – сын пономаря – родился в селе Подсопочном. Окончил Красноярское духовное училище. В 17-летнем возрасте уже ис-

правлял должность псаломщика. Служил в Преображенской церкви г. Енисейска, Всехсвятской г. Красноярска. В 1897 году рукоположен в сан дьякона, в 1904-м стал настоятелем Пророко-Ильинской церкви в Кекуре.

У комиссии на руках имелась опись. Но *«допуская возможность неточности»*, она тщательно обследовала каждый уголок, что и зафиксировала в протоколе.

Во временное пользование местной общине оставлено несколько серебряных предметов (чаша, дискос, звезда, лжица и тарелочки) общим весом 3 фунта 15 золотников.

Но в итоге кекурская церковь дала самый большой трофей – 2 пуда 25 фунтов, 70 золотников серебра (43 кг 297 г).

Когда я изучала протокол изъятия, меня смутил вес одной серебряной ризы. С венчиком и цепочкой – 25 фунтов 6 золотников. Пересчитала на современные меры веса – получается 10 килограммов 263 грамма.

Такая большая! В других храмах подобные не встречались. Не закралась ли тут ошибка?

Прочитала протокол до конца. Нет, не ошибка:

«Комиссия отмечает факт того, что представители сами указали ценности, не вошедшие в опись, как-то ризу, 25 ф. 6 з. и крест»[5].

Очевидно, это было накладное украшение большой иконы, покрывающее всю иконную доску поверх красочного слоя, кроме нескольких значимых элементов (обычно лица и рук – так называемого личного письма).

Как объяснить покорность верующих, их желание помогать экспроприаторам? Ведь еще год назад действия власти по притеснению церкви вызывали отпор. Об этом сообщалось в сводке информационно-инструкторского подотдела при Енисейском ревкоме от 13–14 июля 1920 года [6].

Когда члены Сухобузимского волревкома прибыли в Атаманово, чтобы изъять из церкви метрические книги, крестьяне набатом собрали односельчан и не дали этого сделать.

Медная дароносица ценою один рубль

Растерянный священник Смарагд Тыжнов и прихожане долго не могли прийти в себя. С горечью смотрели на опустошенный храм, еще три часа назад завораживающий пышностью и великолепием убранства.

Сколько времени прошло, чтобы они смогли восстановить богослужебные предметы? Точно не известно. Но мало-помалу взамен конфискованной серебряной утвари приход начал приобретать малоценную, изготовленную из меди. Подтверждение тому тоже нашлось в документах Государственного архива Красноярского края, в частности, в описях имущества этой церкви. Одна из них составлена через полтора года после изъятия – 3 января 1924 года.

В этой описи значатся: медные дароносица, дарохранительница (записана как хлебодарница), водосвятительная чаша, крест. Каждый из этих предметов оценен в 1 рубль. Евангелие с медными украшениями – 30 руб., кадило – 2 руб., тарелочка – 1 руб. 50 коп, купель – 2 руб., чашка – 30 коп.

Если внимательно изучить опись, то обнаружишь, что в церкви сохранились и те немногие предметы из серебра, которые были оставлены общине во временное пользование: две маленькие серебряные дарохранительницы, сосуд с принадлежностями.

В 1924 году еще не были сброшены колокола, в храме по-прежнему стояло два иконостаса, 18 икон висело на стенах, имелись плащаницы, паникадила, хоругви, подсвечники... [7]

Ризу отобрали у крестьянина Ваганова

10 июня 1922 года пришла очередь седельниковской Николаевской церкви. Местный священник был в отъезде, поэтому сопровождать комиссию приказали настоятелю сухобузимской церкви Константину Покровскому. Присутствовали при изъятии прихожане Иван Седельников, Василий Разманов, Осип Белоусов, представитель сельсовета Константин Руднев. Было обнаружено два креста, которые не числились в описи. Внесли в опись также дарохранительницу и другие предметы, которые были при священнике, отправившемся, видимо, для причащения больного человека.

11 июня проведена экспроприация ценностей в миндерлинской Вознесенской церкви.

В последующие дни комиссия ездила в храмы других волостей Красноярского уезда.

28 июня Чернышев, Трофимов и Алуф переступили порог Троицкой церкви села Атаманово. Из сельсовета вызвали Вонифатия Семенова. Общину представляли Павел Аксеновский, Иван Тюменцев, Виктор Иванов. Верующие сообщили, что священник Юновидов в отъезде. А без него никто не знает, где находятся предметы. Но комиссию это не остановило. Начали хозяйничать в отсутствие настоятеля. По имеющейся описи проверяли наличие ценностей.

Некоторые предметы без священника не обнаружили. Вес Евангелия не был установлен, так как не нашлось весов. Крест, прибор для причастия, дарохранительницу и Евангелие, окованное серебром, дароносицу, крестильный прибор оставили во временное пользование, обязав вернуть по первому требованию уездной комиссии.

В протоколе записали: *«а ризу с иконы Воскресенье Христова имеющую согласно описи 4 ф. 21 1/2 з. весу унесенную местным крестьянином Вагановым Григорием как ранее им пожертвованную в церковь, отобрать присоединить к изъятому имуществу»*. [8]

Как свидетельствует протокол, в Атаманово забрали Евангелие в кованой обложке и другие предметы, весом всего 17 фунтов 41 золотник (7 кг 136 г).

Назавтра утром комиссия прибыла в Сухобузимское и начала конфискацию в присутствии местного священника Константина Покровского, прихожан Константина Ерофеева, Якова Лалетина. Сельсовет направил в храм Ивана Ваулина и Павла Свингерского.

С шести больших икон сняли серебряные ризы. Самая большая весила 10 фунтов, 18 золотников (4 кг 176 г). Еще четыре ризы – более чем по 8 фунтов. На-

шлось пять маленьких окладов и семь венчиков с икон. Два венчика содержали вставки из бирюзы и искусственных камней. Из какого металла сделана еще одна риза, на месте определить не смогли, но на всякий случай изъяли и ее.

С двух Евангелий оторвали 14 угольников и одну обложку. Три креста с финифтью потянули на 3 фунта 91 золотник.

Общий вес двух дарохранилищ, украшенных изображениями, очевидно, из финифти, составил 5 фунтов 66 золотников. Имелось две чаши, дискос с тарелочками, звездицей, ковшиком и лжицами.

Все описанные предметы (2 пуда 86 золотников, или 33 кг 127 г) упаковали и опечатали. По просьбе священника и верующих оставили во временное пользование общины чашу, дискос, одну тарелочку, звездицу лжицу и ковш, дароносицу, струец для помазания.

Комиссия отметила в протоколе, что ей не предоставили 2 серебряных креста весом 35 фунтов 72 золотника, имеющиеся в описи. Верующие объяснили, что один из них положен с похороненным священником, где другой – *«никто не знает был ли когда в церкви или нет»*.

На следующий день незваные гости нагрянули в подсобочный Димитриевской храм... Изъятие происходило по уже отработанному сценарию.

Срок продляли дважды

Первоначально кампанию по изъятию в Енисейской губернии предполагалось завершить к 1 июня 1922 года. Потом срок продлили до 15 июня. Но, как видно из дат протоколов, надругательство над церковными святынями продолжалось и в июле, и в августе. Так, налет на иркутскую Богородице-Казанскую церковь произошел 5 августа, в 9 часов вечера. «Улов», как и в соседней миндерлинской церкви, получился незначительный. И в той и другой изъяли чуть более чем по 7 фунтов серебра.

Получается, эти приходы были самыми бедными.

Если судить по протоколам, то самыми богатыми храмами на территории современного Сухобузимского района были Кекурский (43 кг 297 г), Сухобузимский (33 кг 127 г), Нахвальский (31 кг 842 г), Шилинский (31 кг 659 г).

Однако за точность этих цифр ручаться нельзя. Например, на рукописном протоколе изъятия из сухобузимского храма стоит общий вес 2 пуда 86 золотников, а на машинописном – 1 пуд 36 фунтов 72 золотника.

В Государственном архиве Красноярского края мне удалось изучить протоколы заседаний Красноярской уездной комиссии по изъятию ценностей из 9 церквей и двух часовен. Среди них я не нашла документа по Большебалчугской церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Или он находится в другом архивном деле, или эта обитель избежала грабежа ввиду труднодоступности.

Изучив рукописные протоколы по Атамановской и Сухобузимской церквям, в деле № 160, в деле № 161 обнаружила также копии двух протоколов, отпечатанных на машинке. Но, к сожалению, в них не был указан вес изъятого.

В рукописных протоколах вес изъятых вещей записан карандашом, со множеством исправлений. Если я правильно их расшифровала, то в июне–августе

1922 года девять церквей, стоявших на территории современного Сухобузимского района, дали государству предположительно не менее 12 пудов (197 кг) серебра. Точную цифру установить пока не удалось.

Опечатанные ящики и мешки с сокровищами увозили в Красноярск, сдавали в губернский финансовый отдел. Возможно, груз сопровождали вооруженные люди. В ГАКК имеется протокол заседания Ачинской уездной комиссии от 12 июня 1922 года. В нем говорится: проведение в уезде кампании по изъятию «ввиду бандитизма» без вооруженной военной силы невозможно. Комиссия ходатайствовала о предоставлении «минимум 15 штыков». В город Енисейск представитель губернской комиссии по изъятию церковных ценностей вообще выехал «с двумя десятками вооруженной силы».

Мало пользы голодающим

Енисейский губернский комитет держал кампанию на контроле, обсуждал ее ход на своих пленумах. Эту тему подробно освещали все выходившие в губернии газеты.

1 августа 1922 года «Красноярский рабочий» сообщил:

«Всего по Енисейской губернии изъято: 561 бриллиант, из коих 49 крупных, 170 рубинов, свыше 100 аметистов и аквамаринов, 23 топаза, 46 кораллов, некоторое количество бирюзы и жемчуга, 5 рублей золотой чеканной монеты, 26 рублей, 85 копеек серебряной, 35 фунтов, 51 золотник медной, 1 фунт, 80 золотников золота, 241 пуд, 10 фунтов, 43 золотника, 43 доли серебра в изделиях». [9]

К 1 октября 1922 года из Енисейской губернии поступило: 1 фунт 48 золотников золота, 70 пудов 32 фунта 92 золотника серебра. [10]

12 октября 1922 году вышел циркуляр валютного отделения Народного комиссариата финансов о порядке отправки в Екатеринбургский губфинотдел церковных ценностей из серебра, изъятых в сибирских губерниях, в металлофонд Москвы – золота и драгоценных камней, изъятых там же.

По свидетельству историков, изъятие церковных ценностей принесло мало пользы голодающим. Не так много средств было потрачено на закупку продовольствия. Много ушло на проведение самой кампании. Часть церковной утвари, икон, имевших большую художественную ценность, поступила в музеи. К сожалению, немало было расхищено, продано за границу.

Таким образом, многое из национального достояния было безвозвратно утрачено.

...Тогда, в 1922 году никто не знал, что впереди церковь ждали еще большие потрясения и многие скорбные дни.

Справка

Дароносица – небольшой сосуд в виде часовенки с дверцей и крестом наверху. Внутри этого предмета ящичек, в котором хранятся частицы Святых Даров, маленькая чаша, ложечка (лжница), а иногда и сосуд для вина. В ней священники на груди переносят Святые Дары на дом для причащения больных.

Дарохранильница делается в форме храма или часовни с выдвигаемым ящичком (ковчегом), напоминающим гроб, где хранятся «запасные» Дары – Тело и Кровь Христовы – для тяжелобольных или умирающих, которые причащаются дома.

Просфора – круглый квасной хлебец из пшеничной муки с оттиснутой сверху печатью, выпекаемый с добавлением святой воды.

Православная энциклопедия

Меры веса

- 1 пуд=40 фунтам=16,38 килограмма
- 1 фунт=32 лотам=96 золотникам=409,512 грамма
- 1 лот=3 золотникам=12,797 грамма
- 1 золотник=4,27 грамма
- 1 доля=0,044 грамма

Источники

1. Письмо членам Политбюро от 19 марта 1922 (Ленин) [Электронный ресурс] <https://pravoslavie.ru/71.html>
2. ГАКК, Ф.Р-893, Оп.1, Д.160. Л. 12 «Красноярский уездный исполнительный комитет/ Протоколы заседаний Красноярской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей»
3. Там же. Л. 12, оборот
4. Там же. Л. 13
5. Там же. Л. 17
6. «Религия и общество в Приенисейской Сибири». 1920–1930-е годы, сборник архивных документов и материалов, Красноярск, 2011, Поликор, с. 33
7. ГАКК, Ф.Р-1565, Оп.1., Д.364,Л. 22 «Сухобузимский райисполком»
8. ГАКК, Ф.Р-893, Оп.1, Д.161. Л. 27
9. Малашин Г.В., Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг., Красноярск, ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011, с. 315-316
- 10.«Религия и общество в Приенисейской Сибири». 1920–1930-е годы, сборник архивных документов и материалов, Красноярск, 2011, Поликор, с. 80

Отклик

«Не должно вам быть»

С большим интересом прочитал очерк Ольги Вавиленко «Поругание святынь», опубликованный в газете «Сельская жизнь» 20 и 27 марта 2020 года. Материал об изъятии церковных ценностей из сухобузимских храмов в 1922 году написан очень хорошо и верно. Как и другие читатели, я особо прочувствовал трагизм происходящих событий в те скорбные дни.

«Не должно вам быть» – такой приговор выносили первым христианам римские императоры. Подобным же образом вела себя по отношению к Церкви и советская власть в молодой советской республике, в том числе и в Енисейской губернии.

Формальным поводом для кампании 1922 года был голод в Поволжье. Истинной же целью было скомпрометировать Церковь в глазах народа и по возможности полностью её уничтожить.

Раньше Россия с голодом справлялась, потому что правительству помогали общественные комитеты. Но в 1922 году власть сама проводила такую политику в отношении крестьян, что у них не оставалось продовольствия. А тут ещё и неурожай. И была инициатива Ленина использовать голод как повод для репресс-

сивной кампании в отношении Церкви. Задачей советской власти было дискредитировать Церковь в глазах народа, для этого большевистская пропаганда убеждала людей, что Церковь не хочет помогать голодающим. Тогда же планировалось устроить и раскол в Церкви – это был ещё один способ Церковь уничтожить.

Настоятель Никольского храма в с. Атаманово протоиерей
Сергий РЫЖОВ.

Материалы **«Поругание святынь»**, **«Сценарий на подмостках не менялся, или О том, как закрывали храмы «по просьбам» верующих»** вошли в шорт-лист, отмечены дипломами Всероссийского конкурса Союза журналистов РФ на лучшее журналистское произведение 2020 года.

Сценарий не менялся, или О том, как закрывали храмы по «просьбам» верующих

В 50-градусный мороз

В небывало жестокий крещенский мороз, 18 января 1931 года, граждан села Кекур и деревни Абакшино позвали на сход.

Какая была необходимость собирать людей в канун великого христианского праздника, да еще в такую стужу? В этом месяце в наших краях была зафиксирована абсолютная минимальная температура за всю историю наблюдений. А самая низкая, $-52,8^{\circ}\text{C}$, отмечена в городе Красноярске 8 января 1931 года. Стало быть, в Кекуре было еще холодней.

Собрали людей, думаю, по требованию Сухобузимского райисполкома, которому не терпелось доложить в вышестоящие инстанции об успехах в борьбе с классовыми врагами. В их числе – конечно же, церковь. «Агентура господствовавших классов», мешающая делу социалистического строительства.

В 1929 году вышло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Их деятельность ограничили множеством жестких условий, чтобы постепенно вытеснить из всех сфер общества. Справедливости ради надо сказать, что документ все же давал надежду на сохранение общин верующих. Но власти в регионах направили усилия на искоренение очагов «черносотенной» контрреволюции. Красноярский уезд, входивший в Восточно-Сибирский край, не стал исключением...

Если верить протоколу общего собрания граждан Кекура при участии Абакшинской общины от 18 января 1931 года, который я недавно изучила в Государственном архиве Красноярского края (**Ф.Р. 1565. Оп.1. Д. 364**), на сход собралось 170 человек. Большинство представляли женщины.

Повестка дня составлена хитроумно. В ней всего два вопроса:

«1. Доклад священника Луговского о снятии сана.

2. Уплата аренды за церковь».¹

Никто, кроме организаторов собрания, не догадывается об истинной цели мероприятия...

Обратимся к протоколу:

«Слушали. Луговской в письменной речи излагает причины и факты приведения его к этому убеждению, что церковь служит беззачетно на пользу буржуазии.

Вопросы Луговскому.

Звягин: скажите, что же нужна ли религия трудящимся и кому служит она.

Ответ Луговского: Трудящимся религия не только не нужна, а вредна, так как затемняет ум его, религия служит эксплуатации.

Харьков: Скажите прямо, есть или нет БОГ?

Луговской: Христианского бога я не признаю, но в высшую силу верю.

Звягин: Ответьте попутно: физику Вы знаете и как смотрите на материалистическое учение.

Луговской: Физику знаю, а также считаю, что сила борьбы за жизнь находится в самом человеке и в природе.

Кочкин: *Знаете ли в чем противоречит писание 4-х апостолов.*

Звягин: *Ответьте попутно: верите ли Вы в загробную жизнь и в воскресение мертвых.*

Луговской: *Писание кой в чем расходится. В загробную жизнь верю, воскресение мертвых будет.*

Савченко: *Учение Дарвина знаете и как Вы оцениваете труд ученого?*

Луговской: *Читал, лет 30 назад».¹*

Последняя молитва

Далее, судя по протоколу, начинаются прения. Звягин останавливается на противоречиях в ответах священника Луговского, *«доказывает обман церкви, что поповщина благословляла империалистическую войну 10 мил. убитых и 20 мил. раненых, тиф, голод, холод, национальная вражда, роль суеверий, физика, Дарвин и марксисты доказали логичность евангелестических учений».¹*

Сумбур полный! Чего стоит только последнее утверждение! Впрочем, здесь, возможно, опечатка машинистки, и докладчик употребил слово «нелогичность». Но все равно в мешанине слов и понятий не найти здравого смысла.

Не знаю, насколько стройной, грамотной и убедительной была на самом деле речь коммуниста Звягина, но в протоколе она изложена именно так.

Он действовал, чтобы, как призывал председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) Ярославский, *«вырвать почву из-под ног всякого церковного и религиозного проповедника».*

Собрание между тем продолжается.

«Ильиных Евдокия: *Нам церковь несет только затраты, и по этому раз не удержались главари, нам надо отказаться от церкви».¹*

Все идет, как будто, хорошо... Оппоненты своей «ученостью» обезоружили священника, немало смутили и присутствующих.

Но вдруг раздается взволнованный и робкий голос Анны Евтихиевой:

«Нельзя ли хоть завтра отслужить, и тогда бы закрыть»...

В этом отчаянном всплеске – последняя надежда хотя бы еще раз соприкоснуться со священным действием, поклониться Господу, помолиться о спасении своей души...

Какова же реакция на мольбу женщины?

«Из группы верующих раздается просьба к попу – зал хохочет.

Выступает секретарь партячейки Кочкин».¹

С рассадником религиозного дурмана покончено

Звягин вносит предложение: учитывая нужды культурно-просветительной работы, передать Пророко-Ильинскую церковь под избу-читальню и народом (клуб).

Как следует из протокола, священник Луговской якобы отреагировал на это предложение следующими словами:

«Я считаю, что это не будет богохульством, а наоборот полезное дело».¹

Произносил ли настоятель эти слова или приписали ему – никогда уж не узнать. С высоты сегодняшнего дня мы не вправе осуждать пастыря за возможное отступничество. Мы не знаем, в какие условия были поставлены он сам и его семья. Репрессии против священнослужителей Красноярской епархии начались сразу после установления советской власти. Часть из них была расстреляна, другие сидели в лагерях, третьи мучились в ожидании ареста. Только в 1919 году было уничтожено десять иереев. По свидетельству исследователей, с 1920 года расстреляно еще 7-8 священнослужителей. Новая волна террора поднялась в конце 1920-х.

За примерами далеко ходить не надо. 23 декабря 1929 года в Большом Балчуге Сухобузимского района арестован 45-летний настоятель Покровской церкви Исидор Германович Козлов. Крестьянин по происхождению, уроженец Могилевской губернии, он попал в Сибирь в числе переселенцев. В Красноярске окончил семинарию. Его, как и других представителей духовенства, обвинили в контрреволюционной деятельности. Спустя 2 месяца особая тройка ОГПУ приговорила к 10 годам ИТЛ.

Из концовки протокола можно сделать вывод: закончили обсуждение вообще на браваурной ноте. Одна женщина сообщила, что знает, как церковные старосты напивались, и «вместо муки на просфору давали охвостья». Другая и вовсе залихватски подытожила:

*«Отдать церковь, а деньги за аренду пропьем».*¹

За предложение Звягина из присутствующих 170 человек проголосовало 128, 1 – против, воздержалось – 41.

Для удаления церковного имущества из культового здания утвердили комиссию, включив в нее Федосеева, Еременко, Целуеву, Ильиных, Евтихьева, Звягина и Зырянова.

Так было принято решение, в корне изменившее жизнь и вековые традиции сельского общества.

Конечно, протокол не отражает истинной картины общего собрания. Написан он человеком малограмотным. Скорее всего, речи ораторов искажены. Нельзя поверить и тому, что ни один человек не выступил в защиту храма, ведь все-таки 41 человек воздержался при голосовании. Не сидели же они, набравши в рот воды. Но недобрительные высказывания людей нельзя включать в протокол. Не для того собирали народ.

Почему вообще на собрание пришло всего 170 человек? Можно предположить, что людей плохо оповестили или приглашали выборочно, к тому же скрыли настоящую повестку дня.

Явилась в основном молодежь, которую антирелигиозная пропаганда уже настроила соответствующим образом. Да и мороз ей нипочем.

А ведь Кекур в то время довольно крупное село: численность населения в 1931 году составляла 987 человек. В приход входили еще четыре деревни – Абакшино (532 жителя), Кононово (214), Карнаухово (65), Берег-Бузим (237).

Получается, решение о закрытии храма простым большинством голосов, в отсутствие «заинтересованной стороны» приняло 6 процентов от общей численности населения.

«... никаким убеждением не прошибеш»

Спланированная кампания развивалась бешеными темпами. Буквально на следующий день состоялось «внеочередное заседание членов Кекурского сельсовета совместно с активом села и комиссией, выделенной общиной верующих по удалению из церкви церковной утвари».

Что интересно, в протоколе этого заседания общее собрание жителей Кекура уже именуется **собранием общины верующих**, хотя на самом деле на сходе присутствовали в основном неверующие граждане, о чем говорят результаты голосования. При этом констатируется: *«община верующих с. КЕКУР вполне сознательно признала бесполезность от церкви и правильно постановили передать помещение церкви под ДОМ КУЛЬТУРЫ».*²

Сельсовет постановил: просьбу граждан удовлетворить, церковь от общины, безусловно, принять. Заведование домом культуры поручить тов. Кочкину, обязав его произвести соответствующее переоборудование, содержать дом культуры в полной чистоте и порядке. А к удалению церковной утвари приступить после утверждения материала РИКом.

И этот протокол отпечатан на пишущей машинке. Похоже, сделано это в райисполкоме. В сельсовете, скорее всего, машинки не было, так как все остальные документы написаны от руки. На обоих протоколах нет подписей председателя и секретаря, зато есть пометка «верно» секретаря райисполкома Михайлова.

Сельсовет развивает бурную деятельность. Активисты идут по домам и собирают подписи граждан в пользу закрытия церкви. Несмотря на морозы, управились в два или три дня.

К 22 января все готово. Председатель сельского Совета Федосеев и секретарь Савченко отправляют в Сухобузимский райисполком протоколы, списки граждан с подписями:

*«При этом сообщаем, что полный отказ от церкви дало 437 граждан с. Кекур, имеющих избирательные права верующих и не верующих, колхозников и не колхозников из 509 челов. При этом нужно напомнить то, что из 72 человек недостающих до 100% отказавшихся объясняется тем; часть людей в отсутствии: колхозников, партийцев, комсомольцев и единоличников (всего не учтено) а так же есть при старелые которых никаким убеждением не прошибеш. Безусловно до 5% есть и из молодых людей, которые стоят за церковь (переселенцы). Но массы с их мнением в корне несогласны, а поэтому мы категорически настаиваем на утверждение посылаемого материала».*³

И снова недостоверные данные. В Кекурский приход входят не только Кекур, но еще четыре деревни – Абакшино, Кононово, Карнаухово, Берег-Бузим. Общее население – свыше 2000 человек, взрослых более 1200. А сельсовет указывает число верующих и неверующих – 509 человек, причем 437 из них якобы дали «полный отказ от церкви».

Муж – безбожник

Рассмотрим списки этих граждан, хранящиеся в архивном деле. Несколько ветхих

плохо читаемых листов исписаны карандашом, частично перьевой ручкой. Кроме фамилий указан возраст, социальное положение. Большинство – колхозники, но довольно много и единоличников. Возраст разный, все больше молодежь, начиная с 16 лет. Довольно редко встречаются 60-ти, еще реже 70-ти и 80-летние.

Первыми поставили свои подписи Звягины. Очевидно, сын-партиец, 22 года, дочь или невестка, 28, отец – 60 и мать, 53 года. Трое расписались, похоже, собственноручно.

Далее идут десять фамилий, десять подписей – Погуляевы, Баштатов, Кочневы. Но потом картина меняется. Как правило, три-пять фамилий обведены скобкой, напротив которой подпись, иногда с пометкой: «за семью расписался сын». Единственные росчерки стоят за целые семьи – Давидюк, Васильевых, Матониных, Андриенко, Королевых, Серковых и многих других сельчан.

Невооруженным глазом видно, что многие автографы просто подделаны: фамилии разные, а почерк одинаковый. Все время повторяется роспись Звягина с пометкой: «за неграмотного». Видимо, в основном он обходил дома односельчан.

Ничтоже сумняшеся сборщики подписей сами расписались и за отсутствовавших людей, например, за колхозников, уехавших в тайгу на лесозаготовки. В некоторых случаях добавлено уточнение: «отсутствует, ранее давал согласие».

Иногда встречаются уклончивые подписи: «на мнение большинства» или «на мнение массы», т. е. человек подчеркивает: готов присоединиться к общему решению, если оно наберет большинство голосов. А гражданка Миронова так обозначила свою позицию: «Дело села, я не касаюсь».

А вот загадка: почему-то три человека записаны цифрами: «17-лет Павел, 17-лет Иван, 17-лет Анна»? Сначала я подумала: возраст указали, а фамилии – забыли. Потом вспомнила: в Нахвальском есть жители с необычной фамилией Семнадцатилет.

Списки заверены председателем сельсовета, скреплены печатью. Видимо, позже отредактированы, так как к карандашным строчкам добавлено чернилами: «ВЛКСМ», «член ячейки» (вероятно, партийной), или «безбожник», очевидно, член Союза воинствующих безбожников, действующего в Сухобузимском районе с 1928 года.

А женщина по фамилии Черкашина написала: «муж безбожник и сама не возражаю».

Страх водил карандашом

С лупой я просмотрела все листы. Записи выцвели от времени, не все удалось разобрать. Очень хотела найти крестьян, не согласившихся с уничтожением церкви, хотя понимала: их, конечно же, не вносили в эти списки. И, уже заканчивая работу, на двух разных листах неожиданно обнаружила имена этих мужественных людей, не побоявшихся гнева властей.

Хочется выделить их шрифтом. Напротив фамилии **Анны Орловой** пометка – «отказалась», у 38-летнего **Евмена Кравченко** – «подписи не дал». Видимо, их случайно записали, не ожидали решительного отказа.

Конечно, Анна Орлова и Евмен Кравченко не были одиноки...

Но немало сельчан **вынуждено** было поставить свои подписи под петицией. Ведь только что на деревню обрушилась страшная чума – раскулачивание, насильственная коллективизация и последовавшие за ними репрессии. Одни крестьяне лишены избирательных прав. Другие, самые работающие и умелые, арестованы. Главы семейств посажены в лагерь, жены, родители и дети отправлены в гибельную ссылку.

Сначала в Кекуре взяли 45-летнего Алексея Максимовича Гриненко. Дали 10 лет лагерей. В 1929 году раскулачили зажиточного крестьянина, председателя церковного совета Ивана Михайловича Шахматова. Его, жену Федору Андреевну и трех сыновей, Георгия, Илью и Александра, 10, 6 и 5 лет, выслали в с. Маковское Енисейского района. В этом же месте вскоре оказалась и многодетная семья Степана Семеновича Кочнева. Не пожалели его престарелых родителей Семена Прокопьевича и Фелицату Савельевну, жену Степаниду, шестерых детей (самому младшему 6 лет).

В 1930 году арестовали Тимофея Матвеевича Андреева. До этого он был лишен избирательных прав, раскулачен, теперь предъявили обвинение в противодействии власти. Осудили на 6 лет.

Страх вселился в души людей. Нет, не по доброй воле они соглашались с ликвидацией храма, единственного места, где были едины, находили отраду и утешение. Страх водил карандашом.

...Продолжаю читать списки жителей Кекура и вижу множество знакомых фамилий. Лупановы, Матонины, Харьковы, Ефтифьевы, Тихоновы, Курносенко, Белослудовы, Кузьмины, Бабиковы, Седельниковы... Их потомки и сейчас живут в районе.

О «тонком» подходе

28 января 1931 года президиум Сухобузимского райисполкома (председатель Кочура, секретарь Тищенко) утвердил протокол общего собрания граждан Кекура.

3 февраля пакет документов с просьбой разрешить закрыть церковь и передать ее сельсовету *«для культурных надобностей»* ушел в Восточно-Сибирский крайисполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Однако вышестоящий орган вернул материалы в Сухобузимское на доработку. Первая мысль: значит, в крайисполкоме увидели, что списки граждан сфальсифицированы?

Ан нет, такие «мелочи» там предпочитали не замечать. Причина была в другом.

Повсеместное закрытие церквей накалило социально-политическую ситуацию в стране, особенно в деревне. В ряде районов люди, возмущенные надругательством над их чувствами, при попытках закрыть храм оказали неповиновение, а в некоторых случились вооруженные столкновения.

Тогда ЦК ВКП(б) направил в партийные органы краев и областей письмо, получившее название «О тактичном подходе в деле закрытия церквей». В

нем прямо указывалось: «многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, степень его неизжитых религиозных суеверий, преувеличивают рост антирелигиозного движения в массах и полагаются исключительно на антирелигиозные и комсомольские организации в борьбе с религиозными организациями и, в частности, в вопросе о закрытии церквей и других молитвенных домов. В таких случаях закрытие церквей проходит без необходимой и действительно хорошо проведенной предварительной массовой работы среди рабочих и крестьян, без соблюдения советских законов».⁵

Административный сектор крайисполкома предложил Сухобузимскому РИКу переоформить бумаги в соответствии с пунктами 34, 35 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях».

А также потребовал подготовить дополнительную информацию по пяти вопросам:

«1. Сколько в данном приходе граждан 18 лет и свыше, пользующихся избирательным правом.

2. Под что предполагается использовать здание церкви, какая для этого требуется сумма, и откуда предполагается достать деньги.

3. В каком расстоянии от ликвидируемой церкви находится другая того же течения.

4. Производится ли в этой церкви ныне служба и если нет, то с каких пор и почему.

5. Не было ли жалоб от верующих на постановления собрания граждан о ликвидации церкви».⁶

24 мая 1931 года райисполком под грифом «срочно» отправляет такой же запрос в Кекурский сельсовет.

По одному сценарию

...Мне пока не удалось выяснить, когда окончательно решилась судьба кекурского храма. Сколько лет еще простояло добротное каменное здание, обнесенное кирпичной оградой с железными решетками?

Некогда это был величественный и красивый храм. По праздникам далеко окрест был слышен перезвон шести колоколов. В церкви имелось два престола, в первом иконостасе – 44 иконы, во втором – 7. До 1922 года божий дом имел богатое убранство. Во время изъятия церковных ценностей с восьми икон содрали серебряные ризы, отняли серебряные кресты, дарохранильницы, дароносицы, кадило, диски, сосуды, венчики. С евангелий сняли украшения, изготовленные из драгоценного металла. Священнику Смарагду Тыжнову и прихожанам пришлось заменить богослужебные предметы на медные.

В краевом государственном архиве обнаружили документы о закрытии на территории района и других церквей.

10 апреля 1931 года в селе Иркутском состоялось собрание, подобное кекур-

скому. Сценарий не меняется. На собрании присутствует всего 82 человека, это процентов 8–10 от численности населения прихода...

После доклада о «вреде религии и кому она нужна» идут прения. Настоятель (имя в протоколе не указано) пытается протестовать: церковь закрыть не имеете права. Ему тут же затыкают рот.

68 человек проголосовали за закрытие, против нет, 14 – воздержались.

Постановили: Богородице-Казанскую церковь в с. Иркутском закрыть и передать под детские ясли. К протоколу собрания приложено два списка. И снова за пять человек расписывается один, и автографы разных людей похожи как две капли воды.

В 1931 году закрыли часовню в Толстомысово.

Не принимались во внимание протесты верующих. Да и что было церемониться с «чуждым элементом», к тому же не желающим идти в колхоз.

Добротные здания храмов некоторое время пустовали, а потом их приспособили под разные нужды. Где под клуб и библиотеку, где под зернохранилище.

Несколько лет назад Любовь Антоновна Карепова (Мельникова), 1927 года рождения, рассказывала мне, что в Атаманово в церкви разместили школу. Она тоже там училась. Ее класс находился под куполом. Однажды зимой в ветреный день во время урока дети слышали жуткий вой. Перепугались ужасно, кинулись прочь. В страхе убежала даже учительница.

Явилась комиссия, долго ходила по храму, но ничего не могла понять. Пока один из смельчаков не поднялся на верхотуру и не обнаружил источник пугающих звуков. В оконном проеме отклеилась бумажка, прикрывавшая щель...

Отца Любви Антоновны, известного мастера-горшечника Антона Никифоровича, уважали в Атаманово, ведь он был звонарем местной церкви. Мама Марфа Михайловна пела на клиросе.

В 1935 году рядом с церковью начали строить школу (теперь здесь располагается детсад). Храм разорили. Добротный кирпич пошел на школьные мастерские.

Из камня Нахвальской церкви сложили фундамент 2-этажной школы в Сухобузимском, строили мастерские Красногорской МТС.

Скорее всего, к 1935 году в районе не осталось ни одной действующей церкви. В 1935-м вышли официальные постановления крайисполкома о закрытии сухобузимской Троицкой и иркутской Богородице-Казанской церквей, на следующий год – атамановской Троицкой и часовни в Павловщине. 15 апреля 1937 года – нахвальской Богородице-Казанской.

К этому времени святыни были разграблены, службы прекратились задолго до официального закрытия.

16 января 1936 года президиум Красноярского краевого исполкома издал постановление № 2181 о запрещении колокольного звона и снятии колоколов с церкви Сухобузимского района.

Колокольную бронзу передали конторе «Цветметалл» на переплавку.

Источники

1. ГАКК Ф.Р. 1565. Оп.1. Д. 364, Л.2. Подлинник
2. Там же. Л.3. Подлинник
3. Там же. Л.3. Подлинник
4. ГАКК Ф.Р. 1565. Оп.1. Д. 364, Л.1. Подлинник
5. <https://religion.wikireading.ru/51614>
6. ГАКК Ф.Р. 1565. Оп.1. Д. 364, Л.16. Подлинник
7. ГАКК Ф.Р. 1565, Оп.1. Д. 371

Отклик

Во благо исторической справедливости

Во-первых, спасибо Ольге Михайловне Вавиленко за бескорыстный труд в изложении архивных материалов Государственного архива Красноярского края во благо исторической справедливости.

Во-вторых, действительно, в 20–30 годы велась ожесточенная классовая борьба по всей России против православной церкви. Многие священники высшего управления эмигрировали за границу, другие же, особенно простые сельские батюшки остались со своей паствой до конца. На них и была направлена несправедливая борьба и травля. Их без причины обвиняли, притесняли, запугивали, ссылали, сажали в тюрьмы и даже расстреливали.

Паству, которая защищала священников, храмы и веру, соответственно постигала такая же участь.

Все церковные реликвии, которые паствой собирались веками, изымали. Храмы разрушали, взрывали или передавали под дома культуры и овощехранилища, в Алтарях устраивали туалеты.

Естественно, некоторые священнослужители ради сохранения своей жизни и семьи, под сильным давлением, добровольно или принудительно снимали с себя сан и не могли давать правдивые ответы, чем смущали свою паству и предавали Бога.

Но мы не вправе их осуждать, ибо, как бы многие поступили на их месте в то несправедливое время, никто не может предположить.

Проклятие за предательство Бога и веры, разрушение и глумление над храмами и верой лежит на тех, кто закрывал и разрушал храмы, их потомках, которые вместо молитвы развлекались и танцевали в храмах

И пока еще есть время, надо всем им принести искреннее покаяние, загладить грехи, постараться по возможности восстановить все разрушенные храмы и принять православную веру.

Настоятель храмов Св. Троицы и Св. апостола Луки с. Сухобузимское
Митрофорный протоиерей Олимпий БОГИНСКИЙ
Газета «Сельская жизнь», 13 декабря 2019 года

Часть церковных ценностей Енисейской губернии ныне хранится в Красноярском краевом краеведческом музее. Фото с сайта музея

Поруганная Покровская церковь в Шиле разрушалась 70 лет. Снимок сделан до реставрации 2009 года. Фото Леонида Воронина

17
П Р О Т О К О Л № 00.

Заседания Казанской Уездной Комиссии по изъятию церковных земель
 и имущества Шилинской церкви, 4 КР Н К В. Члены: Трофимов, Иванов, Виш-
 нецкий, Представитель от землевладельцев: Земледельцы от: 1822
 с. Ш. Атамановой Сухобумской волости в 10 часов утра 20 июля 1922

.....
С Л У Ш А Н И Е .....
П О С Т А Н О В Е Н И Е:

1) Заявление представителем волостей
 о том, что в данное время овладели
 и без него никто не имеет право
 дается различные предметы:

- 1- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 2- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 3- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 4- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 5- Дубовый сребролом 4 фунт.

Всё перечисленное изъятие и кроме того подлежащее изъятию по не имевшим
 документов, а также находящимся на престолах сребролом для причастия
 Лышья, престолами Лышья и один сребролом для причастия
 на по первому требованию представлять в Уездную Комиссию
 в срок до 15 июля 1922 года. Представитель от землевладельцев
 и волостей обязуется представить в Уездную Комиссию
 документы, подтверждающие право собственности на
 имущество, подлежащее изъятию, в срок до 15 июля 1922
 года. Все изъятые предметы подлежат передаче в
 Уездную Комиссию в срок до 15 июля 1922 года.
 Выписано по записке.

Председатель, **ЧЕРНЫШЕВ,**
 В. АДУФ.
Ч Л Е Н Ы: ТРОФИМОВ, ШАВЛ, ТЯМЕНЦЕВЫЙ,
 АКСАНОВСКИЙ ШАВЛ, ИВАНОВ, В,
 Представитель от волостей, СЕМЕНОВ.

Председатель
 20 июля 1922

Протокол изъятия в Атамановской церкви.

18

Протокол заседания Уездной Комиссии по изъятию церковных земель
 и имущества Шилинской церкви, 4 КР Н К В. Члены: Трофимов,
 Иванов, Вишневский, Представитель от землевладельцев: Земледельцы от:
 1822 с. Ш. Атамановой Сухобумской волости в 10 часов утра 20 июля 1922

.....
С Л У Ш А Н И Е .....
П О С Т А Н О В Е Н И Е:

1) Заявление представителем волостей
 о том, что в данное время овладели
 и без него никто не имеет право
 дается различные предметы:

- 1- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 2- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 3- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 4- Дубовый сребролом 4 фунт.
- 5- Дубовый сребролом 4 фунт.

Всё перечисленное изъятие и кроме того подлежащее изъятию по не имевшим
 документов, а также находящимся на престолах сребролом для причастия
 Лышья, престолами Лышья и один сребролом для причастия
 на по первому требованию представлять в Уездную Комиссию
 в срок до 15 июля 1922 года. Представитель от землевладельцев
 и волостей обязуется представить в Уездную Комиссию
 документы, подтверждающие право собственности на
 имущество, подлежащее изъятию, в срок до 15 июля 1922
 года. Все изъятые предметы подлежат передаче в
 Уездную Комиссию в срок до 15 июля 1922 года.
 Выписано по записке.

Председатель, **ЧЕРНЫШЕВ,**
 В. АДУФ.
Ч Л Е Н Ы: ТРОФИМОВ, ШАВЛ, ТЯМЕНЦЕВЫЙ,
 АКСАНОВСКИЙ ШАВЛ, ИВАНОВ, В,
 Представитель от волостей, СЕМЕНОВ.

Председатель
 20 июля 1922

Протокол изъятия имущества Шилинской церкви.
 Фото автора

*Так выглядела Троицкая церковь в Сухобузимском.
Макет хранится в Сухобузимском краеведческом музее.*

*К XXI веку на территории района уцелело три церкви. 2014 год. Руины Сухобузимской церкви с высоты птичьего полета. Снимок сделан с борта летательного аппарата.
Фото Владимира Подлегаева*

Эта икона Спас Нерукотворный, истыканная ножом, хранилась у местного жителя. Не исключено, что ранее принадлежала Троицкой церкви. Несомненно, она имела богатый оклад: на доске видны следы от гвоздиков.

В настоящее время предпринимаются попытки восстановить церковь. В прошлом году в руинах совершена Божественная литургия. Фото Ильи Наймушина

Протокол № 3.

Внеочередного заседания членов КЕКУРСКОГО сельсовета совместно с активом села и комиссии выделенной общиной верующих по удалению из церкви церковной утвари. 1931 года Января 19.

Председатель ФЕДОСЕЕВ Н.Т.
Секретарь САВЧЕНКО П.Ф.

Повестка дня.

I. Утверждение постановления общины верующих о передаче церкви под культурно просветительные цели.

II. Зачтение протокола общины верующих селения КЕКУР и представления от д. Дюжинино, от 18 Января 1931 года, по вопросу передачи церкви под культурно просветительные цели.

Из протокола видно, что община верующих с. КЕКУР вполне сознательно признала безразличность от церкви и правильно постановила передать помещение церкви под ДОМ КУЛЬТУРЫ.

П о с т а н о в л е н и е.

Церковь безусловно от общины верующих принять, и просьбу граждан о передаче ее под ДОМ КУЛЬТУРЫ удовлетворить, при чем введением домов культуры поручить тов. КОЧКИНУ, которому вменяется содержать ДОМ КУЛЬТУРЫ в полной чистоте порядке и преемственно соответствующее переоборудование. К удалению церковной утвари приступить по утверждении материала РИК'ом.

п/п Председатель ФЕДОСЕЕВ.
Секретарь САВЧЕНКО.

В е р н о: Секретарь Райисполкома [подпись] | Михайлов |

Протокол Кекурского сельсовета.

ПРОТОКОЛ № 4

заседания Президиума (Пленума) I.

Поселкового Совета Буаниского Района Красноярск. округа.

19 ____ года.

28 Января 31.

ВОПРОСЫ:

9. Утверждение протокола общего собрания граждан с. КЕКУР о передаче церкви под культурные надобности сельсовета.
Лекция т. КОЧУРА.

Отметка об исполнении

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

Протокол утвердить. Просит разрешение Орг. Комитета ВЦИК ВКС. Края о передаче здания церкви в селении КЕКУР, для культурных надобностей деревни.

п/п Председатель Кечур.

Секретарь - Тищенко

В е р н о: Секретарь РИК'а [подпись]

Райисполком утвердил протокол общего собрания граждан с. Кечур.

Р. С. С. С. Р.
СУХОБУЗИМСКИЙ
РАЙОННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КРАСНОЯРСКОГО ОКРУГА
СИБИРСКОГО КРАЯ.

Иркутск Восточно-Сибирскому Краевому
 Исполнительному Комитету. 15

Прилагаю при сем материалы по закрытию церкви
 в селении КЕКУР, Сухобузимский Райисполком ввиду
 отказа верующих от церкви на основании ст. ст. 35
 и 36 постановления ВЦИК и СНК РСФСР, о религи-
 озных объединениях. Просит Вашего постановления о
 передаче церковного здания в селении КЕКУР, для
 культурных надобностей села.

№ 007
 с. Сухобузимское.

1931 г. 24.12

ИРКУТСКИЙ ОКРАЙ		
Дело №	и карт.	
7 / 1012		
Отдел		

Председатель *Кекурицкий*
 Секретарь *М. В.*

Приложение: Протокол №2 общего собрания гр-н с.
 КЕКУР.
 Протокол №3 заседания КЕКУРСКОГО с/с
 Выписка из протокола Президиума РКК
 Справка о состоянии церкви. -
Выписка из отчета от церкви

Р. С. С. С. Р.
ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ
КРАЕВОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТОВ
РАЙОНОВ, КРЕСТЬЯНСКИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ

Сухобузимской Райисполкому. 16

Возвращая материал о закрытии церкви в с. Кекур
 Адм. Сектор предлагает оформить таковой в порядке
 ст. ст. 34 и 35 закона о религиозных объединениях от
 8/1У-29г. и донести:

1. Сколько в данном приходе граждан 18 лет и
 свыше пользующихся избирательным правом.
2. Под что предполагается использовать здание
 церкви, какая для этого требуется сумма и откуда пред-
 полагается достать деньги.
3. В каком расстоянии от ликвидируемой церкви, на-
 ходится другая того же течения.
4. Приложить заявление общины верующих об отказе
 от церкви.
5. Производится ли в этой церкви ныне служба и
 если нет, то с каких пор и почему.
6. Не было ли жалоб от верующих на постановления
 собрания граждан о ликвидации церкви.
7. Ваш подробный доклад в зависимости от об-
 становки и обстоятельства дела.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Управделами *М. Артемьев (Шаулин)*
 Ст. Инспектор *М. Кушечев (Кушечев)*

Поезд Памяти

В мае 2001 года в районе побывали калмыки, депортированные в годы войны в Сибирь и жившие в наших селах и деревнях с 1944 до 1957–58 годов.

Спустя 57 лет из Калмыкии в Сибирь вновь отправился поезд. Только это уже были не телячьи вагоны, в которых везли, как скот, несчастных спецпереселенцев. Это был поезд Памяти, который организовал республиканский фонд ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил, во главе с отцом президента Калмыкии – Николаем Илюмжиновым.

В Сибирь приехали 480 ветеранов, которые провели здесь детство и юность.

В Сухобузимское прибыли шестеро: С.И. Убушиева (Мацакова), М.М. Джимбеев, Л.К. Очиров, Р.Е. Мацакова (Очирова), М.Г. Кюнкрикова (Ямадаева), Д.К. Убушиева (Сосикова).

Автобус остановился на улице Заречной села Сухобузимского. Роза Егоровна Мацакова почти бегом устремилась к невзрачному домику по правой стороне. Замерла около калитки. Гладила руками старое, почерневшее дерево. Молча. Хотя на глаза навернулись слезы.

Что вспоминалось ей в эти минуты... Может быть, сугробы, которых наметало зимой почти по самую крышу... Или печальные глаза отца, который редко улыбался в неволе...

Впрочем, это для нас невзрачный домик, а для Мацаковых после войны он казался дворцом. Потому что жили спецпереселенцы поначалу в землянках, где к утру волосы примерзали к подушке, точнее, к разной ветоши, что служила изголовьем.

А дом – это уже роскошь, в нем можно было по-человечески сесть за стол.

Конечно, все было не так, как в Калмыкии. Но переселенцы, как могли, обустроивались в суровом краю. Думали, что разлучены они с родиной навечно.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года было определено, что переселение чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар проведено навечно, без возврата их к прежним местам жительства.

Дом, в котором жила Светлана Ивановна Убушуева (в девичестве Мацакова), не сохранился. Но она все же постучала в калитку. Зашла во двор. Узнала огород, где когда-то девчонкой вскапывала грядки.

Вышли молодые хозяева. Дом их построен недавно, но они знают, что на этом месте жили ссыльные калмыки. Гора неподалеку и поныне зовется Калмыцкой. Женщины медленно шли по улице, узнавая и не узнавая родные места. Сорок четыре года они не были здесь. И все же по одним им известным приметам находили знакомые уголки.

Через полчаса – еще одно волнующее событие – встреча одноклассников. Галина Ивановна Хохлова (Таскина) только что пришла с педсовета, она работает учительницей начальных классов, как и 45 лет назад. Когда Галина Ивановна

открыла калитку, то в изумлении застыла на месте, увидев немолодых уже людей калмыцкой национальности. Светлану Мацакову узнала сразу, так как несколько лет назад они случайно увиделись в Высотино на автобусной остановке. В тот раз Светлана Ивановна приехала из Элисты в Сибирь, чтобы спустя многие годы побывать в некогда родных местах. Галина Ивановна первой узнала подружку детства. Светлана не только отлично училась, но и была заводилой в классе. Поэтому Галина Ивановна не удивилась, что ее одноклассница теперь кандидат исторических наук.

С грустью смотрел на встречу одноклассниц Любомир Кокшович Очиров. В 1944 году он вместе с матерью Булгун Манжиевной и младшим братом был поселен на Третьем отделении совхоза «Таежный». Жили в старом ветхом клубе, промерзали до костей. Негде было ни помыться, ни обогреться. И все же Любомир Кокшович очень хотел повидать те места, а более всего детей или внуков Матвея Павловича Таскина. Старый сапожник взял его, подростка, в ученики. И хотя семья Таскиных была большая, жили, как все, бедно, но не могли равнодушно смотреть на голодные глаза мальчишки. Что ели сами, тем и кормили его.

До седых волос дожил Любомир Кокшович, а доброту сибиряков помнит и поныне.

Мария Ямадаева (по мужу Кюнкрикова) жила в Миндерле. Как-то простудилась, но тетка все равно отправила ее на работу (жестокие были времена, властей слыльные боялись панически, упаси Бог совершить прогул). Но когда Мария пришла в поле, женщины, увидев, в каком она состоянии, не взяли ее копать картошку. Натаскали хворосту и поручили испечь клубни.

Мария Гучиновна со слезами вспоминает, что сочувствие проявили к ней, девочке, совсем незнакомые люди.

А ведь на них было страшное клеймо предателей. Калмыки так и говорят: если бы не широкая русская душа, погибли мы тогда все. Ведь привезли их в Сибирь в лютые морозы.

– Нелепые, абсурдные обвинения выдвинули против целого народа. В начале войны наши отцы, братья были призваны на фронт. Репрессии в основном обрушились на ни в чем не повинных стариков, инвалидов, женщин, детей. Никакой всеобщей измены и предательства не было, – говорят калмыки.

– Были среди калмыков, как и у других народов, предатели, трусы, дезертиры. Но почему за них должен отвечать целый народ?! Поймите и покарайте предателя. Но кара легла на всех нас, не пощадили ни детей, ни стариков, ни женщин. Мой отец, заместитель председателя райисполкома, был всей душой предан Советской власти. И когда в 4 часа утра военные неожиданно постучали в дверь, объявили, что нас всех как предателей депортируют – он впервые в жизни совершенно растерялся, – вспоминает С.И. Убушиева.

На сборы кому-то выпало два часа, а кому-то – 20 минут. Что можно было успеть за это время?! Люди в ужасе метались по дому, увязывая в узлы порой случайные вещи. Разрешалось взять продовольствие, одежду, бытовой и сельскохозяйственный инвентарь, по 100 кг на человека, но не более 500 кг общего веса на выселяемую семью.

Семьи Мацаковых попали в Шилинку. Ямадеевы – в Миндерлу. Мария Ямадаева вспоминает, что поселили их в телятник. Какая-то высокая смуглая женщина из местных принесла «предателям» полную чашку горячей картошки «в мундире».

«Предатели» почти сплошь состояли из ребятишек, ведь семьи у калмыков многодетные. Некоторые поумирали в пути, в первые месяцы на чужбине. От голода, холода, болезней. Калмыки вспоминают: если простывал кто-то из их братьев или сестер, мать все равно шла на работу. Не имела права остаться с больным ребенком. Не было ни лекарств, ни надежды на медицинскую помощь. Ослабленные дети угасали, как свечки. Жили голодно. Местные жители рассказывают, что ссыльные калмыки ели даже падаль.

Светлана Ивановна Убушиева (Мацакова) вспоминает, что собирали мерзлую картошку, капусту, бракованные овощи, колоски. Летом съедобные травы и ягоды. Так спасались от голода калмыки – исконные скотоводы, для них традиционная пища – мясо, молоко, сметана. Сибирь же приучила к картошке. Она спасла от голодной смерти и осталась в памяти такой вкусной, что, когда зашла речь об ужине, Любомир Кокшович Очиров попросил об одном: сварите картошки. Роза и Светлана Мацаковы в гостях у Г.И. Хохловой (Таскиной) отказались от угощения, но взяли с собой по ведру картошки. В ссылке постоянно хотели есть. Сибирская картошка запомнилась им как необыкновенно вкусная.

Подростки и их родители работали в основном в животноводстве. Особенно много калмыков трудилось на предприятии «Заготскот». По-доброму вспоминают его директора Карпушева.

Удивительно устроен человек. Столько унижений, лишений и стыда перенесли калмыки в ссылке. Над каждым висел ярлык предателя. Изгнанники находились под неусыпным оком органов НКВД. Оперсотрудники спецкомендатур следили за каждым шагом спецпереселенцев, которые не имели права съездить повидаться с родственниками, похоронить умерших.

Казалось бы, они должны были возненавидеть русский народ, проклясть Сибирь. Но вот сидят рядом со мной бывшие «враги народа», без гнева рассказывают о жизни в ссылке. И светлеют лица, когда вспоминают друзей детства, их родителей, которые жалели их, делились последним.

– Помню семью Сысовых: Лилю, бабу Шуру. Своих детей было трое, а придет мы вдвоем или втроем – всех напоят молоком. Поддерживали нас, чем могли, Головастиковы, Карлаш. Добры были к нам и учителя. Мы сначала почти не говорили по-русски. Столько терпения и участия они проявили к нам. Помню первую учительницу – Надежду Федоровну, она сама была из ссыльных. Школа дала прочные знания, и я смогла учиться дальше, – говорит С.И. Убушиева.

Светлана Ивановна блестяще окончила Сухобузимскую среднюю школу. Поступила сначала в педучилище, потом в пединститут. А когда вернулась на родину, окончила исторический факультет Ростовского государственного университета. Защитила кандидатскую диссертацию в Москве, стала преподавателем госуниверситета. Работает там и поныне.

Вместе с мужем вырастила троих сыновей. Старший – кандидат физико-мате-

матических наук, преподает в университете. Второй сын окончил МГИМО, был дипломатом, сейчас живет и работает в Москве. Третий сын тоже имеет два высших образования.

Михаил Михайлович Джимбеев окончил строительный техникум, потом институт. Работал прорабом, начальником строительной конторы. Последние 18 лет – начальником технического отдела Стройбанка Калмыцкой АССР. Михаил Михайлович давно на пенсии, но продолжает работать. Теперь он – ведущий инженер ГУ «Калмыкдор». Выглядит он удивительно молодо.

Уверена, его бы сразу узнали друзья юности. Когда-то Михаил Михайлович работал на Втором отделении «Таежного». Он так рвался туда. Отказался от ужина, просил только об одном – доставить его на место ссылки. Там он хотел найти братьев Юшко – Петра, Григория, Николая, Любу Лалетину, Михаила Лысова. Но ему ответили, что никто из них не проживает в Больших Прудах. Кто-то уже умер, другие переехали. Но все же, думаю, найдется в «Таежном» человек, который вспомнит смуглого паренька Мишу Джимбеева, работавшего в обозе. Он возил на лошадях зерно и овощи, на маслозавод в Мингуль доставлял молоко.

Михаил Михайлович хотел обнять товарищей. И чарку с собой прихватил. Только не с кем ее было поднять.

На ужине, организованном администрацией района в Сухобузимском, калмыки подняли первый тост в память о тех, кто остался лежать в сибирской земле. Нет, пожалуй, семьи, которая не оставила в суровом краю своих родных. У Дельвиры Картаевны Убушиевой (Сосиковой) отец погиб на фронте, два брата умерли в ссылке, а мать попала под поезд, возвращаясь из спецкомендатуры. В Сухобузимском Дельвира жила у тети, у которой своих было 8 детей. Поэтому подростком девочка пошла работать в МТС.

Калмыки выполняли самую тяжелую работу, но их трудолюбие, старательность помнят у нас и поныне.

Поэт Д. Кугультинов написал:

Я знал, что мой народ в лесах Сибири

Нашел друзей и вновь душой окреп.

Средь лучших русских,

Средь щедрейших в мире,

Деливших с нами и судьбу, и хлеб.

Ведь только первое время местное население настороженно относилось к приезжим. Про калмыков распространяли нелепые слухи. Но присмотрелись сибиряки: люди как люди, работающие, сильные духом. Если умирали родители, сирот разбирали родственники. Хотя у самих мал-мала меньше, но в детдом ребятишек не отдавали.

В сердцах сибиряков спецпереселенцы оставили о себе добрую память, так же, как и калмыки с благодарностью вспоминают простых сельчан, с которыми сроднились в тяжелую годину.

2001 год.

Спустия 47 лет

Любомир Очиров смог сказать «спасибо» семье сибиряков Таскиных.

В конце мая у нас в районе побывали калмыки, которые были депортированы в Сибирь в годы войны и жили в наших селах и деревнях с 1944 до 1957–58 гг. Районная газета опубликовала материал О. Вавиленко «Из Калмыкии – в Сибирь» (№№ 68-69, 70 от 2 и 7 июня). В нем шла речь и о Любомире Очирове, который в 1944 году жил на третьем отделении совхоза «Таежный» и очень хотел бы встретиться с детьми или внуками старого сапожника Матвея Павловича Таскина, обогревшего его, голодного калмыцкого подростка.

Всего несколько часов были калмыки на сухобузимской земле. Никто (за редким исключением) не успел найти друзей своего детства и юности. Не смог познакомиться с Таскиными и Л.К. Очиров. Вернулся в Элисту, в душе тая надежду, что откликнется кто-то из семьи, к которой он до сих пор испытывает чувство благодарности.

И чудо произошло. Дочь Матвея Павловича Лидия Матвеевна, которая проживает в Атаманово, прислала письмо Любомиру Кокшовичу. Тоже очень жалела, что они не смогла встретиться. Л.К. Очиров обратился в редакцию газеты «Сельская жизнь» с благодарностью за то, что газета соединила его с Таскиными. Еще он прислал июльский номер городской газеты «Элистинские новости» («Элестиниин зенге»), которая перепечатывала корреспонденцию О. Вавиленко «Из Калмыкии – в Сибирь».

Любомир Кокшович был так тронут их письмом, что ему захотелось вновь приехать в Красноярский край. Он интересуется, как добраться из Красноярска до Бузима, намечает поездку на осень или весну.

Когда мы отыскивали Лидию Матвеевну Таскину, по мужу Толстикову, и сказали ей об этом, она, не задумываясь, произнесла:

– Пусть приезжает. Места много, встретим и угостим от души.

И хотя Лидии Матвеевне уже скоро 75, и живет она скромно, так как пенсия небольшая, в отсутствии гостеприимства ее не заподозришь. Давно замечено, чем скромнее достаток у человека, тем шире душа. Вот и тогда, в годы войны, в семье Таскиных своих детей было девять душ, и хлеба досыта никогда не ели. Но помогли спецпереселенцам – латышам, румынам, калмыкам. Потому что тем еще хуже было. О ссыльных у Лидии Матвеевны остались хорошие воспоминания. В клуб, где жили калмыки, они ходили на танцы, дружили с ними, предателями не считали. С калмыцкими девочками серпами жали пшеницу, убирали сено, мяли куделю из конопли. Калмычки были трудолюбивы, владели рукоделием. Лидия Матвеевна вспоминает, как учили их вязать платки из пряжи. Да только некогда ей было вязаньем заниматься. С ночи до ночи то в обозе, то в поле. Тяжелое было время. Наверно, потому из большой семьи Таскиных в живых осталось сейчас трое. Брат Лидии Матвеевны Федор живет тоже в Атаманово, а сестра – в Краснодарском крае.

Газета «Сельская жизнь» 18 августа 2001 года

Калмыцкие горы

В селе Сухобузимском есть Калмыцкая гора. Молодым невдомек, почему ее так окрестили. А в высоком яру над Бузимом в 1944-м степной народ рыл себе землянки... Как и на Первом, Втором и на Третьем отделениях совхоза «Таежный», в Миндерле, Борске и Шилинке.

27 декабря 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована Калмыцкая АССР, ее население депортировано.

Это решение мотивировалось тем, что *«в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства»*

(<https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022134>)

Такие факты имели место. Известно, что часть калмыков воевала на стороне врага. Но из-за измены отдельных граждан ответственность возложили на всю нацию, включая древних стариков и малых детей.

26 тысяч калмыцких семей насильно загнали в товарные вагоны и в зимнюю стужу отправили в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.

В крещенские морозы, с 11 по 18 января 1944 года, в Красноярск прибыло 12 эшелонов калмыков – 7 525 семей, 24 998 человек.

Часть из них попала в Сухобузимский район.

Ссылные попали и на Север, и в таежные районы. Многие погибли, так как жить в суровых условиях Заполярья или валить лес по колено в снегу не смогли. Они были к этому совершенно не приспособлены. До депортации в основном занимались разведением скота или ловлей рыбы в благодатных климатических условиях.

В Миндерлинский совхоз НКВД спецконтингент (150 человек) привезли в январе 1944 года.

В совхоз «Таежный» калмыков пригнали в июне 1944 года.

Академик Борис Степанович Маслов в книге «В Год Великого перелома» пишет:

«В мае или начале июня 1944 г. на дороге через Саман появилась со стороны Атаманова какая-то процессия: пригнали ссылных калмыков. Привезли их на пароходе до Атаманова. А оттуда шли (по моей дороге в школу) пешком.

Пестро одетые, разного возраста люди прошествовали до находящейся метрах в 300 от нашей землянки зоны, огражденной высоким забором с колючей проволокой и деревянными башнями по углам, в которых постоянно находились охранники. В этой зоне сидели «политические», осужденные по 58 статье УК. Их быстро, видимо, ночью куда-то перегнали, а зону временно заселили калмыками.

Надо сказать, что сразу же, когда шли они по дороге, появились разговоры (кто-то подкинул!), что с ними общаться нельзя, так как все они больны... Однако контакты установились уже на следующий день: калмычки пришли обменивать на чай другие продукты. Без чая калмык – не калмык.

Вскоре их расселили по всем отделениям совхоза, а около Первого отделения в кустарниках появились десятки или сотни землянок Калмыцкой АССР в изгнании.

В 1946 году на Втором отделении встретил калмыка с орденом Красного Знамени, в чем его вина, почему сослали? Вопрос праздный, т.к. сам был сослан ни за что».

Многие из прибывших – уроженцы Юстинского, Приволжского районов Калмыцкой АССР.

Прежде чем попасть в совхоз Норильлага, уже работали в других его подразделениях, например, на лесозаводе станции Енисей, на объектах станции Злобино. Уроженец села Присарпа Юстинского района Бадма Шагаевич Батыров с 15 февраля трудился на станции Злобино разнорабочим. В июне 1944 года его с матерью Маштык Тюрбеевной привезли в «Таежный». Наверное, они плыли сюда на одной барже - Шулла Наджиевна Баринова, Борис Багаджиевич Бастаев с семьей (8 детей), Булгун Гаряевна Деликова, Авташ Басангович Джавжиев...

Врач Юленч Семенович Эренценов сначала служил начальником санчасти по обслуживанию спецконтингента в Управлении спецпоселка Норилькомбината НКВД СССР, которое располагалось на правом берегу Красноярска. С 1 ноября 1944 года санитарный врач, а затем начальник санчасти, рядовой врач совхоза «Таежный», Четвертого отделения. Лечил работников «Таежного» и заключенных до 1957 года. Его помнят многие. О нем рассказывала Людмила Александровна Слободенюк (Верещагина).

Но в основном калмыки выполняли неквалифицированную физическую работу. Руководителей и специалистов было немного. Саган Мучаевич Горяев заведовал складом нефтепродуктов Третьего отделения. Участник войны Нарта Китаев был ветеринаром. Еще один калмык работал учетчиком. Остальные – доярками, скотниками, чабанами, пастухами. Некоторые выучились на механизатора.

Жительница Седельниково Виктория Ивановна Козлобаева рассказывала, что в детстве часто видела смуглых мужчин, возивших на лошадях перегной и золу для удобрения полей. Вид у них был несчастный. Оборванные, худые. Многие так и не научились хорошо говорить по-русски. Припомнила также, что магазином на Третьем отделении заведовал калмык. У него случилась любовь с молодой женщиной из Седельниково, родилась дочь.

Правда, калмыки редко заключали межнациональные браки, женились в основном на своих. Но в «Таежном» помнят, как одна девушка немецкой национальности вышла замуж за калмыка.

Начиная с 1945 года, калмыки прибывали в совхоз из других сибирских областей, Хакасии, районов Красноярского края, подсобных хозяйств заводов, эва-

куированных в Красноярск, из Миндерлинского совхоза НКВД, стеклозавода Емельяновского района.

В 1945 году сюда поступила Очир Маштыковна Джомоева (1922 года рождения), в 1946-м – Донде Цедемович Джиргалов (1913 г).

Борис Ханчаевич Ханчаев (Хончаев) с 1944-го по 1946-й был объездчиком Шилинского участка Миндерлинского совхоза НКВД. С 1946-го – в «Таежном». В 1950-х командирован на сенозаготовительный участок в д. Большая Речка Вараковского сельсовета Казачинского района вместе с женой Батмой Саранговной.

Инсин Убушиевна Очирова родилась в 1922 году в селе Шамбай Приволжского района Калмыцкой АССР. Родители занимались рыболовством. Девушка окончила 7 классов и 3-месячные курсы учителей. Начала работать в национальной школе, позже секретарем колхоза. Вышла замуж. Депортирована в Манский район, год работала в швейной мастерской сельпо. В 1947 году переведена в дом отдыха «Таежный». Работала на овощном пункте Первого отделения, потом сторожем на строительстве. В Сибири у нее родилось двое детей: в 1949-м – сын Владимир, а перед самым возвращением на родину – дочь Валентина.

Галина (Гиляна) Мутуловна и Роза Мутуловна Джакураевы, Иван Бельданович Дорджиев, Чакиш Дахаевич и Катя Ботаевна Джикиевы в «Таежном» с 1949 года, работали сначала в подсобном хозяйстве завода № 703.

После войны на берегах Енисея оказались бывшие фронтовики, трудармейцы. Калмыки-военнослужащие в большинстве своем в 1944 году были отозваны с фронта. Их отправили в трудовые лагеря, многих на строительство Широковской ГЭС. Но некоторые командиры воинских подразделений ослушались приказа и оставили в части бойцов, кстати, отменно воевавших. Кое-кому поменяли национальность.

После победы офицеры и солдаты не имели права вернуться в родные места. Пустились по стране искать свои семьи. Находили их в сибирской глуши. И тут же их самих, несмотря на боевые заслуги, ставили на учет в спецкомендатуре. Так герои войны превратились в подневольных лиц, прикрепленных намертво к месту поселения и обязанных два раза в месяц отмечаться в органах НКВД.

В Сухобузимский район приехало несколько фронтовиков. Среди них Очирта Кокуевич Платонов, 1900 года рождения, уроженец с. Шамбай Приволжского района Калмыцкой АССР. Младший сержант воевал с 1942 года. Прошел Польшу, победу встретил в Германии. Был ранен. За мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды.

Когда 19 октября 1945 года появился в Сухобузимском, заместитель начальника РО НКВД выписал ему удостоверение выселенца и направил на Третье отделение, где маялась жена Джергал с дочерью Зоей и десятилетним сыном Уманджи.

После стольких испытаний смотрел на дорогие, самые лучшие на свете лица и не мог наглядеться. Чего было больше в этой трогательной встрече – горя или радости?

Борис Эрдниевич Басхаев тоже участвовал в Великой Отечественной войне, награжден медалью. Нашел семью в Сухобузимском. С 1945-го два года работал

плотником в райисполкоме, потом два года на Миндерлинском маслозаводе, а с 1950-го – ветсанитаром совхоза «Таежный».

Некоторые калмыцкие семьи получали похоронки. Вот сообщение о том, что солдат Эльдя Наранович Наранов, уроженец Еногаевского района Сталинградской области, попал в немецкий плен и умер в лагере 10 июня 1944 года. Это извещение до сих пор хранится в архиве Большемурутинского военкомата.

В 1949 году большая группа калмыков была переведена в «Таежный» из подсобного хозяйства завода № 703.

В 1952-м и последующих годах калмыцкие семьи отправляли на заготовку сена в Казачинский и Пировский районы.

Ветераны совхоза отмечают, что большинство калмыков было очень трудолюбиво. Их имена я находила в приказах директора совхоза о поощрении за ударный труд.

Каш Алюмджинович Эрднеев значится в списках передовиков 1945 года как один из лучших скотников.

На фотографиях, которые мне показывали житель Толстомысово Алексей Карпович Нор, работавший в начале 1950-х на Третьем отделении, и внучка начальника отделения А.Ф. Григорьева Ирина Александровна Зуева, совхозная делегация участников Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. На них тоже есть мужчина калмыцкой национальности. К сожалению, пока не удалось установить его имя.

На отделениях в совхозе работали десятки, а возможно и сотни калмыцких семей. Среди них Уреевы, Бадмаевы, Басаевы, Батуевы, Батыревы, Басанговы, Джавлдановы, Джахаевы, Джукараевы, Джавжиевы, Деликовы, Дорджиевы, Горяевы, Матчановы, Мучкаевы, Нархудоковы, Немчировы, Платоновы, Тюрбеевы, Убушиевы, Эльдеевы, Эрдниевы, Ханчаевы, Хулхачиевы.

17 марта 1956 года калмыки были реабилитированы и им было разрешено вернуться на родину. Но в «Таежном» и Миндерлинском совхозе УКГБ многие оставались до 1957–58 гг.

14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР признал депортацию калмыков и других репрессированных народов СССР «варварской акцией сталинского режима и тяжелейшим преступлением». В дальнейшем был принят ряд законов о возмещении ущерба калмыкам в связи с депортацией.

*1956 год. Коллектив подсобного хозяйства военного завода «Коммунар».
Фото предоставлено Любовью Шахматовой (Кусенко), Миндерла*

*Группа передовиков во главе с начальником Третьего отделения А.Ф. Григорьевым.
Среди них – калмык с наградами. Фото из альбома А.К Нора.*

*1957 год На лошади – калмык. Имя его тоже не известно. Одна из доярок – М.Ф. Шадрина
Фото В. Парамоновой (Шадриной) Крым.*

*Многонациональный коллектив животноводов с. Миндерла.
Фото предоставлено В. Парамоновой (Шадриной) Крым.*

Бимба Абдаевич (фамилия неизвестна) работал главным бухгалтером подсобного хозяйства военного завода № 703. Фото предоставлено Любовью Шахматовой (Кусенко).

На многих школьных фотографиях – дети ссыльных калмыков.

Зажгите поминальную свечу солдату

70 лет на нем незаслуженно висело клеймо изменника родины

Прасковья вздрогнула от неожиданного громкого стука в дверь. Когда увидела в окошко двух мужчин в военной форме, внутри что-то оборвалось. Неужели похоронка?! Она и не поняла, что люди эти в форме НКВД. Тревога сковала все ее существо: ни вдохнуть, ни выдохнуть...

– Худоногова Прасковья Васильевна?

– Да.

Тон сотрудников был суровым и неприязненным. Женщина совсем оробела и упавшим голосом спросила:

– Что-то случилось?

– Случилось. Показывайте, какое имущество есть.

Военные оглядывались по сторонам, а со всех углов на них смотрели испуганные детские глаза. Два мальчика и две девочки. В зыбке, словно тоже чувствуя опасность, заходится в плаче еще один ребенок. Мужчины, сделав записи в бумагах, заторопились к выходу. Ничего из вещей не взяли, но ничего и не объяснили.

Прасковья взяла на руки младенца. Он появился на свет уже без Филиппа. Отец еще и не знает, кто родился – мальчик или девочка. Она-то сразу отписала – сын. Но по какому адресу полевой почты отправлять весточку – неизвестно.

Единственное письмо от мужа пришло с дороги: **«еду бить фашистов, если буду жив – вернусь...»**. И все. Как отрезало.

Другие солдатки получают фронтовые треугольники, а она напрасно уже несколько месяцев караулит почтальона. Все в Карымской с надеждой и страхом ждали его появления. Письма и другую корреспонденцию привозили из Сухобузимского один раз в пять дней. Уже не раз и не два деревенские улицы содрогались от женского крика. Опять похоронка...

Прасковья давно чувствовала:стряслась беда. Но, как могла, гнала от себя черные мысли. Несмотря на то, что в положении, и срок уже большой, дважды ходила пешком из Карымской в сухобузимский военкомат в надежде что-нибудь узнать про мужа. Но там отвечали: никаких известий нет, ждите. Молилась истово перед иконой, просила Господа уберечь мужа от пули.

Как раненый зверь

Собравшись в военкомат в третий раз, взяла с собой старшую дочь Галину. Одной страшно: в округе полно ссыльных, а неподалеку – в совхозе НКВД – работают заключенные.

Давеча, когда ходила в Сухобузимское, только поднялась в гору Дресвяны, из Подсопочного леса выскочил мужчина. Но Прасковья не робкого десятка, закричала громко – незнакомец скрылся.

Вышли с Галей на рассвете: путь не близкий – 25 верст с гаком. Взяли в дорогу

только бутылку воды. Не стали у малых еду отрывать. Если проголодаешься, можно пучек в лесу поесть.

Шли быстро. После обеда припекало, босые ноги обжигала накалившаяся пыль. Наконец, показался райцентр. Прасковья Васильевна зашла в военкомат одна. Девочка присела на крыльцо. Не успела перевести дух – открылась дверь. Вышла мать – но в первое мгновение дочь не узнала ее.

На почерневшем лице – чужой, остановившийся взгляд. И даже ступала Прасковья неровно, немного вбок. Девочка поняла: случилось что-то ужасное. Но мать молчала.

В военкомате ее узнали сразу. Не дождавшись вопроса, глядя в сторону, военный, с трудом подбирая слова, выдал:

- Не ходите больше. Ваш муж изменник Родины... Его расстреляли.

До Прасковьи никак не доходил смысл сказанного. Оглушенная известием, попыталась что-то сказать – натолкнулась на непреклонный взгляд...

Нет! Нет! Нет! Не мог Филипп быть предателем! Ведь, не пьяница какой-нибудь, не разгильдяй, не бездельник. Разве доверили бы ненадежному человеку вести обозы на Север, ни разу зернышка не взял...

Она хотела что-то еще сказать, но голос куда-то пропал, вырывался лишь шелестящий звук. Слов не разобрать.

...Маленькая девочка и женщина шли по пыльной дороге, не оглядываясь и не останавливаясь. Молча. И только когда вошли в лес, мать закричала жутко и безнадежно. Она не причитала, не захлебывалась, а выла на одной высокой ноте, как раненый зверь. Никогда еще девочка не слышала, что человек способен так страшно кричать. Заплакала вслед, но тоненький ее голосок был едва слышен. Когда мать обессилела, она упала лицом на землю и затихла.

Вернулись домой поздно. Мать молчала. Притихшие дети боялись о чем-то спросить. Молчала Прасковья и назавтра, и в последующие дни. И раньше жадная до работы, теперь совсем не останавливалась, к ночи просто валилась от изнеможения и забывалась в коротком беспокойном сне.

Дети голодные! Надо хоть их сберечь. Ни о чем больше не могла ни думать, ни говорить. Все ее действия были механическими.

Едва забрезжит рассвет, бежала на ферму доить коров. Старшие Галина и Миша, 13 и 11 лет, управлялись по дому, нянчились с младшими.

Прасковья не верила, что муж ее предатель. Все время чего-то ждала. Но ни разу не подошел почтальон к их калитке. Ни единой весточки за всю войну...

В какой же день помянут тебя?

После долгожданного Дня Победы в деревню стали возвращаться немногие из уцелевших фронтовиков. Худоноговские ребята тоже бежали на улицу в надежде: а вдруг придет и их батька. За ними увязывался маленький Саша, который не узнал бы отца, так как никогда его не видел. Наблюдал, как соседские ребята кидаются к мужчинам в солдатских гимнастерках, и так хотелось, чтобы его тоже кто-нибудь взял на руки.

И позже, когда стали чествовать участников войны, оказывать внимание сол-

датским вдовам, мать и дети чувствовали обиду и даже вину. За то, что у них отец не такой как другие.

Тяжело, когда погибают близкие. Но горше стократ, если утрата еще и позор. Худогоновы даже не знали, в какой день справлять по Филиппу поминки. Не знали, есть ли у него могила, и в какой она стороне...

Однажды у матери вырвалось:

- Лучше б его убило, чем казнили.

Кукушата

Мать и дети все время были в работе. Если семьям фронтовиков оказывали хоть какую-то помощь в заготовке сена или дров, то «предателям» можно было надеяться только на себя. Галина с Мишей собирали в лесу валежник (деревья пилить не разрешали) и на ручной тележке привозили домой. Траву на сено косили литовками, на собственном горбу таскали копны.

Лошадь в колхозе – на вес золота. Но кое-кто из конюхов помнил Кукушку. Так в молодости почему-то прозвали Филиппа. Деревенскому жителю на всю жизнь приклеивалось второе имя, порой насмешливое, хлесткое. Филиппу же, с его незлобивым характером, прозвище досталось вполне себе безобидное. Оно перешло, конечно, к ребятишкам.

Коннохи окликали Кукушат и украдкой давали им коня – съездить за сеном или дровами.

Летом дети старались попасть на прополку зерновых. Под палящим солнцем рвали осот на колхозных полях. Кожа на руках от твердых, как проволока, стеблей лопалась, подолгу не заживала. Но зато могли заработать килограмм печеного хлеба.

Кукушат спасала картошка. Они лопатой вскапывали 5–6 соток земли, потом вручную боронили, пололи. Сами и копали: мать из колхоза на свой огород не отпускали. Помногу сажали и овощей. Не было слаще лакомства, чем паренки – истомленная в русской печи свекла.

В неурожайные годы картошки не хватало. Ходили в поле за колосками. А как только оттает земля, выкапывали съедобные корни, рвали колючки, потом щавель и саранки. Совсем худо стало, когда заболела мать...

Однажды в крещенские морозы открыли подполье, чтобы картошка не замерзла. Прасковья пряла у печки. Заторопилась куда-то, забыла, что люк открыт, и ухнула вниз. Подполье было очень глубоким. Женщина ударилась головой и потеряла сознание. Ее поместили в больницу. Корову отвели в колхозное стадо.

Казенный дом

А Кукушат куда было девать? Отвезли в село Подсопки – в детдом. Ребятишки сильно тосковали. Младшие плакали, просились к матери. Потом как-то смирились со своим новым положением. Но не Галина. Ее свободолюбивый характер не мог перенести насмешек детдомовцев. Как и все зайки, она была необщи-

тельной, болезненно реагировала на притеснения. И когда в очередной раз старшие девочки заставили ее вне очереди мыть пол, девочка решилась на отчаянный шаг. Улучила момент и сбежала.

Ей некуда было идти, кроме как в родной дом. Спряталась в укромное место на чердаке. Голодала несколько дней, но не покидала своего укрытия. Видела в щель, что приезжали сотрудники детдома, искали ее. Забилась еще глубже. Когда голод терпеть стало невыносимо, пришла ночью к тетке Софье. Ее муж Роман Полежаев приходился родным братом матери. В колхозе был то ли председателем, то ли бригадиром. Однажды на посевы зерновых напала какая-то мошка. Хлеб почернел. Романа вызвали в район: обвинили во вредительстве, пригрозили тюрьмой. Он вернулся домой и ...повесился.

Софья накормила девочку. Взять к себе не могла, своих детей не прокормить. Пробовала уговорить Галю вернуться в детдом. Но та в ответ: я лучше умру с голода, но туда не пойду.

Вновь приезжали из детдома, подключили к поискам сельсовет. Некоторое время девочка так и жила на чердаке, тетя выкраивала ей то краюху хлеба, то картофелину.

Прасковья по-прежнему лежала в больнице. Видимо, при падении получила тяжелейшую черепно-мозговую травму. Вряд ли бы ее спасли, если б не работали в больнице репрессированные врачи, отбывавшие в Сухобузимском районе ссылку. Говорят, некоторые были из Москвы, из Кремлевской больницы. Они поставили женщину на ноги. Правда, вернуть трудоспособность полностью не удалось. И хотя сильнейшие головные боли продолжали мучить Прасковью, она сразу же забрала из детдома детей. Колхоз вернул семье корову Чернушку.

Прасковья с тех пор все время болела, и если б не дети, не выработать ей нормы трудодней.

С 14 лет Кукушата уже работали наравне с взрослыми. Миша возил на лошадах к животноводческой ферме сено и солому, чистил пригоны от навоза. Галя вместе с матерью доила коров, позже ухаживала за телятами.

– Я воровала на ферме. Иначе было не выжить. Насыплю телячьего корма в мешочек за пазуху. Иду домой, да не по улице, а задками, умирая от страха, что арестуют. Дробленку мешали с картошкой, лепешки пекли.

В соседях жила ссыльная немка. Приспособилась сеять морковь осенью. Раньше, чем у других, в ее огороде вырастали корнеплоды. Когда есть было совершенно нечего, маленький Саша шел просить у нее морковку. И соседка, сама живущая впроголодь, ни разу не отправила мальчика с пустыми руками. Так дети сами себя спасали от голода.

Уроженка Карымской Нина Андреевна Симашкина вспоминала, что ее мать тоже нет-нет, да и сунет Прасковье лепешку или кусок хлеба.

Не чувствовали Худоноговы вражды со стороны односельчан. Мудрый деревенский народ еще со времен коллективизации понимал: много людей пострадало ни за что. Может, и Филипп в их числе... Хотя, бывало, со зла, какая из солдатских вдов попрекнет Прасковью:

– Мой-то за Родину погиб, не то, что твой Филипп...

Иногда ребяташки крикнут вслед Кукушатам:

– Предатели...

Но такое было редко.

После войны сватался к Прасковье один мужчина, серьезный, работающий. Она оставалась привлекательной и стройной женщиной. Одна коса до пят чего стоила. Но замуж во второй раз не пошла. Осталась верна Филиппу.

Умерли, так и не узнав самого главного

Дети выросли. Образования им мать дать не смогла, хорошо хоть уберегла от болезней и голодной смерти. Не утихала боль за Мишу. Юношей он получил травму, стал инвалидом. Некоторое время жил в интернате, потом бесследно пропал. Остальные дети завели свои семьи. Работали в колхозе, потом в совхозе. Виктор и Александр стали трактористами. Все время в передовиках. Александра наградили орденом «Знак Почета». С ним и доживала мать свой век. Стала получать колхозную пенсию. Сначала 8 рублей 50 копеек, потом 20 рублей, а в конце жизни – целых 40 рублей в месяц.

Перед смертью все чаще и чаще вспоминала мужа. Уже не было прежней горечи и обиды. Жалела Филиппа, все думала: почему так судьба неласкова к ним.

Скончалась Прасковья Васильевна в 1981 году, в возрасте 78 лет, так и не выяснив, где затерялся след дорогого ей человека.

Потом умерли ее сыновья Виктор и Александр. Они ушли, тоже не узнав, что их отец не был ни предателем, ни дезертиром. Он вообще ни в чем не был виноват – ни перед страной, ни перед воинским долгом.

Единственным человеком, кто через 70 лет узнал правду об отце, стала его старшая дочь Галина Филипповна. Так получилось, что я принесла ей эту долгожданную весть.

Возвращение незапятнанного имени

...Шесть лет назад в газете «Сельская жизнь» мы стали публиковать списки незаконно осужденных сухобузимцев, выбирая их из «Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края». Эта книга-мартиролог с именами пострадавших и замученных людей стала издаваться с 2004 года по инициативе Красноярского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» при поддержке правительства и архивного агентства Красноярского края. Фамилии печатались в алфавитном порядке.

После выхода в свет девятого тома «Книги памяти...» мы поставили в газету очередную, 22-ю по счету, страницу с именами земляков, необоснованно осужденных по политическим мотивам, фамилии которых начинались на Х-Ч.

В этот день в редакции раздался телефонный звонок.

В телефонной трубке взволнованный женский голос. Татьяна Матвеевна спрашивает: где мы взяли сведения о Худогове Филиппе Ивановиче.

В списках значился: *«Худогов Филипп Иванович. Родился в 1899 году в д.*

Шипулино... Красноармеец 1061-го стрелкового полка 272 СД в действующей армии. Арестован 05.06.1942. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осужден 04.07.1942 г. Военным трибуналом 272-й стрелковой дивизии на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 23.05.2000 военной прокуратурой СибВО (П-23701)».

Так же звали отца покойного мужа Татьяны Матвеевны. Но... тут такая история... Помявшись, женщина сказала, что по семейным преданиям ее свекра расстреляли как дезертира.

Не исключено, что в газете напечатано про однофамильца...

– А Вы можете точно узнать год и место рождения свекра?

– Да. В деревне Куваршино Емельяновского района живет его дочь Галина.

Звонок в Куваршино. Все сходится. Галина Филипповна сказала, что отец ее, действительно, родом из Шипулино, была такая деревенька в районе.

Вот только почему родственники говорят о расстреле, ведь, судя по архивной справке, солдат приговорен к 10 годам лагерей. У него 10-й пункт 58 статьи – антисоветская пропаганда и агитация. Измена Родине – это совсем другой, страшный 1-й пункт, предусматривающий высшую меру наказания за шпионаж, выдачу военной или государственной тайны, переход на сторону врага, побег за границу... Но статья одна и та же – 58-я. Возможно, поэтому в военкомате сказали, что он изменник Родины?

Непонятно. Может быть, речь идет о разных людях? Как это узнать? Для начала надо ехать в Куваршино.

У Кириллова Лога

Встречает меня дочь Галины Филипповны Любовь Некратова, подводит к матери. Знакомимся. Но невысокого роста, седая женщина не смотрит на нас. Ее взгляд обращен в небо. Обычно так выглядят незрячие...

Так оно и есть. Оказывается, женщина потеряла зрение еще в молодости. В 1952 году, выйдя замуж за тракториста Сергея Чихачева, переехала к нему в Куваршино, устроилась в колхоз. Разнорабочей. А куда еще с тремя классами образования? Однажды на зерноскладе протравливали пшеницу ядохимикатами. Никакие санитарные нормы не соблюдались, и назавтра у рабочих тока заболели глаза.

С того дня стала слепнуть и Галина. Операция не помогла, и теперь женщина не видит даже очертания предметов.

На ее долю и без того выпало немало трудностей. В 1967 году муж умер от инсульта прямо в тракторе. Осталась с тремя детьми.

Но ни года, ни страдания не вытравили из ее памяти светлый образ отца – доброго, честного человека.

Филипп Иванович обожал детей. В молодости вместе с двумя братьями он ушел из Шипулино в Красноярск. Устроились в артель и научились строить дома. Строения получались у них на славу. Поставили и себе по дому. Галина родилась в Красноярске. Семья жила счастливо. Но однажды случилась беда: чужая собака набросилась на девочку. Да так сильно испугала малышку, что та

онемела. Родители водили ее по бабушкам лечить от испуга, но все напрасно. Отец узнал, что есть хорошая знахарка в Карымской. Продал дом в городе, и семья переехала в деревню. Там купили справную избу, обзавелись хозяйством. Рано утром, до восхода солнца, мать несла Галю к бабушке и та читала над ней заговоры и молитвы. Только к шести годам Галина стала говорить, но на всю жизнь осталась заикой.

Филипп Иванович самозабвенно любил лошадей. На колхозной конюшне ухаживал за ними, как за малыми детьми. Взлелеянных им породистых скакунов колхоз отправлял на Красноярский ипподром. Худоногов не раз привозил со скачек призы. Нина Андреевна Симашкина вспоминала, что карымские лошади, тонконогие, серые, в яблоках, славились на весь край. Старик Карепов трижды ездил с ними в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства.

Лошади представляли в ту пору и основную тягловую силу. Хорошего конюха ценили. Филипп Иванович водил обозы на Север, доставляя туда пшеницу, рожь, гречку. По несколько недель обозники были в пути.

Сколько же радости было в доме, когда приезжал отец! Он всегда привозил подарки детям.

12 февраля 1942 года Филипп вернулся из очередной командировки на Север. А дома его уже ждала повестка из военкомата. Он только поесть успел и переоделся, перед тем, как отправиться в райцентр. Запряг самого любимого коня. Ребятишки увязались за отцом.

Жену не взял, она была в положении, на четвертом месяце.

У Кириллова Лога отец ссадил с саней ребятишек и в последний раз прижал их к себе.

Отец был собран, и с виду не казался удрученным, а Галя, сама не зная почему, заливалась слезами. Может, чужло маленькое сердечко, что видит отца в последний раз.

Рана не затянулась

...70 лет прошло, но, оказывается, не затянулась еще одна рана в сердце. Галина Филипповна до сих пор винит себя в гибели младшей сестренки.

В тот день мать, как обычно, ушла на работу. Галя хлопотала по хозяйству: топила печку, носила воду, давала Чернушке сена. Не заметила, что на столе остался жмых. Им кормили коров на ферме. Мать, как и все доярки, тайком носила его, подкармливала детей. Но сладковатые на вкус отжимки давала строго по норме, много есть было нельзя. И ни в коем случае не пить воду.

Галя непрестанно выскакивала на улицу и даже рада была, что Рая не докучает ей. Сестренка что-то притихла на печке, видимо, уснула. И только, когда мама вернулась с фермы, обнаружилось, что девочка мертва. Корм для скота детский организм переварить не смог.

Когда Галине исполнилось 18 лет, ее в числе других девушек, собранных с бузимских сел, отправили на Север, на лесозаготовки. Поселили в барак, разделенный занавеской на две половины – мужскую и женскую. Мужчин, считай, почти не было, в основном женщины да юноши 16–17 лет. Утром разношерст-

ное войско, закутанное в самовязанные полушалки, в худой одежонке, ватных брюках, оставшихся от погибших на фронте отцов, отправлялось в тайгу. По пояс в снегу женщины при помощи двуручной пилы валили лес. Норма была – одна листовница в день. А листовница та – в три обхвата.

Галина помнит, как с подружкой Шурой Колмаковой в изнеможении падали прямо на снег и плакали от отчаянья – руки отваливались. Но за невыполнение нормы выработки грозили тюрьмой.

На следующий год их послали на лесосплав. Девчонки, стоя по колено в студенной воде, длинными шестами отталкивали плоты, прибившиеся к берегу. Галина Филипповна говорит: в войну самым трудным был 44-й год, но 46-й и 47-й еще тяжелей...

«Я всегда это знала...»

Я сказала дочери, что ее отца осудили не за измену Родине, а скорее всего за какие-то неосторожные слова, которые были расценены как антисоветская агитация. Подумала про себя: или в письме написал что-нибудь лишнее... ослушался командира... подобрал немецкую листовку.... А, может быть, вообще ни за что, а по чьему-то оговору... Точно не известно. Но сейчас он полностью реабилитирован, значит, ни в чем не был виноват...

Галина Филипповна молчит. Из ярко-голубых, остановившихся глаз тихо катятся прозрачные слезинки. Наконец, она произносит:

– Я всегда это знала...

Разгадка тайны

...Если Филипп Худоногов получил 10 лет лагерного заключения, почему он не вернулся домой в 1952 году, после отбытия срока? И не единой весточки не послал домой? Я пообещала дочери солдата выяснить все эти обстоятельства. Но поняла при этом: важнее всего для нее – узнать, наконец, дату гибели отца и место его последнего упокоения.

Сфотографировала ее документы и, вернувшись в редакцию, стала делать запросы от ее имени, а потом и от имени сына Александра – Василия Худоногова, живущего в Сухобузимском. Так как уже знала: архивы дают ответы только родственникам.

Первое письмо отправили в отдел спецфондов и реабилитации Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ответ пришел из краевого управления Федеральной службы безопасности РФ. Спасибо сотрудникам полиции, они сразу же направили наш запрос, куда следует.

Из ФСБ сообщили: *«По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России Худоногов Ф.И. умер 19.08.1942 г. в Ягринлаге Архангельской области».*

Вот она, разгадка тайны! Не был расстрелян Филипп Худоногов. Из 10 лет заключения, отбыл 1 месяц и 14 дней.

И только через 69 лет родные солдата узнали, наконец, в какой день его помянуть. В неволе, за тысячи километров от дома, оборвалась жизнь ни в чем не повинного человека.

Я уже знала, что Галина Филипповна может получить статус реабилитированного лица, так как из-за необоснованного осуждения отца осталась в несовершеннолетнем возрасте без его попечения. Сделала запрос и вскоре дочь погибшего солдата получила справку о реабилитации, и после недолгих хлопот – небольшую доплату к пенсии. Есть и льготы для этой категории. Да только женщина, в силу возраста и состояния здоровья, уже не в силах ими пользоваться.

Невидимый фронт

Вместе с внуком солдата отправляем в ФСБ запрос с просьбой дать возможность ознакомиться с уголовным делом, не особо надеясь, что это позволено будет сделать. Но вскоре почта приносит большой пакет. Василий Александрович открыл его и не поверил глазам. В конверте лежала прошитая и заверенная печатями ФСБ копия подлинного уголовного дела его деда.

Первое, что сделали Худоноговы – повезли эти бумаги дочери солдата. Конечно, Галина Филипповна не могла их увидеть, но родные прочитали ей документы. Я не знаю, что испытывала женщина, узнав, что всего несколько произнесенных фраз стоили отцу жизни.

Из архивного дела стали известны подробности его короткой военной биографии.

После мобилизации новобранец около двух месяцев в составе 34 запасного стрелкового полка проходил военное обучение в городе Бийске Алтайского края. В апреле 1942 года сибиряк попал на фронт, в 272-ю стрелковую дивизию.

Судя по материалам дела, 22 мая командир 1 отделения 2 взвода 6 роты читал в землянке бойцам газету. В одной из статей говорилось о плохом снабжении солдат финской армии.

Цитата из архивного дела:

«Во время обсуждения Худоногов заявил, что советские газеты пишут неправду, что финские солдаты живут лучше, чем мы, получают галеты, колбасу и сало. Командир стал его переубеждать, но Худоногов махнул рукой и вышел из землянки».

Возможно, Филипп Иванович в сердцах и сказал эти слова. Командиру побеседовать бы с рядовым наедине, объяснить, почему не следует в боевой обстановке произносить таких речей.

Дивизия с 1941 года держала оборону против превосходящих сил противника. Казалось бы, нет важнее задачи, чем удержаться на занятых рубежах. Но в боевых соединениях действовал невидимый фронт: НКВД днем и ночью вел неустанную работу по выявлению «врагов народа».

Кто донес о высказываниях сибиряка – неизвестно. Но 4 июня к нему подошли вооруженные люди и предложили сдать боевое оружие.

Затем последовал обыск. Что было найдено? Два предмета – красноармейская книжка и 50 рублей денег.

5 июня следователь особого отдела НКВД 272-й стрелковой дивизии младший лейтенант госбезопасности с санкции военного прокурора военюриста 2 ранга отстукал на пишущей машинке постановление на арест красноармейца. Он мотивировал меру пресечения тем, что, находясь на свободе, Худоногов может укрыться от следствия и суда. (Каким интересно образом?)

С пилотки красноармейца сняли звездочки, забрали ремни...

«...клеветал на советскую печать»

Дальше – все как по накатанной. Сразу же после ареста – допрос. Подробно выяснялось социальное происхождение, род занятий и имущественное положение до и после революции. Подвергался ли он и его родственники репрессиям, служил ли он в белых и других контрреволюционных армиях, состоял ли в каких-либо партиях?

Не состоял, не подвергался, не участвовал...

Но, оказывается, служил в Красной армии, в 1918 году, в течение 6 месяцев. А вот происхождения ненадежного – из крестьян-середняков. Отец Иван Иванович Худоногов имел 5 лошадей и 4 коровы. Эти сведения старательно занесены в протокол допроса.

...Идет кровопролитная война. Совсем рядом гремят пушки, рвутся снаряды, бойцы строят дзоты, копают братские могилы. На Карельском фронте – тяжелейшая обстановка. Выбить противника с занятых им выгодных рубежей не удастся с октября 1941 года. А в это самое время со всей серьезностью офицер допытывается у несчастного бойца, сколько лошадей и коров было у его родителей до коллективизации.

Ясно, для чего это делалось. Во всех политических делах важнейший пункт – социальное происхождение. Лучше быть бы Худоноговым лентяями, гольтьбой. Тогда наши, советские, люди. А коль трудолюбивыми уродились, держали полный двор скотины – не иначе как враги народа, противники советской власти.

И еще непонятно: почему Худоногов говорил о довольствии финской, а не гитлеровской армии? Может быть, слышал что-то от участников советско-финской войны? Но, когда я стала выяснять, где воевала 272-я стрелковая дивизия, все встало на свои места.

Оказалось, дивизия, сформированная в июле 1941 года, сражалась с белофинскими войсками сначала в составе Северного фронта, а затем Карельского. Враг рвался к Мурманску, чтобы перерезать стратегические морские коммуникации, лишить нашу страну выходов в Атлантику и Северный морской путь, усложнить обстановку у Ленинграда.

После падения Петрозаводска остатки дивизии на кораблях Онежской военной флотилии перебросили за реку Свирь. На этих рубежах дивизия и вела оборону. Стало быть, воевал наш земляк где-то между Онежским и Ладожским озерами. Второй допрос состоялся 18 июня. Арестованный все отрицал. Но это не поме-

шало следователю особого отдела вынести постановление о предъявлении обвинения Худогонову Ф.И, который *«достаточно изобличается в том, что среди бойцов своего подразделения проводил антисоветскую агитацию, клеветал с контрреволюционных позиций на советскую печать, восхвалял жизнь солдат финской армии, проявлял пораженческие взгляды...»*.

Сейчас никто не опровергает: в начальный период войны вражеская армия по всем параметрам превосходила советскую.

В пору работы корреспондентом я много раз брала интервью у ветеранов войны. Понизив голос, бывшие фронтовики с горечью говорили, что в 1941-м шли в бой с одной винтовкой на двоих, не говоря уже о плохом обмундировании. Один фронтовик рассказывал: у немецких солдат даже ранцы были подбиты мягкой телячьей шкурой, чтобы не натирали спину, а у наших бойцов кирзовых сапог не хватало, носили обмотки...

Сейчас фраза о клевете на советскую печать может звучать только в ироническом смысле. В самом деле, как можно оклеветать газеты, в которых правды – лишь на полслова. То, о чем догадывались даже малограмотные колхозники, прекрасно знал следователь. Но продолжал начатое дело.

30 июня – новый допрос. И снова Худогонов все отрицает.

Что-то происходит за ночь.... На следующий день подследственный внезапно полностью признает себя виновным. Как следователю удалось выбить нужные показания?

Как отвести беду?

Можно предположить, что применялось физическое воздействие. Или энкавэдешник пригрозил солдату: если не признается в антисоветской агитации, то судить его будут как изменника родины. Приговорят к расстрелу, жену и отца арестуют, а детей отправят в детдом.

Мало кто из подследственных мог выдержать угрозы расправы с семьей. В каких только «преступлениях» не признавались миллионы наших сограждан ради спасения родных!

Филипп Иванович, как никто другой, знал, что ожидает людей, попавших под молоха репрессий. В 30-х годах на его глазах происходило раскулачивание и аресты ... Ни в чем не повинные его земляки Толстихины, Фомины, Черных, Куликовы превратились в «лагерную пыль», а семьи их сослали: кого в Игарку, кого в необжитую тайгу.

В 29 километрах от Карымской с 1935 года обосновалась Миндерлинская колония, вошедшая в Енисейлаг.. В районе жили сосланные «враги народа». А с наступлением морозов, зимой 1941-го, сюда привезли депортированных немцев с Поволжья. И те, и другие были на грани выживания, умирали от голода и истощения, теряли человеческий облик. Он помнил согбенные фигуры заключенных, изможденные лица и потухшие глаза.

Как отвести беду от Прасковьи, отца и детей? Возможно, ему посоветовали во всем признаться. И он это сделал.

В этот же день объявили об окончании следствия. А еще через 2 дня, 4 июля

1942 года в 20 часов 20 минут началось закрытое судебное заседание военного трибунала. Оно длилось менее 2 часов. Судьба солдата была решена.

С этой минуты уже не существовало на свете красноармейца Худоногова. Был презираемый и бесправный эка. Он не имел ни звания, ни права голоса, ни возможности написать даже коротенькую весточку семье.

Под конвоем арестанта повезли в лагерь. Там уже было немало «антисоветчиков», попавших за колючую проволоку прямо с передовой. Уголовники всячески издевались над ними, называли не иначе как «контра» или «фашисты». Солдат познал весь ужас своего положения.

...Через 70 лет внучка Худоногова нашла в Интернете список военнослужащих, осужденных ВТ 272-й стрелковой дивизии, приговоры на которых приведены в исполнение. В этом скорбном реестре ее дед под номером 15. На тот момент в одной только дивизии было выявлено 16 врагов народа... По подсчетам некоторых исследователей, всего за годы Великой Отечественной войны военные трибуналы осудили около 3 миллионов человек.

Десять рядов колючей проволоки

Как удалось выяснить, сначала наш земляк попал в Вологодский отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний. Но пробыл там недолго. Вскоре заключенным приказали грузиться в вагоны. Этап пошел на Север.

На побережье Белого моря – множество барачов, огражденных рядами колючей проволоки. Ягринлаг существовал с 1938 года. Его создание связано со строительством 402-го судостроительного завода. Действовало 9 отделений и несколько лагпунктов, вспомогательные и подсобные предприятия. По данным председателя северодвинского отделения общества памяти жертв политических репрессий «Совесть» Галины Шавериной, в 1941 году численность контингента достигала 31 тысячу человек, а в 1942 году 36 процентов заключенных погибло. Куда именно попал наш земляк – неизвестно. Заключенные направлялись на гидротехнические работы, строительство причалов для океанских кораблей, оградительных молов, каналов, бассейна, а также железнодорожной ветки Исакогорка-Никольское. Они углубляли дно акватории, изготавливали элементы боеприпасов, выполняли другие заказы фронта, вырабатывали кирпич, добывали лес и камень. На костях заключенных построен и сам город Молотовск (ныне Северодвинск – центр атомного подводного кораблестроения).

Филипп Худоногов прибыл в Ягринлаг 4 августа. Жизни оставалось – всего 15 дней. Он так и не узнал, что 15 августа у него родился третий сын, и Прасковья назвала его Александром...

Причина смерти – неизвестна

Можно только предполагать, отчего скончался крепкий физически, с детства закаленный в труде 43-летний мужчина.

«Рабочий день длился 12 часов. Заключённые испытывали постоянный голод, холод, недосыпание... голод, от которого иные из лагерных доходяг опускались

до состояния животных, стужа... волчьи взгляды бандюг – всё это мучило и угнетало. Но лично меня больше всего терзала несправедливость», – писал в своей книге «На моём веку» выживший узник Ягринлага В.П. Корельский.

Непосильный рабский труд, сверхскудный паек, ужасные бытовые условия, конечно, приводили к тяжелым заболеваниям со смертельным исходом. Но были и другие причины безвозвратных потерь.

Писатель Варлам Шаламов, автор знаменитых «Колымских рассказов», 17 лет пробывший в заключении, утверждал, что нередко заключенных забивали до смерти конвойные или уголовники. Настоящие преступники ненавидели политических, они могли проткнуть человека шилом за пайку хлеба, за неповиновение. Лагерные врачи боялись указывать в медицинских заключениях истинную причину смерти. Нельзя было фиксировать общее истощение, побои и издевательства. Чаще всего в эпикризах значились полиавитаминозы, пеллагра, дизентерия, болезни сердца.

Тщетными оказались и поиски могилы нашего земляка. Напрасно мы ждали ответа из УМВД России по Архангельской области. Не известно место захоронения не только Худоногова, но и тысяч других (в Ягринлаге погибло примерно 30 000 человек). Когда закрылся лагерь, его кладбища оказались заброшенными.

Узники ГУЛАГа были лишены всех прав, в том числе на человеческое погребение. На их могилах не устанавливали кресты или памятные знаки. К левой лодыжке мертвеца привязывали фанерную бирку с номером, закапывали в общих могилах. Места массовых захоронений были засекречены.

Где нет ни печали, ни воздыхания...

В конце 1980-х поисковики обнаружили захоронения на Яграх, в устье реки Солзы... В это же время на окраине Северодвинска начали строить базу лесхоза. Когда бульдозеры сняли верхний слой земли, стало видно: все вокруг усеяно человеческими костями. Это место оказалось самым крупным захоронением заключенных Ягринлага.

Члены общества «Совесть» начали собирать останки узников. В 1990 году их перезахоронили в братской могиле на поляне, окруженной елями и соснами. Священник Никольского храма отслужил панихиду. Здесь же поставили белый мраморный памятник с бронзовой плитой, обвитой колючей проволокой. И надпись – «Невинным жертвам Ягринлага»

Захоронение останков мучеников ГУЛАГа продолжается все эти годы. Всякий раз священники совершают заупокойное богослужение.

Гроб с останками опускают в могилу под слова молитв об упокоении душ страдальцев: «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная...»

2012 год

Фото из семейного альбома Худоноговых и архивного уголовного дела № П-23701

Очерк «Зажгите поминальную свечу солдату» одержал победу на Всероссийском конкурсе журналистского мастерства в номинации «Журналистское расследование» и на конкурсе медиафорума «Енисей РФ» в 2013 году

Продолжение истории

История семьи Худоноговых потрясла многих читателей. Я получила немало откликов. Один из первых пришел от председателя Северодвинского отделения общества памяти жертв политических репрессий Галины Шавериной:

«Уважаемая Ольга Михайловна, Вам пишет Шаверина Галина. Ваш материал «Зажгите поминальную свечу солдату» я встретила в Интернете и занесла Худоногова Ф.И. в свой список погибших в Ягринлаге.

Нам дорога информация о заключенных, отбывавших срок в нашем городе. Мы работаем по трем направлениям:

Ягринлаг и все возможное о нем и его страдальцах;

репрессированные жители Судостроя-Молотовска;

судьбы семей раскулаченных, арестованных в других регионах, через проживающих в городе потомков.

Есть и успехи и неудачи.

Расположение могилы Вашего земляка установить невозможно, но место захоронений умерших в 1942 году мы знаем по найденным там табличкам. Костные останки выступают на поверхность, потому что на кладбище построен лесхоз, почва песчаная. Последняя по времени находка сделана 4 октября 2012 года. В УФСИН по Архангельской области нам дали краткие сведения об этом человеке, информация о нем вместе с табличкой экспонируется на выставке.

В этом году в апреле исполняется 75 лет городу и созданию лагеря. К этой дате и подготовлена выставка документов и материалов.

Спасибо Вам за Вашу грандиозную работу и чуткое сердце. Успехов Вам!»

Галина Шаверина и еще один член общества «Совесть» Элла Адамантова прислали отдельное письмо для дочери Худоногова Галины Филипповны, его внуков:

"Уважаемые родные солдата Худоногова Филиппа Ивановича! По роду своих занятий мы встречаемся с очень разными судьбами, но судьба вашей семьи нас потрясла. Сколько мужества и стойкости пришлось проявить жене солдата! Как надо любить своего мужа и отца, чтобы столько лет сохранять о нем светлую память, не поверить в бездушную ложь. Ольга Вавиленко написала в своем материале о том, что мы до сих пор собираем костные останки заключенных лагеря, оборудовали мемориал "Невинным жертвам Ягринлага".

В 1942 году смертность заключенных в лагере составляла 36%. Зачастую их в лагерь привозили истощенными и больными (система лагерная была единой по всей стране). Скорее всего, так было и с вашим отцом и дедом. Имя Худоногова Филиппа Ивановича мы внесли в списки для поминовения. Планируем установить на мемориале «Невинным жертвам Ягринлага» плиту с именами, которые нам удалось установить (75 на сегодняшний день) и, конечно, на ней будет имя Ф. И. Худоногова.

Мы рады будем принять вас и показать предполагаемое место упокоения солдата, если возникнет желание и возможность приехать в город Северодвинск" Галина Шаверина сообщила свой адрес, номера домашнего и мобильного телефонов на случай приезда родственников Худоногова, пообещала: встречу и прием обеспечим, пусть не волнуются.

Галине Филипповне тогда уже исполнилось 82 года, и такая дальняя поездка была не под силу.

Очерк был опубликован в газете «Красноярский рабочий», в журнале «Журналистика и медиарынок». Также нашел свое место в музее Татарской школы, которая включила Худоногова в список земляков – участников Великой Отечественной войны, в котором ранее он не числился.

Прошло 2,5 года. Я вновь получила письмо из Архангельской области:

«Уважаемая Ольга! Еще раз спасибо за материалы о Худоногове .

31 октября 2015 года на митинге памяти мы будем открывать плиты с установленными именами умерших в Ягринлаге. Конечно же, там будет имя Филиппа Ивановича Худоногова. Может, кто-то из его потомков сможет приехать, может, пришлют письмо или телеграмму, мы озвучим на митинге».

Дочери солдата уже не было в живых. Внуки и правнуки, узнав о приглашении общественности Северодвинска, загорелись желанием поехать на открытие памятника. Собирались отвезти в Поморье горсточку земли с родины деда, побывать в тех местах, где прошли его последние дни.

Но, оценив свои материальные возможности, отложили поездку до лучших времен. Отправили видеописьмо.

А вскоре мы получили фотографии мемориала, где на одной из плит было высечено имя Филиппа Худоногова. От имени его потомков был высажен в память о нем кедр.

Своего пальто у Саши не было. Донашивал одежку братьев

Уцелела единственная послевоенная фотография Прасковы. От Фидитта не осталось ни одной, даже крошечной.

Хорошая записка домашний
1942, Мая м.ч., 1-го, в. Седолаев со м.ч. 27 лет 19.
записки в картотеке обвиненных
Хорошова Филиппа Ивановича.
Вопрос: Вы признаете себя виновным в том, что
в течение мая-июня 1942 года в качестве
солдата своего подразделения проводили акцию
вспомогательной армии, воевали против солдат
французской армии, дислоцированной в совхозе,
привели порочительные рассказы о войне
СССР с Германией?
Ответ: В период войны мне обвинили в том, что
признаю себя виновным.

Протокол допроса.

В 82 года Галина Филипповна узнала правду о судьбе отца.

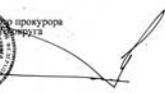

Справка
о реабилитации

Гражданин Худонов Филипп Иванович, 1899 года рождения, уроженец д. Шапулино Сухобузимского района Красноярского края, арестованный 5.06.1942 ОО НКВД 272 СД, архивное уголовное дело № 022177, осужденный военным трибуналом 272 стрелковой дивизии 4 июля 1942 года по статье 58-10 ч. 2 Уголовного кодекса РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет, с последующим порожением в политических правах на 5 лет и конфискацией личного имущества, на основании заключения военной прокуратуры Сибирского военного округа от 23 мая 2000 года, в соответствии со ст. 3, 5 и 8 Закона РФ от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий", реабилитирован полностью.

Заместитель военного прокурора
Поскоцкий Александр Николаевич

подпись

В.Н. Нехо

ВН 000749

МВД России

УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРИШНИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
(УМВД России по Архангельской области)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

ул. Воскресенская, 3, Архангельск, 163000
(8412) 21-68-82

Приложение к исх. от 21.06.2012 г.
№18/Х-17

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Худонов Филипп Иванович, 1899 года рождения, уроженец д. Шапулино (так в документе) Сухобузимского района Красноярского края, осужден 04.07.1942 года военным трибуналом 272 стрелковой дивизии по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы.

Прибыл 04.08.1942 года из Вологодского ОИТЛк УНКВД (отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний) в Ягринаг НКВД Архангельской области.

Умер 19.08.1942 года (причина смерти и место захоронения не указаны). Извещение о смерти выслано в ОАГС УНКВД Красноярского края (г. Красноярск).

Других сведений в информационном центре нет.

Основание: алфавитная карточка осужденного.

Начальник
отдела спецфондов

Архивист

И.В. Федосеева

Н.Н.Едемская

Открытие мемориала. На одной из плит – имя нашего земляка.

«Горько в родимой земле им лежать...»

Вдруг вернулся отец!

В Усть-Кан пароходы заходили часто. Здесь, на берегу Енисея, лежали большие поленицы дров, которыми топились паровые машины кораблей. Прозвучит гудок над рекой – рогулевские ребяташки стремглав мчатся на берег. Вдруг вернулся отец! А они его не встречают!

Обратно брели, глотая слезы. Останавливался пароход. Иногда с трапа сходили редкие пассажиры. За ними – матросы, грузили дрова, покупали нехитрую провизию.

Бывало, причаливали баржи с заключенными или ссыльными. Но среди прибывших все чужие лица.

Прошло уже несколько лет, как забрали отца. Но не было дня, чтобы о нем не вспомнили. Скучали. Дом без Ивана был пуст и холоден. Семья, лишившись единственного кормильца, откровенно бедствовала. Мать из-за тяжелой болезни ни беспомощна. На столе одна картошка, одежда вся в заплатках.

Жили одной единственной надеждой: вернется папка – и кончатся все их беды. Отступит нищета, не будут их обзывать и корить как детей «врага народа».

В Усть-Кан, Подпорог, Большой Балчуг, на лесопункты ссылали политических после лагерей. Они валили лес и собирали живицу. Может, срок заключения и у их отца подходит к концу.

Вот только почему-то ни единой весточки не пришло от него...

Облава

Последний раз видели отца 18 декабря 1937 года.

В тот день глубокой ночью родители вернулись из больницы, где от тяжелейшего двустороннего воспаления легких умирал их старший сын. Долго переговаривались между собой. Мать плакала. Отец молчал. Лишь вздыхал и вздыхал тяжело. Как спасти сына в таежной глухомани, где нет врачей, а у фельдшера в шкафчике несколько порошков да микстур. Все жалели Георгия.

Только забылись в тревожном сне, как раздался громкий стук. Все встрепенулись: Георгий?!

Не может быть...

Отец выглянул в окно. И сразу отлегло от сердца: не из больницы прибежали. Сторож лесопункта что есть силы барабанит в дверь:

– Иван, иди в контору! Вызывают тебя.

Иван Никифорович еще раз посмотрел в окно. Темень непроглядная, наверное, нет еще и 4 часов.

– Пошто в такую рань?

– Не знаю, велено прийти. Завхоз уезжает в командировку. Наряды ему надо закрыть. Возьми тетрадку.

Рогулев оделся, взял с собой бумаги. Он работал по дереву, столярничал и

плотничал, а в тетрадку записывал изготовленные им рамы, двери, наличники, табуретки, бочонки, прочую утварь.

Васса и старшие дочери больше не могли уснуть. Неясная тревожность повисла в воздухе. Непонятно отчего: вызвали наряды закрыть, чего тут такого.

Но через два часа в дом пожаловали гости. В форме НКВД. С оружием. Перевернули весь дом. Что искали – неясно. Несмелый, едва слышный вопрос женщины оставили без ответа. Видно, не нашли, что хотели. Напоследок сняли с гвоздя охотничью берданку Ивана.

Васса побежала в контору. Ноги плохо ее слушались. После рождения последней дочери привязалась к ней хвороба. Нестерпимая боль так терзала суставы – не то, что ходить, без посторонней помощи не могла взять ребенка на руки, чтобы покормить грудью. Подавал муж, а когда он был на работе – старшие дети или соседки.

Объятая тревогой, спешила, как будто не чувствуя боли. У конного двора ее окликнули. Оглянулась – муж. Он и еще с десятков усть-канских мужиков, понурившись, сидели на двух санях, запряженных лошадьми и, по всему, уже готовых в путь.

Почти всех хорошо знала. До коллективизации все имели справные хозяйства. А теперь кто на лесоучастке работает, кто в колхозах. Иван – старший среди них, ему 55 исполнилось. Остальные помоложе. Дмитрию Ключеву – 45, Михаилу Зайцеву – 41, Евдокиму Каткову и Тимофею Марусину нет и 40. Говорят, искали, но не нашли Павла Легких, был в отъезде.

Сидели еще на санях мужики, кто – от волнения не разглядела. Зато рядом с ними – вооруженные милиционеры.

– Васюня, принеси портянки. Второпях валенки на босу ногу надел.

Жена кинулась домой. Схватила портянки, метнулась в сени, бросила в котомку булку хлеба и кусок сала. Но, как ни просила, Иван харчи не взял.

– Ошибка какая-то вышла. В районе разберутся, завтра и выпустят. Буду я по Сухобузиму с булкой хлеба ходить...

– Поехали!

Сани спустились с берега. Полозья легко катились по льду Енисея, покрытому снегом. Люди, охваченные недобрыми предчувствиями, молча глядели им вслед. Мела поземка, и вскоре повозки пропали из вида...

Аресты начались в прошлом году. Забрали нескольких жителей в Усть-Кане, соседних деревнях. И судьба их неизвестна.

Но такого еще не было, чтобы враз схватили 10 мужиков. За что?

Мужичья Чума

Васса твердо верила: ее мужа скоро освободят, ведь он ни в чем не виноват. В 1931 году его уже забирали. Но выпустили же!

Тогда они жили в небольшой деревеньке Глубокий Ручей, где стояло несколько десятков дворов, а жителей было всего 163 человека. Хозяйство было справное: ухоженная пашня, скотина во дворе, сельхозинвентарь. Когда начальство со-

брало деревенских и объявило: организуем колхоз, сводите скот и лошадей в один двор, Рогулев заявил:

– Зачем сбиваться в кучу? Я со своим хозяйством справлюсь сам. Зовите тех, кто самогонкой балуется да в карты до 4 часов утра играет. А нам колхоз без надобности.

В таежной глуши, отрезанной от района Енисеем, ни Иван, ни кто другой, еще не знали, какая на деревню надвигается катастрофа. Позже Александр Солженицын в своем «Архипелаге» назвал ее «истребительной мужичьей Чумой». Власть начала насильственную коллективизацию. Несогласных ждала расправа. Тогда-то и забрали Ивана да его земляка Михаила Зайцева в первый раз. «Кулаков» поместили в тесную, душную камеру.

Иван, не знающий что такое праздность, изнемогал от безделья. Не выдержал, взмолился: дайте хоть какую-нибудь работу, я куда-то убегу. Вон у вас во дворе сани и телеги сломанные – разрешите их починить.

Начальник милиции подумал-подумал да и согласился. Транспорт в отделе гужевой. Не только повозки, но и конская упряжь изрядно поизносились, давно нуждались в ремонте.

Ивана выпустили во двор, нашли кое-какой инструмент. Он тут же взялся за работу. Налаживал все, что попадалось ему на глаза. Руки золотые – и по шорному, и по столярному, и по плотницкому делу мог.

С особой любовью ухаживал за лошадьми, каждый день чистил их, даже гривы подстриг. С нежностью гладил их по шелковистым загривкам, вспоминал своих красавцев.

Однажды один милиционер повел управляться на свою усадьбу. Иван и там навел порядок. Хозяйка совестливой оказалась и сунула деньги. Иван никак не брал, но она ухитрилась положить мелочь в карман.

Мог купить себе какой-нибудь еды, жили-то впроголодь. Но выбрал в лавке украшения для конской сбруи. Назавтра прикрепил их к уздечкам. Милиционеры удивились: как красиво! Побежали в магазин, скупили фурнитуру, арестанту велели обновить всю упряжь.

Так и сидел Иван в заключении – днем работал, на ночь его запирали в кутузку. Прошло полгода. Наконец начальник милиции не выдержал, приказал отпустить Рогулева. На прощанье сказал по-доброму:

– Немедленно запишись в колхоз. И больше не выступай на собраниях.

Разоренное гнездо

Шел 1932 год. Когда Иван вернулся домой, он не узнал свой двор. В опустошенных хлевах и сараях гулял ветер. Пропали лошади, коровы, жнейка, молотилка. С болью смотрел на разоренное родовое гнездо, где каждое бревнышко, каждая плаха обструганы его руками.

Самое же страшное ждало его в доме: семья тоже исчезла. Оказалось, пока был в заключении, его хозяйство раскулачили. Отобрали дом, все имущество. Скот перегнали на колхозную ферму.

Жену и детей выбросили на улицу. Но, к счастью, не выслали. Их приютил у себя родной брат Ивана.

В крепком доме Рогулевых сначала устроили ясли, а потом школу.

Можно сказать, Рогулевым в тот раз повезло. Других кулаков – работяг с мозолистыми руками – выслали на Север.

Павла Кузьмича Легких и все его большое семейство в 1932 году из Глубокого Ручья этапировали в Игарку. Никого не пощадили. Отправили в гибельное Заполярье 89-летнего отца Кузьму Антоновича, мать Матрену Семеновну, 88 лет, супругу Павла, пятерых детей. Самой маленькой Машеньке – 7 лет, Фросе – 8, Саше и Петру – по 12. Один Пантелеймон был взрослым, 23 года.

Погнали в ссылку и семью жителя Подпорога Якова Федосеевича Зайцева. 11 душ. 9 детей. Жена Мария Афанасьевна держала на руках младшего Саню, он еще ходить не научился. За подол держались трое, мал-мала меньше: погодки Алеша, Афоня, Валюшка (девочке 4 года). 7-летняя Анюта шла за телегой самостоятельно, рядом с ней Лена, Коля и Кеша. Старшая 16-летняя Павлина за ними присматривала...

Из Глубокого Ручья Иван Рогулев подался в Усть-Кан. Напоследок сходил на свою пашню, где собственными руками не один год выкорчевывал пни, разрабатывал целину. В начале века белорусы Рогулевы приехали в Сибирь из Могилевской губернии. Сельское общество выделило переселенцам самые никудышные земли, поросшие лесом, где зимой снег по самые крыши, а летом гнус и мошкара заедали до смерти. Земли были малопродуктивные, хлеба не всегда вызревали. Но добрый хозяин и на неудобных землях выращивал хороший урожай.

В Усть-Кане устроился плотником на лесоучастке Госпара – государственного речного пароходства. И здесь работал от зари до зари. По-другому не умел.

Подлый спектакль

Из Усть-Кана мужиков привезли в районное отделение НКВД, в этот же день отправили в красноярскую тюрьму. Посадили в переполненную камеру. События разворачивались стремительно.

23 декабря начальник РОВД лично допросил каждого. Технология была отработана, трафареты заучены.

Как был разыгран очередной подлый спектакль? Я думала, что никогда об этом не узнаю. Пока не удалось ознакомиться с материалами архивного уголовного дела № П-13728.

Протокол допроса Рогулева И.Н. цитирую дословно, с незначительными сокращениями, сохраняя стилистику, орфографию и пунктуацию этого документа.

«Вопрос: Скажите, за что и когда Вы были лишены избирательных прав?»

Ответ: *Избирательных прав я был лишен в 1932 году. Основанием к лишению послужило то, что в своем хозяйстве систематически применял наем рабочей силы, посредством чего извлекал не трудовой доход. Спустя год мое имущество полностью было конфисковано с/советом за злостное не выполнение мною государственных обязательств по посеву и хлебосдаче.*

Кроме рогатого и рабочего скота, сельхозинвентаря у меня был изъят и дом.

Вопрос: Следствию известно о том, что вы в период 1930–31 г.г. являлись активным пособником б/банды, возглавляемой братьями Зайцевыми Никитой и Семеном, предоставляли им продукты питания и информационные сведения о преследовании банды органами Советской власти. Дайте показания?

Ответ: Признаю, что я действительно будучи связан с Зайцевыми и враждебно настроен к Советской власти, в прошлом в период 1931–33 г.г. имел связь с бандой пособничал им, представлял продукты, а также информационные сведения о преследовании банды органами Советской власти. В 1931 году Зайцев был убит, а его братья Семен и сын его Алексей были убиты позже в 1933 г. при ликвидации банды.

Вопрос: Материалами следствия Вы обвиняетесь в том, что будучи враждебно настроены к Советской власти объединились в группу с б/ кулаками Зайцевым Михаилом, Легких Павлом, Роголевым Иваном и Клюевым Дмитрием систематически среди населения проводили к/р. агитацию против ВКП(б) и Советского правительства. Распространяя к/р. клевету и высказывали террористические намерения в адрес руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Призывали население на вооруженное восстание для свержения Советской власти защищали врагов народа. Дайте показания?

Ответ: Желая искупить свою вину чисто сердечным признанием в представленном мне обвинении виновным признаю себя полностью. Будучи враждебно настроен к Советской власти, проживая в дер. Усть-Кан восстановил связи с односельчанами б/кулаками ...объединившись в к/р. группу мы действительно распространяли среди населения к/р. агитацию распространяли к/р. клевету высказывали террористические намерения в адрес руководителей ВКП б и Советского правительства призывали население на вооруженную борьбу против существующего строя, защищали и восхваляли врагов народа.

...в 1937 встретившись с односельчанином ... которому говорил о том, что Советская власть скоро будет свергнута мы все будем по-прежнему жить в своих домах а те кто нас раскулачивал расплатятся за нашу кровь. Я также ему говорил о том, чтобы он выходил из колхоза пока не поздно и шел бы работать к нам на производство.

В личном разговоре с ..... в день 1 мая 1937 года я также говорил о том что большинство сейчас даже колхозников настроены против Советской власти и что они с нетерпением ждут войны и только как будет объявлена война СССР то внутри страны вспыхнет восстание и Советская власть будет уничтожена.

При разговоре с ним я восхвалял и защищал врагов народа – Троцкого и др. которые борются за свободную жизнь крестьянства.

...говорил что нам нужно готовиться к предстоящей войне и готовить других сочувствующих нам лиц я с ними был согласен.

Мне также было известно о распространении к/р. агитации со стороны б/кулаков..., последний будучи в колхозе в 1932 году где распространял к/р.

агитацию что в последствии был исключен из колхоза также утверждал о ближайшем перевороте Советской власти это он распространял на почве евангелиевского учения. Он говорил что в евангелии прямо говорится что советская власть существовать не должна».

Четыре страницы протокола. Повторяются одни и те же фразы. На последнем листе подпись: «записано с моих слов правильно мне прочитано вслух в чем собственно ручно расписываюсь: Рогулев.

Допросил: Нач. РО УНКВД» (неразборчиво).

План по душегубству

Бред, да и только – скажете вы. Можно было бы посмеяться над малограмотной и глупой писаниной. Если б не знать, какие чудовищные последствия она имела!

Даже неискушенный человек поймет, что документ сфальсифицирован. Рогулев был неграмотным крестьянином, никакого отношения не имел к политике. Едва-едва умел расписываться. Конечно же, не мог говорить таким вот канцелярско-бюрократическим языком, сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Он и слов-то таких не знал: «злостное невыполнение государственных обязательств», «информационные сведения», «контрреволюционная агитация», «единственно правильная политика», «интересы крестьянства». Не сумел бы их даже выговорить.

Представления не имел, что на свете существует некто Троцкий – борец «за свободную жизнь крестьянства».

Зато начальник РО НКВД прекрасно знал, что делает. И результат своего бесчестного сочинительства отчетливо представлял. Поэтому и Троцкого в протокол как бы невзначай вернул. Чтобы наверняка.

Он был, видно, истовым служакой. Верой и правдой служил Партии.

ЦК ВКП(б) 2 июля 1937 года принял в Москве постановление «Об антисоветских элементах»: «всем секретарям областных и краевых партийных организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД».

Кулацкая операция проводилась планоно. В секретных указаниях партии, в приказах НКВД определялись сроки ее проведения, выделялись «лимиты» – плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону.

Поначалу Красноярскому краю спустили план по первой категории в 750 человек. (Первая категория означала расстрел). Но краевым властям этого показалось мало. По их просьбе 20 августа 1937 года И.В. Сталин «исправил» ошибку, увеличив «лимит» на 6 600 человек.

Сколько намечалось истребить народу в Сухобузимском районе – неизвестно. Из УНКВД и оперсектора в районы спускали конкретные задания на аресты.

Начальники районных отделений должны были ежедневно докладывать в управление о количестве арестованных.

Можно предположить, что на исходе кровавого 1937-го Сухобузимский район либо не выполнял плановых заданий по душегубству, либо его начальство хотело выслужиться и перекрыть контрольные цифры. Поэтому, несмотря на декабрьские морозы, ринулись служаки в глубинку. Не поленились углубиться в тайгу. Опергруппы в этом месяце выезжали не только в Усть-Кан, но и в другие удаленные деревни – Подпорог, Малый Балчуг, Шошкино.

Наверное, в селе Сухобузимском или ближних селах арестовывать мужиков было несподручно. Будешь потом на каждом шагу встречать их вдов, осиротевших детей, как в глаза им смотреть? А таежные деревеньки далеко... Глаза не видят, душа не болит.

«Мерзавцы покушались на счастливую колхозную жизнь»

Очевидно, в декабре 1937 года для Сухобузимского отделения НКВД было важнее всего выполнить «контрольные цифры» по первой категории (высшая мера наказания). Поэтому-то начальник РОВД приписал мужикам не только антисоветскую агитацию, которая тянула лишь на 10 лет лагерей.

На этот случай был готовый рецепт – создать «контрреволюционную организацию». Подобрать туда подходящих фигурантов. И тут же, ничуть не смущаясь, «раскрыть» вражье гнездо.

Чтобы обеспечить хоть какую-то видимость правдоподобия, в «организацию» определили земляков-белорусов, до Октябрьской революции прибывших в Сибирь в поисках лучшей доли из Могилевской губернии и ставших зажиточными крестьянами – Михаила Зайцева, Ивана Рогулева, Дмитрия Клюева, Евдокима Каткова, Павла Легких. Все они попали в число кулаков, значит, не одобряют советскую власть. Павел Легких недавно вернулся из Игарки, куда был сослан на 5 лет как злостный кулак.

Главным «назначили» Михаила Зайцева. Русский, 41 год от роду. Не беда что неграмотный. Ведь его родня – сплошь «белобандиты».

Как вспоминают жители Глубокого Ручья (деревеньки, находившейся в трех километрах ниже Подпорога, ныне не существующей), Зайцевы имели самые справные хозяйства. Им же принадлежали лучшие дома, добротные пятистенки. Юрий Кривошеев в детстве жил в Подпороге, видел полевые станы Зайцевых и запомнил, как на редкость толково, с умом они были организованы.

Историю с «белобандитами» старожилы рассказывают так. Когда началась коллективизация, Зайцевы наотрез отказались вступить в колхоз. Все имущество у них отобрали, из домов выгнали. Видимо, Зайцевых раскулачили по первой категории, и они подлежали аресту.

Надеясь переждать смутное время, мужчины Зайцевы ушли в тайгу. Никому вреда не причиняли. Рыбу ловили, охотились – тем и питались.

Однажды в Глубокий Ручей прибыла группа вооруженных чекистов. Без труда нашла беглецов. Те и не прятались особо, тем более не собирались оказывать вооруженного сопротивления. Говорят, два брата были убиты...

Совершенно очевидно: чистосердечные показания «пособников» несуществовавшей банды вымышлены.

Когда перечитываю протокол допроса Рогулева, размышляю: а был ли вообще допрос? Возможно, подозреваемым просто подсовывали уже заполненные листы.

Они явно написаны под копирку. Общие фразы словно списаны со страниц районной газеты «Ударник социалистических полей», краевого издания «Красноярский рабочий», в те годы заполненных истерическими призывами к уничтожению «мерзавцев, покушавшихся на счастливую колхозную жизнь». К тому же следователь, допрашивая Рогулева, в качестве сообщника называет... его же собственную, Рогулева, фамилию!

Ивану Никифоровичу в вину поставили даже службу в царской армии и полученную за проявленное мужество и героизм награду – Георгиевский крест IV степени. Враг народа, потому что не жалея жизни защищал Отечество в Первую мировую войну?!

Вот уж, действительно, болваностойкий аппарат (выражение Даниила Гранина).

Никто из 10 арестованных мужиков не вернулся домой. Ни через месяц, ни через год, ни через пять лет. Что с ними, где они? Никто ничего не знал.

Семьям потом сообщили, что арестанты осуждены на 10 лет, отбывают срок в лагерях без права переписки. Жены и дети годами терпеливо ждали своих кормильцев. Они и подумать не могли, как жестоко и подло их обманули.

«Признательные» показания

Почему Рогулев и его товарищи подписали заведомо вымышленные показания? Увы, не они первые, не они последние. Легендарные маршалы Красной Армии, наркомы, мужественные, образованные люди сознавались в том, что были шпионами, террористами, готовили покушение на Сталина. Что уж говорить о простых колхозниках... Их обмануть или запугать совсем не трудно. У НКВД было много методов выбивания «признательных» показаний – и физические, и моральные истязания.

Для того чтобы провести операцию по истреблению собственного народа в отведенный срок, органы НКВД в 1937 году получили право применять противозаконные методы ведения следствия. Сталин дает указание: «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Обвиняемых избивали до тех пор, пока не подпишут протокол.

Использовали «конвейер» – допрос разными следователями несколько суток подряд без отдыха допрашиваемого.

«Выстойки» – арестант должен стоять лицом к стене, не шелохнувшись. Конвоиры сменяли друг друга через 2 часа, а несчастного держали на выстойке, пока он не потерял сознание.

Применялся и метод «корректирования» – подготовка документов без допроса обвиняемого.

Страшнее физических были моральные пытки, особенно когда жертвам живописали, какая расправа постигнет их семьи, если они не подпишут сфабрикованные показания.

Каким истязаниям подвергали наших земляков, мы никогда не узнаем. Но события разворачивались стремительно. После единственного допроса чекисты сострепали обвинительное заключение:

«Поименованные граждане организовавшись в к/р. группу во главе с Зайцевым... систематически проводили контрреволюционную повстанческую агитацию против всех проводимых мероприятий ВКП(б) и Советского правительства, распространяли к/р. клевету и высказывали террористические намерения в адрес руководителей ВКП(б). Призывали население на вооруженную борьбу с Советской властью, защищали и восхваляли врагов народа.»

Это ж надо было придумать: в таежной глухомани неграмотные мужики вынашивают планы покушения на вождей партии! Можно ли выдвинуть более абсурдные обвинения?

Рогулев голословно обвинен и в пособничестве банде Зайцевых. В чем оно состояло?

Еще раз процитирую фрагмент допроса: *«Следствию известно о том, что вы в период 1930–31 г.г. являлись активным пособником б/банды, возглавляемой братьями Зайцевыми Никитой и Семеном, предоставляли им продукты питания и информационные сведения о преследовании банды органами Советской власти...»*.

Когда именно, каким образом и какие продукты Иван Рогулев передавал Зайцевым? О каком преследовании им сообщал? Даже намек на подтверждение этих фактов в следственном деле нет.

Если Рогулев помогал Зайцевым, почему его не привлекли к ответственности шесть лет назад?

24 декабря результаты «расследования» направлены на рассмотрение «тройки» УНКВД Красноярского края.

Никаких доказательств преступной деятельности, кроме «признаний» несчастных мужиков да сомнительных свидетельских показаний, дело не содержало. Ни протоколов очных ставок, ни единого вещественного доказательства.

В тощенькой папке на Рогулева – два обличительных документа: протокол единственного допроса и справка Подпорожского сельсовета (на снимке).

Когда председатель сельсовета составлял этот документ, он, скорее всего, и предположить не мог, какую плохую службу он сослужит. Или знал? Но председатель был лицом подневольным. Чего греха таить, под нажимом «органов» подобные обличительные справки писали и другие сельсоветы.

Их горький час пришел

Через три дня участь мучеников была решена.

С момента ареста прошло всего 9 дней. Недели хватило для того, чтобы провес-

ти следствие, доказать вину каждого и вынести приговор. В ту пору обвиняемые даже не вызывались на заседания «тройки». Члены «тройки» УНКВД подписывали приговор заочно, на основании нескольких небрежно оформленных бумажек. Они не знали, как выглядели те, кого посылали на смерть.

27 декабря в расстрельные списки внесли еще пять имен:

Зайцев Михаил Федосеевич, 1896 года рождения, уроженец Могилевской губернии. Русский. Из крестьян, неграмотный, беспартийный. На момент ареста проживал в д. Усть-Кан Сухобузимского района. Плотник лесопункта Государственного речного пароходства;

Рогулев (в деле Рагулев) Иван Никифорович. Родился в 1882 году в с. Ермаки Оршанского уезда Могилевской губернии. Белорус, малограмотный. Из крестьян-кулаков. Проживал на Усть-Канском лесопункте. Плотник;

Катков (в деле проходит как Котков) Евдоким Филиппович, 1898 года рождения, уроженец д. Лавренко Оршанского уезда Могилевской губернии. Русский, малограмотный. На момент ареста – плотник Усть-Канского лесопункта;

Легких Павел Кузьмич. Родился в 1887 году в Могилевской губернии. Белорус, малограмотный. Работал на Усть-Канском лесопункте;

Клюев Дмитрий Кузьмич. Родился в 1892 в д. Горелки Могилевской губернии. Белорус. Малограмотный. Из крестьян-кулаков. Проживал на Усть-Канском лесопункте. Дроворуб.

Еще трое мучительных суток мужики провели в тюремной камере. Знали ли они, что пришел их горький час? Наверное, да. По правилам карательного органа приговор заранее не объявлялся. Но до заключенных каким-то неведомым образом доходили слухи о проводимых еженощно расстрелах.

О чем думали обреченные люди в свой последний час? Мне кажется, самыми горькими были мысли о судьбе родных.

Как было не отчаяться Евдокиму Филипповичу Каткову, если его четверо детей оставались круглыми сиротами. Не так давно он похоронил жену (она была из рода Зайцевых). Отважилась прийти в его семью молоденькая девушка Татьяна Мурашко. И года вместе не прожили – Евдокима забрали. Что станет с детьми? Непосильна такая ноша для молодой женщины.

Слезы наворачивались на глаза Ивана Никифоровича Рогулева: нет, не сможет прокормить четверых детей (младшей Вере 5 лет) его больная жена Васюня, по сути, инвалид...

В семье Дмитрия Кузьмича Клюева тоже трагедия. Жена Федора Даниловна умерла 7 месяцев назад. Ей было всего 39 лет. Круглыми сиротами стали три дочери – 17-летняя Анистья, Анна 11 лет, а младшенькой Маше – 6 лет.

Ни приметы, ни следа

Приговор был приведен в исполнение 30 декабря 1937 года.

Обреченным решения «тройки» объявлялись только перед расстрелом. Казни проводились чаще всего в ночное время, примерно с 19–20 часов до 3–5 часов утра. Об этом стало известно из актов о приведении приговоров в исполнение, которые в отдельном конверте приобщались к следственным делам. Смертни-

ков раздевали до исподнего. Руки за спиной связывали веревкой. Выдавали ли чистое белье, как было принято в царской России – неизвестно.

В соответствии с секретным приказом наркома внутренних дел СССР Ежова за № 00447 от 30 июля 1937 года процедуры проводились «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение».

Если захоранивали тела в лесу, то по инструкции прежде всего срезали дерн, чтобы потом замаскировать им место погребения.

Некоторые исследователи выяснили, что расстрелы сначала проводились в подвалах красноярской тюрьмы, а позже – за городом, на полигоне. На этом месте спустя годы построен Красноярский алюминиевый завод.

Места массовых захоронений не рассекречены до сих пор. Родным негде взять горсточку земли, некуда положить цветы, негде склонить голову в память о погибших безвинно. Нет могил, нет и памятников.

Эти убили, а эти ославили.

Кто ж наши Каины?

Кто ж наши Авели?

Даже могил никаких не оставили,

Горько в родимой земле им лежать.

Юрий Левитанский

Новогодний «праздник»

В документах сайта краевого общества «Мемориал» есть расстрельные списки. Они были составлены активистами «Мемориала» в 1990-х годах на основе архивных дел, содержащих копии актов о приведении в исполнение решений судебных и внесудебных органов по Красноярскому краю. Эти папки хранятся в краевом управлении ФСБ.

Копируя листы с именами расстрелянных только за 30 декабря 1937 года, я не подозревала, что в тот самый день осиротело еще 10 семей из Сухобузимского района.

...А в их семьях, ничего не подозревая, готовились к празднику. И хоть на душе было беспокойно, матери затеяли печь пироги. Хотели хоть чем-то порадовать своих детей. Втайне надеялись, что их мужей, арестованных по ошибке, под Новый год отпустят по домам.

Никому и в голову не могло прийти, что не на пироги надо ставить квашню, а стряпать поминальные блины и кутью...

Ни тогда, ни долгие годы спустя они не знали, каким цветом стала для них эта дата – 30 декабря.

Десять лет без права переписки

От родных скрыли факт массового расстрела. Позже женам сказали, что их

мужьям дали 10 лет лагерей без права переписки. Люди не усомнились в правдивости этих слов. Десять долгих, нескончаемых лет вдовы и сироты ждали возвращения мужей и отцов. Но ни в 1947-м, ни позже никто не вернулся домой.

Кто посмелее, стали обращаться в органы, чтобы узнать об участии своих близких. Ходили неясные слухи, что кто-то из земляков, освободившись, обжился на новом месте, завел другую семью и не захотел возвращаться на родину...

Власть не могла допустить, чтобы страна испытала шок, узнав правду о расстрелянных миллионах.

В недрах НКВД родилась совершенно секретная директива: «впредь на запросы граждан о местонахождении их родственников, осужденных к ВМН в 1934–38 г.г., сообщать им устно, что осужденные умерли в местах заключения». Причем ответы давали только самым близким членам семьи.

Люди в погонах придумывали место, дату и причину смерти «заключенных», «не доживших» до окончания 10-летнего срока. Чаще всего извещали: умер от инфаркта... от воспаления легких...от сердечной недостаточности. Даты смерти брали «с потолка», стараясь побольше списать на военные годы.

Роголевым сообщили, что их отец умер в лагере в 1942 году. Катковым кто-то сказал, что Евдокима сослали в Норильск и он умер там в 1940 году.

Сколько слез было выплакано! Многие из родственников репрессированных умерли, так и не узнав правды.

Чуни с деревянными подошвами

Семьи «врагов народа» выживали с трудом. Их травили. Некоторые идейные личности по злобе или недомыслию обзывали изменниками родины. Детей не принимали в пионеры и комсомол. Взрослых не брали на ответственную работу. Дети «вражеских кровей» и мечтать не могли о получении хорошего образования и профессии.

Когда забрали Ивана Роголева, семья оказалась без средств к существованию. Васса не могла работать из-за тяжелой болезни. Тяжело болел старший сын Гаврил. Дусе было 10 лет, Вере – 6. Мать умоляла начальника лесочастка взять на работу старшую дочь. И он принял 14-летнюю Еву в хлебопекарню.

Девочка старалась изо всех сил. Что бы ни поручили – неслась вихрем. Тоненькие детские ручки вымешивали тесто, мыли полы и посуду, вынимали готовые хлеба из печи. На берегу Кана девочка собирала хмель, варила дрожжи. Засыпала, едва голова касалась подушки, так уставала за день.

Разразилась война. Мужчину-пекаря мобилизовали в армию. На его место поставили ссыльную женщину. И та взяла себе в помощники свою дочь.

У Евы же была одна дорога – на лесоповал.

Там же работала и дочь Клоева Анистья. Мужчин в деревне почти не осталось. Женщины и подростки вручную пилили высоченные сосны, рубили сучья, резали стволы на восьмиметровые бревна. Шкурили их, тащили к берегу, вязали в большие плоты для сплава по Кану.

Деревья похуже шли на дрова. Девчонки разрезали лесины на ровные чурочки –

длиной 90 сантиметров. Сами же раскалывали их. Если поднять тяжелую чурку было не под силу, приспособились колоть ее вдвоем. Одна вонзает и держит обеими руками топор, другая – бьет по нему колотушкой.

Рядом с пристанью складывали длинные поленицы. Пароходы бросали якорь – и штабели дров увозили с собой.

Особенно тяжело было зимой. Весь день на морозе. Тяжелые бревна откапывали из глубокой снежины.

В худой одежке промерзли до костей. Фуфайки ледяным колом вставали. В бараке сдирали с них ледяные шишки.

Молодые не выдерживали: свой паек – кусочек хлеба, несколько картофелин – съедали уже с утра. А потом весь день мучились от голода.

Однажды Ева не успела отскочить от падающей сосны, и её тяжело ранило в голову. Ее сестра отморозила лицо. Анисья Клюева (Каргаева) заработала на лесоповале тяжелое астматическое заболевание, на всю жизнь стала инвалидом. Не было даже валенок. Шили чуни из разного тряпья. Стежили ватные «бурки». Деревянные дощечки шли на подошвы. Чуни и «бурки» промокали.

Однажды мастер лесоучастка сжалился и отдал бабам на пошив обуви холщовые мешки. Так за это транжирство ему крепко влетело. Арестовали и посадили под замок в конюховку. Правда, через трое суток отпустили.

Хорошие валенки появились у Евы после войны. Она уже была замужем за Василием Ворсиным. За ударный труд его премировали валенками. Василий пришел на склад получать награду и выпросил обувь маленького размера. Решил порадовать жену. Жалел ее, знал, как набедралась эта девочка.

Но не пришлось молодой женщине пофорсить в новых катанках. Младшая сестра Вера мечтала учиться в городе. Но ни одеть, ни обуть ничего нет – одно рванье. Ева, не раздумывая, отдала свои валенки. Мужу побоялась признаться.

Вера потом всю жизнь помнила эти валенки. Наверное, в чунях она не решилась бы поехать в город. В Красноярске ее приняли кассиром в отделение Госбанка. Правда, прежде устроили суровый экзамен. Испытание девушка прошла успешно: ей, как и всем Роголевым, трудолюбия было не занимать. Вскоре Вера вышла замуж за офицера, и молодожены попали в авиагородок г. Канска. Вера устроилась бухгалтером.

Последний кусок

По моим сведениям, ни один ребенок из сирот казенных «кулаков» не попал в детдом. Ане и Маше Клюевым отца и мать заменила старшая сестра Анисья. Ее, писаную красавицу, рано выдали замуж – в 16 лет. За день до ареста отца, 17 декабря 1937 года, она родила дочку Валу. Анисье выпала тяжелая женская доля. На плечи 17-летней девочки (сама еще ребенок) легли заботы не только о первенце, но и о 6-летней Маше и 11-летней Анюте. Во время войны родила мальчика, но он вскоре умер. Еще один сын утонул в 11 лет. Много страданий перенесла, но сестренкам во всем была опорой.

Повзрослев, Анна Клюева устроилась поваром на пароход. 3 мая 1945 года случилось несчастье. Анна наклонилась над бортом корабля с ведром, и ее смыло

валом от проходившего мимо судна в Енисей. Тело девушки так и не нашли. Четверых детей Евдокима Каткова – Ульяну, Владимира, Александра и Веру – их приемная мать, Татьяна Мурашко, тоже не бросила. Она поднимала их на ноги с помощью родственников Евдокима. Хочется склонить голову перед памятью этих простых женщин. Сами голодные, они сберегали кусок хлеба для неродных детей.

Вернули из небытия

Дети стали взрослыми, но их томила мысль о безвестной судьбе отца. В 1962 году Вера Рогулева (Шабетя) наконец решила обратиться в КГБ: *«Очень прошу Вас, если это возможно, сообщить о судьбе моего отца Рогулева Ивана Никифоровича... Когда отца арестовали, мне было 6 лет... Помню, была зима. Увели его из дома ночью и взяли все документы. Мама сказала нам, чтобы мы не плакали, что он вернется домой через 3 дня... это какое-то недо-разумение. Но он никогда не вернулся. Мы ничего о нем не слышали. Только в деревне нас некоторые презирали, говорили, что мы изменники. В члены ВЛКСМ меня не принимали. Потом мне дал рекомендацию один хороший коммунист, и я была принята. А потом мама умерла. Фотокарточки от отца не осталось, возможно, и не было.»*

Очевидно, Вере подсказали, что нужно обратиться с официальным заявлением. 21 ноября она посылает второе письмо в управление КГБ по Красноярскому краю:

«Прошу заново рассмотреть дело моего отца, правильно ли он был осужден...»

Из управления КГБ ей сообщили, что ходатайство о пересмотре дела направлено в краевую прокуратуру.

Вера не отступает, пишет следующее письмо, уже в надзорный орган:

«Очень прошу сообщить мне, виновен ли мой отец был в действительности... Если есть фотография моего отца в личном деле, вышлите мне ее и, какие можно, его документы. Мне так хочется посмотреть, какой у меня был отец.»

Прошло еще полгода.

В июне 1963-го президиум Красноярского краевого суда под председательством А. Руднева рассмотрел материалы о мнимой «контрреволюционной организации» Зайцева и постановил: «дело в отношении Рогулева Ивана Никифоровича, Зайцева Михаила Федосеевича, Клюева Дмитрия Кузьмича, Коткова Евдокима Филипповича, Легких Павла Кузьмича производством прекратить за недоказанностью в их действиях состава преступления».

Сколько чувств перемешалось в душе Веры, когда она читала ответ. Боль, обида и, наверное, все же облегчение.

Без памяти совесть мертва

Эта семья узнала правду о трагической судьбе отца. Другие так и оставались в

неведении. И лишь с 1991 года до родственников стали доходить сведения о смерти близких: когда и где они были расстреляны. Вот только не сообщалось место захоронения.

Прошли годы. Почти не осталось в живых детей казненных без вины людей. В Коново живет дочь Ивана Рогулева – Ева Ивановна Ворсина, ей 92 года. Многое из того, что написано здесь, я узнала из ее уст, а также из материалов архивного дела.

Кажется, в Дудинке и поныне живет дочь Евдокима Каткова – Вера Евдокимовна Малючкова.

О судьбе других потомков мне ничего не известно. Знаю лишь, что в разных уголках страны, а возможно, и за рубежом живут внуки и правнуки героев этого очерка. В Севастополе – подводник капитан первого ранга Леонид Гаврилович Рогулев (внук Ивана Рогулева), в Рыбинском районе Красноярского края директором Переясловского угольного разреза работает внук Евдокима Каткова Виктор Александрович Катков. В Сухобузимском живут внуки Дмитрия Ключева – Владимир Каргаев, Ирина Булавкина, Валентина Шестакова, Зинаида Матвеева, в Красноярске – Альбина Саха.

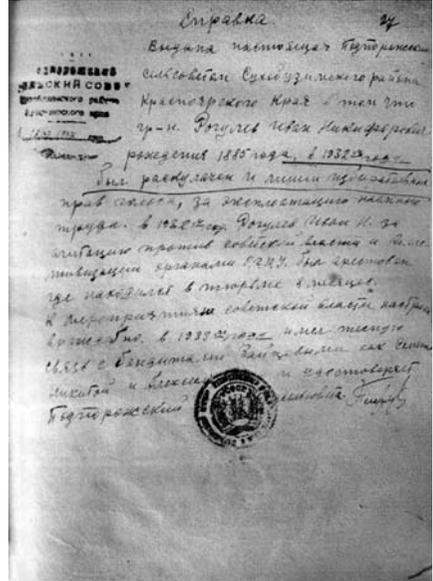
«Если забыть, что было со страной, что творили с людьми, – значит утратить совесть. Без памяти совесть мертва, она живет памятью, надоедливой, неотступной, безвыходной», – написал Даниил Гранин в книге «Причуды нашей памяти»

2015 год

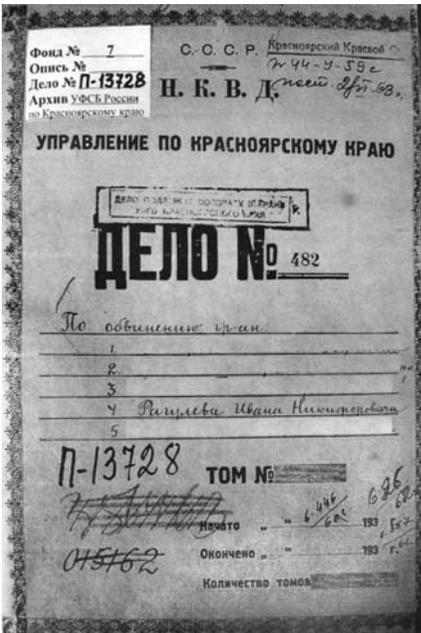
Очерки «Горько в родимой земле им лежать», «И уставало сердце плакать» принесли победу в конкурсе «Красноярские перья-2015» в номинации «Лучший очеркист»

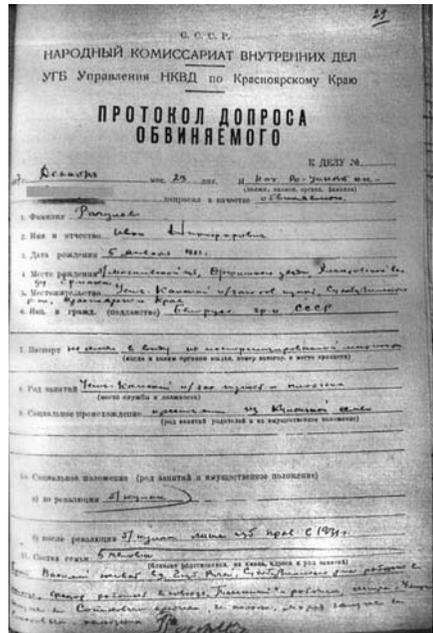
Васса Рогужева так и не узнала,
когда погиб ее муж.
Фото из альбома Евы Ворсиной

Справка сельского Совета.

Дело № 13728.

Протокол допроса Ивана Рогужева.

Выписка из протокола № 231 65

Тройки Управления НКВД Красноярского края

От "27" декабря 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
<p>ДЕЛО СУХОВУЗИМС.РО НКВД № 482</p> <p>РАГУДЕВ Иван Никифорович, 1882г.р., происходит из кулаков дер. Ермаки Оршанского уезда, бывш. Богданинской губ. Кулак, хозяйство раскулачено в 31г. ОБВИНЯЕТСЯ в том, что будучи враждебно настроен к существующему строю, среди населения распространял к-р провокационные слухи о войне и свержении Советской власти, проводил к-р агитацию повстанческого характера, возбуждал врагов народа и одобрял их действия, борьбу с Советской властью, проводил к-р агитацию против проводимых мероприятий партией и Советской властью.</p>	<p>РАГУДЕВА Ивана Никифоровича РАСТРЕЛЯТЬ Лично ему принадлежало имущество КОНФИСКОВАТЬ.</p> <p>Секретарь Тройки <i>[подпись]</i></p> <p>К. № 639</p>

Постановление о расстреле.

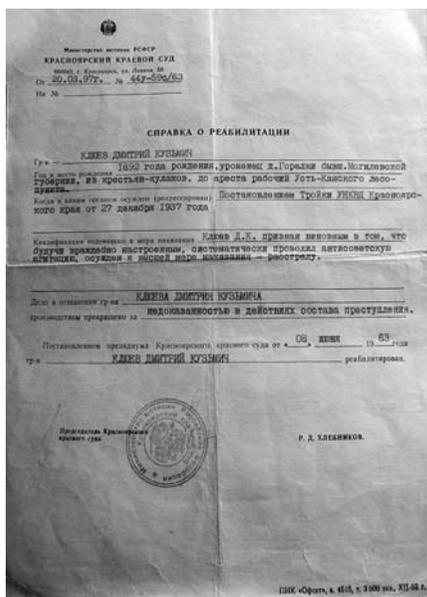
ВЫПИСКА из АКТА 66

Постановление ТРОЙКИ УНКВД по Красноярскому краю от "27" декабря 1937 г. о РАСТРЕЛЕ Рагулева Ивана Никифоровича

приведено в исполнение "30" декабря 1937 г. в "16" часов. 30 м.

СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ *[подпись]*

115.522

Справка о реабилитации Клюева.

*Анисья Клюева вырастила сестер.
Фото из альбома В. Каргаева*

Ева Ивановна Ворсина (Розулева) рассказывает об отце.

Тайные молитвы сестер Бандеры

Особое настроение

...Утро начиналось с молитвы. И теперь, когда у них в Сухобузимском есть крохотная (зато отдельная!) избушка, в красном углу стоит икона, можно войти в это особое настроение.

Сколько лет это надо было скрывать от чужих глаз... Когда Марта и Оксана жили в бараках, нельзя было и помыслить открыто обратиться к Богу. Теперь же во время молитвы можно приблизиться к тем, за кого тайно молились все эти долгие-долгие годы ссылки.

...За безвременно ушедшую мать, умершую в 1922 году от туберкулеза в большой печали о своих семерых детях – мал мала меньше. Младшему Богдану исполнился 1 год, Оксане – 5, Василию – 7, Владимире – 9, Александру – 11, Степану – 13. Самой старшей Марте-Марии было 15 лет.

...За расстрелянного отца – греко-католического священника о. Андрея...

Сестры мысленно произносили имена братьев – Василия, Александра, Богдана, – безвестно канувших в войну.

Сестры Владимиры, отбывавшей срок в лагере.

Даже сейчас было страшно вслух назвать имя старшего – Степана Бандеры. Для всех окружавших их людей – соучастника нацистских преступлений, организатора Украинской повстанческой армии (УПА), виновного в гибели тысяч людей, для них же – родного брата.

Правда, были в селе люди, которые (тайно!) считали Бандеру национальным героем, боровшимся за независимость украинского государства, отдавшим жизнь за «самостійну соборну Державу». Но таких единицы.

Они отсидели свои сроки в тюрьмах и лагерях, в Сухобузимском отбывали ссылку. Жили замкнуто, обособленно. И только один – Н.Г. Кричка – отваживался навещать сестер. Остальные боялись.

Ссылных западных украинцев в Сибири называли «бандеровцами», примерно с той же интонацией, как «власовцы» или «фашисты». Участники военно-террористических банд националистов погубили многих людей, проявляли ничем не оправданную жестокость даже к согражданам, украинцам, которые не хотели участвовать в борьбе за освобождение Украины от «москалей».

Два пожизненных

Отец сестер имел высшее образование, окончил богословский факультет Львовского университета. Был священником греко-католической церкви в селе Угринов Старый Калушского уезда Галичины. Ранее служил капелланом в Украинской Галицкой армии. В 1918–1920 годах состоял депутатом парламента Западно-Украинской Народной Республики.

Мать (в девичестве Мирослава Глодзинская) тоже происходила из священнической семьи.

... У Оксаны детские воспоминания о брате Степане были смутные. Ей не было и двух лет, когда брат уехал поступать в Стрыйскую гимназию. А в пятилетнем возрасте девочку после смерти матери взяла на воспитание тетя Людмила, жена священника, в село Кобыловолоки. Местечко это находилось на Тернопольщине, довольно далеко от родного села.

Оксана вернулась к отцу в Старый Угринов в 1933 году, когда ей исполнилось 16 лет. В этом году она в последний раз видела Степана. Вскоре он был арестован как один из организаторов покушения на секретаря советского консульства во Львове и приговорен к пожизненному заключению.

В 1934 году члены ОУН совершили покушение и на жизнь министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, в результате которого тот погиб. В подготовке теракта принимал участие С. Бандера. В начале 1936 года Варшавский окружной суд приговорил его к смертной казни.

По амнистии расстрел был заменен пожизненным заключением, вторым по счету. Содержался террорист в одиночке. После нападения Германии на Польшу городок, в котором находилась тюрьма, подвергся бомбардировке. 13 сентября 1939 года тюрьма осталась без охраны. Бандеру выпустили из камеры освободившиеся украинцы.

Оказавшись на свободе, Степан развил бурную деятельность в ОУН. Если раньше основной целью была борьба против Польши, которую он считал оккупантом и притеснителем украинского народа, то теперь главными врагами стали большевики. В это время Западную Украину заняла Красная Армия. Чтобы избежать ареста, в октябре 1939 года С.А. Бандера вместе с братом Василием нелегально переходит немецко-советскую демаркационную линию и приезжает в Краков.

Поддерживая связь с зарубежными отделениями ОУН, он перебирается в Словению, затем в Прагу, Берлин, Данциг. В 1940 году Степан был в Риме, где встретился со своим братом Александром, который жил там с 1933 года, окончил университет, женился на итальянке.

Арест

Марта и Оксана после окончания Стрыйской гимназии стали учительницами, работали в школе, проживали в селе Тростянце Станиславской области. До начала войны оставался ровно месяц...

22 мая 1941 года отец и сестры Степана Бандеры были арестованы. В тот момент старшей было 33 года, младшей – 23.

8 июля 1941 года Военный трибунал Киевского военного округа вынес смертный приговор отцу Степана Бандеры, который был приведен в исполнение через три дня.

Марту и Оксану, как и других членов семей участников националистических организаций Западной Украины, отправили в ссылку.

В Красноярске сестрам объявили: в течение 20 лет они будут отбывать ссылку в самых отдаленных местах.

Этап развезли по поселениям.

...Пришла зима. Невиданные для уроженцев южных широт морозы вселяли ужас. Женщинам наравне с мужчинами приходилось выполнять тяжелую физическую работу.

Сестры, привыкшие к чистоте и комфорту, страдали от голода, холода, антисанитарных условий проживания. На родине их почитали – и как учительниц, и как дочерей священника. Здесь, в суровых условиях, никто не давал им поблажек.

Марта в дороге простудилась, у нее началась бронхиальная астма. Развивалась болезнь сердца.

В Сибири – третья сестра

Сначала Марта и Оксана попали на лесозаготовки. Их постоянно переводили с места на место. Жили в Слизнево, Шумково, Чкалово, Ярлыково. В 1945–46 гг. Оксана работала на Ярлыковском лесопункте Советского леспромхоза. Потом переведена в Березовку. 12 декабря 1946 года принята рабочей стройбригады Березовского ремзавода.

Это предприятие было создано 2 декабря 1941 года на базе машинно-тракторной мастерской. Здесь производили отливку корпусов мин, изготавливали запчасти для военных машин, ремонтировали трактора.

После окончания войны завод был переориентирован на мирную продукцию. Вскоре Оксану перевели в сторожа литейного цеха. А еще через несколько месяцев – в механический цех учеником токаря. Через месяц стала работать токарем. Где работала Марта – не известно.

В Березовке под надзором комендатуры сестры прожили довольно долго – более пяти лет.

Разговаривая о сестре Владимире, они представляли ее не иначе как в кругу большой семьи. Ведь у нее с мужем священником Теодором Давидюком было шестеро детей.

«Сибирячки» и предположить не могли, что мать большого семейства находится не в родной хате с вышитыми рушниками. И разделяет их вовсе не 5000 километров. Члена ОУН Давидюка и его жену арестовали в сентябре 1946 года. Военный трибунал войск МВД Дрогобычской области приговорил обоих к 10 годам лагерей. Она попала в Краслаг МВД СССР. Несколько лет отбывала срок в лагере Нижнеингашского района.

Так что три сестры Бандеры жили в одном регионе, примерно в 300 километрах друг от друга.

В ноябре 1950 года Владимиру перевели в Казахстан, в ИТЛ Луговой (г. Караганда).

Искал ли он сестер?

В мае 1952 года по указанию районного отдела МГБ (в трудовой книжке О.А. Бандеры так и написано) Оксана была уволена с завода.

Куда теперь лежал путь? Снова в тайгу.

Новое поселение – поселок Урман, примерно в 90 км от Березовки.

Почти год работали украинки на лесопункте. И снова – новый поворот в их судьбе.

...Как-то в одном интервью историк, автор фильма «Степан Бандера. Рассекреченная жизнь» Леонид Млечин обронил: «Через сестер органы хотели выйти на брата». Но каким образом – не уточнил.

По некоторым данным, в 1953 году Марту и Оксану из Красноярского края на несколько месяцев увозили в Москву. Но потом снова вернули в ссылку.

Степан Бандера после выхода из немецкого концлагеря в 1944 году остался за границей. Занимался делами ОУН, центральные органы которой после окончания войны находились на территории Западной Германии. Там же и жил под чужой фамилией. Даже его дети не знали, кем на самом деле был их отец. В 1947 году он стал руководителем Организации украинских националистов.

Очевидно, ему было известно о местонахождении сестер, пострадавших из-за него. Заграничные части ОУН поддерживали связь с Западной Украиной. Наверное, подполье располагало сведениями о родственниках своего вождя.

Искал ли он их?

Короткое замужество

В августе 1953 году Марту и Оксану перевели в село Сухобузимское. Как и прежде, они обязаны были два раза в месяц отмечаться в спецкомендатуре, которая находилась на улице Ленина. На этом месте сейчас стоит пожарная часть. Оксану направили рабочей в местную МТС.

В.В Катенин, отбывавший ссылку в Сухобузимском районе, в своей книге «Воспоминания» рассказывал, что в МТС ежедневно сталкивался с Оксаной Бандерой. Она работала кладовщицей и выдавала рабочим лопаты, кирки и другой хозяйственный инвентарь. Жила в ссылке «с сестрой, которая не работала, так как была больная».

В 1957 году из МТС Оксана перешла на работу в райпотребсоюз. В это время потребительская кооперация возводила новые магазины, производственные здания, большие капитальные склады. Оксану взяли рабочей в строительную бригаду. Четыре года она месила раствор, штукатурила, красила, белила помещения.

Оксана производила хорошее впечатление. В 1961 году ее перевели на должность дежурной в гостиницу. После тяжелого физического труда это место было как подарок судьбы. Но все закончилось очень быстро. Как только руководству райпотребсоюза стало известно, чью сестру оно так опрометчиво повысило, Бандеру тут же уволили по ст. 47 п. «в» – из-за «обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе».

Во всех публикациях утверждается, что Марта и Оксана никогда не были замужем. Оказывается, это не совсем точные сведения. Оксана пыталась в 1960-х годах создать семью. Ее соседи рассказывали, что она сходилась с мужчиной по фамилии Хороших. Подтверждение их словам я нашла в районном архиве, в

похозяйственных книгах Сухобузимского сельсовета за 1961–63 годы. В них главой семьи и мужем Оксаны Бандера значится Д.С. Хороших. Данных о нем немного – 1923 года рождения, образование начальное. Работал в Дорстрое строителем, потом в Миндерлинском совхозе.

По словам соседей, прожили вместе они недолго. Гражданский муж стал обижать Марту, и Оксана ушла от него.

В 1958–60 гг. сестры жили по улице Зеленой (ныне Селезнева) в доме № 5 (давно снесен за ветхостью). Кроме них здесь жило еще две семьи. Во всяком случае, занимали «Бэндера» (так записаны в похозяйственной книге) 1/3 дома, имели небольшой огородик – 3 сотки.

Позже сестер поселили на улице Ленина, в доме 46.

В конце 1960-х годов у них впервые появилось отдельное жилье – дом № 9 на улице Подсопочной (ныне С.Н. Портнягина). Правда, «хоромы» эти «не всякая собака одобрила бы», но после многолетних скитаний по баракам и общежитиям они были в радость. Избушка крошечная, площадью не более 15 квадратных метров, с одним-единственным окошком в улицу. Настолько ветхая, что в дыры целиком помещалась фуфайка.

На Подсопочной обитало много ссыльных. В доме № 5 – полька Юзефа Кузина, неподалеку латыши Эмильес Букелис и Эльза Гильденбрандт, семья немцев и эстонцев.

В 1954 году начались послабления для спецпоселенцев. Вскоре им уже не надо было каждый месяц отмечаться в спецкомендатуре.

А в 1956 году разрешили вернуться домой. Все, как один, стронулись с места: поляки, финны, эстонцы, латыши, литовцы, в 1958 году – калмыки. Большинство украинцев тоже покинули суровый край.

Но сестер Бандера не сняли со спецучета. Степан Бандера был еще жив, руководил украинским националистическим подпольем и вел агрессивную антисоветскую деятельность. Ему был вынесен смертный приговор.

Органы госбезопасности искали его. Украинские исследователи утверждают, что спецслужбы Советского Союза и других стран предпринимали несколько попыток его устранить. Но Бандере удавалось уйти от возмездия. Он часто менял фамилии, место жительства. ОУН обеспечивала ему хорошую охрану.

В 1959 году Бандера с женой и тремя детьми жил в Мюнхене, носил в то время имя Стефана Попея.

15 октября 1959 года он был на рынке, к обеду вернулся домой. Вошел в подъезд, начал подниматься по лестнице. Внезапно появившийся человек шагнул навстречу, выстрелил в лицо из дуствольного пистолета. Как потом выяснилось, струей цианистого калия. Бандера умер по пути в больницу.

20 октября его похоронили на мюнхенском кладбище Вальдфридгоф.

Немецкой полиции не удалось найти человека, совершившего покушение. Через два года в Западном Берлине американским властям сдался 30-летний украинец Богдан Сташинский. Перебежчик назвал себя сотрудником КГБ СССР и признался, что именно он привел в исполнение смертный приговор Бандере. Суд состоялся в 1962 году, обвиняемый был приговорен немецким судом к 8 годам тюремного заключения.

Без права возвращения на родину

Через четыре месяца после смерти брата Марта и Оксана были освобождены. Вот справка за № 461, от 23 февраля 1960 года, выданная Сухобузимским районным отделом милиции. В документе подтверждается, что Оксана Андреевна Бандера содержалась на спецпоселении с 22 мая 1941 года по ... (не указано), откуда освобождена на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 января 1960 года без права возвращения к прежнему месту жительства до выселения.

Через несколько дней сестры получили паспорта.

19-летняя ссылка закончилась. Но домой вернуться не разрешили, хотя их сестре Владимире препятствий чинить не стали.

Сестры остались в Сухобузимском. Старшей шел 53-й год, младшей в декабре исполнилось 43.

Целый год – с сентября 1962 года по октябрь 1963 – Оксана нигде не работала. На что жили – неизвестно. Кажется, Марта получала небольшую пенсию по инвалидности. Наконец, младшая сестра устроилась уборщицей в сухобузимский дом пионеров. Он находился в старом доме с печным отоплением. Уборщица мыла полы и выполняла обязанности истопника. В сильные морозы надо было топить печь не только днем, но и ночью.

Однажды вечером в дом пионеров заглянул заведующий районо Лев Григорьевич Гутин. С порога услышал звуки музыки. Заглянул в зал и от удивления остановился – за клавишами фортепиано сидела ...техничка.

Оксана Андреевна смутилась, обмолвилась, что в детстве ее учили музыке, и быстро оставила инструмент. Она играла на пианино либо рано утром, когда никого еще не было, либо поздно вечером. Музыка скрашивала серую и однообразную жизнь.

Ничему не удивлялись

Когда сестры поселились на Подсопочной, новые соседи спросили, из-за чего их сослали. Оксана односложно ответила: отец был священником. Больше их не расспрашивали.

В районе было много репрессированных. Бывшие дворяне, крестьяне, ученые, артисты, инженеры, художники. Столько удивительных судеб и невероятных историй. Местные жители уже ничему не удивлялись.

Добрая душа у сибиряков. Сами испытывали лишения, недоедали, но помогали людям, оторванным от семей и родного очага. А с годами уже и не было никакой разницы: местный ты или высленец.

Притеснял ли кто Бандер? Вряд ли. Во всяком случае, соседи относились к сестрам хорошо. Люди не воспринимали их как врагов, поддерживали добрососедские отношения. Видели, что живут немолодые женщины бедно, довольно замкнуто. Первыми в разговор никогда не вступают. Но держатся со всеми доброжелательно, никому зла не делают.

Никакого ценного имущества кроме швейной машинки у Бандер не было. Не-

известно, откуда она появилась, но была настоящим сокровищем в трудные времена. Сестры хорошо шили и владели искусством вышивания. Это умение в 40-е и 50-е спасало от голода.

Их изба состояла из одной комнатки. В нее едва поместились две железные кровати, столик, комод, маленький шкаф для одежды и полка для посуды. Еду зимой готовили на печурке, летом на одноконфорочной электрической плитке. Были такие маломощные приборы со спиралью. Чтобы приготовить обед – уходило полдня. Разносолов в этом доме не наблюдалось. Еда была простой, даже скудной. Овощи и картошку они выращивали сами. Покупали молоко и хлеб, редко что-то другое.

Все в округе тогда держали коров, часто по-соседски угощали друг друга молоком. Но Бандеры никогда не позволяли себе взять что-то даром. Прасковья Петровна Абраменко вспоминает:

- У нас была хорошая корова, Оксана Андреевна каждый день брала по литру молока, тогда оно 10 копеек стоило. Я не хотела брать плату, видела, что бедненько живут, так она насильно оставит монетку.

Женщины вручную вскапывали огород лопатой. Воду носили издалека: колодец на соседней улице. Чтобы полить грядки, ходили с ведрами на Бузим – еще дальше. Но в огороде и ограде идеальный порядок. Каждый год они обмазывали и белили свою избушку. Под окном росла смородина и полевые цветы, которые Оксана принесла из леса. Она постоянно срезала траву серпом, получалось что-то вроде газона.

Тайну свою унес в могилу

Изредка сестер навещала их землячка Розалия, которая служила в УПА, была осуждена Военным трибуналом на 8 лет ИТЛ. После заключения ее сослали на поселение в Сухобузимское. Женщины вспоминали родные места, иногда пели украинские песни.

В райцентре жил украинец Владимир Якимович Омелянюк. Однажды мне довелось встретиться с ним.

В то время ему исполнилось 87 лет, но это был крепкий, физически сильный человек. Поговаривали, что перед войной он окончил немецкую спецшколу. Однажды уже в 50-летнем возрасте выпивал с приятелями в художественной мастерской комбината бытового обслуживания, где и работал. В ходе застолья вдруг встал и продемонстрировал отличную военную выправку: сделал приседания на одной ноге.

Он был родом из села Туличева Турийского района Волынской области. Многие сухобузимцы помнят его как талантливого художника. Бывший заключенный писал картины, оформлял пионерские лагеря «Таежный», Сухобузимский краеведческий музей. Его картины до сих пор украшают стены учреждений, в том числе администрации района. Есть они во многих частных коллекциях в России и за рубежом.

Многие односельчане называли Омелянюка не иначе как бандеровцем. Но вряд ли кто мог предположить, что в Организации украинских националистов он за-

нимал далеко не рядовые должности. Какие, мне не назвал, лишь заметил, что работал «с большими людьми».

Позже Омелянюк дал мне вырезки из газеты «Вісті Ковельщини». В корреспонденции под заголовком «Життя його не зламало» рассказ о его боевом пути. Из него следует, что он активно участвовал «в формировании УПА на Турійщині», находился в составе высшего руководства военного округа «Північ». Выполнял задания «Клима Савура», «Іваніва», «Миколи», «Рудого», «Скулистого».

Когда советские войска пришли в их края, он вступил в Красную Армию. Но его все же арестовали. Шел 1944 год. Следствие было недолгим и, к его счастью, поверхностным. Ему удалось скрыть свою истинную роль в деятельности УПА. Военный трибунал 274-й стрелковой Ярцевской дивизии приговорил к 10 годам лишения свободы.

Отбывал срок в Норильлаге, участвовал в знаменитом Норильском восстании. От гибели в тюрьме, а потом в лагере его спас дар художника.

Он был уже «доходягой» на общих работах в 6-й зоне Норильлага. Однажды на мешке из-под цемента углем нарисовал карикатуру. Кто-то из начальства увидел, рассмеялся, спросил, как зовут.

И вскоре Омелянюка перевели в группу художников, занимающихся оформлением наглядной агитации для Норильского комбината и ИТЛ.

Вовремя! Весу в живописце осталось 40 килограммов, кожа да кости. Дистрофия и авитаминоз доедали тщедушное тело. Первые лозунги Омелянюк писал в красном уголке лежа, уже не мог ни сидеть, ни стоять.

После восстания его перевели в другой лагерь, оттуда и попал на спецпоселение в Сухобузимское. Жил недалеко от сестер Бандеры, которого боготворил, но в гости к ним не ходил.

Впоследствии часто ездил на родину. Везил туда свои картины, домой – литературу на украинском языке. Много читал об истории националистического движения и Степане Бандере. Находил в книгах знакомые персонажи, события, в которых участвовал. В беседе со мной не скрывал своих националистических убеждений.

Омелянюк скончался на 89-м году жизни. Похоронен, как и многие ссыльнопоселенцы, на местном кладбище. Много тайн унес в могилу этот человек.

Скрывали от людских глаз

Получали ли сестры письма из Украины – неизвестно. Соседка Флора Александровна Вебер припомнила, что раза два приходили какие-то известия с родины: Марта сильно плакала. От кого были весточки, никто не знал. Сестры никогда и ничего о себе не рассказывали.

Они были глубоко верующими, соблюдали все церковные заповеди, но тщательно скрывали это от людских глаз.

Конечно, настольной книгой была Библия. Но любили и художественную литературу. Книги, наверное, были единственным увлечением. Сотрудники библиотеки уважали их за вкус к хорошей литературе. Заведующая библиотекой Люд-

мила Васильевна Вохмина не раз беседовала с Оксаной, но только на литературные темы. Политики никогда не касались. Разговаривать с начитанным, образованным человеком было интересно. Из-за деликатности Людмила Васильевна ничего не расспрашивала о прежней жизни.

Характер у обеих сестер был сильный, независимый. Они ни на что не жаловались, никого не обременяли просьбами. Только в крайнем случае шли за помощью к соседям. Такой именно случай наступил, когда Оксана постучалась к Абраменко.

- Федор Федорович, посмотрите, боюсь, завалит нас...

Сосед взял топор, пошел. Прогнившие доски уже не могли держать потолок. Часть перекрытия обрушилась, и балка угрожающе нависла над головой. Что он мог сделать? Домишко в аварийном состоянии. Абраменко подпер доски столбиком. Эта подпорка стояла еще несколько лет. Другой подпоркой был шкаф, на котором лежала часть потолочной балки.

Оксана проработала техничкой дома пионеров около десяти лет. В декабре 1972-го ей исполнилось 55. Еще некоторое время работала. Но потом занемогла и уволилась. По словам соседней, все время покашливала, у нее когда-то был туберкулез. Пенсию ей назначили небольшую - 47 рублей 6 копеек.

Через несколько месяцев после выхода на пенсию Оксана тяжело заболела. Соседка, ссыльная латышка, опытный медицинский работник Эльза Эрнестовна Гильденбрандт настояла на обследовании. Из районной больницы направили в Красноярский онкологический диспансер. Там, в 1974 году, сделали операцию, после чего – курс лучевой терапии.

Марта осталась одна, она уже почти не ходила. Соседи покупали ей хлеб, приносили молоко, а то и чашку супа.

Месяца через два Оксана вернулась из больницы. После операции нельзя было поднимать тяжести. Продолжали помогать соседи. Воду старушкам часто носил соседский мальчик Саша Вебер со своими друзьями. Эти же ребята кололи дрова. Позже, когда Александр уходил в армию, Оксана принесла и насыпала ему в ладонь большую горсть монет. Флора Александровна растерялась, пыталась отдать деньги.

Соседка ответила:

- Не нужно. Это Саше на счастье. Отдаст сам, когда вернется.

Сашины родители подумали: возможно, есть такой обычай: дать деньги, «обязав» тем самым остаться в живых, чтобы вернуть долг.

Марта умерла в 1982-м. Ей было 75 лет, больше половины – 41 год – она прожила в Сибири.

Оксане некого было просить помочь похоронить сестру, кроме как соседней. Но те без всяких просьб уже собирали деньги. Флора Александровна и Прасковья Петровна обрядили Марту в последний путь, Николай Кричка позаботился о гробе (наверно, сам его сделал, он был плотником). Женщины приготовили поминки – напекли блинов, приготовили кутью и закуски. За гробом шло человек пять – соседи и земляки-украинцы. На могиле поставили простой деревянный крест.

Оксана осталась одна.

Она прожила в полном одиночестве еще семь лет.

От Кандальской горы – к Карпатам

Наступил 1989 год. Однажды около дома остановилась машина, и незнакомые люди вошли в калитку. Старушка тревожно смотрела на дверь...

Незнакомые люди вошли в дом и заговорили по-украински:

- Дзень добрий! Ми з України...

После недолгого разговора выяснилось, зачем пожаловали гости:

- Ми прїїхали по Вас. Їїдгє на батьківщину!

Оксана не могла понять и тем более поверить, что теперь на родине ее брата почитают, к ней же специально приехали за 5000 км и зовут на жительство.

48 лет она прожила в Сибири и уже давно не позволяла себе думать о возвращении домой.

Конечно, Оксане хотелось повидаться с сестрой Владимировой, хоть краем глаза увидеть родные места.

Но можно ли верить незнакомым людям? Вдруг это обман, провокация. И она отказалась покинуть Сибирь: не могу могилу Марты-Марии оставить, кто за ней будет ухаживать.

Оглядевшись, гости поразились бедности ветхого жилища: ни телевизора, ни холодильника, ни газовой плиты. И из одежды кроме ватной фуфайки ничего не видно. А ведь морозы, говорят, здесь до 50 градусов доходят...

С еще большим жаром принялись уговаривать хозяйку. Безрезультатно.

Но украинцы не отступались. Съездили в Красноярск и вновь вернулись в Сухобузимское. Подключили к процессу переговоров земляков. И добились-таки своего.

Оксана попрощалась с соседями, сказала, что едет в гости, скоро вернется. Попросила приглядеть за избушкой. Передала на хранение швейную машинку и документы – трудовую книжку, пенсионное удостоверение, справки, в том числе об освобождении, облигации Государственного займа развития народного хозяйства СССР 1953–54 гг.

В путь отправилась налегке: весь багаж – небольшая сумочка. В ней икона, документы, немного денег и старый потертый молитвенник. Сотрудники НКВД во время ареста разрешили его взять с собой в тюрьму. Небольшой томик с истертыми страницами многое пережил за свой век. Был не просто немым свидетелем драматических событий, но и утешением в трудную минуту.

Напоследок оглянулась на свой домик, посмотрела на улицу, реку Бузим, за которым виднелась Кандальская гора, поросшая лесом...

Шли месяцы. Хозяйка не возвращалась. Из Прикарпатья пришло в Сухобузимское одно или два письма. А Николаю Кричке написал племянник из Австралии: видел по телевизору, как встречали Оксану Бандеру в Западной Украине – с почестями, при большом скоплении людей. Позже Кричка ездил на родину, в Долинский район Ивано-Франковской области и заезжал к Оксане в гости. Она жила неподалеку, в с. Казакивке, у племянницы Мирославы (дочери Владимировой). Передала поклоны сибирским соседям, сказала, что все у нее хорошо.

Поначалу из-за отсутствия документа о реабилитации в прописке ей отказали. Но в 1989 году в Украине, тогда еще советской, уже набирало силу национали-

стическое движение. В определенных кругах стали открыто говорить о Бандере не как о преступнике, а как о герое.

Не осталось и следа

...А Сухобузимское жило своими обычными заботами.

В легкий день 1990 года на кладбище у бузимского пруда пришли брат с сестрой. Держа в руках цветы, пробирались по заросшим дорожкам к родным могилам. Издалека заметили группу людей и свежий холмик земли. Подумали: видно, умер кто-то, готовят ему последний приют... Но, подойдя поближе, остолбенели: не свежую могилу копали эти люди, а ... вскрывали старую. Почерневший крест лежал чуть в сторонке. В глубокой яме уже виден гроб. Рядом стояли незнакомцы, по всему видно – не здешние. Слышалась нерусская речь. Растерянные сухобузимцы не решились заговорить. Молча прошли мимо. Положили цветы у памятника матери, постояли немного. Тревога не утихала: что это за люди и почему разрывают чьи-то останки.

Решили идти прямо в милицию. По пути встретили знакомую, поделились с нею. А та говорит: вы разве не слышали: с Западной Украины приехали, забирают прах Марты Бандеры.

Днем раньше в такое же замешательство пришли в исполкоме райсовета. Местной власти еще не доводилось заниматься столь необычным делом. Лишь после консультации в краевых органах оформили разрешение на вскрытие могилы и вывоз останков.

Приезжие поселились у Н.Г. Крички. С его помощью отыскивали на сельском погосте ничем не примечательную могилку. Сельсовет нашел рабочего, оказал содействие в поисках транспорта.

По просьбе Оксаны украинцы забрали у соседей ее старую швейную машинку. Гроб погрузили в машину, водитель дал прощальный гудок, и груз отправился в далекий путь.

Останки Марты привезли сначала во Львов – в Собор Святого Юра, а затем в родное село Старый Угринов. Захоронили на кладбище, где покоилась мать.

А в Сухобузимский сельский Совет неожиданно пришла посылка из Украины – конфеты, сухофрукты, бутылка виноградного вина. Так коллеги-депутаты Рады выразили свою благодарность за помощь.

Тогда никто и представить не мог, какой крутой поворот скоро сделает история. Иными станут и отношения между гражданами союзных республик.

Совсем другая страна

Через год, 24 августа 1991 года, Верховная Рада приняла Акт о провозглашении независимости Украины. 1 декабря на Всеукраинском референдуме 90,32 % его участников проголосовало за «незалежность». Бывшая социалистическая республика стала самостоятельным государством.

Незадолго до этого события Оксана получила документы о реабилитации и разрешение на прописку.

По-прежнему жила у родственников. В 1996 году ей и Владимире выделили трехкомнатную квартиру в городе Стрый Львовской области, обеспечили всем необходимым. Сестры поселились вместе.

В западных областях Украины Степана Бандеру возводили на пьедестал, как символ национально-освободительной борьбы за государственную независимость. В восточных и южных – по-прежнему считали виновником братоубийственной войны, унесшей жизни десятков тысяч людей.

Общество раскололось. Мнения о деятельности лидера ОУН были полярными: от превознесения до крайнего неприятия.

Когда в 1990 и 1991 годах в его родном селе установили первые памятники, ночью они были взорваны неизвестными лицами. В 2010 году президент В. Ющенко присвоил Степану Бандере звание Героя Украины. Суд признал этот указ незаконным.

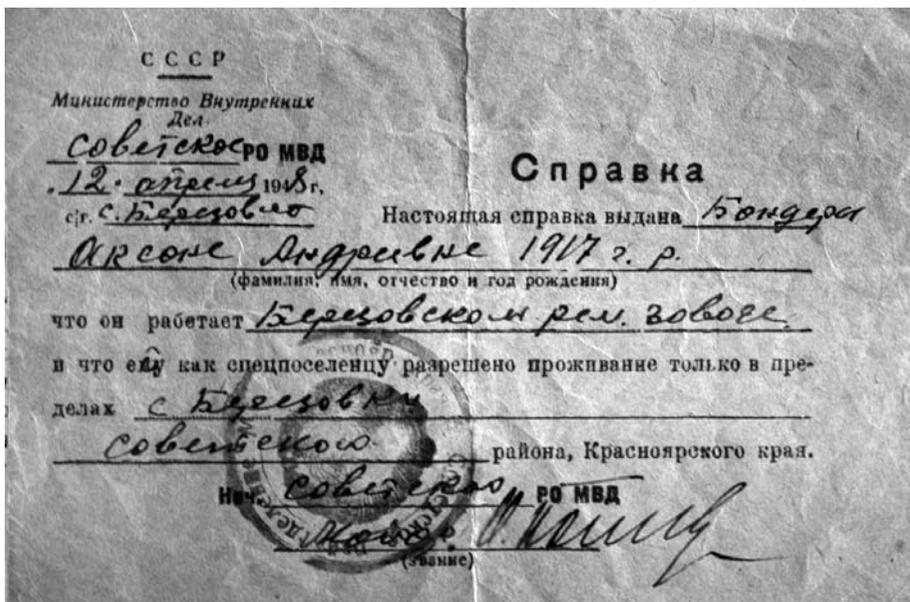
В 2006 году Президент Украины Виктор Ющенко наградил Оксану Бандеру орденом княгини Ольги III степени. Стрияне избрали ее почетной гражданкой города.

22 декабря 2008 года Оксане исполнился 91 год. А через два дня она умерла. Выполняя последнюю волю, ее похоронили в Угринове рядом с могилами матери и Марты.

...Соседи много лет хранили бумаги, оставленные Оксаной Бандерой в 1989 году. По ним я установила места жительства сестер за 44 года, трудовую биографию Оксаны, другие факты из их жизни в сибирской ссылке.

2012 год

Материал «Тайные молитвы сестер Бандеры» был признан лучшим очерком на краевом конкурсе журналистских работ «Красноярские перья-2012»

1948 год. Справка РО МВД. Оксане Бандере
 разрешено проживание только в селе Березовка.

1960-й – год освобождения. Оксана
 Бандера. с. Сухобузимское.

1960-й – год освобождения. Марта
 Бандера. с. Сухобузимское.

Избушка Бандер не сохранилась.
По размерам она была меньше этой.

МВД РСФСР
УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Исполнительного Комитета
Национального Нового Союза
адвокатов трудящихся

Выдан на иждивение не служит,
при утере не возобновляется.

Составитель: [подпись] Р.О.М. Выдан: [подпись] 23.02.1960 г. № 528901
с. Славобуды 1000 г. с. в. [подпись] 1960 года
Фуксбургская ул. [подпись] [подпись]

СПРАВКА № 461

Выдана гражданину(ке) Бандера
Оксане Андросовне
год рождения 1917 национальность украинка гр. СССР
уроженка(ке) с. Узиньково
Каушского района
Сталинградской области в том, что он(она)
содержалась(ась) на спецпоселении с 22 мая 1947 г.
по 196 г. откуда освобождена) на основании
Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 января 1960 г.,
без права возвращения к прежнему месту жительства до высылки.

Начальник отд. милиции
Сидоровичев [подпись] [подпись]
М.П. [подпись]

23 февраля 1960 г. Справка об освобождении
О.А. Бандеры от спецпоселения без права
возвращения в Украину.

СВЕДЕНИЯ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении
	Год	Месяц	Число	
1				
7				Обычный слесарь-механик в Березовском заводе
2	1946	XII	12	Переведена на должность слесаря в завод
3	1947	XV	15	Переведена в мех. цех завода
4	1947	X	10	Переведена в мех. цех завода
5	1947	XI	10	Переведена на должность слесаря в мех. цех завода
6	1952	V	20	Уволена с работы по указанию Ф.О.М. Директор [подпись]

2

О РАБОТЕ

работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
3	4
работы слесаря-механика в Березовском заводе	со слов [подпись] от 10/11/46
а завода (2)	17/7-47г.
должность слесаря в мех. цехе завода	пр. 89 от 10/8-47г.
мех. цех завода	пр. 80 от 11/10-47г.
должности слесаря в мех. цехе завода	пр. 173 от 20.8.52г.
Ф.О.М.	20.8.52г.
Директор [подпись]	(Лопиков)

8

Запись в трудовой книжке О. Бандеры.

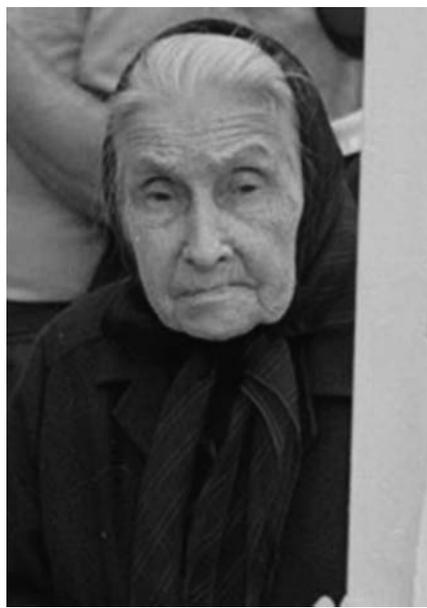
*1977 год. Оксана Бандера,
с. Сухобузимское.*

*1979 г. Марта Бандера,
с. Сухобузимское.*

*На сухобузимском кладбище нашли приют
многие спецпоселенцы.*

*Оксана вернулась из Сибири в Украину
через 48 лет.*

«И уставало сердце плакать»

Завтра кончается срок

В последние дни заключения время словно остановилось. Невыносимо медленно тянулись часы и минуты. От мысли, что скоро увидит выросших без него сыновей, истрадавшую жену, замирало сердце. Все десять лет боролся за жизнь ради этого мгновенья. Завтра кончается срок...

Уже все было готово к отъезду. Собрана котомка. Сказаны прощальные слова товарищам, записаны адреса их родных.

Но 21 февраля 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Десять лет мучительного ожидания, и... все рухнуло в один момент.

Снова этап, пересыльные тюрьмы, брань конвоиров, лай овчарок.

Товарняк шел много дней. Но никто из невольников не знал конечной остановки.

Запретная черта

Из снегов вывезли – в снега и привезли. Белые поля чередовались с сосновыми борами и березовыми колками. Хотя по календарю наступила весна, и солнце сияло, не было видно ни одной проталины. Мороз не меньше 25 градусов.

Из ворот красноярской тюрьмы грузовая машина выехала на Енисейский тракт. В кузове задубели даже конвоиры в овчинных полушубках и высоких серых валенках. Что уж говорить о пассажирах, одетых кто во что горазд, но все как один – не по погоде.

Одинаково серые лица, потухшие глаза. Никто не знал, куда везет их конвой. Примерно через 2 часа машина свернула направо. Проехали две деревни и вскоре оказались в большом селе.

– На выход!

Закоченевшие мужчины гуськом потянулись к деревянному зданию. Офицер спецкомендатуры, едва взглянув на вошедших, углубился в бумаги. Снова 58-я...

Часа через два, заполнив дела, он, наконец, посмотрел на неподвижно стоящих людей.

Говорил обрывисто, резко: сосланы в Сибирь навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Ссылку будете отбывать в Сухобузимском районе. Ни при каких обстоятельствах не имеете права покидать обязательного места поселения. За нарушение режима – 20 лет каторжных работ. Два раза в месяц каждый обязан явиться в комендатуру, чтобы отметить. Неявка приравнивается к побегу...

Навечно?! Оглушенные люди стояли молча. Разум отказывался принять чудовищный смысл сказанного. На-ве-чно! В лагере считали дни и часы до освобо-

ждения. Как бы тяжело ни было, но сроку приходил конец. Кому посчастливилось выжить – выходили на свободу.

Теперь же – вечная неволя... До самой смерти. Сколько кому отпущено. И нет уж никакой надежды на возвращение к семьям, к человеческой жизни.

Между тем началось распределение по колхозам. Они во всей стране назывались одинаково: имени Ленина, Сталина, Буденного, Ворошилова, а еще «Свободный труженик», «Новый путь».

Комендант посмотрел на темноглазого мужчину, еще раз полистал его дело. Надо же, бывший сотрудник Центрального комитета ВКП(б), главный ревизор Госбанка СССР...

Объявил:

– Дом отдыха «Таежный».

В Республике Коми лагерь называли курортом, а здесь что – домом отдыха? Но глаза эмгэбэшника ничего, кроме неприязни, не выражали, и мужчина по устоявшейся лагерной привычке не стал задавать лишних вопросов.

Каждому из прибывших выдали удостоверения. Паспорта ссыльным были не положены. Да и к чему они теперь? На работу их только что устроил МГБ, а в вокзальную кассу и во все другие места, где нужен документ, им путь навечно заказан.

Идти надлежало в Атаманово, которое стояло в 30 километрах от районного центра. Туда невольник отправился пешком. Конвой сопровождал ссыльнопоселенцев только до спецкомендатуры.

На всем пути ему не встретилась ни одна машина. Полное безмолвие, только снег скрипит под ногами. К счастью, вскоре его догнала санная повозка, и мужик в тулупе, не докучая расспросами, довез до Атаманово.

Терема рядом с зоной

Приезжий пошел по улице мимо приземистых изб, занесенных снегом по самые окна. Справа увидел ровную ленту скованного льдом Енисея и высокий утес над ним. С трех сторон к селению подступал хвойный лес. Сосны росли прямо на улицах.

Вдруг взгляд наткнулся на высокий, глухой забор, обнесенный колючей проволокой. В морозной дымке виднелась сторожевая вышка с вооруженным охранником. Послышался лай собак. Сердце упало... Зона!

Вот тебе и дом отдыха! Значит, снова лагерь.

Когда же подошел к конторе и увидел вывеску, не поверил глазам. Оказалось, и правда – дом отдыха. Он принадлежал Норильскому комбинату, или, говоря по-другому, Норильскому исправительно-трудовому лагерю. Потому что это одно и то же. А руководитель дома отдыха майор Д.С. Астраханкин одновременно начальник лаготделения № 25.

Странное это было место. Когда колонны заключенных летом ведут мимо памятника Сталину на причал, в ремонтные мастерские или в поле, то они отчетливо слышат детский смех. Если бы невольники могли выйти из строя, то в сосновом бору увидели бы сказочные деревянные терема. На берегу Енисея рас-

положились дом отдыха и пионерский лагерь. В окружении цветочных клумб еще один памятник отцу народов.

С 1944 года прибывают в Атаманово с Таймыра взрослые и дети. Подсобное хозяйство обеспечивает продуктами дом отдыха и пионерские лагеря, а также отправляет урожай в Норильск.

Сельскохозяйственным производством занимались заключенные и вольнонаемные работники. На самом деле – никакие не вольные. Большинство составляли депортированные немцы, калмыки, украинцы, прибалты, а также политические преступники – ссыльные поселенцы.

В отделе кадров прибывших оформляли быстро. Но, посмотрев документы новичка, лейтенант достал более подробную анкету.

- Фамилия, имя, отчество?

- Вартанян Енок Вартанович.

- Национальность?

- Армянин.

- Год и место рождения?

- 1905-й. Западная Армения.

Спасаясь от геноцида

...Отца Енок не помнил, ему был всего один год, когда тот погиб во время турецко-армянской резни. В 1907 году мать с двумя детьми перебралась из Западной в Русскую Армению (так их называли в то время). Поселилась неподалеку от Еревана в селе Канакер.

Еноку было 2 года, его сестре Алмаст 7 лет. Мать батрачила у зажиточных хозяев. С 8-летнего возраста Енок стал помогать ей, работал везде, где могли пригодиться его быстрые ноги. Но это не спасало их от нужды. Мать, отдавая детям последнюю крошку, умерла от голода.

Мальчик в 15 лет стал круглым сиротой. Он продолжал батрачить на хозяина и втайне самостоятельно учился грамоте.

28 мая 1918 года была провозглашена независимая Республика Армения. 29 ноября 1920 года установлена советская власть.

В село пришла новая жизнь. Молодежь увлекла романтика революционных идей. Енок одним из первых вступил в комсомол. В организации сразу же заметили незаурядный ум, необычайную работоспособность и целеустремленность юноши. Вскоре его направили ответственным инструктором в Котайкский районный профсоюз работников земли и леса. Позже назначили ответственным инструктором ЦК союза работников «Землеса» по Армении.

В 1922 году Армения вошла в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. В 1924 году 19-летнего юношу приняли в ряды коммунистической партии.

Он много работал, постоянно занимался самообразованием. В 1927 году Закавказский комитет ВКП(б) направил Вартаняна на учебу в Сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева.

Здравствуй, Москва!

Москва ошеломила его. Енок ходил по старинным улицам, любовался дворцами и храмами и не мог поверить, что он, бывший батрак, в сердце огромной страны.

Экономический факультет, на котором учился, вскоре передали в Институт народного хозяйства имени Плеханова. Это было одно из лучших учебных заведений Советского Союза.

Молодой человек всего себя отдавал учебе, активно участвовал в общественной жизни. После окончания вуза получил направление на должность старшего агронома в подмосковный племенной совхоз «Шульгино».

За кремлевской стеной

Редкий случай: вчерашнего студента взяли в аппарат Московского областного комитета ВКП(б) на должность ответственного инструктора. Одновременно Вартамян продолжает руководить группой консультантов племенных совхозов. Работает рядом с видными партийными деятелями. В ту пору первым секретарем Московского комитета партии был секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, пользующийся особым доверием Сталина. На должности второго секретаря – Н.С. Хрущев.

В скором времени Вартамяна перевели в Центральный комитет партии – помощником заведующего сельскохозяйственным отделом. Мог ли молодой человек, что называется, без роду и племени, мечтать о столь головокружительной карьере. Но в те времена на ответственные должности выдвигали по уму и деловым качествам, а не по родству и знакомству. Поэтому одаренные выходцы из провинции имели шансы оказаться на партийном Олимпе.

В 1934 году в составе Политбюро известные на всю страну люди: И.В. Сталин, А.А. Андреев, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе.

Заведующим сельхозотделом, непосредственным начальником Вартамяна был Л.М. Каганович. Он знал деловые качества подчиненного по прежней работе и не исключено, что был инициатором его перевода в ЦК. Но помощником Кагановича Енок Вартамянович был недолго. Лазаря Моисеевича назначили председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Возглавил сельхозотдел секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, однако и его вскоре перевели в Ленинград на должность первого секретаря обкома и горкома ВКП(б).

В апреле 1934 года в сельхозотделе новый руководитель – Я.А. Яковлев (Эпштейн), ранее народный комиссар земледелия СССР.

Под его началом Вартамян служил два года. Новый руководитель сельхозотдела – бывший народный комиссар путей сообщения СССР секретарь ЦК партии, член Оргбюро А.А. Андреев.

В 1937-м на эту должность возвращен Я.А. Яковлев. Но тотчас арестован как

«участник контрреволюционной террористической организации». В 1938-м расстрелян.

...и на берегах Невы

В Центральном комитете партии Вартанян проработал пять лет – с 1932-го по 1937 год.

Это было кошмарное время. На страну обрушился невиданный тайфун террора. Тяжелый молох репрессий перемалывал судьбы ни в чем не повинных людей. Нет такой отрасли и такого уголка в стране, где не выявлялись «враги народа», где не раздавался людской стон и плач. И таким же изуверским способом проводятся «чистки» партии.

Из 1966 делегатов XVII-го съезда ВКП(б), состоявшегося в начале 1934 года, 1108 арестованы, и большинство из них расстреляны.

В 1936–1938 годах в Москве состоялись три больших открытых процесса над высшими деятелями ВКП(б). Им вменялось в вину *«сотрудничество с западными разведками с целью убийства Сталина и других советских лидеров, роспуска СССР и восстановления капитализма, а также организация вредительства в разных отраслях экономики»*. Расстреляны Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Ю.Л. Пятаков, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и многие другие известные партийные деятели.

Работать в аппарате Центрального комитета становится смертельно опасно. Как, впрочем, и в других местах.

В 1937 году Вартаняна переводят в Смольный, назначают заведующим организационным отделом областного исполкома Ленсовета. Это можно рассматривать как повышение. Должность руководителя одного из ключевых отделов несет на себе большую ответственность в непростое время в непростом городе.

Северная столица испытывает кадровый голод из-за массовых репрессий и «чисток», обрушившихся на город после убийства С.М. Кирова.

«Колыбель революции» очистили не только от сторонников Зиновьева и Троцкого, но и от дворян, офицеров императорской и белой армий, священнослужителей и других «бывших людей».

Обком и горком ВКП(б) после гибели Сергея Мироновича возглавлял Жданов, под началом которого Вартанян несколько месяцев работал в сельхозотделе.

Но в Ленинграде Енок Вартанович прожил всего год.

В правление Государственного банка СССР на должность начальника управления, главного ревизора потребовался хороший экономист. В 1938 году семья возвращается в Москву.

«Немецкие шпионы» в Госбанке

Казалось, в учреждении, всецело поглощенном денежным оборотом, кредитованием, исполнением государственного бюджета, нет места политическим баталиям, и можно было перевести дух.

Но с первых дней Енок Вартанович и здесь почувствовал гнетущую атмосферу. За четыре последних года в правлении Госбанка сменилось пять (!) председателей. Четверо сняты с должности, трое из них – Н.Г.Туманов, Л.Е. Марьясин, А.П. Гричманов – расстреляны.

В 1938-м главой Госбанка назначен член ЦК партии Н.А. Булганин. Так как с 1931-го по 1937-й он работал председателем исполкома Моссовета, возможно, он тоже лично знал Вартаняна.

Весной 1940-го в правлении Госбанка снова меняется власть. После назначения Булганина заместителем председателя Совнаркома СССР на его место приходит бывший заместитель наркома финансов СССР Н.К. Соколов.

Но его тоже постигнет участь предшественников. В октябре 1940 года Николая Константиновича увольняют за «самовольное нарушение кассового плана на IV квартал».

Вартаняна неожиданно понижают в должности – переводят заведующим отделом кадров в Московскую областную контору Госбанка СССР. Он понимает, что тучи сгущаются. Но ничего уж поделать нельзя.

20 октября 1940 года арестован заместитель председателя правления Госбанка СССР А. Г. Самуленко. Через некоторое время под стражу взят и Соколов. Предъявлено обвинение в том, что они являлись участниками контрреволюционной правотроцкистской организации, в интересах которой *«проводили кредительскую работу в Госбанке СССР и, кроме того, занимались шпионажем в пользу германской разведки, передавая ей секретные сведения о валютных операциях Государственного банка СССР»*.

15 ноября 1940 года сотрудники НКВД нагрянули к Вартаняну.

Эта черная дата навсегда разделила жизнь на до и после.

Подследственного обвинили в принадлежности к контрреволюционной организации и более того – в подготовке покушения на Сталина. Следователи истязали его семь месяцев. Уголовное дело разрослось до 2-х толстенных томов. Но Вартанян держался мужественно. Какое бы давление на него не оказывалось, ни разу не дал признательных показаний. В отличие от Соколова и Самуленко, которые, не выдержав издевательств, оговорили себя.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалось противостояние, но тут грянула война.

9 июля 1941 года состоялось судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Этот орган рассматривал дела исключительной важности – в отношении представителей номенклатуры, высшего начальствующего состава армии и флота, а также ученых, деятелей культуры и искусства. Приговор Вартаняну вынесли по двум пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса (7-му и 11-му) – 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 5 лет лишения политических прав.

Возможно, его рассматривали как сообщника Н.К. Соколова и А.Г. Самуленко. Арестовали их почти одновременно, судили вообще в один и тот же день – 9 июля. Соколова и Самуленко расстреляли сразу после судебного заседания. Бывшего главного ревизора вывели на этап.

Усть-Вымлаг. Лесоповал

Эшелон с политзаключенными взял курс из Москвы на Крайний Север. Коми АССР.

Усть-Вымский исправительно-трудовой лагерь.

Поселок Вожаель.

Лесоповал.

Усть-Вымлаг поставлял лесоматериалы для Печорского угольного бассейна, производил шпалы и кирпич, занимался деревообработкой, вел строительство, изготавливал лыжи и мебель. Численность контингента с середины лета 1941-го превышала 24 000 человек.

В жутких условиях, в болотистой местности, где зимой морозы доходили до 40 градусов, уроженцу южных широт предстояло провести долгие 10 лет.

Но сильнее физических страданий была душевная боль о судьбе семьи. Лишенный права переписки, он не имел никаких известий о жене и сыновьях. Младшему Феликсу на момент ареста было 4 года, Марату – 8 лет. Что с ними? Живы ли они? Следователь не раз угрожал, что жену арестуют вслед за ним, детей отправят в детдом и сменят им фамилию.

Енок Вартанович писал заявления на пересмотр дела, но никакого ответа не получил.

Он не знал, что семью выселили из квартиры. В Москве у Вартанянов не было ни одной родной души. Знакомые отвернулись от них. И тогда Елена Сергеевна приняла отчаянное решение – вместе с детьми отправиться в Армению.

И это был верный шаг, спасший ее от тюрьмы.

...Десять лет она ждала мужа. Когда же закончился срок заключения, ожидание стало просто мукой. Замирала от каждого стука в дверь, громкого голоса. Представляла, как шагнет навстречу, какие слова скажет... Знакомые пугали: лагерь ломает людей. Нет, не может ее муж стать другим человеком!

Дни шли, Енок не возвращался. Спустя время, показавшееся вечностью, пришло письмо. На конверте обратный адрес: Красноярский край, Сухобузимский район, село Атаманово.

Теперь их разделяли 5000 километров.

Тавро 58-й статьи

27 марта 1950 года Вартаняна назначили исполняющим обязанности главного инженера технормирования дома отдыха «Таежный». Фактически он стал начальником отдела труда и зарплаты.

Вообще-то ссыльнопоселенцев старались не допускать до ответственных должностей. Но где взять квалифицированные кадры в сибирской глубинке? Руководители совхозов и колхозов не имели образования, в лучшем случае 7 классов. Поэтому на всех ведущих должностях в «Таежном» работали «троцкисты», «шпионы», «террористы» и «диверсанты».

Соседние с ОТиЗом кабинеты занимали такие же невольники, помеченные

страшным тавром 58-й статьи. Начальник планового отдела – сын профессора Московского государственного университета, выпускник Тимирязевской академии, бывший сотрудник Трактороцентра Александр Пантелеймонович Вихляев. Начальник отдела снабжения – блестящий советский альпинист, бывший студент Военно-Воздушной академии им. Н.Е. Жуковского Арий Иосифович Поляков. Главный зоотехник – выпускник Ленинградского молочно-животноводческого института Иван Иванович Лунев. Инженер-землеустроитель Камбай Шахсуваров окончил Московский геодезический институт.

Среди подчиненных Вартапяна тоже неординарные личности.

Нормировщик отдела строительства Александр Федорович Сухачев-Масловский, в прошлом декан строительного факультета Промакадемии имени Сталина, сотрудник Наркомата оборонной промышленности. Техник-сметчик центральных ремонтных мастерских – аспирант Московского института стали имени И.В. Сталина Бенцион Борисович Цизин.

Однажды Енок Вартанович неожиданно услышал родную речь. Поздоровался. Оказалось, в Атаманово сослано немало уроженцев Армении. С 1948 года на 3-м отделении работал Сумбат Оганесян, прежде председатель сельсовета. Как и Вартапян, он отбывал наказание в лагере Коми АССР. С 1949 года в Сибири находился и выпускник академии Мигран Тер-Григорян.

Павлуш Петросян работал ветсанитаром, Аран Оганесян – столяром деревообрабатывающего цеха. На фермах и в поле трудились Маргос Игнатосян, Карапег Моневлян, Теодор Миносян, братья Петросяны, Макарыч Согомоян, Арутюн Степанян и десятки других.

Армяне были высланы семьями. Как только их детям исполнялось 14 лет, их тоже трудоустроивали в подсобное хозяйство, а с 16 лет ставили на учет в спецкомендатуре.

Два раза в месяц туда на отметку должен был являться и ссыльный Вартапян. Эта обязанность действовала угнетающе. Оперуполномоченный вел собеседования, якобы в целях предотвращения побегов спецпоселенцев, собирал доносы, выпрашивал о настроениях окружающих, всякий раз пытаясь склонить поднадзорных к сотрудничеству. Вербовка, агентурная работа шли непрерывно. И доказательством активной оперчеккистской деятельности служили аресты, которые случались каждый месяц.

Были арестованы агрономы Николай Артеменко, Шемонаев, Алексей Ткаченко, Евгений Маркин, начальник четвертого отделения Зинченко, рабочий третьего отделения Владимир Сидоров, экспедитор строительства Ефим Шестаков, рабочие Альма Озолос (Озолс), Виктор Ниденс, сторож Иван Сарычев, электромонтер Николай Назаренко, начальник ЛЗУ Иван Бурцев, кладовщик Алексей Быстров, тракторист Григорий Бардадым. Рабочих фермы Саман Николая Александрова и Збигнева Войторовича отозвали в РО МГБ, и судьба их неизвестна.

Получить «добавочное дело» ничего не стоило. В любой момент можно было из ссылки снова отправиться в лагерь.

Ссылный не имел права передвигаться даже в пределах района, например, в командировку. А если заболел, то лишен возможности поехать на обследование

и лечение в Красноярск. Правда, в Атаманово имелась амбулатория, врачи и средний медперсонал там почти на 100 % – контингент.

В этом селении ему придется провести остаток жизни. Его мир ограничился берегом Енисея. Дальше – запретная черта.

«Пустота. Потерянность. Жизнь, нисколько не похожая на жизнь».

Сибирская глубинка еще не оправилась после войны. Не только ссыльные, но и местные жили бедно. Электричество в ту пору было только в зоне и на производственных объектах. Жилые дома освещались керосиновыми лампами. Ссыльнопоселенцу надо самому готовить еду. Стирать и починять одежду, обувь. Этому он научился в лагере.

С утра – до позднего вечера

Кое-как устроив быт, Енок Вартанович с головой ушел в работу. У отдела труда и зарплаты поле деятельности было очень большим. Мало того что в «Таежном» работало около 2000 вольнонаемных, при нем действовало еще и лаготделение.

Дом отдыха имел многоотраслевое хозяйство. Сеял зерновые, в том числе пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, просо, кормовые культуры. Содержал крупный рогатый скот, свиней, овец, лошадей, птицу.

Для Норильского комбината выращивал картофель, капусту, морковь, свеклу. На делянках находилось место даже для табака-махорки. На опытном поле первого отделения ссыльные ученые агрономы проводили испытания различных культур. В саду развели яблоню и ранетку, сливу и вишню, малину и клубнику, черную смородину.

Полученную продукцию «Таежный» перерабатывал самостоятельно, потому что летом каждое утро в дом отдыха и пионерский лагерь надо было поставлять продукты. Отделения производили молоко, творог, сметану, масло, яйцо, мясо, овечью шерсть. В парниках и теплицах высаживали огурцы и помидоры. В лесу держали пасеки. Действовали маслозавод, хлебопекарни, мельницы, овощехранилища, зерносклады. А еще причал, электростанция, нефтебаза, деревообрабатывающие цеха, пассажирский и грузовой флот. Хозяйство имело свою амбулаторию, стационар больницы, дом младенца, отделение связи, портновскую мастерскую и даже метеостанцию.

Подсобное хозяйство НКВД получало трофейные машины: американские грузовики, в том числе Виллис, японские автомобили, тракторы компании США «Аллис-Чалмерс». Запчасти для импортных машин было взять негде, поэтому умельцы (опять же из числа ссыльных) сами изготавливали агрегаты и узлы. В штате ЦРМ было несколько конструкторов. В мастерских действовали литейный, токарный, слесарный, кузнечный, электросварочный цеха.

Дом отдыха вел большое строительство. Для этих целей заготавливали лес в урочище Подсочка и у деревни Ново-Николаевки на правом берегу Енисея. Кирпич изготавливали на собственном заводе. На многих производствах использовался ручной труд.

Нормирование и оплату труда рабочих столь разнопрофильного производства вели несколько специалистов. Возглавлял эту работу начальник ОТиЗ. Он головой отвечал за точность расчетов. Превышение фонда оплаты труда, любая другая оплошность грозили новым сроком. Надо было иметь не только доскональное знание сельского хозяйства, но феноменальную память и твердый характер. Енок Вартанович часто выезжал на производство, чтобы помочь в рациональной расстановке рабочих, найти возможность повышения производительности труда. Наконец, проверить, обоснованны ли нормативы по труду. Изучал технологии, делал контрольные замеры. На стройке рулеткой сам измерял глубину котлованов или высоту стен, в поле – площадь вспаханной земли, на ферме – объемы заготовленных кормов.

«Секретно». «Совершенно секретно»

Когда руководство дома отдыха «Таежный» убедилось в высокой квалификации Вартаняна, то приняло решение назначить его начальником отдела труда и зарплаты. Оформляется его личное дело. И снова бывший сотрудник ЦК ВКП(б) пишет автобиографию, заполняет подробную анкету о социальном происхождении, о своих родственниках и родственниках жены.

И хотя кандидат на должность происхождения был «правильного», в оппозиционных, антипартийных группах не состоял, колебаний в проведении линии ВКП(б) не испытывал, родственников за границей не имел, анкета не прошла.

21 января 1951 года «Таежный» отправляет в Первый отдел Норильского ИТЛ личное дело Вартаняна и просит дать ему допуск к секретной и совершенно секретной переписке.

Поскольку «Таежный» входил в империю ГУЛАГа, на большинстве входящих и исходящих документов, в том числе и о чисто производственной деятельности, ставился гриф «секретно» или «совершенно секретно».

Начальник ОТиЗ должен получать корреспонденцию из Норильского комбината, знакомиться с приказами и распоряжениями, отправлять туда ответы на запросы, различные отчеты. Но Вартаняну отказано в допуске к секретной документации. Как, впрочем, и начальнику планового отдела, начальнику отделения строительства, главному бухгалтеру и его заместителю, главному агроному и главному зоотехнику.

Это лучшие кадры хозяйства в настоящий момент. Но у всех 58-я статья. Коль нет доверия, стало быть, не имеют права занимать руководящие должности. Майор Астраханкин обращается в отдел кадров комбината с тревожным письмом: заменить специалистов некем. Стали ждать дальнейших указаний по использованию «политических преступников».

Особый режим? В Атаманово?

В 1950 году в гранитном массиве Атамановского кряжа начали строить объект под № 815 по производству начинки для атомных бомб.

А 12 апреля 1951 года начальник Норильского ИТЛ и комбината МВД инженер-полковник В.С. Зверев издает необычный приказ под грифом «совершенно секретно».

На основании указаний МВД СССР на центральной усадьбе дома отдыха «Таежный» устанавливается особый режим. Лица, имеющие паспортные ограничения, – ссыльные, спецпоселенцы, высленцы и спецконтингент (бывшие советские военнопленные) – должны быть выселены из Атаманово.

В черный список попал и Вартамян. 25 июня 1951 года его поселяют на 3-м отделении, которое находится в 25 километрах от Атаманово. Он по-прежнему возглавляет ОТиЗ, ежедневно ездит на центральную усадьбу.

Вскоре 45 человек из ссыльных (среди них немцы, латыши, украинцы, поляки, калмыки и даже китайцы) направляют на Север, за 200 километров. Норильлаг приказал создать 5-е отделение подсобного хозяйства в Пировском районе. До закрытия навигации оно должно заготовить для заполярных совхозов 3000 тонн прессованного сена.

Новое подразделение необходимо укомплектовать инженерно-техническими кадрами. Формируется еще одна группа. На переселение лиц, состоящих под надзором спецкомендатуры, требуется разрешение начальника управления МГБ по Красноярскому краю. Такое согласие от подполковника Гаменюка получено. Среди специалистов – ссыльные Енок Вартамян, Аркадий Арлюк, Вахтанг Джапаридзе, Алексей Ткаченко, спецвыселенка Альбина Дорн, бывший военнопленный Занур Салхудинов.

В качестве нормировщика 5-го отделения в Пировском районе Вартамян пробыл ровно три месяца. Хозяйство так и не нашло замену высококвалифицированному экономисту. Его вернули на прежнее место. Но проживать в Атаманово нельзя. Его вновь поселяют на 3-е отделение.

К устью реки Исток

Но этим дело не закончилось. С развертыванием секретной стройки ужесточались меры предосторожности. По приказу из Москвы Норильский комбинат переносит дом отдыха, пионерский лагерь и центральную усадьбу совхоза «Таежный» вниз по течению реки Енисей, к устью реки Исток.

В октябре 1953 года сюда, на 4-е отделение, перевели администрацию и главных специалистов дома отдыха, который к этому времени стал называться совхозом «Таежный».

И вновь ссыльные собираются в дорогу, теряют друзей, обжитое место, мало-мальски обустроенное жилье, свой жалкий скарб.

– Здание центральной конторы еще не успели построить. Сотрудников разместили в огромных палатках. Мой муж Иван Прокопьевич работал бухгалтером. Он близко знал Вартамяна и всегда хорошо о нем отзывался – как о человеке, в тяжелое время сохранившем достоинство.

Семьи специалистов разместили в только что построенном бараке. Вот тогда-то и я познакомилась с Еноком Вартановичем. Он производил очень хорошее впе-

чатление. Образованный, выдержанный, очень простой в общении. С ним всегда было интересно разговаривать. В его комнате, кажется, не было никакой мебели, но очень чисто, – вспоминает Мария Егоровна Самсонова.

Ей недавно исполнилось 92 года, но память сохранила многие имена репрессированных. Самсоновы (оба участника Великой Отечественной войны, поженились на фронте) приехали в «Таежный», как и Вартамян, в 1950 году. Иван Прокопьевич трудился в совхозе до самой пенсии, последняя должность – заместитель главного бухгалтера. Мария Егоровна была в хозяйстве на разных работах, а потом санитаркой в амбулатории и аптеке.

В ту пору каждый день видела на улицах ссыльных. Большинство бедствовало, не имело теплой одежды и обуви. В сильные морозы ходили в тряпичных чунях, сшитых из старья, или в кирзовых ботинках на деревянной подошве.

Кстати, добрую память о Вартамяне сохранили и другие старожилы Атаманово, бывшие работники «Таежного» – Александра Дмитриевна Богданчикова, Иван Андреевич Комиссаров, Василий Семенович Белов.

Белов приехал в Атаманово в 1952 году, работал начальником отделения связи. Ему доводилось приносить шифрограммы Норильского комбината, в том числе и начальнику отдела труда и зарплаты, немного с ним общаться. Василий Семенович говорит, что Енок Вартанович пользовался большим авторитетом в коллективе.

Как рассказывает Василий Семенович, центральная контора квартировала на 4-м отделении всего одну зиму, потом ее снова вернули в Атаманово. В это же время дом отдыха, пионерский лагерь и тепличное хозяйство передавали «Девятке» – управлению строительства железных рудников, п/я № 9.

Позже Атаманово вновь вернулось под крыло «Таежного».

У Енока Вартановича менялось не только место жительства, его все время переводили с одной должности на другую. Находились в коллективе товарищи, которые неустанно сигнализировали о потере большевистской бдительности: *«...несмотря на категорическое указание об очистке аппарата от лиц, не внушающих политического доверия, в «Таежном» продолжительное время держат на руководящих должностях различных враждебных элементов (ссыльных по ст. 58 и спецконтингент) Вихляева, Полякова, Вартамяна... всего 34 человека»* и требовали прислать замену.

Но полноценной замены не находилось, и Вартамян по-прежнему фактически руководил отделом труда и зарплаты, хотя в приказах должность называлась по-разному: старший экономист, начальник группы нормирования, инженер-нормировщик. Соответственно понижался и оклад. В 1951 году его на какое-то время назначили старшим агрономом опытного поля.

Страх замыкал уста

Чем жили ссыльные в далекой сибирской деревне?

Много читали. Любили ходить в сосновый бор и на берег Енисея. Любовались могоучей рекой, часами наблюдая за плывущими мимо судами.

Радость общения с товарищами по несчастью, интеллигентными образованными людьми, «от которых – взаимным сочувствием – согревалась душа», тоже была отравлена. После лагерей люди боялись общаться друг с другом. Страх замыкал уста. 58-й статье легко могли пришить участие в контрреволюционной группе. Всякая связь считалась подозрительной и бралась на заметку, ссылка «навечно» могла обернуться 25-ю годами лагерей. Приходилось общаться с людьми другого душевного толка. Единственной радостью были письма родных.

Равняла всех судьба

Елена Сергеевна Вартанян мужественно переносила удары судьбы. 15-й год она не просто в одиночку поднимала сыновей. 15-й год несла на себе клеймо «врага народа». Душа изболелась за мужа.

***«И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук».***

В Армении беглецов приютила у себя ее родная сестра. Елена Сергеевна имела диплом инженера-химика, окончила Московский государственный университет, но на работу из-за судимости мужа ее никто не брал. С трудом удалось устроиться простым лаборантом в трест кондитерских изделий.

Подрастали сыновья. Какая судьба уготована им? Сталин сказал: сын за отца не отвечает... О, если б это было так! Как писал Александр Твардовский в поэме «По праву памяти»:

*И званье сын врага народа
Уже при них вошло в права,
И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...
Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей.
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.*

Старший Марат поступил в Ереванский государственный медицинский институт. Над ним, сыном «политического преступника», постоянно висела угроза отчисления. И всякий раз за Марата дружно заступались преподаватели и студенты. Факультет не мог себе позволить потерять одного из самых талантливых учеников. Марат с успехом занимался в научном студенческом обществе, был членом сборной команды Армении по баскетболу.

Младший Феликс учился в школе.

С нетерпением ждали каждой весточки от отца. О чем писал он родным? О том, что любит и, несмотря ни на что, верит: придет конец разлуке. Письма Енока Вартановича не сохранились. Я позволю себе процитировать пронзительные строки, принадлежащие перу человека одной с Вартаняном судьбы.

«Куда бы я ни посмотрел, о чём бы я ни подумал, – всё представляется мне

мрачным, тревожным, во многом безнадёжным, и только мой дом с моими любимыми и дорогими представляет мне ясным и радостным, той звездой, которая освещает путь. И это даёт мне новые силы, бодрость, и я не падаю духом вопреки убийственным фактам мрачной действительности».

Благословенный – 1954-й

5 марта 1953 года умер Иосиф Сталин. И уже в апреле 1953 года Норильский комбинат был передан из системы ГУЛАГа в только что созданное Министерство металлургической промышленности.

У ссыльных затеплилась слабая надежда на освобождение. На глазах уменьшался поток ссыльных.

И он наступил, этот счастливый момент. Благословенный 1954 год! В отделе МГБ начали снимать с учета ссыльнопоселенцев.

Енок Варганович подал заявление на пересмотр дела, ждет своего часа. Мучительно тянется время.

Долгие годы спасением от отчаяния была надежда на возвращение к семье. Кажется, осталось полшага...

Но закончился 1954-й, наступил новый 1955-й, а вестей все нет.

Прошла весна. За ней – лето.

Неужели придется пережить еще одну зиму...

И только с наступлением заморозков почтальон принес долгожданный конверт.

«...Дело прекращено ввиду отсутствия состава преступления»

То есть, никаких противоправных действий человек не совершал. Абсолютно. За что же он претерпел эти муки? Лагерь, где каждый день мог оказаться последним, ссылку, полную унижений и бесправия...

Пятнадцать лет не просто вычеркнуто из жизни. Пятнадцать лет невероятных страданий ни в чем не повинного человека, его родных и близких...

Молодой директор совхоза «Таежный» Михаил Михайлович Коняхин с болью расставался с прекрасными специалистами, которых по-настоящему уважал, у которых многому научился. Но был рад, что невинные люди получили долгожданную свободу.

От этой боли не отречься

Незабываемый момент встречи с сыновьями, постаревшей, но бесконечно любимой и дорогой женой... Он смотрел на родные лица и не мог наглядеться. Поверить, что это не сон.

15 лет назад простился с маленькими детьми, а теперь перед ним стоят мужчины. Как много потеряно! Не видеть, как росли и мужали сыновья, не иметь никакой возможности поддержать их в трудную минуту. Мог только благодарить жену Елену Сергеевну за то, что поставила ребят на ноги, воспитала достойными людьми. Марат успешно окончил институт, работал врачом в Севанской республиканской психиатрической больнице. Феликс окончил среднюю школу.

В 1956 году семья вернулась в Москву. Енока Варгановича восстановили в партии. Пригласили на должность старшего специалиста в Министерство торговли СССР. Елена Сергеевна устроилась научным сотрудником в НИИ синтеза белка.

Марат увлекся наукой, работал в Институте психиатрии Академии медицинских наук СССР. Феликс поступил в медицинский институт.

Появились внуки. Общение с ними приносило ни с чем не сравнимое счастье. Енок Варганович словно наверстывал упущенное, ведь столько лет у него была отнята радость отцовских чувств.

Когда Енок Варганович ушел на заслуженный отдых, ему назначили пенсию союзного значения.

В 1976 году он скончался. Елена Сергеевна пережила мужа на 8 лет. Оба похоронены на Ваганьковском кладбище в Москве.

Еноку Варгановичу не удалось реализовать свой богатый потенциал. Уголовное дело перечеркнуло жизнь, когда ему было всего 35 лет. В полном расцвете сил. Он успел порадоваться тому, как сыновья покоряли одну вершину за другой. Оба стали всемирно известными учеными.

Марат Енокович в 30 лет защитил кандидатскую диссертацию, в 38 стал профессором, через несколько лет избран членом-корреспондентом, а в 1988 году – действительным членом Академии медицинских наук СССР. Академик, директор крупнейшего научного центра психического здоровья в Москве. Автор более 120 научных работ имел большой авторитет в мировом научном сообществе.

На основе его исследований разрабатывались и осуществлялись научные программы Всемирной организации здравоохранения и другие международные проекты.

За несколько дней до смерти в 1993 году он был избран действительным членом Нью-Йоркской академии наук.

Феликс Енокович пошел по стопам старшего брата. В 1961 году окончил институт в Москве и тоже стал психиатром. В 33 года получил научную степень кандидата наук, через 20 лет защитил докторскую диссертацию. В 1973–80 гг. Феликс Енокович работал в Швейцарии, в штаб-квартире Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в городе Женеве.

Профессор, проректор по научной работе и международному сотрудничеству по-прежнему в строю, заведует кафедрой международного здравоохранения и иностранных языков в Российской медицинской академии последипломного образования. Является советником ВОЗ, советником Совета Европы по здравоохранению, членом экспертного комитета медицинских работников, членом Нью-Йоркской и Мексиканской академий наук.

Два внука Енока Варгановича – Карен и Ануш – тоже врачи, доктора медицинских наук, профессора (в области онкологии и эндокринологии). Оба работают в Москве в ведущих исследовательских и образовательных центрах. Правнук Реваз уже кардиохирург, продолжает славную династию докторов. Самые младшие правнуки Елена и Степан учатся в средней школе.

Мне удалось найти младшего сына Варганяна Феликса Еноковича.

Завязалась переписка. Оказывается, в семье очень мало знали о самом трудном периоде жизни Енока Вартановича. По понятным причинам он не рассказывал о лагере и ссылке.

Семья с благодарностью приняла собранные мной сведения. Карен прислал фотографии из семейного альбома.

«Ваше обращение всколыхнуло во мне тяжелейшие воспоминания детских лет, хотя грустные мысли не покидают меня на протяжении многих лет», – написал мне Феликс Енокович. Мне же вспомнились слова Александра Твардовского:

Но и в предбудущих веках

От этой боли не отречься,

Не уберечься нам никак!

Фото из семейного архива Ф.Е. Вартаняна

2015 год

Ответ профессора Феликса Еноковича Вартаняна на мое обращение с просьбой рассказать об отце

Уважаемая Ольга Михайловна!

Профессиональный рост отца был обусловлен его личностными особенностями – преданностью делу, активностью занимаемой позиции, динамичностью в решении тех или иных вопросов, интуицией.

Знакомился с его "делом". На стереотипный вопрос: "Расскажите о Вашей контрреволюционной деятельности" он неизменно отвечал: «не было никакой деятельности, а, следовательно, и не о чем рассказывать».

На этом были построены 2 тома следственных материалов. Его пытали, истязали, но он продолжал отрицать какую-либо антисоветскую работу. Проводились очные допросы, но без каких-либо "результатов".

Он занимался лесоповалом в тяжелейших условиях, в зимнее время, в болотистой местности в Республике Коми. Он всегда избегал повествований о нечеловеческих условиях. Многие заключенные погибли.

... В Ереване мы приютились в семье сестры матери. Трудно представить, как мы существовали, будучи семьей "врага народа". Да, ведь отца обвиняли в попытках организации покушения на Сталина.

Мать на протяжении всех 15 лет проявила стойкость и невероятное мужество. Не могла устроиться на работу с дипломом химфакультета МГУ.

Многие или почти все отвернулись от нас за исключением очень близких родственников.

После реабилитации отец возвратился в Москву. Занимал ответственный пост в Министерстве торговли СССР. Был пенсионером союзного значения. Мать работала в качестве научного сотрудника в НИИ синтеза белка.

Брат (Марат Енокович Вартанян) был одаренным ученым, был академиком РАМН, директором крупнейшего научного центра психического здоровья в Москве.

Марат был широко известен, как в нашей стране, так и за рубежом.

У отца 2 внука, оба доктора медицинских наук, профессора в области онколо-

гии и эндокринологии. Работают в Москве в ведущих исследовательских и образовательных центрах.

Трое правнуков, двое школьников, а третий уже кардиохирург.

Родители скончались от онкологических заболеваний, похоронены на известном Ваганьковском кладбище в Москве.

... Ваше обращение всколыхнуло во мне тяжелейшие воспоминания детских лет, хотя грустные мысли не покидают меня на протяжении многих лет.

Если нужны дополнительные сведения, можно получить их по телефону или по e-mail.

Позвольте выразить Вам глубокую благодарность за то светлое дело, которым Вы занимаетесь.

С уважением проф. д.м.н. Ф.Е. Вартамян
2015 год

Отклики читателей

Дорогая редакция! Читаю статью Ольги Вавиленко «И уставало сердце плакать...» и сама не могу сдерживать слез. Какая удивительная и драматическая история. Сколько человеку досталось.

Сама я Енока Вартановича не знала, прибыла в Атаманово по направлению после окончания техникума в 1960 году. К тому времени он уже уехал.

Но, оказалось, его помнит мой муж Александр Васильевич Разманов. 14-летним подростком он работал на конном дворе и возил Вартамяна на лошади в Сухобузимское и на 3 отделение. Он помнит, что это был доброжелательный человек, внимательный к простым людям.

Мой муж позже выучился на шофера, работал в доме отдыха, потом до самой пенсии – в пионерском лагере «Таежный». Возил продукты, разные материалы, водил санитарную машину.

Мы и сейчас живем на территории пионерского лагеря. Посмотрела на фотографии дома отдыха, которые вы опубликовали, и сердце защемило. Когда ломали эти прекрасные корпуса, люди чуть не плакали. Жалко, такую красоту не сохранили.

В статье встречала знакомые фамилии. В совхозе «Таежный» работал брат начальника Норильского комбината Зверева.

Мне тоже довелось работать с человеком, репрессированным по политическим мотивам. Это начальник ремонтных мастерских Владимир Иванович Грасс. Я поступила к нему мастером. Прекрасный, образованный был человек. Красивый внешне. По национальности латыш. Он не имел специального образования, но отлично разбирался в технике, был инженером-самоучкой. Сейчас жалею: что ж я не расспрашивала его. У него тоже судьба сложная, пострадал без вины. С большим интересом читали и о совхозе «Таежный». Какая у него необычная и богатая история. Спасибо автору Ольге Вавиленко за прекрасную статью. Мы, жители Атаманово, читали ее взахлеб.

Аниса Разманова
с. Атаманово

Прочитав в нашей «Сельской жизни» начало очерка О. Вавиленко «И уставало сердце плакать...», с большим нетерпением ждал следующую газету. Очень интересно, трогает душу.

Я немного помню Енока Вартановича Вартаняна. Мой отец Михаил Дмитриевич Четкин работал десятником на лесозаготовках в Новониколаевке. У меня осталось в памяти, что он приезжал вместе с Вартаняном с правого берега Енисея. Вартанян остался ночевать у нас, помылся в бане. Отец отзывался о нем очень уважительно.

После Е.В. Вартаняна начальником ОТиЗ работал Кезин Александр Федорович. Читал про историю совхоза «Таежный», и перед глазами вставали картины детства. Все так и было – хозяйство огромное, многопрофильное. Вот вы упоминаете про кирпичный завод. На самом деле их было даже два. Все делали вручную. Формы изготавливали из дерева в ДОЦе. Глину брали на месте, там сейчас здание хлебозавода.

Много хорошего народа отбывало наказание в Атаманово. Столько судеб было поломано в годы репрессий. Я хорошо знал Галину Ивановну С. Совсем молодой девушкой после окончания училища с Урала приехала она в Красноярский край. Поставили рабочей на склад запчастей для тракторов. Что она в них понимает! Провели инвентаризацию – недостача. Дали срок – целых 6 лет! Таких примеров – тысячи. Люди пострадали ни за что. Особенно те, кого судили по 58-й статье. Добрую память оставили они о себе.

Виктор Четкин.

с. Атаманово

газета «Сельская жизнь» 10 июля 2015 года Сухобузимский район

Участники конференции ВКП(б) в Ленинграде.

Дата и автор снимка неизвестны. Возможно, 1934 год. Среди делегатов И. В. Сталин, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Л. М. Касанович, Е. В. Вартанян (в 1950-55 гг. начальник ОГТиЗ совхоза «Тавельный») тоже был участником конференции (на фото он в третьем ряду крайний справа)

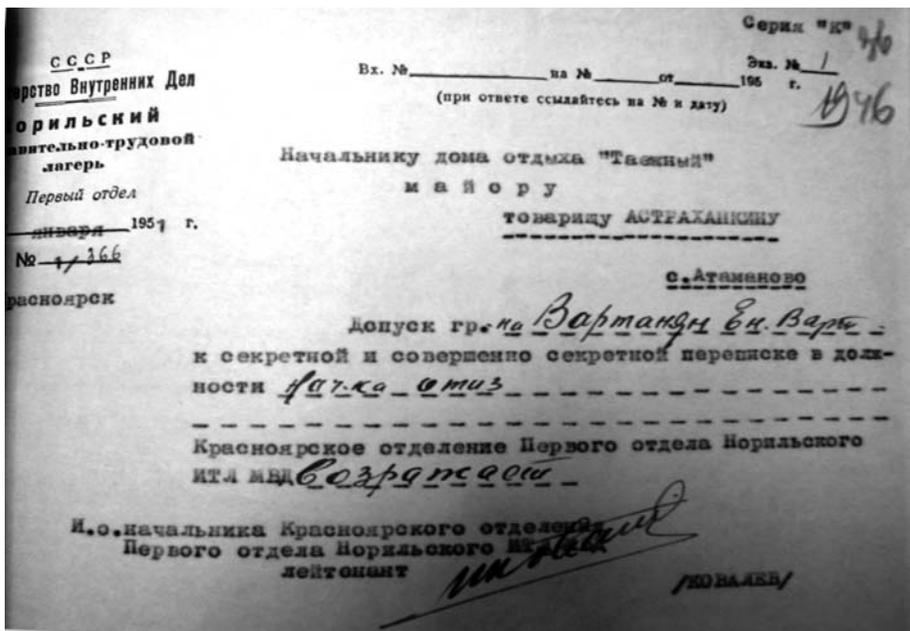

*В «Таежном» работали представители примерно 45 национальностей.
Фото предоставлено Иваном Монастырским*

Дом отдыха «Таежный». Фото из архива Марыных-Коняхиных

Допуск к секретной переписке запрещен.

Так выглядел дом отдыха «Таежный» в 1955 году.

курорт Цхалтубо
1960 г. н.э.

Мог ли в сибирской ссылке мечтать, что когда-то снова увидит родной Кавказ.

Ереван 1975 г. С сыном Феликсом, невесткой Раисой и внуками Ануш и Кареном.

Марат
Вартанян

Биологическая
психиатрия

Книга М. Е. Вартаняна. 1997 год.

С внуками Ануш и Кареном.

Марат и Феликс в мантиях. Их только что приняли в члены Мексиканской академии наук. Марат в центре, Феликс слева от него. 1975 год.

Врач Луи Доклер

7 октября 1953 года в совхоз «Таежный» прибыл мужчина лет 40. Сотрудник отдела кадров, уже искушенный в написании иностранных фамилий, все же переспросил имя-отчество.

- Доклер Луи Педжи, 1912 года рождения. Уроженец города Гельсингфорса (Хельсинки).

- Национальность?

- Финн.

Представители каких только национальностей не работали в совхозе «Таежный»! Из европейских стран и республик – немцы, украинцы, калмыки, народы Прибалтики, поляки, евреи, коми, румыны, мадьяры, гагаузы, сербы, греки, чехи... С Кавказа – армяне, азербайджанцы, грузины, курды. Из Средней Азии – казахи, узбеки, туркмены, киргизы... Были тут китайцы, корейцы, иранцы, турки.

На отделениях жили и финны – Андрей Пуронен, Отто Ялканен (Ялкконен).

Но у новенького фамилия необычная. Видимо, в роду были французские и итальянские корни. Луи – довольно распространенное имя во Франции, означает – «известный воин». Фамилия «Доклер» тоже, скорее всего, французского происхождения. Педжи – похоже на итальянское Пьяджи...

Луи был принят разнорабочим в стройконтору.

В совхозе велось большое строительство. В 1952 году распоряжением Совета министров СССР и распоряжением министра МВД СССР Круглова Норильскому комбинату предложено к 1 января 1953 года перевести дом отдыха, пионерский лагерь и центральную усадьбу совхоза «Таежный» вниз по течению реки Енисей.

К устью реки Исток была перебазирована строительно-монтажная контора № 1. На месте организовано два самостоятельных стройучастка. Фронт работы предстоял большой, поэтому всех вновь прибывших, как правило, направляли на стройку.

С января по октябрь в совхоз было принято 365 человек, 189 из них было перемещено из других подразделений комбината. К январю не успели, но в октябре 1953 года центральную контору все же перенесли на 4-е отделение. Кстати, в это время в хозяйстве (кроме контингента лаготделения) работало 1738 человек.

Стройка пополнилась еще одной парой рабочих рук. А то, что она принадлежала врачу с дипломом Ленинградского медицинского института, тоже никого не удивило.

В «Таежном» в эти годы с ручной пилой, киркой и лопатой можно было увидеть конструкторов, известных инженеров, педагогов, лингвистов. Все они носили клеймо 58-й статьи.

Сибирская глубинка испытывала большую нужду в медицинских кадрах. Особенно не хватало квалифицированных врачей. Но Доклеру спецкомендатура не позволила надеть белый халат. Он тоже был «врагом народа».

В «Таежном» действовала больница на 25 коек, амбулатория, дом младенца, на всех четырех отделениях – медпункты. Но все учреждения были укомплектованы специалистами. Более 90% из них – репрессированные по политическим мотивам.

Вместо паспорта в Сухобузимском отделе МГБ Доклеру тоже выдали временное удостоверение ссыльного. Шел 17-й год неволи...

В 1936 году молодой человек, полный надежд, окончил институт. Он мечтал посвятить свою жизнь самой благородной миссии – исцелять людей, возвращать им радость жизни. Если бы он знал, что ждет его впереди...

В это время в Советском Союзе разворачивались репрессии против лиц иностранных национальностей. Как правило, их обвиняли в шпионской и диверсионной деятельности.

Финляндия, ранее входившая в состав Российской империи, с декабря 1917 года стала независимым государством. И уже дважды Советская Россия и Финляндия были в состоянии войны.

НКВД брало на учет всех «подозрительных лиц». Неудивительно, что в их круг попал и выпускник мединститута – «иностронец». Не имело значения, что родители Луи Доклера переехали из Гельсингфорса в Санкт-Петербург вскоре после его рождения.

Ко всему прочему, Доклер был непролетарского происхождения. Вскоре после ареста «тройка» приговорила его к 3 годам лишения свободы.

В то время, когда «контрреволюционер» отбывал наказание, произошла Третья советско-финская война. Она длилась 105 дней – с 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 года. Силы были неравными, но РККА в кровопролитных боях понесла огромные, ничем не оправданные потери.

А в стране усилились репрессии против финнов. В 1941 году Доклер вновь арестован.

Пока шло следствие, грянула Великая Отечественная война. Финляндия вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии.

В 1941 году Особым совещанием Луи Доклер приговорен за контрреволюционную деятельность к 8 годам лагерей. Где отбывал наказание – неизвестно. Очевидно, в 1949 году был освобожден. Но вскоре последовало новое наказание – ссылка.

В 1949 году Богучанский райздрав принял бывшего заключенного врачом на врачебный участок, находящийся в селе Чадобец.

Была ли у него семья раньше или он женился в Чадобце – неизвестно. В 1950 году у него родилась дочь. Его жену, 1916 года рождения, звали Александра Матвеевна Кулохова, Кулакова? (в найденном мною документе написано неразборчиво). Сын Владимир, 1936 года рождения? Дочь Доклер Омилыцы-Луи? (тоже неразборчиво). На должности врача проработал до 1952 года. Политически неблагонадежного специалиста понизили до фельдшера, назначив заведующим медпунктом.

Недавно в ответ на запрос начальник отдела кадров Богучанской центральной больницы Н.Н. Пустовалова (большое ей спасибо!) прислала мне скан приказа 1952 года о назначении Доклера заведующим медпунктом.

Село Чадобец теперь входит в состав Кежемского района. Но на мое обращение, опубликованное в районной газете «Советское Приангарье», никто не откликнулся. Чадобец постигла участь многих неперспективных сел. Многие жители разъехались, и уже никто не помнит доктора с иностранной фамилией.

...На стройучастке совхоза «Таежный» Доклер проработал недолго. 3 июня 1954 года он уволился по собственному желанию. Началась реабилитация незаконно репрессированных граждан. Его, как и других ссыльных, сняли с учета спецкомендатуры, и он сразу же уехал. Как сложилась его дальнейшая судьба, пока выяснить не удалось.

2015 год

СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА

Доклер Лич - Педнес
фамилия, имя и отчество

10-1
Место
Лич
фотокарточки

3. Национальность оринт.
4. Родной язык ружик
5. Звание иностранных языков и языков народов СССР, слабо, хорошо
нужное подчеркнуть

и место рождения 1912 г. Тельсингоре (оринтландия)

6. Партийность
в ВКП(б) с 19... г. д. б. М
в ВКП(б) с 19... г. к. к. М
в ВЛКСМ с 19... г.

7. Состоял ли раньше в ВКП(б) и причина
не состои

8. Состоял ли в других партиях (каких)
КСР

9. Был ли колебания в проведении линии и участвовал ли в оппозициях (каких)
КСР

10. Имел или имеет партиябиланс (какого, за что)

11. Прилежался ли к судебной ответственности (чем, когда, за что) и решение суда
26. 26/11 - 1951 / 100 часов

12. Социальное положение
а) по происхождению из служащих
б) по личному положению служащий
в) профессия бухгалтер
г) год занятий родителей до революции, после револ.

13. Образование
а) общее высшее среднее
окончил 1936 г. 2-й Ленинградский университет
б) школы и курсы МВД
не посещал
в) партийно-политическое КСР

14. Служил ли в войсках или в учреждениях белых правительств (когда, где и в каких должностях)
КСР

15. Был ли в плену, в окружении или интернированным во время интернационалистической или гражданской войны, а также в период Отечественной войны против немецких оккупантов, где, когда, при каких обстоятельствах, из какой части РККА попал в плен, в окружение или был интернирован
КСР

16. Проживал ли на территории белых (когда, где и чем занимался)
КСР

17. Был ли за границей за границей оринтландии чис до 1917

18. Живет ли кто из родственников и родных (его и по линии жены) за границей (где, с какого времени)
КСР

19. Кто из его или жены родственников подвергался репрессиям (когда и за что)
КСР

20. Работа в прошлом

Чек. стаж. с...

Дата		Должность или выполняемая работа	Наименование учреждений, предприятий, воинских частей и органов НКВД - МВД	Местонахождение: округ, район, какой области, края, республики	№ № и прик
вступления	ухода				
1949	1953	Богучанский райзурев	Богучанский райзурев	Красноярский край	
		Богучанский райзурев	Красноярский край	Богучанский р-н	
		Богучанский уезд. райзурев	Красноярский край	Богучанский р-н	
		Красноярский райзурев	Красноярский край	Богучанский р-н	
1950	1952	Бул. ул. - на	село Богучан	Богучанский р-н	
1952	1953	Зав. лесхозом	село Камени	Красноярский край	
		Колхозе	Богучанский район	Богучанский район	
		Торисский колхоз	Колхоз	Колхоз	
		Трудовой в колхозе райзурев	Колхоз	Колхоз	
		Менеджер	Колхоз	Колхоз	
		Удобен	с. ул. ул. в колхозе	Колхоз	

Служебная карточка Л. Доклера.

«И все, казалось, не хватало Стране клейменных сыновей»

25 лет назад, в ноябре 1990 года, в редакцию газеты «Сельская жизнь» пришло письмо от жителя поселка Бузим Виктора Гюнтера. Мы прочитали его и изумились. Еще бы, ведь речь шла о том, что в 1951 году в ЦРМ совхоза «Таежный» работал сын известного политического деятеля – председателя ВЦСПС, члена Политбюро ЦК ВКП(б) М.П. Томского - Юрий.

Признаюсь, это сообщение вызвало и у меня, и у других сотрудников газеты большие сомнения.

Не попадем ли мы впросак, опубликовав недостоверный материал? Отправилась в библиотеку. Но нашла лишь краткую биографию М.П. Томского. Информации о семье не было. Интернетом в ту пору мы не располагали. И, к сожалению, о сталинских репрессиях почти ничего не знали.

В нашем доме была соседка тетя Таня Томская, ее сын жил в Москве. Я, на всякий случай, и ее расспросила. Но никакого отношения к тем Томским она не имела.

Правда, сомнений в правдивости сообщения Виктора Александровича Гюнтера лично у меня не возникло: тон и манера его письма подкупали. По всему было видно, что автор – человек серьезный и ответственный.

Но ведь его могли ввести в заблуждение. Просто однофамилец взял да и сочинил легенду о своем родстве с соратником Ленина... Самозванцев во все времена хватало.

Еще раз перечитала текст. До чего же хорошо написано! Посомневавшись, все же приняла решение опубликовать его.

Заметка Гюнтера вышла в «Сельской жизни» 6 декабря 1990 года. Помню, я еще некоторое время переживала, боясь получить опровержение.

...Прошли годы. Увлечшись изучением истории совхоза «Таежный», обнаружила, что здесь отбывали ссылку тысячи людей из разных слоев общества. Как в стихотворении Аллы Шульман:

Но сколько известных фамилий

И сколько безвестных имен

Стала искать сведения о Юрии Томском. Пересмотрела много литературы. Ничего не находилось. Выручил, как всегда, интернет. Оказалось, вдова и сын Томского, действительно, отбывали наказание в Сибири. Но где именно – неизвестно.

Наконец улыбнулась удача. После долгих поисков у меня в руках оказались подлинные архивные документы, подтверждающие работу Юрия Томского в совхозе «Таежный».

Как же жалею теперь, что не съездила в 1990 году в Бузим, не расспросила Виктора Александровича. Уже 20 лет как нет его в живых. И мне остается беседовать с его сыном Виктором Викторовичем Гюнтером. Он живет в Красноярске, работает заместителем начальника отдела Центрального конструкторского бюро «Геофизика» Федерального космического агентства. Показываю ему заметку отца.

Виктор Викторович с неподдельным интересом прочитал текст:

– Да, отец рассказывал нам о Томском. Вспоминал: ночами, когда дежурили в кочегарке, собирались около Юрия Михайловича. Он был великолепным рассказчиком. Хорошо знал историю, чаще всего о каких-то интересных и значительных событиях, великих людях и рассказывал. Ребята его просто заслушивались, забывая подкидывать уголь в топку. Спыхватятся: а огонь-то погас.

Многие молодыми попали в ссылку, мало чего видели, не имели возможности получить образование. Но, как и мой отец, тянулись к знаниям.

– **А откуда Виктор Александрович знал подробности жизни Томского после ссылки? Может быть, они переписывались или встречались после реабилитации?**

– Я не помню, чтобы отец об этом говорил. Но он был очень начитанным, особенно любил историческую литературу. В какой бы город ни поехал – привозил нам гостинцы и... чемодан книг.

В гостях у Сталина

Виктор Александрович Гюнтер, видимо, нашел сведения о семье своего товарища. Знал, что Михаил Павлович Томский (настоящая фамилия Ефремов) вступил в РСДРП в 1904 году. С этого момента началась его подпольная партийная работа. Участвовал в революции 1905 года. В 1907-м его избрали в Петербургский комитет РСДРП, позже – делегатом 5-го съезда партии, который проходил в Лондоне.

До революции неоднократно арестовывался. Был приговорен к каторге. Сидел в Бутырской тюрьме, отбывал ссылку в Сибири.

В 1918 году избран председателем Президиума ВЦСПС, членом ЦК РКП(б).

Позже занимал разные должности. Одно время был председателем комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. В 1922 вернулся на профсоюзную работу. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов в общей сложности возглавлял десять лет.

В книге «Возвращенные имена» в очерке «Партийный псевдоним – Томский», автор, кандидат исторических наук Олег Горелов приводит фрагменты интервью, которое взял у Юрия Михайловича Томского в 1988 году.

Сын вспоминал, что отец дружил с Сергеем Мироновичем Кировым, Михаилом Васильевичем Фрунзе. Томские были близки и с семьей Сталина.

С вождем умела ладить мать Юрия. Однажды после конфликта с соратниками Сталин заперся у себя на даче и никого к себе не допускал. Попастъ смогла только Мария Ивановна Томская-Ефремова. Она нашла слова утешения, ухаживала за ним. После этого Сталин несколько дней жил в семье Томских. Они тоже гостили у него на даче в Сочи.

«Помню, был чей-то день рождения. Мама со Сталиным готовили шашлык. Сталин сам жарил его на углях. Потом пели русские и революционные песни и ходили гулять к морю».

Мария Ивановна была близка с женой вождя. *«Когда Сталин поссорился с На-*

деждой Сергеевной, и она уехала в Ленинград, мама способствовала их примирению».

В семье хранилась фотография вождя, подписанная им в 1926 году: *«Моему дружескому – Мишке Томскому. И. Сталин».*

Михаил Павлович коллекционировал оружие. В его собрании были револьверы и пистолеты, подаренные Дзержинским, Рудзутаком, Орджоникидзе, Фрунзе, Блюхером. Один из экземпляров преподнес Сталин.

Черная метка

Но друзья Иосифа Виссарионовича легко попадали в число его «врагов». В 1928 году Бухарин, Томский и Рыков выступили против сталинской политики форсирования индустриализации и коллективизации, так называемого «Великого перелома». Их позицию Сталин подверг резкой критике, объявил «правым уклоном». Последовали оргвыводы. В апреле 1929 года Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановил снять Томского с поста руководителя профсоюзов. Всех его сторонников отстранили от руководящей работы. Через год Михаила Павловича исключили из состава Политбюро.

С этого времени он оказался на задворках политической жизни, хотя и оставался членом ЦК ВКП(б), с 1934 года – кандидатом. Его постоянно перебрасывали с одной должности на другую. Председатель Всесоюзного объединения химической промышленности, заместитель председателя ВСНХ СССР, заведующий Объединенным государственным издательством (ОГИЗ).

Тем не менее, когда в 1930 году М.П. Томский тяжело заболел, Политбюро приняло решение отправить его на лечение за границу. В Германию отец взял с собой младшего сына Юрия.

Но, несмотря на столь трогательную заботу, «черную метку» с Томского не сняли.

Прощание с сыном

В 1936 году случилось и вовсе непредвиденное. В Москве шел громкий процесс «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра». Г. Зиновьев и Л. Каменев неожиданно стали давать показания о причастности Бухарина, Томского, Рыкова к контрреволюционной деятельности.

Генеральный прокурор А.Я. Вышинский инициировал расследование в отношении этих лиц.

Процесс широко освещался в прессе.

Утром 22 августа на дачу в подмосковный поселок Болшево, где жили Томские, привезли свежие газеты. Михаил Павлович прочитал «Правду», после этого позвал младшего сына Юрия в сад, долго разговаривал с ним.

Сказал: я ни в чем не виноват, без партии жить не смогу. Мальчик не знал, что это было прощанием. Вскоре раздался выстрел. Для 15-летнего подростка самоубийство отца стало страшным ударом.

В тот же день в Сочи, где отдыхал Сталин, ушла телеграмма:
«Сегодня утром застрелился Томский. Оставил письмо на Ваше имя, в котором пытается доказать свою невиновность. Вчера же на собрании ОГИЗа в своей речи Томский признал ряд встреч с Зиновьевым и Каменевым, свое недовольство и свое брюзжание. У нас нет никаких сомнений, что Томский также как и Ломинадзе, зная, что теперь уже не скрыть своей связи с зиновьевско-троцкистской бандой, решил спрятать концы в воду путем самоубийства... Просим сообщить ваши указания.

Каганович, Ежов, Орджоникидзе».

23 августа 1936 года «Правда» напечатала короткое сообщение: «ЦК ВКП(б) извещает, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшийся в своих связях с контрреволюционными и троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством».

Вывести из-под удара

Томский знал, что Сталин, начав войну с «оппозицией», не отступится, и всех, кто когда-то посмел ему перечить, ждет мучительный конец.

У последней черты написал обращение в ЦК партии. Сыновья Виктор и Юрий передали пакет Ежову. Нарком сказал, что это документ огромной важности и будет жить в веках. Пообещал детям Томского: ни один волос не упадет у них с головы.

Скорее всего, Томский свел счеты с жизнью, стремясь вывести из-под удара семью. В предсмертном письме он просил об этом Сталина, с которым, кстати, был на «ты».

Все напрасно

Не помогло. Органы признали доказанным фактом участие Томского в антипартийном заговоре. Несмотря на откровенную лживость обвинений, началось преследование семьи.

Арестовали жену Михаила Павловича.

10 февраля 1937 года в Ленинграде схватили среднего сына Виктора. Ему было 28 лет, работал техническим директором 24-й литографии ОГИЗа.

Потом наступило затишье.

Робкая надежда: наверное, одумались наверху: дети-то в чем виноваты... Но не тут-то было.

На исходе кровавого 1937-го, 11 декабря, в Москве взяли старшего сына Михаила, слесаря механического завода «Геомашина». Если Виктора обвиняли в контрреволюционной деятельности, то Михаилу приписали еще и участие в антисоветской диверсионно-террористической организации. А это верная смерть.

Его и расстреляли первым – 19 марта 1938 года. Через три дня та же участь, на том же самом полигоне «Коммунарка», постигла и Виктора.

Мать отчаянно надеялась, что пощадят младшего сына. Школьника-то за что казнить!

Сталин и его приспешники поступили «гуманно». В расстрельных списках Марии Ивановне, Михаилу и Виктору поставили первую категорию, означавшую расстрел, Юрию – вторую категорию, т. е. лагерный срок.

Поверить невозможно! 16-летнему домашнему мальчику, не успевшему окончить школу, навесили три пункта 58-й статьи – участие в антисоветских заговорах, террористические намерения – и дали 10 лет ИТЛ.

10 лет (не расстрел, хотя в списках значилась первая категория) получила и его мать.

После ужаса ночных допросов, изощренных издевательств, кошмара пересыльных тюрем и длинного этапа в Сибирь душа окаменела. Все, что было дорого, уничтожено, растоптано. Жизнь стала зависеть от кусочка хлеба и глотка воды.

В сибирской тайге

Краслаг. Этот огромный лесоповальный лагерь дислоцировался в юго-восточных районах Красноярского края. Куда именно попал Юрий Томский, не удалось выяснить. Но то, что жил в Канске – точно. В его карточке, заполненной отделом кадров совхоза «Таежный» в 1951 году, указаны специальности: механик, мастер текстильного производства и отметка, что окончил курсы механиков в 1944 году, то есть во время заключения.

В Канск с началом войны эвакуировали оборудование Ленинградской фабрики «Красная нить», Озерского хлопчатобумажного комбината и Высоковской прядильно-ткацкой фабрики. Зимой 1942 года здесь началось строительство местного хлопчатобумажного комбината. В ноябре 1945 года сдали в эксплуатацию первую очередь – прядильную и ткацкую фабрики.

Именно здесь, с 1947 года, после окончания лагерного срока, и трудился сменным мастером Томский. Сыну «врага народа» не разрешили вернуться в Москву. Где-то в Сибири маялась в ссылке его мать.

Нашли ли они друг друга?

С берегов Кана – на Енисей

С 1948 года начали арестовывать «повторников». В 1950-м дошла очередь до Юрия.

Четыре месяца, с сентября по январь 1951 года, идет следствие. И снова допросы, обвинения в немыслимых грехах, угрозы. Ожидание нового срока.

Потом этап. Но на этот раз короткий. Сокамерники горько шутили: дальше Сибири не пошлют. Так и случилось. Местом вечной ссылки назначили совхоз «Таежный» Сухобузимского района Красноярского края.

22 февраля в центральных ремонтных мастерских (ЦРМ) появился молодой человек с двойной фамилией Томский-Ефремов Юрий Михайлович. Новичка отправили машинистом в котельную.

Через два месяца перевели в моторный цех обкатчиком. Кстати, эту работу доверяли слесарям самой высокой квалификации, тем, кто отлично разобрался в

технике. На специальном стенде закреплялся двигатель, вышедший из ремонта, и обкатчик часами наблюдал за его «поведением». Регулировал клапаны, декомпрессионный механизм, выставлял угол опережения зажигания.

Стоило им заговорить...

В цехах стоял невообразимый шум от работающих станков и машин, ударов кузнечного молота, визга пилы. В замасленных латанных-перелатанных спецовках, плохой, часто самодельной обуви рабочие и инженеры выглядели одинаково. Но стоило им заговорить, безукоризненная речь и манеры выдавали образованных и воспитанных людей.

Все, за редким исключением, бывшие политические заключенные, после лагерей «освобождены» в ссылку.

Электромонтер ЦРМ Олег Горбатенко владел тремя языками: английским, немецким, французским. Окончил 5 курсов физико-математического факультета Харьковского университета. Вышел на диплом, тогда-то его и арестовали за «активную контрреволюционную агитацию и пропаганду».

Инженер-электрик Жан Христианович Крумин имел два высших образования. Старший машинист передвижной электростанции Иван Васильевич Горновитов в прошлом корабельный механик. Механик Владимир Иванович Грасс прежде служил в авиации. Инженер-конструктор Марк Юльевич Сапожников – выпускник политехнического института, Литману Самсоновичу Колдобскому не дали окончить Ленинградский индустриальный институт.

Мастерская стала своеобразным центром технической мысли. Такую плотность инженерных кадров на один квадратный метр можно было найти разве что в технической лаборатории или научно-исследовательском институте.

Здесь не просто ремонтировали тракторы, сельхозмашины и автомобили, здесь изготавливали средства малой механизации, всевозможные запчасти, в том числе и для трофейных немецких и японских машин, орудия труда и инвентарь для многоотраслевого хозяйства, каким был совхоз «Таежный».

В штате мастерской имелись свои конструкторы и чертежники. Ссылные специалисты изобрели много приспособлений, облегчивших тяжелый физический труд. И за это им были благодарны товарищи по несчастью, репрессированная интеллигенция, добывавшая кусок хлеба киркой, топором и лопатой.

Жил коллектив дружно, хотя представлял не только разные слои общества, но и настоящий интернационал. Здесь трудились поляки Станислав Добровольский и Александр Раковский, латыши Владимир Грасс, Майгонис Карклиньш, Гунар Рейнхольд, евреи Михаил Коган, Литман Колдобский, украинцы Олег Горбатенко, Василий Богачев, грузины Исаак Моргошия, Филадельф Тархнишвили, белорусы Владимир Крученок, Артем Цветковский, грек Корнилий Пасхали, казах Джумабек Разиев, мадьяр Юзеф Гачи.

Самая большая группа спецпоселенцев состояла из немцев – Виктор Гельдт, Александр Графт, Виктор Гюнтер, Готфрид Руш, Роберт Опфер, Виктор Криль, Эммануил Гейнц, Андрей Зеер.

Немало было в ЦРМ, а особенно в автогараже, бывших советских военноплен-

ных, выживших в концентрационных лагерях Германии, Норвегии, Польши, Франции, Австрии, но после фильтрации на родине закрепленных за совхозом на 6 лет.

В 1951 году на учете в Сухобузимском РО МГБ состояло 54 работника ЦРМ, в этом списке за № 48 значился Томский Юрий Михайлович.

И снова ссылка

Юрий Томский не успел толком обжиться в Атаманово. Наверное, еще не обзавелся друзьями, с которыми было бы легче преодолевать трудности спартанской жизни. В подсобное хозяйство поступает секретный приказ из Норильска, который не сулит ничего хорошего.

По требованию МВД Атаманово надлежало очистить от «сомнительных элементов», имеющих судимость по 58-й статье. Акция проводилась для обеспечения государственной тайны – строительства оборонных объектов по производству оружейного плутония.

Руководители и специалисты аппарата управления, врачи и фельдшеры амбулатории, работники отделений механизации и строительства переводятся на Первое, Второе, Третье отделения и на ферму «Саман». Больше всего изгоняемых оказалось в ЦРМ – 39 человек.

На улицах Атаманово появились люди в форме МГБ. Им поручили обеспечить выполнение приказа по переселению.

19 июня 1951 года Томского в числе других перевели на Второе отделение, что в 12 километрах от Атаманово. Там было полно своих ссыльных, особенно много немцев и калмыков. Действовал лагпункт, где содержались заключенные.

Жилья – ни одного свободного метра. Стали рыть землянки. В похожей ситуации оказался и Виктор Александрович Гюнтер. Его выселили на Третье отделение. Он рассказывал: повезло тем, кого поселили в конюшню. Другим ничего не оставалось, как копать землянки, накрывать их жердями, сверху покрывать дерном. В лучших «апартаментах» были даже окна. Стекла, конечно, не достать, так затягивали проемы бычьими пузырями. Позже совхоз дал братьям Гюнтер горбыль, и они построили домик-засыпушку.

Большую группу ссыльных перебрасывают в северную тайгу – на сенозаготовительные участки 5-го отделения дома отдыха, которое только что организовали в Казачинском и Пировском районах.

Томского включают в первую партию, направляемую в Пировский район. Перевоску согласовывают с начальником управления МГБ по Красноярскому краю подполковником Гаменюком.

Виктор Адамович Гельвер, и поныне живущий в Шиле, рассказывал:

– Привезли людей в тайгу, выгрузили на поляне и уехали. А там одна-единственная избушка стояла. Начали шалаши строить, чтоб хоть какая-то крыша над головой была.

Гнус, мошка, комары заедали новоселов до смерти. На месте укусов насекомых появлялись язвочки, которые подолгу не заживали. Работа в лесу тяжелая. Сено

косили, сгребали и прессовали вручную. Было, правда, два колесных трактора с навесными орудиями. До конца навигации надо было заготовить тонны сухого корма. Возили тюки на пристань в Галанино, там грузили на баржи и отправляли в Дудинку.

«Мало слов, а горя реченька»

К 1 октября «десант» сенозаготовителей вернулся в Атаманово. Но проживать ему здесь нельзя. Органы МГБ начали перебрасывать ссылных в другие места. 9 октября 1951 года Томского уволили из «Таежного». Куда повела его дорога? ... Скитания по ссылкам закончились в 1956 году.

Об этом пишет в своей книге «Незабываемое» Анна Михайловна Ларина (вдова Бухарина):

«Жена Томского Мария Ивановна Ефремова старая революционерка-большевичка. После окончания срока заключения она вместе с сыном была отправлена в ссылку в Сибирь. После XX съезда вдова Томского написала бывшему Председателю ЦИКа Украины Григорию Ивановичу Петровскому, с которым когда-то отбывала царскую ссылку в Якутии, и попросила совета, стоит ли ей приехать в Москву, чтобы хлопотать о реабилитации и восстановлении в партии. Г.И. Петровский ответил: «К нам, старикам, теперь отношение изменилось, приезжайте».

Вскоре вдова Томского приехала в Москву и обратилась в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Там она была тепло принята, ей обещали восстановление в партии, квартиру в Москве, а также предоставили путевку в санаторий, куда посоветовали отправиться тотчас же, а затем оформить восстановление в партии. Вернувшись, она пошла в КПК, чтобы оформить уже решенный вопрос. Однако ей было заявлено, что В.М. Молотов воспрепятствовал восстановлению ее в партии, и приказано возвратиться в ссылку.

Кто-то из доброжелателей сообщил о случившемся Н.С. Хрущеву, и через несколько дней по его указанию М.И. Ефремовой была послана телеграмма о том, что первоначальное решение остается в силе и что она может вернуться в Москву. Телеграмма эта вдову Томского в живых не застала: сердце не вынесло последнего удара. В Москву возвратился лишь сын Томского Юрий, который и рассказал мне эту драматическую историю».

Мария Ивановна почти на 20 лет пережила своих старших сыновей. О ее жизни в ссылке ничего не удалось узнать. Вспоминаются некрасовские строки: «Мало слов, а горя реченька».

Прикован к постели

Единственный уцелевший член семьи «изменника родины» был лишен самого малого – не мог поклониться праху родных. Не нашел ни одной могилы, куда можно положить цветы.

Погребение отца было окружено почти мистической тайной. Сначала вдове сообщили, что захоронят мужа у Кремлевской стены. Тело Михаила Павловича

забальзамировали. Назавтра решение поменялось – по телефону назвали новое место – кладбище Новодевичьего монастыря. Еще через некоторое время сказали, что временно (?) похоронят на погосте поселка Болшево. Могилу же выкопали на территории дачи. Позже по чьему-то указанию тело было вырыто...

Как складывалась жизнь Томского после реабилитации? Вероятно, ему удалось получить образование. Более 20 лет работал в системе Министерства энергетики и электрификации СССР.

19 лет, проведенных в лагерях и ссылке, не прошли даром. В 1981 году Юрия Михайловича поразил инсульт, и остаток жизни он был прикован к постели. Скончался в 1997 году.

2016 год

Отклики читателей

Сколько людей ушло в неизвестность

В последнем номере газеты (№ 11 от 26 февраля) с большим интересом прочитала очерк Ольги Вавиленко о Юрии Томском «И все, казалось, не хватало стране клейменных сыновей». Некоторые места перечитывала дважды. Какая трагическая судьба у этой загубленной семьи. Пострадали без всякой вины. А сколько других людей ушло в неизвестность!

У Юрия Томского и других репрессированных жизнь могла сложиться совсем по-другому. Сколько пользы стране и народу они могли бы принести, если бы не стали жертвами произвола.

Не перестаю удивляться: как много талантливых людей отбывало ссылку у нас в районе, закладывало основы одного из лучших хозяйств Советского Союза и России – совхоза «Таежный».

Спасибо автору за глубокий, содержательный материал. Много труда им вложено для изучения судеб жертв политических репрессий.

Ольга ВОРОБЬЕВА

с. Высотино

газета «Сельская жизнь» 4 марта 2016 г.

Мы все храним фотографии Гюнтера

Начала читать материал Ольги Вавиленко «И все, казалось, не хватало стране клейменных сыновей» (№ 11 от 26 февраля) и не могла оторваться. На едином дыхании, до последней строчки. Потом еще раз взяла газету. Мой муж вообще три раза перечитал очерк. Очень интересно рассказано о полной драматических событий судьбе Юрия Томского.

А еще в материале встретилось много до боли знакомых фамилий, ведь мое детство и юность прошли на Третьем отделении совхоза «Таежный». Мои родители Антон Донатович Олехнович и Лидия Давыдовна (в девичестве Бауэр) тоже были незаконно репрессированы, отбывали на Третьем ссылку.

Вспомнились Дейснеры, Бетехтины, Гейнцы, Тарасовы, Гейдельбахи, Бондаренко, Горлицыны, Горбуновы. Даже одинокая женщина по имени Нонна. Го-

ворили, что она родом из Ленинграда. Очень доброжелательный, отзывчивый человек, по всей видимости, из хорошей семьи. Но незаконное осуждение, лагерь надломили женщину. Стала выпивать. Никто из односельчан не осуждал ее. Жалели. А вскоре заработанный в ИТЛ туберкулез до срока оборвал ее жизнь.

Но более всего в эти дни я вспоминаю семью Гюнтеров. Автор заметки «Я работал с Томским» Виктор Александрович был замечательным человеком. Умный, авторитетный, мастер на все руки. Владел фотоаппаратом. То, что у жителей есть семейные альбомы – исключительно его заслуга. Он всех фотографировал. Я бережно храню эти фотографии, ведь на них – дорогие мне лица. Особенно красив портрет моей сестры.

В той землянке, про которую вы пишете, Гюнтеры после того, как построили дом, устроили летнюю кухню. Жена Виктора Александровича тетя Маруся пекла там чудесные пирожки со свежей капустой, воздушные булочки, посыпанные крошкой, и щедро угощала нас, ребятишек. Очень доброжелательная, трудолюбивая была семья.

Валентина ФУКС (Олехнович), учительница Татарской школы

Две смены столяра Готфрида Руша

С большим интересом прочитала материал Ольги Вавиленко «И все, казалось, не хватало стране клейменных сыновей». Как много, оказывается, пострадало в годы репрессий невинных людей. Как жестоко с ними обошлись!

Разглядывая фотографии документов, размещенных в материале, в списке работников совхоза «Таежный», подлежащих перемещению из Атаманово на отделения, я увидела знакомую фамилию – Руш Готфрид Федорович. Из документа следует, что его перевели столяром на Третье отделение.

Я хорошо помню его. Еще бы! Ведь вся мебель, среди которой выросло не одно поколение нашей семьи, сделана его руками. Шифоньер, стол, буфет, детская кроватка-качалка, маслобойка, стульчик для малышей... Все изготовлено с любовью, красиво и прочно. Некоторые вещи служат нам до сих пор.

Помню, мы бывали у Рушей в гостях, они были нашими дальними родственниками. Готфриду Федоровичу выпала нелегкая судьба. Как и все на Третьем, он был выселен в Сибирь из Поволжья. Всю жизнь добросовестно работал в столярном цехе совхоза «Таежный». В выходные и по вечерам у него была вторая смена – неустанно делал мебель для родных, знакомых односельчан. В магазине тогда ничего купить было невозможно. Да и разве можно сравнить его добротные вещи со штампованными фабричными изделиями.

Тяжело заболела жена Готфрида Федоровича, тетя Марта. Ее парализовало. Восемь лет муж ухаживал за супругой. А ведь у них еще и слепая дочь Мария была, лишилась зрения в детстве из-за травмы. Все выдержал этот мужественный человек. На судьбу не роптал.

Лилия ПАРАМОНОВА,

д. Малиновка

Газета «Сельская жизнь» 11 марта 2016 г.

*Похороны В. И. Ленина. Слева направо: Л. Б. Каменев, М. П. Томский,
Я. Э. Рудзутак, В. М. Молотов, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин.*

*Томский Юрий Михайлович. Фото из
архива Красноярского «Мемориала»*

*Виктор Гюнтер с сыном Виктором.
Примерно 1958 г.
Фото из альбома В. В. Гюнтера*

НОРИЛЬСКИЙ ИТЛ и КОМБИНАТ МВД
СОВХОЗ „ТАЕЖНЫЙ“

ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК № 113

Разрешен вход на территорию производ-
ственной зоны

Кому Томский - Юрий
Михайлович

Выдан „22“ девр 1951 г.

Нач. ОК

[Handwritten signature]

*Имена рабочих совхоза «Таежный» неизвестны.
Мужчина у кабины (справа) очень похож на Томского.
Фото из архива Марьевых-Коняхиных*

СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА

1. Темский-Сурянов Юрий Михайлович
фамилия, имя и отчество

2. Год и место рождения 1921
г. Москва

3. Национальность русский

4. Родной язык _____

5. Знание иностранных языков и названий народов СССР
 Слабо Немецки
 Хорошо _____

6. Партийность:
 а) член ВКП(б) с 19 _____ г. №-б/ № _____
 б) член ВЛКСМ с 19 _____ г. №-б/ № _____
 в) член ВЛКСМ с 19 _____ г. №-б/ № _____

7. Состоял ли раньше в ВКП(б) и прочих партиях Нет

8. Состоял ли в других партиях (назвать, когда) Нет

9. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (назвать, когда) Нет

10. Имел или имеет партийное наказание (назвать, когда, за что) Нет

11. Привлекался ли к судебной ответственности (назвать, когда, за что) и решение суда:
в 1937 по ст. 58-17-8-11
ср. 10 мес. ар. в 1947

12. Социальное положение:
 а) по происхождению из рабочих
 б) по личному положению Мастер
 в) профессия Механик
 г) род занятий родителей до революции (назвать, где р-н) рабочие

13. Образование:
 а) общее Среднее
 высшее, среднее, низшее _____
 окончил _____
 б) школы и курсы Школа в 1947 Крос-индустрия

14. Служил ли в войсках или учреждениях боевых действий (назвать, где и в каких должностях) Нет

15. Был ли в плену, в окружении или интернированном во время империалистической или гражданской войны, а также в период Отечественной войны против немецких оккупантов, где, когда, при каких обстоятельствах, из какой части РККА попал в плен, окружение или был интернирован Нет

16. Проживал ли на территории белых (когда, где, и чем занимался) Нет

17. Был ли за границей Нет

18. Живет ли кто из родственников и родных (его и по линии жены) за границей (где, с какого время) Нет

19. Кто из его или жены родственников подвергался репрессиям (когда и за что) Мать Николая Марии в 1937 по ст. 58 ар. 10 мес

20. Работа в прошлом

Дата		Должность или выполняемая работа	Наименование учреждений, предприятий, воинских частей и органов НКВД - МВД	Местонахождение (город, район, какой области, края, республики)	М/В и дата призыва
вступления	ухода				
до 1937		Находился на иждивении родителей		г. Москва	
1937	1947	Отбывал срок наказания			
1947	1950	Смен. мастер текстильного комбината		г. Кемь	
		Ликв. бригаде			
до 1950	1951	Находился под следствием			
		Дом отдыха «Машинист			
до 1951	51	Машинист казенной ЧРМ			пр-л-3605: 28/11
		Сибирь-область			пр-л-98 от 15/11
1951	51	Заводчик	Л.Вотк.-1		пр-л-128 19/11
		Уволен по амнистии			доп от 14.8.51.

Секретно.

ЗАМ. НАЧ. УЧ. НАЧАЛЬНИКА КОРМАЦКОГО ИЛИ
И КОМ. НАЧА. МАЛ. ОБС. ПО КАРАМ.

ЗАМОЛОВАКУ ТОВА. МОРОЗОВУ

ЗАМ. НАЧ. УЧ. НАЧАЛЬНИКА НОРГИЛЬСКОГО ИЛИ
И КОМ. НАЧА. ПО ПОЛОВОЙ. ПРЕДПРИЯТИИ И БИТУ
КАНАЛАКУ ТОВА. ПАВЛОВУ

1/16
60.

КОПИЯ

На ВАШ М 3/23-2069. ОУ. 2-го. Кв. 12312.

Тупиковское отделение кадров Дома отдыха "Васильи", работников
переходящее отделение отдела роскома и организационной работы Норильско-
го ИЛД, после проведенной подготовительной работы с 18 мая 1957г.
рублики и масловку пере ознакомили конструкторов, специалистов, на
рублики и другие лица, имеющие паспортные организации, проживающих на
территории центральной усадьбы Дома отдыха "Васильи".

1.8 протесте проводимых мероприятий выданы акты подлинных
колонки - 240 чел. из них:

- а/Омских - 94 человека
  - б/Славяноземцев - 29 человек
  - в/Спецподполков /масловка/ - 57 человек
  - г/Иностранно-подлинных - 3 человека
  - д/Маслене паспортных организаций - 57 человек
2. На 22-е мая 1957г. переведены на отделение и форми Дома
оля "Васильи" 187 чел. из них:
- а/Омских - 85 человек
  - б/Спецподполков - 24 человека
  - в/Маслене /масловка/ - 49 человек
  - г/Иностранно-подлинных - 3 человека
  - д/Маслене паспортных организаций - 25 человек
  - е/Условно из всех категорий - 30 чел.

Всего - 217 человек
Значительное количество работников с окончанием срочных
паспортных переведено на 1-е отделение и форму "Заман" так например
всего отделение строителей, проектная группа, часть работников
и отделение инженеров, полностью подготовивший участок.
родство на отделение, форми "Заман" может быть признаны переводы,
либо в дальнейшем на лист личного учета в работе и временно отря-
на на туземной деятельности всего хозяйства.

В связи с таким составом положений на центральной усадьбе
высоко ценятся специалисты, проживающие как в ДР, ОУ
то в главной бухгалтерии не в состоянии обеспечить нормальную
ту, куда того возможно сроч или приостановка работ отдельных
производственных цехов и об"ектов.

Письмо в Норильский ИЛД.

- 31. КУТКИН Георгий Селеверстович 2 отд. Моторным
- 32. НАУМ Иван Абрамович 2 отд. Рабочий
- 33. КРИЦОВ Яков Михайлович 4 отд. Рабочий
- 34. КОЛОДКОСКИЙ Лиган Самсонович 2 отд. Моторист том
- 35. КРИДЬ Виктор Георгиевич 1 отд. Рабочий
- 36. КНОПКО Александр Алексеевич 3 отд. Рабочий
- 37. КУТЮШИН Василий Григорьевич 2 отд.
- 38. КУРЮШИН Яков Андреевич 3 отд. Рабочий
- 39. МАЙЕР Оскар Эмануилович 3 отд. Рабочий
- 40. НИКИТИН РОДОНОВИЧИЙ КОСТАНТИН Засильевич 1 отд. Рабочий
- 41. ОПС Роберт Романович 2 отд. Рабочий
- 42. ОЗОН Фридрих Яковлевич 1 отд. Рабочий
- 43. ОМОНОВИЧ Виктор Семенович 1 отд. Рабочий
- 44. ПАСАЛИ Корнилий Николаевич 1 отд. Рабочий
- 45. ПУГАЧЕКО Иван Афанасьевич 1 отд. Рабочий
- 46. РЕШТОИДИ Гулар Адамович 1 отд. Рабочий
- 47. РУЕ Готфрид Федорович 1 отд. Рабочий
- 48. РАШЕВИЧ Григорий Эгорович 3 отд. Столяр
- 49. СЕКОЦКИ Григорий Эгорович 3 отд. Рабочий
- 50. САЛОННИКОВ Илья Львович 1 отд. Инж. конструктор
- 51. ТРАЩИН Давид Александрович 2 отд.
- 52. ЧЕКИСКИЙ-ВЕРБОВ Юрий Михайлов. 2 отд. Рабочий
- 53. ЧЕКИСОВИЧ Артем Яковлевич 1 отд.
- 54. ЧИКИН Анатолий Михайлович 1 отд.
- 55. ГРИБИЦ Эмануил Христианович 3 отд. Пофром
- 56. ЗЕРБ Андрей Давидович 3 отд. Пофром
- 57. ЗУХОВИЧКО Николай Семенович 1 отд. Пофром

--- ОТДЕЛЕНИЕ СТРОИТЕЛЕВ ---

- БАГУЕ Яков Павлович 1 отд. Рабочий
- БАКАИ Иван Семенович 1 отд. Столяр
- ВЗЕРБ Генрих Давыдович 3 отд. Кузнец
- ВАЛДЕРОВА Марьяна Марьямовна Сами Тех. конструктор.
- КОЛОДКОСКИЙ Лиган Самсонович 2 отд. Моторист том
- КУТЮШИН Василий Григорьевич 2 отд. Рабочий
- КУРЮШИН Яков Андреевич 3 отд. Рабочий
- МАЙЕР Оскар Эмануилович 3 отд. Рабочий
- МАЙЕР Александр Андреевич 3 отд. Столяр
- МАЙЕР Эмануил Андреевич 3 отд. Столяр

Список работников, подлежащих переименованию
из Атаманово на Второе отделение.

Фамилия как приговор

Они встретились на самом краю Земли – на ледяных просторах Колымы.

Я не могу знать, в каком году и где именно произошла эта встреча.

Они были очень разными.

Ее эта встреча вернула к жизни, для него могла стать роковой.

Он – вольнонаемный врач. Она – узница ГУЛАГа.

Между пяти морей

Их пути никогда бы не пересеклись, если б в Колымском крае не открыли богатейшие месторождения золота и других полезных ископаемых.

А поскольку на этой «чудной планете» с 50-градусными морозами практически не было коренного населения, то по решению Центрального комитета партии осваивать природные богатства надлежало многотысячным армиям заключенных. Первый этап прибыл в бухту Нагаева в 1932 году. Никто из первопроходцев: «зэков», охранников и овчарок не выдюжил колымской зимы. Из этапа следующего года выжил каждый 50-й. И в последующие годы в колымских лагерях оставалась самая высокая смертность.

Для промышленного и дорожного строительства, а также разработки недр с добычей и обработкой всех полезных ископаемых создали трест, получивший поэтическое название «Дальстрой», позже ставший Главным управлением строительства Дальнего Севера НКВД СССР.

Год от года росли его владения, пока не достигли гигантских размеров. В пору наивысшего расцвета территория «комбината особого типа» достигла 3 млн кв. км. Огромная часть суши, омываемой пятью морями – Охотским, Беринговым, Чукотским, Восточно-Сибирским и морем Лаптевых. Она включала в себя всю нынешнюю Магаданскую область, Чукотский национальный округ, часть Якутии, Хабаровского края и Камчатской области, несколько населённых пунктов Приморского края.

Подумать только, единственная организация безраздельно властвовала на одной седьмой части всей территории СССР.

Главной рабочей силой были заключенные Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря (Севвостлаг, СВИТЛ). Но специалистов катастрофически не хватало.

Империя испытывала острую нужду и в медицинских кадрах. По доброй воле на Колыму мало кто стремился. А осужденные врачи не могли заполнить все вакансии. Поэтому из Москвы во все регионы необъятного Советского Союза ушла директива: набирать медицинский персонал для Дальстроя.

Смелые и мужественные люди решились на переезд в дикие края, за реку Лену. Кто добровольно, кто добровольно-принудительно.

Так на побережье Охотского моря оказался врач Муса Рустамович Джафаров.

«А жизнь короче тропы к бараку...»

1 июля 1939 года он приплыл по Алдану в крохотный поселок Хандыга Якутской АССР. 500 километров от Якутска, более 10 000 – от родного дома. Ни единой дороги на тысячи верст.

Собственно поселка тоже не было. На берегу реки стояло несколько палаток. Заключение начали рубить лес для строительства барачков и бани. Им предстояло строить автодорогу от Алдана до Оймякона.

Джафарова назначили начальником санчасти санотдела Автомобильного управления дорожного строительства (АУДС) Дальстроя.

Он лечил рабочих и служащих, их семьи, немногочисленных аборигенов, а также заключенных. Спас много жизней. Но был бессилён перед пеллагрой (авитаминозом), дистрофией, отморожениями. По отдельным лагерям смертность от пеллагры достигала 90 процентов. В экстремальных климатических, ужасных бытовых условиях, при скудном питании любая болезнь, будь то обычная простуда или цинга, оказывалась смертельной. Даже физически здоровые заключенные за 2–3 месяца работы на рудниках или строительстве дороги (на свежем воздухе) превращались в доходяг. «А жизнь короче тропы к бараку...»

В Хандыге дислоцировался исправительно-трудовой лагерь Алданского дорожно-строительного управления. Содержалось более 7000 заключённых. Может быть, среди них и была Берта Самойловна Левина?

В 1942-м у нее заканчивался срок. С замиранием сердца отсчитывала дни. Но 4 мая 1942 года в лагерь пришла шифрограмма от начальника политического управления, дивизионного комиссара И.К. Сидорова: в соответствии с директивой народного комиссара тов. Берия... в целях обеспечения Дальстроя недостающей рабочей силой все освобожденные из лагеря заключенные будут оставлены в Дальстрое на положении вольнонаемных рабочих и служащих без права выезда до окончания войны...

Это правило распространялось и на вольнонаемных. Джафарову тоже путь домой был заказан.

В Хандыге Джафаров проработал четыре года.

В войну амбулатории и врачебные кабинеты совсем обезлюдели. Фронт забрал врачей, фельдшеров, медсестер. Поступление кадров с «материка», как и завоз лекарств, медицинского оборудования, были резко ограничены. А ведь Дальстрой имел к началу войны 59 больниц.

Медиков катастрофически не хватает. В середине июля 1943 года Джафаров попадает в сануправление Севвостлага. Оно обслуживает огромную территорию в несколько Франций: рудники, прииски, шахты, строительные, транспортные, лесозаготовительные участки, рыболовные промыслы, речные и морские порты.

Приходится постоянно переезжать с места на место. Его командировали сначала в поселок Мякит, потом в Адыгалах, в поселок Озерная.

Дитя Колымы

Скорее всего они познакомились в лагерной больнице. Берта ведь тоже была

врачом, хоть и из категории отверженных. К сожалению, мне не удалось установить места работы Б.С. Левиной.

Общение с «врагом народа» вольнонаемному начальнику санчасти не сулило ничего хорошего. В лучшем случае грозило потерей должности, в худшем – реальным сроком. Подобным случаям несть числа.

В Дальстрое, как и во всей стране, не прекращались репрессии, связь с «контрреволюционным элементом» каралась строго. Особенно ужесточился режим содержания заключенных с 1937 года. На протяжении 10 лет Колыму сотрясали массовые повторные осуждения и расстрелы.

Но подлинные, глубокие чувства сильнее инстинкта самосохранения.

В неимоверно тяжёлых условиях Колымы рядом со страданиями и смертью шла и обычная человеческая жизнь: люди влюблялись, создавали семьи, рожали детей.

В поселке Озерная Муса Рустамович служит начальником санчасти отдельного лагерного пункта больше года.

Вероятно, с Бертой Самойловной они уже одна семья. В 1944 году случилось чудо – у них родилась дочь Валентина. У обоих это первый ребенок. Отцу 45 лет, мать на 7 лет моложе. Оба души не чают в дочурке.

Она как Божий дар. Маленькое солнышко в суровом краю. Награда за все испытания.

С этого дня в ней весь смысл жизни. И одно стремление – как можно быстрее вывезти дитя из гибельного края.

Но пока не закончилась война, о дороге на материк не может быть и речи.

Кто ждет их там?

Родителей Берты уже нет на свете. Отец Самуил Ионович Левин скончался в голод 1932 года. Мама Вера Моисеевна умерла на второй год войны, когда Берта была на Колыме.

Ехать можно было только в Азербайджан, к маме Мусы Рустамовича. К счастью, она еще жива.

Муса с большим уважением и любовью рассказывал о своих родителях.

Надежды родителей

Он родился 25 января 1899 года в Баку. Отец Рустам Джафарович имел одну лошадь и арбу, с помощью которых добывал пропитание для семьи, где кроме жены и сына жили его родители, брат и две сестры. Позже поступил рабочим на нефтяной промысел, стал бригадиром. Когда в Азербайджане установилась советская власть, Джафаров-старший перешел в «Азнефть» на должность экспедитора. Умер в 1936 году в возрасте 74 лет.

Родители мечтали дать единственному сыну хорошее образование. Он оправдал их надежды. После окончания мужской гимназии поступил на медицинский факультет в только что учрежденный парламентом республики Бакинский государственный университет.

В 1924 году заболел отец, денег в семье стало не хватать, и сын на время оста-

вил университет, начал работать субординатором госпитальной терапевтической клиники учебного заведения.

Тем временем в университете обязательным предметом ввели азербайджанский язык. Муса окончил русскую гимназию и родным языком владел плохо. По этой причине не мог продолжать учебу в университете. Неужели четыре года учебы пропали зря?

Но республика нуждалась в квалифицированных кадрах. Комиссариат народного просвещения направил молодого человека на 5-й курс медицинского факультета Северокавказского государственного университета, находящегося в Ростове-на-Дону. Азербайджанскому студенту назначили государственную стипендию.

В декабре 1926-го он выдержал испытания Государственной квалификационной комиссии и, к великой радости родителей, получил диплом врача.

Наркомат распределил выпускника в санитарный отдел Северокавказской железной дороги. На магистрали все находилось в движении. Врачебные кадры – тоже.

Лечебный врач, начальник участка санитарных отделов города Сальска, станций Невинномысская, Беслан, Петровская, Крыловская, начальник лечебного учреждения на Тихорецкой – столько разных мест за 13 лет службы.

Фамилия как приговор

Судьба Берты Самойловны оказалась гораздо трагичней. Только детство и молодость были счастливыми. Она родилась в 1906 году в белорусском городке Полоцке, в семье служащего. Прекрасно училась, без труда поступила в высшее учебное заведение.

Окончила мединститут в Ленинграде. Ее приняли на должность рентгенолога в онкологический институт. Вышла замуж за Стефана Григорьевича Радомысльского.

...Сразу ли она решилась сказать Мусе, кем был ее первый муж? Ведь ей приходилось скрывать от окружающих свое родство с громкой фамилией, которая звучала как приговор.

Стефан Радомысльский родился в Женеве, когда его родители жили в эмиграции вместе с Лениным. Он был единственным сыном известного революционера Григория Евсеевича Зиновьева (настоящее имя Овсей-Гершен Аронович Радомысльский) и его второй жены Златы Ионовны Лилиной.

Зиновьевы были дружны с Ульяновыми. Владимир Ильич и Надежда Константиновна очень любили Стефана. В одном документальном фильме утверждается: хотели даже усыновить его, так как были бездетной парой. Но родители не отдали мальчика.

Из эмиграции в 1917 году Ульяновы и Зиновьевы возвращались в одном вагоне. Несмотря на некоторые разногласия, Зиновьев был близким и самым давним соратником вождя, занимал очень высокое положение на партийном Олимпе. Член Политбюро ВКП(б), один из создателей Коминтерна. Неудивительно, что в 1924 году его родной город Елизаветград был переименован в Зиновьевск.

Все изменилось после того, как к власти пришел Сталин. Зиновьев слишком хорошо знал натуру нового генерального секретаря. В декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) вместе с Каменевым от имени «новой оппозиции» выступили против Сталина. Попытались ограничить власть диктатора. И вскоре поплатились за это.

Григория Евсеевича неоднократно арестовывали, исключали из партии, восстанавливали в ее рядах и снова арестовывали.

Стефан и Берта, скорее всего, познакомились в Ленинграде. До 1926 года Зиновьев руководил Петроградским Советом. Но вскоре он был лишен этой должности, как и руководства исполкомом Коминтерна. Его вывели из состава Политбюро. В 1928 году Зиновьева восстановили в партии, назначили ректором Казанского университета. В конце 1932 года вновь исключен и выслан.

В 1933 году восстановлен в рядах ВКП(б) и направлен на работу в Центросоюз. В очередной раз Зиновьева забрали 16 декабря 1934 года и осудили на десять лет тюрьмы по сфальсифицированному делу «Московского центра».

24 августа 1936 года Зиновьев был приговорен к высшей мере наказания по делу так называемого «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». На следующий день расстрелян в Москве.

Его сыну предложили выехать из Москвы. Вместе с женой он поселился в Крыму, в городе Керчь.

Стефана Григорьевича Радомысльского арестовали через восемь дней после казни отца, 3 сентября 1936 года.

27 февраля 1937 года пришли за его женой Бертой Самойловной. Единственная вина в том, что невестка «троцкиста» и «шпиона». Дали 5 лет.

Вряд ли она знала, что дни мужа уже сочтены. Стефана обвинили в антисоветской террористической деятельности. 7 марта 1937-го Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла смертный приговор. Назавтра молодой человек был расстрелян и похоронен на Донском кладбище в общей могиле.

Его вдову ждал долгий и тернистый путь.

...Этап казался нескончаемым. Через всю страну несчастных женщин – членов семей изменников родины – везли в самое гибельное место – на Колыму.

В Магадан Берта Самойловна прибыла на печально известном пароходе «Джурма». С корабля – в лагерь. После субтропиков Крыма – в экстремальные условия Колымского края.

Полюс холода

Надеялась ли она выжить? Тем более предположить, что на самом краю земли встретит свою судьбу? Вряд ли.

Муса Рустамович смог вдохнуть тепло и дать свет измученной душе. Возникли взаимные подлинные чувства. Он не побоялся жениться на женщине, которую отвергло общество.

То, что Берта Самойловна была невесткой Зиновьева, содержало большую угрозу для семьи Джафаровых. Но до поры до времени судьба берегла их от больших потрясений.

В 1944 году Мусу Рустамовича назначают доверенным врачом колымского окружкома «Золотопрофсоюза» и он переезжает (очевидно, с семьей) в Магадан. Но прожили в столице Колымского края год с небольшим. Джафарова направляют на новое место – в поселок геологов и горняков Нера (Усть-Нера). Приполярная широта. Вечная мерзлота. Белые ночи.

В Оймяконской долине находится знаменитый Полус холода. Она считается наиболее суровым местом на планете, где живут люди. По неофициальным данным, в 1938 году морозы в Оймяконе достигли -77,8 градуса.

На реке Нера заключенные добывают золото. В течение года Муса Рустамович заведует терапевтическим отделением райбольницы управления СВИТЛ НКВД СССР. По всей вероятности, живут всей семьей, с годовалой дочуркой. Наверно, в отдаленные командировки и отдельные лагпункты врач добирался на собаках или оленях.

Новое назначение. Семья перебирается в поселок Берелех. В долине рек Сусуман и Берелех с 1937 года идет добыча золота. В Сусумане дислоцируется Западное горнопромышленное управление (ЗГПУ), включившее в себя на тот момент 22 прииска. Джафаров – заведующий врачебным участком и амбулаторией санчасти ЗГПУ.

Это была последняя командировка.

После окончания войны трудовые ресурсы Дальстроя стали активно пополняться. Возобновился поток вольнонаемных. В 1945 году на Колыму завезено 16 тысяч заключённых (из них 5192 каторжника), 29 тысяч человек спецконтингентов – бывших советских военнопленных, а также депортированных немцев, финнов, румын, венгров, итальянцев. В этой пестрой толпе выделялись люди в иностранной форме – 4 тысячи плененных японцев.

К 1 января 1946 года в Дальстрое работает более 167 тысяч человек.

Кадровый голод, видимо, закончился, и 14 декабря 1946 года заявление врача об увольнении в связи с болезнью дочери, наконец, подписано.

Джафаровы отправляются на «материк», в Азербайджан. На память о Колыме у Мусы Рустамовича осталась медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой был удостоен за самоотверженный труд в тылу.

Каспийское море

В начале 1947 года они, наконец, сняли тяжелые полушубки. Сначала никак не могли привыкнуть, что, выходя из дома, не надо заматывать шарфом все лицо, оставляя щелочки для глаз. На Кавказе зимой самые большие «морозы» + 4–7 градусов.

Истосковавшаяся мама через 7 лет разлуки обняла Мусу, познакомилась с его женой, прижала к сердцу внучку.

Неиспользованные отпуска позволили «северянам» отдыхать пять месяцев. Пять счастливых беззаботных месяцев в благодатном краю. Летом купались в море, покупали виноград, груши, хурму, миндаль.

В мае Муса Рустамович устраивается врачом межрайонной санэпидстанции го-

рода Кировобада (Гянджи), вскоре его назначают заведующим эпидемиологическим отделом.

Лагеря, снега, бураны, казалось, навсегда остались в прошлом.

Но наступил 1948-й год. В стране начался новый виток репрессий.

В один из черных дней пришли за Бертой Самойловной.

И снова снега и морозы

Давно нет на белом свете политического деятеля Зиновьева, посмеявшегося поставить под сомнение гений отца всех народов. Но власть помнит его «злодеяния» (выдуманные ею же самой) и гоняется за остатками его поруганной семьи. Если уж не добить, то загнать в такие беспросветные дали, чтоб и следа не осталось.

Вновь арестовывают выживших в ссылках и тюрьмах родственников. Первую жену Григория Евсеевича Сарру Равич, профессиональную революционерку, члена РСДРП с 1903 года, и последнюю жену Евгению Ласман. Не поленились разыскать и невестку.

Берта снова оказалась в тюремной камере. Горько от чудовищной несправедливости, невозможности что-то изменить. Но самое невыносимое – тоска по маленькой дочери.

Судьба отпустила Джафаровым всего лишь год жизни в нормальных условиях. Муса Рустамович, наверное, теперь часами простаивает в тюремных очередях в надежде передать жене теплую одежду, продукты, коротенькое письмо.

Люди по-разному поступают, когда близкие попадают в беду. Не все, особенно мужчины, могут выдержать испытание горем. Сколько было разрушено семей в период сталинских репрессий! Женам, мужьям, детям «врагов народа» предлагали отречься от них. И случалось, супруги, прожившие много лет в любви и согласии, шли на это. Ведь оставшиеся на свободе родные легко могли оказаться за решеткой. Их детей ждал детдом. Тех же, кто отреклись, не трогали.

Кольма уже проверила на прочность чувства Мусы Джафарова. Для него, человека долга, мужчины, не существовало другой альтернативы, как разделить с женой выпавшие на ее долю испытания.

Мучительно тянулись дни. Хуже всего неизвестность. Муж не знал, какие обвинения предъявляются жене на этот раз. Что ждало их впереди? Дадут ли Берте Самойловне новый срок? Неужели снова страшные колымские лагеря? За что?!

Немало времени прошло, прежде чем стало известно, что жена отправлена на вечное поселение в Сибирь.

В ссылке – по доброй воле

...12 сентября 1949 года горздрав Красноярска принимает на работу нового главного врача санэпидстанции и старшего госсанинспектора Ленинского района по фамилии Джафаров. Очень при этом удивляется, по какой такой причине человек с благодатного Кавказа перебирается в суровую Сибирь.

Какие чувства испытала Берта, увидев родное лицо? Какими были первые слова?

Спустя девять месяцев, в конце июня 1950 года, в совхозе (доме отдыха) «Таежный» появляется новый начальник санчасти. Скорее всего, Атаманово определено Берте Самойловне как место поселения. Глянула она на окрестности и сердце сжало: снова колючая проволока, сторожевые вышки, лагерные бараки. Здесь им предстояло жить до самой смерти. Никогда уж не увидеть никаких других мест кроме холодного Енисея!

1 июля Муса Рустамович, как прежде на Колыме, заполняет уже знакомую анкету. Надо указать всех родственников, даже умерших. Кем были до революции, не служили ли в охранке, были ли репрессированы, проживает ли кто за границей?

Родственников у Мусы к этому времени не осталось, на днях умерла мама. У жены есть сестра, Татьяна Левина, 48 лет, и брат Лев, 45 лет. Оба инженеры, живут в Казахстане, в городе Чимкенте. Наверно, тоже немилосердная судьба забросила их из Европы в Среднюю Азию.

Бумаги оформлены, идет знакомиться с коллегами. Удивляется, насколько высок их профессиональный уровень. Он еще не знает, что все они «повторники». Отбыли сроки по 58-й статье, теперь, как и его жена, отправлены в бессрочную ссылку.

До Джафарова обязанности начальника санчасти исполняла Матильда Тихоновна Кривошеева. Вскоре из отпуска вернулась врач амбулатории Маргарита Александровна Мегежекская. Зубным врачом работал Залман Аронович Фитерман. Правда, у некоторых «преступников» и статей-то нет, сосланы по национальному признаку. Калмык Юленч Семенович Эренцов окончил Московский университет, работал в Боткинской больнице. А теперь вместе с коллегами жил под надзором комендатуры. Медсестры и фельдшеры были тоже ссыльными. Немало среди них уроженцев Прибалтики, Польши, Республики немцев Поволжья – фельдшер первого отделения Ядвига Георгиевна Янчевская, медсестры Она д. Клеменсо Богушите, Юдася Эфроимовна Флам, Лея Давыдовна Романовская.

Потянулись дни. Муса Рустамович постоянно в разъездах. Под его началом большое хозяйство – стационар, амбулатория, медпункты на четырех отделениях совхоза «Таежный», ферме «Саман», а также аптека, лаборатория. А с открытием сезона в пионерском лагере и доме отдыха численность обслуживаемого населения заметно увеличивалась.

Начальник санчасти одновременно и врач 25-го лаготделения Норильского ИТЛ. Нужно следить за физическим состоянием контингента. В условиях тесноты и скученности в бараках в любой момент могут вспыхнуть эпидемии. Особенно часты заболевания кожи и подкожной клетчатки. Необходимы постоянные осмотры. Врачи обязаны проверять, не выводят ли заключенных на работу в активированные дни, когда мороз ниже 40 градусов. Есть ли одежда по сезону, отремонтированы ли ветхие бушлаты и дырявая обувь.

Предписания на этот счет постоянно нарушались. Нередко случались отморо-

жения и производственные травмы. Иногда рабочие повреждали руки просто потому, что не было элементарных верхонок.

Лекарств не хватает, медикаменты приходят из комбината от случая к случаю. Особенно в дефиците пенициллин, стрептомицин, сульфаниламиды, их не бывает по несколько месяцев. Приходится выпрашивать в аптеках Красноярска, но редко что-то удается получить там, так как аптекоуправление не выделяет фонды «чужим», у подразделений Норильлага – свое ведомство. В Сухобузимской районной больнице тоже считают работников «Таежного» иногородними и в стационар не принимают.

А в санчасти «Таежного» порой не хватало даже перевязочных материалов. Спасали положение лишь умение, богатый опыт и талант ссыльных докторов.

Медицинские работники следили за здоровьем школьников, делали прививки. А еще в их обязанности входил контроль за санитарным состоянием центральной усадьбы, жилых помещений, лагерной зоны, лагкомандировок.

Особые заботы Джафарову доставлял дом младенца. Его начали строить в августе 1950 года. К тому времени в Атаманово уже была женская зона. Новорожденные и грудные младенцы некоторое время находились в лагерях вместе с матерями.

В начале 1951 года дом младенца был введен в эксплуатацию. Муса Рустамович начал набирать штат. Из вольнонаемных нашелся только один врач – выпускница Красноярского мединститута Надежда Лобанова, жена репрессированного архитектора Николая Николаевича Тороцко, и медсестра-воспитательница Мария Ивановна Пешкова. Остальной медперсонал пришлось искать среди заключенных. В лагерях взяли трех медсестер – Клавдию Васильевну Костерину, Дануте Энзулайтите, Стефанию Ауштравиче, а также женщин на должности нянь, сестры-хозяйки, истопника. Получилось, что из 14 работников дома младенца 10 были заключенными.

Видимо, большинство осуждены за политические преступления. Как, например, литовка Стефания Ауштравиче. Она родилась в Ковельской губернии в 1913 году. Очевидно, в 1941 году депортирована в Сибирь. А в 1943-м Алтайским крайсудом за антисоветскую агитацию приговорена к 10 годам заключения и 5 – поражения в правах. Срок отбывала на одном из лагпунктов «Таежного». Имела медицинское образование.

Я не нашла сведений, где работала Берта Самойловна. Но, без сомнения, каждый месяц она проходила унизительную процедуру отметки в спецкомендатуре. И несмотря на то, что муж ее был уважаемым человеком, исцелял людей, в отделе МГБ относились к ней как к преступнице. Она не имела права и шагу ступить с места поселения.

Наверное, так бы и жили Джафаровы в Атаманово, если б не попало это село в число режимных местностей. В связи со строительством на правом берегу Енисея комбината по производству начинки для атомного оружия (ныне Горнохимический комбинат г. Железногорска) в приенисейских селах начались чистки. Всех, имеющих паспортные ограничения, надлежало выселить. В это число попала и Берта Самойловна Левина-Джафарова.

В медсанчасти предстояло заменить почти весь состав, 17 человек из 19, абсолютно всех врачей, большинство фельдшеров и медсестер.

Муса Рустамович передал дела исполняющему обязанности начальника санчасти фельдшеру И.Г. Биденко и уехал в Красноярск, в распоряжение крайздрави.

Держась за руки

В истории этой семьи больше всего меня потрясла мужская преданность. Не зря говорят: верность – это то, без чего не бывает настоящей любви. Как бы ни была трудна судьба Берты Самойловны Левиной, ее не обошло счастье. И заключалось оно в надежном плече спутника жизни. И в горе, и в радости Джафаровы шли, держась за руки.

Мне не удалось выяснить, как дальше сложилась их жизнь. Скорее всего, в 1954-м или в 1955-м Берту Самойловну освободили от спецпоселения, и Джафаровы уехали из Сибири.

На сайте красноярской организации общества «Мемориал» есть информация, что Берта Самойловна работала с мужем в с. Павловщине Сухобузимского района. Соответствует ли это действительности? Спрашивала об этом у старожилов села – никто не помнит такую фамилию.

На сайте сообщалось, что Левина-Джафарова активно работала в обществе «Мемориал», умерла она в Москве в 1993 году.

В интернете на сайте выпускников Первого Московского медицинского института имени И.М. Сеченова 1968 года я нашла в списке имя Джафаровой Валентины Мусаевны.

Может быть, это дочь героев моего очерка? Совпадает имя, отчество и фамилия, соответствует и возраст. Написала письмо участникам группы. Но ответа не получила, а теперь и сайт этот исчез.

Если кто-нибудь знал семью Джафаровых – откликнитесь!

2016 г.

Отклики на очерк «Фамилия как приговор»

Очерк «Фамилия как приговор» был опубликован в газете «Сельская жизнь» и на ее сайте. Через полтора года на сайт газеты пришел отклик на эту публикацию от Елены Аиповой из Хакасии:

«Берту Самойловну и ее мужа помнит моя мама, они, действительно, жили в Павловщине».

Связались с Еленой Аиповой. Она как раз находилась в гостях у своей мамы, Нины Ивановны Лукьяновой, проживающей в Хакасии.

«Моя мама родилась в 1937 году. Ее отец ушёл добровольцем на фронт, воевал в 78-й Добровольческой бригаде и погиб в 1942 году.

Фамилию Берты Самойловны и её мужа мама не помнит, но жили они в одном доме, в соседней квартире. На тот момент маме было 14 лет. Жили на берегу Бузима, в Павловском затоне, его еще называли Стройучастком. Павловщина – это деревня в паре километров от них.

Мама помнит дочь Джафаровых Валю примерно 7-летней. Она была не родная Джафарову, этого никто не скрывал.

Берта Самойловна работала в больнице. Моя бабушка Лукерья Андреевна тоже у неё лечилась. А Джафаров занимался вопросами обеспечения, часто ездил в Красноярск, доставал все, что нужно было больнице. Рассказывая об этом, смеялись, говорили: он в одни двери – ему отказ, он – в другие, пока не добьётся своего. Кричали: да дайте уже, что ему нужно. С пустыми руками не возвращался.

Мама помнит, как ходила к соседям в гости, в праздники или просто так. Берта Самойловна ставила пластинку с музыкой. Однажды все танцевали, веселились, а она вдруг заплакала...

Жила у Джафаровых помощница по хозяйству, девушка полячка, звали её Аннушка, или Аннушка-ханум. Я думаю, что это Джафаров мог так её называть.

У нас есть её фотография с подписью и датой – 1952 год. Фотографии Джафаровых у нас нет.

Ссылных было очень много, они постоянно менялись, жители относились к ним хорошо. Люди были все интеллигентные, грамотные. Многие после освобождения уехали, но, возможно, кое-кто остался в Затоне. Наша бабушка умерла в 1994 году, она много рассказывала о своей жизни. Ссылные часто квартировали у неё дома, были и врачи».

Надо ли говорить, как важно было сообщение Елены Аиповой. Спасибо ей большое. Ее письмо побудило возобновить поиск.

Линейная больница Павловского затона относилась к Енисейскому водному отделу здравоохранения, позже она вошла в состав Федерального Сибирского научно-клинического центра ФМБА России.

Сделала запрос в Енисейское пароходство. Спасибо сотрудникам: реакция была мгновенной. Уже на следующий день позвонила главный специалист по вопросам архива Сухобузимского района Л.А. Благодатская и сообщила, что книги приказов по личному составу Павловской линейной больницы за 1950-е годы хранятся в Сухобузимской райбольнице.

И вот две тоненькие папочки у меня на столе. Листаю первую (Ф18., Оп.2, Д.328) и почти сразу нахожу искомое. Приказ № 19 от 12 сентября 1951 года: «На основании приказа начальника Енисейского водздравотдела от 30 августа 1951 г. за № 58 главврач Павловской больницы Втюрина Л.И. сего числа согласно акту от 10, 11, 12 сентября сдала больницу и амбулаторию вновь назначенному главврачу Джафарову М.Р.».

Следующие приказы уже подписывает Муса Рустамович. 28 сентября 1951 года он утверждает новый штат больницы. В нем 25 единиц: три врача, два фельдшера, четыре медсестры, санитарки, завхоз, повар, дезинфектор, прачка, акрихинизатор, коннох-возчик и сторож. Позже, с 1 февраля 1952 года, ввели еще ставку помощника эпидемиолога.

Читатель помоложе, наверно, удивится: что за специальность такая – акрихинизатор. Зато ее отлично объяснят люди старшего поколения. Они помнят, как в войну и после нее свирепствовала малярия. Условия жизни в Павловщине, как и в других енисейских селах, в 1950-е все еще тяжелые. Многие живут в бара-

ках, приспособленных помещениях и даже в землянках. А эти места очень удобные для залета малярийных комаров.

Малярию лечат препаратом, который называется акрихин. Акрихинизаторы ходят по домам, дают жителям таблетки. Поскольку акрихин окрашивает кожу и слизистые в желтый цвет, проконтролировать прием лекарства несложно.

Подворные обходы регулярно совершают и другие медики, в том числе врачи. Муса Рустамович приказом всех сотрудников закрепил за определенными участками. Сам обслуживает деревню Павловщину, Берта Самойловна прикреплена к стройучастку.

Доктора и средний медперсонал занимают, как правило, не одну должность. Берта Самойловна, хирург-гинеколог, по совместительству педиатр. При больнице действуют стационар, амбулатория, аптека.

В Павловском судоремонтно-отстойном пункте есть свой здравпункт. Как только начинается подготовка к ледоходу, здесь устанавливается круглосуточное дежурство персонала для своевременного оказания медицинской, лечебной и скорой помощи. Ведь во время ледохода в Затоне нередко происходят ЧП, случаются производственные травмы.

Судоремонтно-отстойный пункт действовал в Павловщине с 1934 года. Енисейская протока, в которую впадает Бузим, оказалась очень удобной для зимовки и ремонта судов. Позже здесь насыпали прекрасную дамбу. Енисейское пароходство начало строить мастерские и поселок речников. Сначала появился металлообрабатывающий цех, потом литейный, деревообрабатывающий. В военное и послевоенное время строительство приостановилось. Но в то время, когда Джафаровы приехали в Павловщину, строительство производственных зданий, жилья, социальных объектов шло полным ходом.

Небольшой коллектив больницы оказывает повседневную медицинскую помощь и населению: доктора лечат заболевания, делают операции, принимают роды, борются с инфекционными и паразитарными заболеваниями, следят за здоровьем детей.

Как рассказывают старожилы, медицинские работники беззаветно служили людям, не жалея своих сил, не считаясь со временем. Немало спасенных жизней до сих пор хранит народная память.

Муса Рустамович, кроме организационной работы, лечебного дела, обеспечивает снабжение учреждения медикаментами, оборудованием, питанием, поэтому часто ездит в командировки в Красноярск. С марта 1952 года больницу перевели на самостоятельный баланс.

Берта Самойловна работает в стационаре, ведет прием в поликлинике, совершает подворные обходы строящегося поселка. При этом по-прежнему состоит на учете в спецкомандатуре, каждый месяц отмечается там, не имеет права отлучаться с места поселения.

Больница располагает собственным транспортом. Но каким! Имя ему – Карька, а может, Гнедой или Серый. Главный врач заботится и о сохранности лошадей, добывает для них корм. Видимо, и в командировки ездит на гужевом транспорте. Судя по книге приказов, поездка в Красноярск, в водный здравотдел занимает 7–8 и даже 11–13 дней. С годовым отчетом руководитель уезжает на 10

дней, в райцентр Сухобузимское, в аптеку, банк или райисполком – на 3 дня. За себя всегда оставлял Берту Самойловну.

Иногда больных везли из Павловщины в Енисейскую бассейновую больницу. Может быть, на попутном транспорте Затона, а может быть, обходились гужевым.

На конной повозке врачи ездили на экстренные вызовы.

Время от времени на основании решений райисполкома медиков направляли на помощь колхозу «Путь Ильича», например, на хлебоуборку. А еще сотрудники занимались заготовкой овощей для стационара, сами делали текущий ремонт зданий.

Кажется, имелась при больнице и своя корова. Во всяком случае, в одном из приказов главврача можно прочесть о том, что санитарке поручается ухаживать за коровой, а конюху – обеспечивать учреждение водой.

В поселке речников и Старой Павловщине жило немало политссыльных. Скорее всего ссыльнопоселенцами были врачи Ц.Р. Явич, Н.А. Варнек, Гершкович, С.П. Просунко, завхоз А.Д. Зырянов.

С сентября 1951 Джафаровы работают в Павловщине без отпусков.

26 мая 1953 года Муса Рустамович по приказу начальника Енздравотдела сдает больницу вновь назначенному главврачу А.В. Гладкову.

Получил ли новое назначение, или органы надзора опять перемещают на другое место жительства «опасного преступника» Джафарову-Левину – неизвестно.

Куда дальше лежал путь врачей Джафаровых, выяснить не удалось.

Но зато пришел ответ на запрос из Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Заведующая архивом истории ГУЛАГа Алена Геннадиевна Козлова отправила мне скан заявления Б.С. Джафаровой с маленькой фотографией. Оказывается, наша «сибирячка» 20 июня 1990 года вступила в это общество. Берте Самойловне было в то время уже 84 года. Она жила в Москве, на улице Вавилова. В заявлении указала, что репрессирована дважды, первый срок с 1937 года отбывала на Колыме – пять с половиной лет. Реабилитирована сначала по второму делу – 4 апреля 1956 года Верховным судом Азербайджанской ССР, а по первому – только 16 января 1989 года Прокуратурой Союза ССР.

...В июле 1993-го ее не стало. Ушла на 86-м или 87-м году жизни.

2017 год

Прошло два года. И вновь на сайте газеты «Сельская жизнь» появился удивительный отклик на очерк «Фамилия как приговор». Он пришел из Израиля и был очень коротким: «Залмен Аронович Фитерман – мой дедушка».

Рассказ о незаконно репрессированном преподавателе института, враче З.А. Фитермане – в очерке «Окно в ночи».

За очерки «И все, казалось, не хватало Стране клейменных сыновей», «Фамилия как приговор» автору присуждена победа в конкурсе журналистских работ «Енисей. РФ-2016» в специальной номинации «Гражданская позиция».

1951 год . Атаманово. Справа налево:
Валя Джафарова, Оля Фитерман, Галя Кузнецова.

1951 год . Атаманово. Валя Джафарова (у пианино) и Оля Фитерман фото из альбома Ольги Фитерман. США.

249 **СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА**

1. Атаманов Муса Руатамович

2. Год и место рождения 1899 год 25 Января г. Баку Аз. С. Р.

3. Национальность Азербайджанская

4. Родной язык Азербайджанский

5. Знание иностранных языков и языков народов СССР Слабо
Хорошо Русский

6. Партийность:

а) член ВКП(б) с 19 ___ г. п-б. № ___

б) член ВЛКСМ с 19 ___ г. п-к. № ___

в) член ВЛКСМ с 19 ___ г. ___

Партийный

7. Состоял ли раньше в ВКП(б) и партии, выбыл ли не состоял

8. Состоял ли в других партиях (назвать, когда) нет

9. Были ли колебания и проводили ли выходы из партии и участвовал ли в оппозициях (назвать, когда) нет
не участвовал

10. Имел или имеет партинтересы (назвать, когда, за что) нет

11. Принадлежал ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решению суда нет

12. Социальное положение:

а) по происхождению из рабочих

б) по личному положению служащий

в) профессии врач

г) род занятий родителей до революции после рев. рабочий
дворник

13. Образование:

а) общее высшее

б) специальное Медицинский факультет
Бакинского университета
в 1928 году в Петербурге

б) школы и курсы МЭД нет

14. Служил ли в войсках или учреждениях беззачетным (когда, где и в каких должностях) не служил

15. Был ли в плену, в окружении или интернированным во время империалистической или гражданской войны, а также в период Отечественной войны против немецких оккупантов, где, когда, при каких обстоятельствах, из какой части РККА попал в плен, в окружение или были интернированы нет

16. Проживал ли на территории беззачет (когда, где, и чем занимался) нет

17. Был ли за границей нет

18. Живет ли кто из родственников и родных (его и по линии жены) за границей (где, с какого врем.) нет

19. Кто из его или жены родственников подвергался репрессиям (когда и за что) жена Левина-Кожарова, б. с.
в 1947. спецпереселенка.

Служебная карточка Джафарова М.Р. от 28 июня 1950 года. Дом отдыха «Таежный».

1950-е годы. Больница в Атаманово.

Атаманово сегодня. Фото Марии Деминой

В орг комитет
Общество "Мемориал" I
г. Москва

Имя: Джафарова
Берта Самойловна
1986 г. р. м. г.
г. Ростов
г. Москва

2130

Завялики
Страну крепят семьи в
Общество "Мемориал".

Было репрессирована в
1937 г. - отбыла срок 5 1/2 лет на
1937 г. Рязань.

Реабилитирована 16 января 1989
Прекращены ссылки сср №10/Д-266

Была повторно репрессирована
11/11/1949 и реабилитирована
4/сентябрь 1956 Верховный суд РСФСР

Dzhaferova
На обороте

28/марш
1990 г. г. г.

Скан заявления Б.С. Джафаровой
о вступлении в общество «Мемориал».

Берта Самойловна Джафарова (Левина).

Крушение

Для матери нет большего горя, чем хоронить собственных детей.

Свет померк в глазах Мавры Петровны 12 июня... В этот день расстреляли ее сына Михаила.

Обезумевшая от горя мать не могла знать, что это только начало... Первый залп по семье. Самый громкий. О нем сообщали газеты, трезвонило, захлебываясь в истерике, радио.

Мавра Петровна ехала в поезде и не могла дать волю слезам. В вагоне громко обсуждали судебный процесс. Сжавшись в комочек, старая женщина плакала беззвучно, нутром, и не смела остановить поток клеветы на любимого сына, которым так гордилась. Да разве она одна! Еще недавно вся страна восхищалась этим человеком, слагала о нем стихи и легенды. Известные художники писали портреты, его фотографии размещали на почтовых марках и открытках.

«Горе жгло ее изнутри. Ни одной слезы на людях она не проронила», – напишет потом Анна Ларина (вдова Николая Бухарина), ехавшая в том же вагоне.

Эшелон прибыл в Астрахань – место ссылки для родственников «заклятых врагов социализма».

Мать не знала, что 3 июля арестован старший сын Николай.

14 июля взяли дочь Елизавету вместе с мужем, прославленным летчиком (три ордена Красного Знамени) Юрием Игнатьевичем Арватовым.

29 августа – сына Александра.

Чудовищная, ничем не объяснимая облава набирала силу.

4 сентября арестовали мужа дочери Ольги, Льва Михайловича Геймана, заместителя директора «Союзпечати».

5 сентября – невестку Нину, жену Михаила.

10 сентября – дочь Софью.

27 сентября – дочерей Ольгу, Марию.

22 декабря захлопнулась дверь тюремной камеры за невесткой Зинаидой, женой Александра.

Наступил новый год.

26 января забрали бывшего мужа Марии, Максима Андреевича Владимирова.

11 февраля – другого зятя, Николая Никифоровича Фадеева.

Все оказались за решеткой – три сына, их жены, четыре дочери, их мужья.

Мать думала: взяли по ошибке и скоро выпустят. В страшном сне не могло привидеться, что казнен не только самый яркий и одаренный из ее сыновей.

Она не знала, что в декабре по семье дали еще три залпа.

Первым, 10 декабря, расстреляли зятя Юрия. Признали шпионом. Для этого имелись «веские» основания: в начале 30-х годов Арватов работал техническим директором советско-германского общества воздушных сообщений.

Через пять дней, 15 декабря, к стенке поставили Александра. До ареста он, военинженер 2 ранга, преподавал в Военно-транспортной академии РККА, корпел над диссертацией. Его первая профессия и вовсе мирная – виолончелист, до революции окончил 5 курсов консерватории.

Через 10 дней после гибели Александра, 25 декабря, не стало Николая. Майор запаса старший преподаватель военных предметов Московского текстильного института тоже приговорен к высшей мере наказания.

Пятый залп по семье прозвучал 14 июня 1938-го. Убили бывшего мужа Марии Максима Андреевича Владимирова.

Позже прогремит еще один. Семья потеряла пятерых мужчин и одну женщину. Никого не проводила в последний путь. Ни у одного из них не поплакала на могиле.

Родные знали только о гибели Михаила. Но, если бы даже каким-то чудом выяснилась судьба остальных, все равно не смогли бы пойти к месту упокоения. Злая воля всех, без исключения, разметала по стране. Кто в тюрьме, кто в лагере, кто в ссылке.

Дети слишком малы. Подрастут – тоже пойдут по этапу...

А пока живут в детдомах. Некоторых удалось забрать родственникам.

Неправдоподобная история. Как в плохом детективе, – скажет читатель. Что же такое надо совершить, чтобы повлечь истребление семи ветвей одного могучего дерева? Неужели все эти люди, состоявшие в близком родстве, в одно и то же время совершили ужасные преступления?

Всего четыре цифры

Ответ очень короткий. Всего четыре цифры, ставшие кошмаром для миллионов людей.

1937-й.

Самый кровавый год в истории Советского Союза.

В разгул Красного террора могли ли обойти стороной тех, кто независим в суждениях и имеет «неправильное» происхождение?

Мать-крестьянка молоденькой девушкой попала в услужение к потомственным дворянам. Природа не поскупилась: дала девушке ум, красоту и трудолюбие. Сын хозяйки был настолько покорен ее обаянием, что пренебрег всеми запретами. Молодые обвенчались. В семье родилось девять детей. Все как на подбор, унаследовали незаурядный ум, таланты и красоту родителей.

Самый одаренный, беспримерной смелости (шесть (!) орденов за храбрость на фронтах Первой мировой и Гражданской войн), и самый знаменитый из них – Михаил. Однажды на совещании не побоялся возразить наркомку: Ваши поправки нельзя принять, они некомпетентны.

А фамилия его – Тухачевский.

Вот теперь вопросов больше нет.

«Стереть с лица земли восьмерку шпионов»

Легендарного маршала, заместителя наркома обороны обвинили в организации военного заговора с целью захвата власти.

«Шпионы Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков и

Путна, продавшиеся заклЯтым врагам социализма, дерзнули поднять кровавую руку на жизнь и счастье стосемидесятимиллионного народа, создавшего Сталинскую конституцию, построившего общество, где нет больше эксплуататорских классов, где уничтожены волчьи законы капитализма. Приговор суда – акт гуманности, защищающий нашу Родину и передовое человечество от кровавых извергов буржуазной разведки. Страна, единодушно требовавшая стереть с лица земли восьмерку шпионов, с удовлетворением встретит сегодня постановление суда. Расстрелять! Таков приговор суда. Расстрелять! Такова воля народа!». Эту цитату из газеты «Известия» от 12 июня 1937 года приводит Юлия Кантор в своей книге «Война и мир Михаила Тухачевского».

Работа доктора исторических наук, ведущего сотрудника Эрмитажа Ю.З. Кантор основана на подлинных, ранее не известных исторических документах. Автор работала в архивах России и Германии, ей удалось изучить уголовные дела М.Н. Тухачевского и его родных. Благодаря ей впервые увидели свет уникальные документы и фотографии.

Поначалу мать маршала отбывала ссылку в Астрахани вместе с невесткой, пока ту не арестовали. Анна Ларина в книге «Незабываемое» вспоминала:

«Мавра Петровна хотела сделать передачу Нине Евгеньевне, жене Михаила Николаевича, – в астраханскую тюрьму. Сказала: «Пишу плохо», – и попросила написать, что она передает. «Ниночка, передаю тебе лук, селедку и буханку хлеба». Я написала. Неожиданно Мавра Петровна разрыдалась и, положив голову мне на плечо, стала повторять: «Мишенька! Мишенька, сынок! Нет тебя больше, нет тебя больше!».

Вскоре мать осталась одна-одинешенька. Нину Евгеньевну осудили на 8 лет ИТЛ, по этапу отправили в Мордовию, в Темниковские лагеря. Изъяли и 15-летнюю внучку Светлану, дочь Михаила, определили в специальный детдом.

Некому было взять мать под опеку. Все ее семеро детей арестованы.

Трем дочерям и трем невесткам дали по 8 лет заключения. За то, что якобы знали о вражеской деятельности Михаила, но не донесли. На самом деле – просто за родство.

Самое легкое наказание получила дочь Софья. Как «социально опасный элемент» ее выслали в Казахстан на 5 лет.

По воспоминаниям, все дети Мавры Петровны были необычайно красивы, но Софья обладала редкостными внешними данными, производила неизгладимое впечатление своей утонченностью.

В лагеря попали уцелевшие мужья дочерей – Фадеев и Гейман.

Сердце Мавры Петровны готово было разорваться при мысли о горькой судьбе осиротевших внуков. Самому маленькому – Андрюше – в момент ареста отца исполнилось всего 4 года, Маше – 6, Марине – 7, Марианне – 11 лет. Остальные постарше, но все несовершеннолетние. Никого ни обнять, ни защитить, ни прошептать слов утешения...

Что могла сделать убитая горем 70-летняя женщина, к тому же находящаяся под надзором НКВД и не имеющая права отлучаться из места поселения.

Когда Мавра Петровна стала совсем немощной, она попросила о переводе в Казахстан – к дочери Соне. Особое совещание разрешило изменить место ссылки.

Пожилую женщину отправили по этапу из Астрахани в Казахстан, в Актюбинскую область.

Ужас пересыльных тюрем. Изнурительное полуголодное плавание по Волге на барже, где страшная скученность и грязь. Нельзя досыта напиться даже простой воды.

В таких же условиях шли на пароходе по Каспийскому морю. В Красноводске конвой посадил ссыльных в теплушку. Декабрьским днем 1941 года на станции Челкар из вагона вывели совершенно больную женщину. А еще надо в стужу проехать на верблюдах 30 километров до аула Талдыкум.

Матери не сообщили, что Софьи уже нет в живых, она скончалась в ссылке еще в 1939 году.

Не знала мать, что нет на белом свете не только Михаила, но и других сыновей – Николая и Александра, зятьев Юрия и Максима. А невестку Нину расстреляли 16 октября 1941 года. Следствие «установило», что она являлась участницей антисоветской террористической группы, состоящей из жен репрессированных врагов народа, *«в озлобленной форме высказывала клеветнические измышления, лично разделяла и высказывала террористические настроения в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства...»*.

Власти скрывали расправы над близкими маршала. Был заготовлен стандартный лживый ответ: 10 лет без права переписки. Поэтому мать считала, что ее сыновья в заключении.

Но все ниточки, державшие Мавру Петровну на земле, истончились. Смерть стала избавлением от страданий.

Неменьшие муки испытывали ее дочери и невестки, оторванные от детей. Невотвязные думы мучили и днем, и бессонными ночами.

Живы ли ненаглядные солнышки? Не голодают ли?

Боль удваивалась от полного неведения о судьбе мужей. Они не знали, что уже не жены, а вдовы.

Сталин называл их «волчатами»

Чтобы узнать о судьбе дочери маршала и его племянников, я попыталась найти их потомков. Автор книги «Война и мир Михаила Тухачевского» профессор Ю.З. Кантор дала мне адрес внучатого племянника маршала – Николая Андреевича Тухачевского, внука Николая Николаевича.

Завязалась переписка. Оказалось, живы дети старшего брата маршала – Мария Николаевна (86 лет) и Андрей Николаевич (84 года). Я отправила им черновик своего материала, попросила поправить возможные неточности и дополнить текст. Вскоре моя рукопись вернулась. Благодаря Марии Николаевне и Андрею Николаевичу Тухачевским я внесла в нее кое-какие изменения, а главное – получила новые ценные сведения.

Когда арестовали их отца, Андрюше было всего четыре года, а Маше – шесть. После ареста матери, Марии Викентьевны, в марте 1938 года дети попали в спецдетдом. Они не могли понять, где же их родители, почему их окружают чужие люди. Мальчик панически боялся потерять сестру Марийку, единствен-

ного родного человека на тот момент. Она, сама еще кроха, и стала ему опорой. К счастью, их не разлучили.

Однажды в сильный мороз заболели оба.

Лежат на полу. У Андрея температура больше 40, у Марийки – 39. Детдом неблагоустроенный, удобства во дворе. Мальчик сильно хочет в туалет, но выходить отказывается. Марийка спрашивает: «Почему не идешь?» Он отвечает: «А зачем идти? Я все равно скоро умру».

Оба были истощенные, очень худые, так как постоянно голодали.

Шесть лет брат с сестрой провели в детдоме.

В 1944 году тете Марии Викентьевны – Марианне Ивановне Томашевич – обманным путем удалось забрать их из казенного учреждения. Она оформила опеку и дала свою фамилию, надеясь оградить Андрея и Марию от преследований. Марианна Ивановна была известным врачом, кавалером ордена Ленина.

Мария Викентьевна ничего не знала о судьбе детей, когда сидела в тюрьме, потом в АЛЖИРЕ – Акмолинском лагере жен изменников родины. И только когда разрешили одно письмо в год, связалась со своей тетей.

Марию Викентьевну освободили в 1946 году. В 1948-м она попыталась вернуться в Москву. Сын поехал встречать, но ее арестовали прямо на вокзале.

Сослали на поселение в Красноярский край. Освободилась Мария Викентьевна только в 1956 году. 18 лет она провела в разлуке с детьми. Спустя многие годы они смогли вернуть родную фамилию.

Дочь маршала Светлана вместе с детьми других казенных военачальников тоже росла в детдоме.

Марину Арватову опекали дед и бабушка по отцовской линии. Но не смогли уберечь от смертельной болезни. В 18 лет девушка скончалась от туберкулеза.

Остальные внуки Мавры Петровны выжили, но на них легла вина за «преступления» родителей. Сталин считал, что дети расстрелянных людей будут мстить режиму, называл их «волчатами».

Детей начали преследовать по мере взросления. Светлану Тухачевскую первый раз арестовали в 1944 году вместе с подругами Владимирой Уборевич и Викторией Гамарник. Осудили на 5 лет лагерей. В 1948-м Светлана освободилась. Но на воле пробыла всего несколько месяцев. Новый арест по вымышленному делу и снова заключение.

В 1951 году органы всполошились: как так получилось, что другие «волчата», племянники Тухачевского, на свободе! Быстро исправили ошибку. Взяли детей Александра Николаевича – Юрия, Наталью и дочь Марии Николаевны Тухачевской Марианну Владимирову.

...Родители Марианны расстались, когда ей было семь лет. Вторым браком Мария Николаевна была замужем за Н. Н. Фадеевым, который служил бригадистом, заместителем председателя Военного трибунала Внутренних войск НКВД СССР Московского округа. По его настоянию они развелись сразу после ареста маршала.

Отца Марианны Максима Андреевича Владимирова арестовали 26 января 1938 года. Он в ту пору был полковым комиссаром запаса, руководил отделом Центральной выставки противовоздушной обороны. Четыре с половиной месяца

длилось следствие. Обвинение в контрреволюционной террористической деятельности. Высшая мера наказания. Расстрел в день приговора – 14 июня 1938 года – на полигоне Коммунарка.

Отчима Марианны Н.Н.Фадеева оставили в живых, но дважды репрессировали, в 1939-м за недоносительство об антисоветской деятельности М. Н. Тухачевского осудили на 5 лет ИТЛ, в 1948-м – повторный арест, ссылка на поселение.

В 11 лет Марианна осталась без родителей. Ее взяла к себе на воспитание родная сестра отца – Ефросинья Андреевна Владимирова. В 1941 году Марианна была отправлена в эвакуацию, в Оренбург, где прожила два года. Училась в местной школе, окончила 9 классов. Вернулась в Москву в 1943 году.

Тетя, Ефросинья Андреевна, скончалась, когда Марианне было 17 лет. Девочка могла рассчитывать только на себя. Мать в лагере, все ее родные тоже отбывают срок наказания.

В 1944 году Марианна экстерном окончила среднюю школу и поступила в Московский инженерно-строительный институт на факультет промышленно-гражданского строительства. Каким-то чудом дочери врагов народа это позволили. Ее даже приняли в комсомол.

Со второго курса студентка совмещала учебу с работой: ее приняли по договору архитектором в Государственный исторический музей. Позже Марианна трудилась в проектно-художественных мастерских г. Москвы, а через некоторое время – в отделе охраны архитектурных памятников города Новгорода. Поняла, что настоящее ее призвание – архитектура. И проучившись три семестра, не побоялась перейти на 1 курс Московского архитектурного института.

Училась блестяще. Перейдя на последний курс, начала готовиться к защите диплома.

Но ей, так же, как двоюродным сестрам и брату, уже готовили другие «университеты». Пришла пора «отвечать» за фамилию. Арест пришелся на декабрь 1950 года.

Вердикт Особого совещания – 8 лет ссылки. В Уголовном кодексе РСФСР имелась подходящая статья – 7-35, по ней социально опасные элементы и отправлялись осваивать окраины Советского Союза.

К тому времени мать Марианны уже третий год как в ссылке.

Лагерный срок, все восемь лет, вместе с сестрой Ольгой отбывала в Сибири. Сначала в Томской тюрьме без права переписки. Позже перевели на север Кузбасса в поселок Яя. Там находилась швейная фабрика Сиблага. Женщины шили одежду для заключенных лагерей СССР, а с 1940 года – обмундирование для Красной Армии.

Когда Мария Николаевна вышла на свободу, ей, как и другим родственникам маршала, не разрешили вернуться в Москву.

Три сестры – Елизавета, Ольга, Мария – и их золовка Зинаида, жена Александра, поселились в небольшом городке Александрове Владимирской области. В 1948 году все четверо попали на один этап.

Целый год женщины добивались до места ссылки – в гибельный Колымский край.

Взял Норильлаг

19 марта 1951 года Марианна попала в совхоз «Таежный». Она, конечно же, не знала, что в 300 км, в Абанском районе, на поселении живет ее тетя, жена дяди Николая – Мария Викентьевна Тухачевская.

В это время в «Таежном» развертывалось бурное строительство. Подсобное хозяйство расширялось. Увеличивалось число заключенных. В сосновом бору на берегу Енисея возводили пионерские лагеря, новые здания дома отдыха Норильского комбината и ИТЛ. Строились производственные здания, столовая, клуб, жилье, два дома младенца для детей заключенных женщин.

Марианну Владимирову приняли техником-конструктором в отделение строительства.

На какой объект попал молодой архитектор с опытом работы в историческом музее и художественных мастерских, сейчас не установить. Может быть, на строительство лагерных бараков или домов младенца? Или ферм для содержания скота и птицы?

Об этом ли она мечтала в студенческой аудитории... Но не только на профессиональных устремлениях надо ставить крест. Сломана сама жизнь. Наверняка, у молодой девушки остался в Москве любимый человек. И вряд ли доведется с ним встретиться...

Надо привыкать к убогой жизни в чужом суровом краю. Где нет родных лиц, нет музеев и театров. Лишь

*«...снег до окошек деревни лежащий
И зимнего солнца холодный огонь».*

Пытка неизвестностью

При поступлении на работу в совхоз «Таежный» (как и в любое другое подразделение МВД) каждый обязан сообщить о своем социальном происхождении, родственниках, особенно репрессированных. Марианна при опросе указала, что мать отбывает ссылку, а местонахождение отца, арестованного в 1937 году, ей не известно.

Говорила Марианна чистую правду. И в начале 1950-х родные ничего не знали о судьбе осужденных. Для несчастных ЧСИР (членов семей изменников родины) органы придумали еще одну пытку – неизвестностью. Люди десятилетиями ждали возвращения близких.

Скрывая массовые казни, родственников обнадеживали: «ваш муж (сын) осужден к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества и для отбытия наказания отправлен в лагерь с особым режимом, с лишением права переписки и передач».

Даже после смерти Сталина власть продолжала бессовестно лгать. Светлана в 1955 (!) году сделала запрос о судьбе своей матери. И получила ответ: Нина Евгеньевна Тухачевская скончалась в заключении 13 января 1943 года. Только спустя два года МГБ призналось: вдову маршала расстреляли в 1941 году.

Обманывали и семьи братьев маршала, расстрелянных в 1937 году. Родным сообщали, что Александр Николаевич умер в лагере 22 мая 1943 года, а Николай Николаевич – в 1944-м. Дату смерти мужа Елизаветы Николаевны, Юрия Игнатьевича Арватова, тоже указали вымышленную – 2 ноября 1943 года. Недостоверные сведения получили и другие родственники.

Московское землячество

Успела ли Марианна с кем-то подружиться в совхозе «Таежный»? Обычно ссыльные дружили со ссыльными, и все старались найти земляков. Москвичей в Атаманово было немало. Не исключено, что девушка могла встретить в совхозе своих знакомых. Например, Юрия Томского, который прибыл на Енисей месяцем раньше, 20 февраля 1951 года, и тоже проживал в селе Атаманово, топил котел в центральных ремонтных мастерских, ремонтировал двигатели сельхозмашин. Юрий старше Марианны на 5 лет. Но кто знает, вполне возможно, они раньше встречались в Москве или имели общих знакомых?

Марианна могла подружиться с москвичкой близкого ей возраста. Елене Дяткиной-Рухимович был 31 год. Образованная, интеллигентная женщина знала несколько иностранных языков. В свое время училась в Московском институте цветных металлов, позже в педагогическом. Ее повторно арестовали во время учебы в аспирантуре пединститута. После тюремного заключения осудили на вечную ссылку. Елена работала тоже в отделе строительства – копировщицей.

Этап, которого не ждали

Надо же было такому случиться, что буквально через месяц в совхоз пришел приказ из Норильска о включении центральной усадьбы, дома отдыха и пионерского лагеря в режимную территорию и об отселении с нее неблагонадежных лиц (всю 58-ю статью, а также ссыльнопоселенцев, выселенцев, спецконтингент). Связано это было со строительством неподалеку от Атаманово предприятия по производству оружейного плутония.

В это время на учете только в Атамановской спецкомендатуре состояло более тысячи человек (на 1 января 1952 года – 1256). Работники «Таежного» находились под надзором и Сухобузимской комендатуры.

Переселение началось 18 июня 1951 года. К 22-му числу из Атаманово в другие совхозные подразделения вывезли 187 человек, еще 30 уволили. Из отделения строительства, в котором работала Марианна, за пять дней выслали 28 человек. Политссыльные занимали здесь все ключевые посты, даже начальник ссыльнопоселенец – Петр Никифорович Рожков.

Разумеется, в число гонимых попала и Марианна Владимирова. В одном из списков выселяемых лиц – 96 человек. Владимирова значится под номером 61, на этой же странице и Юрий Томский, за № 52.

Первоначально ее намеревались направить на Саман. Эта ферма стояла в 13 километрах западнее Атаманово, у рукотворного пруда, рядом со Вторым отделе-

нием, здесь тоже располагалась лагерная зона. Заключенные и ссыльные содержали крупный рогатый скот, свиней, овец, выращивали зерновые, картофель и овощи.

Но в назначенный день Марианну и еще несколько человек посадили на грузовик, отдельно от остальных.

Машина, не сворачивая на Саман, двинулась дальше. Проехала Сухобузимское, потом Миндерлу и оказалась на Енисейском тракте. Путь лежал на Север. Но, не пройдя и 20 километров, грузовик повернул налево. Через некоторое время остановился в небольшом поселке.

Несколько барачков, худые избенки, землянки и даже палатки. Ни одного добротного дореволюционного дома, какими изобиловало 300-летнее Атаманово.

Этот унылого вида населенный пункт, не имевший долгое время даже названия, появился на карте Сухобузимского района в конце 1930-х. Тут разместили отделение Миндерлинской сельскохозяйственной колонии, а с 1941 года – подсобного хозяйства ХОЗО УНКВД (УМВД, УМГБ, УКГБ). Поселок в народе поначалу назывался Колонкой, потом – просто ХОЗО. Позже стали именовать Шилинкой, по имени протекавшей неподалеку речки Шилы.

«Вольное» население, более 500 человек, состояло из депортированных народов, ссыльнопоселенцев, спецконтингента. Имелась своя спецкомендатура. Она следила за поднадзорными людьми, которые регулярно ходили на отметку. Как вспоминал потом Атис Тэннэ (бывший житель Шилинки, из ссыльных латышей), в местной школе в конце сороковых годов не существовало ни пионерской организации, ни комсомольской. Дети изгоев не достойны были в них состоять.

Ссыльные сеяли зерновые, выращивали скот, птицу, возделывали овощи в открытом грунте и теплицах.

Еще один секретный объект

Но Марианну и ее попутчиков определили не на ферму, не в огород или зерноток. Их ждала другая работа... С недавних пор в Шилинке обосновалась странная контора ведомства МВД. Никто из окружающих не знал, чем собственно она занималась. Наблюдали только, как собирали сюда образованных людей, причем разных профессий. Ученые, конструкторы, инженеры, строители, архитекторы, геологи... Среди них были академики, доктора наук. Называли контору «Енисейстроем». Местные не могли и представить, какой на самом деле это гигант...

Главное управление «Енисейстрой» МВД СССР было создано в 1949 году в целях освоения полезных ископаемых и увеличения мощностей предприятий цветных и редких металлов Красноярского края. В разное время в него входило до 10 исправительно-трудовых лагерей. Заключенные разрабатывали месторождения железной руды, редких и цветных металлов, обеспечивали эксплуатацию горнорудных и металлургических предприятий. Вели промышленное, гражданское, железнодорожное строительство, валили лес, занимались деревообработкой. Этой огромной империи, подобной легендарному «Дальстрою», в

1949 году передали не только предприятия Министерства металлургической промышленности, но крупные стройки, все геологические организации региона.

Наступил период бурного развития поисковых и геологоразведочных работ. В числе приоритетных – разведка урана, свинца, молибдена, вольфрама и других стратегических материалов, а также меди и золота. Значение поисков месторождений урана в то время выходило на первый план, ведь он использовался в производстве атомного оружия. «Енисейстрой», как и таинственный сосед Атаманово, тоже участвовал в атомном проекте.

Производство не может развиваться без науки. В обстановке строгой секретности приказом министра МВД Союза ССР генерал-полковника С. Круглова (№ 0080 от 20 августа 1949 года) при Главном управлении «Енисейстрой» МВД СССР организовали Особое техническое бюро (ОТБ-1). На бюро возлагалось выполнение научно-исследовательских, проектно-конструкторских и опытных работ.

Подобных НИИ или групп, в которых работали заключенные и ссыльные, в СССР было немало. В народе их называли «шарашками». Через них прошли многие известнейшие ученые и конструкторы: А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.М. Петляков, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин. Александр Солженицын тоже работал в «шарашке», посвятил ей свой роман «В круге первом».

Так же, как и в солженицынскую «шарашку», в красноярское ОТБ-1 вместе с з/к зачислили и вольнонаемных специалистов. В большинстве своем это были политссыльные, так называемые «повторники». Отбыли срок в лагерях, теперь «отдыхают» на вечном поселении. Красноярск имел статус режимного города, ссыльных селить туда не разрешалось, поэтому создали филиал ОТБ-1 в поселке МВД (Шилинке) – Сухобузимского района.

«Почтовый ящик» № 15

Кто же работал в шилинкинском филиале ОТБ-1? Чем они занимались?

Отправляюсь в муниципальный архив Сухобузимского района. Изучаю похозяйственные книги Шилинского сельсовета за 1952–1954 гг. (Ф.Р-3, Оп. 3, Д.11., Д.12.). Листаю-листаю страницы, все надеюсь отыскать в списках искомое имя. Не находится.

На всякий случай переписываю в блокнот другие фамилии. Кажется, русских здесь меньше, чем немецких, калмыцких, украинских, латышских, литовских, эстонских, финских, польских... А еще еврейские, азербайджанские, армянские, грузинские, китайские.

Что хорошо – в книгах записаны места работы домохозяев и членов их семей: совхоз УМВД, колхозы имени Молотова, «Путь Ленина», дорожно-эксплуатационный участок, Мостовской химлесхоз, артель имени Горького, Сухобузимский сортоучасток. Но я так и не нашла в книгах ни одного упоминания об ОТБ-1.

Несколько людей записаны как работники «Енисейстроя» МВД СССР – Борис Соломонович Гольден, Абрам Сидорович Гелих, Николай Григорьевич Вырно...

Может быть, это и есть Особое техническое бюро?

Есть в похозяйственных книгах упоминание еще и о филиале № 17. А еще записано «Ж.Д.Т.». Что это? Опять загадка.

Нагнулась на работников таинственного «почтового ящика» № 15. Его сотрудниками записаны врач Сигизмунд Каземирович Шаманский, Иосиф Андреевич Мамисашвили, его жена Мария Андреевна Белоногова, Павел Кириллович Большаков, Владимир Эдуардович Буш, Али Чайбович Озов, Петр Васильевич Мазыра, Вельма Зургеевич, Михаил Иванович Плоторев.

Но никак не удавалось найти, какая организация скрывается под таким названием.

Стала искать в Интернете. И снова тупик. О п/я № 15 не отыскалось ни единой строчки. Всплывали другие «почтовые ящики» «Енисейстрой», например, № 55. Но под этим шифром скрывались Таежное горно-промышленное управление и ИТЛ, находившиеся в Канском районе.

Набираю в поисковой строке «отб-1». И не верю глазам – не одна и не две, а десятки публикаций на сайте Красноярского общества «Мемориал». В том числе воспоминания Владимира Эдуардовича Буша. Их записал в 1994 году один из создателей красноярского отделения общества «Мемориал» В.С. Биргер.

Читаю текст. О, да это тот самый Владимир, сын Раисы Яковлевны Буш, которого вместе с Марианной Владимировой привезли в Шилинку из «Таежного». В ОТБ-1 его приняли чертежником.

Буш сообщал, что Шилинkinский филиал «шарашки» в основном занимался проектированием строительных объектов. Буш назвал десятки фамилий. Среди них немало москвичей – специалист по металлоконструкциям Константин Константинович Муханов, Александр Дмитриевич Романов, сестры Полонские, архитектор Ландау.

Стоп! В похозяйственной книге я находила такую фамилию. Записан как Лендау Эфроим Моисеевич, 1893 года рождения. Возможно, на самом деле это тот самый архитектор Ландау, ведь в сельсоветских книгах ошибок много.

На сайте «Мемориала» размещено и сообщение бывшего узника ГУЛАГа В.А. Корнеева. Он тоже называет сотрудников шилинkinской «шарашки» – Сидора Васильевича Залесского, главного специалиста электротехнического отдела Бориса Владимировича Пчельникова.

Вдруг в информации о Залесском ловлю искомый объект, указано его место работы – «филиал ОТБ-1, п./я 15». В материале Бориса Дубицкого о Леопольде Давидовиче Заке тоже – «Шила Сухобузимского района, п./я 15».

Вот она, разгадка! Значит, «почтовый ящик», фигурирующий в похозяйственных книгах Шилинского сельсовета, это и есть «шарашка».

Но почему в книгах не записаны работники «ящика»... Видимо, из соображений секретности списки ссыльных содержались только в спецкомендатуре. А к этим архивам доступа нет.

Но можно поехать в Шилинку и постараться найти кого-нибудь из ссыльных. Не все же покинули поселок после реабилитации.

Я ходила по улицам поселка, стучалась в дома, знакомилась со старожилами и... раз за разом теряла надежду что-либо узнать о племяннице Тухачевского и

ее месте работы. То, что в поселке МВД действовала секретная интеллектуальная организация, знают многие. Но ни имен, ни подробностей. Просто говорят: там работали инженеры, интеллигентные, культурные люди.

Наконец, дорога приводит нас с фотокорреспондентом в дом Кулика. Навстречу – красивый, подтянутый мужчина, живой, легкий на ногу. Ни за что не догадаешься, что Андрею Николаевичу 90 лет. У него на зависть светлая голова и отличная память. Сослан в Сибирь из Украины (бывшего польского воеводства). Сначала работал на кирпичном заводе в Красноярске, потом спецкомендатура перевела в деревню Шестаково Сухобузимского района. Там действовал завод по выпуску кирпича еще дореволюционной постройки. В 1952 году Кулик перебрался в Шилинку. Его приняли в строительную бригаду. Уточняю:

– В ХОЗО УМВД?

– Нет, в «Енисейстрой».

– ?!

Андрей Николаевич прекрасно помнит «Конструкторское бюро». По его словам, в штате было примерно 100 человек. Настоящее название «Конструкторского бюро» ему, как и остальным местным жителям не было известно ни тогда, ни сейчас. Но именно на его объектах Кулик работал каменщиком и плотником, ставил клуб, жилые дома. Он сообщает, что на территории «бюро» было четыре двухэтажных деревянных дома. В двух «инженеры» жили, в двух других находились их рабочие места. Андрей Николаевич припомнил, что весь четвертый корпус одно время занимали геологи. Позже я находила сведения, что в Шилинке действительно дислоцировалась изыскательская экспедиция.

По совету Кулика едем к 84-летней Фриде Давыдовне Щегловской. Она рассказывает, что тоже попала в Шилинку из совхоза «Таежный». Ее приняли в «Енисейстрой», в стройбригаду – отделочницей.

Ей, как и Кулику, доводилось бывать в «кабинетах» ссыльных специалистов. Фрида Давыдовна рассказывает, что большие рабочие помещения были обставлены скромно. Из мебели – высокие столы и чертежные доски. На них и выполняли какие-то расчеты, проекты и чертежи. Никакого другого оборудования в комнатах не было.

В основном в бюро работали уже немолодые люди, большинство мужчин, женщин очень мало. Так как сосланы они были тоже навечно, к некоторым приехали семьи, правда, такое случалось редко.

Секретная организация имела свою столовую, магазин, библиотеку и клуб. Местная молодежь бегала сюда на танцы.

Это подтвердили Валентина Николаевна Мусс (Ходаковская), супруги Пикулины – Корнелий Иванович и Мария Ивановна. Все трое – из семей репрессированных, попали в Шилинку не по своей воле. Валентина Николаевна живет в этом поселке с 1942 года, Пикулины – с 1945-го. Корнелию Ивановичу в следующем году тоже исполнится 90 лет. Супруги рассказали, что в техническое бюро приняли родного брата Марии Ивановны – Николая Ивановича Корнилова. Сначала он был чертежником, после каким-то специалистом.

Старожилы припомнили несколько имен сотрудников научно-исследовательской конторы – профессора Орлова, Аникева, Пашкевич. Кулик и Пикулин

назвали еще одного профессора – Де Пельпора, говорят, был высокого роста. Позже я прочитала на сайте «Мемориала», что бывший преподаватель МГУ Де Пельпор заведовал в ОТБ архивом, читал инженерам лекции по математике.

Вообще сотрудники ОТБ-1 жили замкнуто, мало общались с местным населением. Поэтому никто из старожилов не помнит молодую девушку из Москвы по фамилии Владимирова.

Как же жилось Марианне в глухом сибирском поселке МВД, которого, разумеется, не было ни на одной карте?

Вероятно, смысл жизни состоял в работе. Как и другие архитекторы, скорее всего, Марианна занимается проектированием строительных объектов «Енисейстроя». Раз в неделю из Красноярска приходит машина, привозит новые задания, забирает выполненную работу.

В шилинкинском филиале два начальника – один из гражданских, другой – из спецотдела МВД. За каждым шагом следит и спецкомендатура. Единственная роскошь – общение со ссыльными, близкими по духу – отравлена деятельностью оперативников, одержимых «выявлением» контрреволюционных организаций. Аресты и в начале 1950-х не редкость.

Время тянется медленно. Долгими зимами из общежития носа не высунешь, мороз доходит до 50 градусов. В начале 17-го часа уже темно, а света нет. Электричество от генератора с тракторным двигателем экономят, вечерами не дают. В комнатах общежития есть лампы, но керосина не достать.

Чтобы умыться – топят снег. Другие удобства находятся на улице. Дощатый домик с большой буквой «М» «инженеры» называют «метро». Чтобы попасть в «метрополитен», надо в 40–50-градусный мороз пройти по сугробам несколько десятков метров. В крошечной темноте.

Невозможно ни на минуту уединиться, личного пространства нет. В комнатах общежития проживает по шесть–семь человек, каждый со своим характером, привычками. К тому же в большинстве своем обитатели намного старше Марианны.

Здесь предстоит провести еще семь томительных лет, а потом вряд ли разрешат вернуться домой, в Москву.

На что надеяться? Об освобождении даже не помышляют: не загреметь бы в лагерь.

Оставалось ждать весны. С наступлением тепла световой день удлинялся – можно читать. Кто-то умудрился привезти литературу с собой, другим присылают родственники.

Как рассказывают местные жители, «инженеры» хорошо знали классику, русскую и зарубежную, любили стихи, музыку. Иногда собирались вместе, пели романсы, народные песни. Кстати, как вспоминал бывший сотрудник ОТБ-1, ссыльный Игорь Георгиевич Пономарев, в Шилинке жила родственница известного певца Леонида Утесова. Маленькую, худенькую женщину в шутку прозвали «Би-Би-Си», она лучше других знала все новости.

Летом в выходные и вечерами ссыльные ходят в лес. Недалеко растет сосняк, кругом – березовые рощи, где, начиная с мая и по сентябрь, буйно цветет раз-

нотравье. Жаль, речка Шила, которую ласково называют кто Шилкой, кто Шилинкой, мелкая.

Ближайшее село – Шила – стоит на Енисейском тракте. Здесь сельсовет, больница, почта, библиотека. Иногда ссыльнопоселенцев с разрешения коменданта отпускают сюда по делам.

Верующие крестятся, глядя на сохранившиеся купола каменной церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Нигде в округе храмов уже нет. Порушили. Этот, как и все святыни, осквернен, в полном запустении. Но по-прежнему непоколебимо возвышается над всеми деревенскими постройками. Правда, местные жители гордятся не прекрасным образцом русской архитектуры, а другой достопримечательностью. Показывают на окраину Шилы, где раньше стояла этапная тюрьма. Существовала легенда, что здесь в 1913 году останавливался Сталин на пути в туруханскую ссылку.

После революции острог приспособили под народом, по-современному, клуб. Говорят, на здании висела памятная доска о пребывании вождя.

Позже ее сняли, так как прошла информация, что будущего руководителя государства везли в Заполярье не по тракту, а по Енисею. Стоял июль, и навигация была в самом разгаре.

Вождь безбедно прожил в Красноярском крае четыре года. Не работал. Скучал, не зная, чем заняться. Нынешние бедолаги-ссылные, высокообразованные люди, чтобы не умереть с голоду, берутся за самую грязную и унижительную работу.

Одна радость – попав в Шилинку, Марианна вновь оказалась в среде высокообразованных, интеллигентных людей.

Чего только стоил выдающийся армянский архитектор Геворг Барсегович Кочар! Выпускник ВХУТЕМАСа, бывший заведующий кафедрой архитектурного факультета Ереванского политехнического института, первый председатель Союза архитекторов Армении. Отбывая срок в Норильском ИТЛ, в 1948 году командирован из Заполярья в Сухобузимский район, в совхоз «Таежный». Там проектировал пионерские лагеря и дом отдыха. При весьма скудных средствах получились чудесные деревянные терема.

Срок заключения у Кочара закончился, но последовал новый арест. На этот раз архитектору дали ссылку. Он попал в Шилинку в то же время, что и Марианна. Она работала над проектами и с другими незаурядными личностями. Это были удивительные биографии. Константин Константинович Запасов окончил институт в Загребе, работал архитектором в Белграде. Когда советские войска вошли в Югославию, его арестовали якобы за участие в Национальном русском эмигрантском союзе.

С Александром Федоровичем Сухачевым-Масловским Марианна, наверно, была знакома еще в Атаманово, ведь до перевода в ОТБ-1 он тоже работал в отделении строительства совхоза «Таежный» – нормировщиком. В бюро его назначили инженером-конструктором. Александр Федорович в свое время учился в Военно-инженерной академии РККА, окончил Московский институт транспорта. Занимал ведущие должности в строительном комитете ВСНХ, по совместительству – декан строительного факультета Промакадемии имени Сталина. За-

брали его в 1938 году с должности начальника строительства завода № 84 Главвиапрома Наркомата оборонной промышленности.

В 1952 году Марианне исполнилось 26 лет, и она неожиданно вышла замуж. Ее избранником стал уроженец Ленинакана (ныне г. Гюмри) Бабкен Бениаминович Гядукян. По профессии художник-модельер. На четыре года старше Марианны. Никаких других сведений кроме этих, приведенных в автобиографии Марианны Максимовны, найти не удалось. Очевидно, художник был из числа ссыльных или ссыльнопоселенцев.

Их брак распался в 1963 году. Бабкен Гядукян в ту пору работал главным модельером на обувном предприятии «Труд» в Москве.

Почему плакали ссыльные

Наступил март 1953 года.

... Этот день в Шилинке запомнился Галине Ивановне Шуваевой серым и каким-то тревожным. Может, погода выдалась пасмурной. Или семилетней девочке кажется такой от черноты бушлатов и ватников огромной толпы, которая собралась перед клубом.

Люди стоят молча, в напряженной тишине смотрят на репродуктор в виде колокола. Со столба льется траурная музыка. Все мужчины сняли головные уборы. Удивительно: многие из них плачут, вытирая слезы своими худыми шапочками. Навзрыд рыдает заведующая школой.

Сталин умер....

Отчего плакала учительница, можно понять. Но как объяснить слезы ссыльных? По-прежнему боготворят «отца народов»? Не знают, кто истинный виновник их несчастий? Или боятся, что станет еще хуже? А может, просто скрывают свои истинные чувства...

Девочка слышит, как по рядам идет осторожный шепоток:

– Теперь нас начнут освобождать...

Чутье их не обмануло

Нет, до свободы еще надо дожить – кому год, кому два-три. Но чутье не обмануло ссыльных, все же начались послабления. Не так часто надо ходить на отметку в спецкомендатуру. Уже не наказывают за малейшее нарушение режима, не требуют доносить на товарищей, как раньше. Поднадзорный люд радуется выпавшему облегчению, боясь поверить, что ход истории повернулся.

Специалистов из шилинкинського филиала стали переводить в краевой центр, в основную контору ОТБ-1. В феврале 1954 года Геворг Кочар тоже оказался в краевом центре. Вскоре его реабилитировали и уже в декабре он стал главным архитектором Красноярска.

Марианна тоже переехала в краевой центр. Скорее всего именно Кочар способствовал ее переводу. В основной конторе ОТБ-1 занимала должность техника-архитектора. Как позже указывала в автобиографии: «занималась проектированием промышленных предприятий, общественных зданий».

Можно предположить, что Геворг Кочар включил ее в свою творческую группу. Марианна участвовала в проектировании крупных общественных зданий города Красноярска, в реконструкции драматических театров в Красноярске и Минусинске. Известно, что руководителем авторского коллектива и автором проекта восстановления старинного здания театра в Красноярске был Кочар.

В 1954 году обитателей «шарашки» стали освобождать из ссылки. ОТБ -1 было передано в состав Министерства цветной металлургии СССР.

Марианна по-прежнему находилась на положении ссыльнопоселенца. Как и другие, обратилась в Москву с просьбой о пересмотре дела. Но проходили недели, потом месяцы, а ответа все не было. Наступил новый год. 1955-й. Никаких вестей. О, если б знала Марианна, что уже 3 января прокуратура отменила постановление Особого совещания, и дело ее прекращено, она бы посчитала этот Новый год самым счастливым в своей жизни.

Но весь морозный январь и почти весь февраль с его жгучими ветрами она ходила на работу, изредка гуляла по проспекту Сталина, оставаясь бесправным существом, не имеющим паспорта, боявшимся сделать лишний шаг, молвить неосторожное слово

24 февраля неожиданный вызов в отдел УМВД. Сердце так стучало в висках, что едва расслышала слова офицера: она освобождена от ссылки. Сказал: может получать паспорт.

Господи, неужели это не сон...

Кое-кто из коллег Марианны остался в Красноярске – Спасский, Залесский, Запасов, Зак. В 1956 году Отдельное техническое бюро было реорганизовано в проектный институт «Сибцветметниипроект».

Не те ослепительные красавицы

Они встретились в Москве. Все, кто выжил. Осколки некогда большой и гордой семьи Тухачевских. Но это были уже не те ослепительные статные красавицы, которых помнило общество. Плохо одетые женщины с болью, навечно застывшей в глазах. Ослабленные. До срока постаревшие.

Драматические сцены встречи с выросшими детьми... Несчастные матери улыбались сквозь слезы и все старались отыскать на лицах взрослых людей дорогие черточки своих маленьких деток. Выражение лица, характерный жест, улыбку – незабытые образы, что тысячи раз возникали перед глазами в холодном лагерном бараке.

Все перемешалось – безмерная радость и безмерная горечь, накопленная за годы разлуки.

Может быть, не сразу дождались ответных чувств от своих детей, совершенно от них отвыкших, выросших в приемных семьях. Сколько примеров вокруг, когда после долгой разлуки родные стали совершенно чужими.

Почти по 20 лет Тухачевские провели в тюрьмах, лагерях и ссылках. Их «преступления» – единственно в том, что родственники оболганного маршала.

Марианна встретилась с матерью, вернувшейся с Колымы. Восстановилась в

Московском архитектурном институте. И хотя ей уже было 29 лет, вновь села на студенческую скамью.

Сразу же подала заявление о пересмотре дела отца. В 1956 году случилось два важных события – она защитила диплом в институте и получила справку о реабилитации отца.

Реабилитированы были все братья и сестры Тухачевские, их дети, жены и мужья. Восемь человек – посмертно.

Выжившим не вернули их просторные квартиры и конфискованное имущество. Но дали комнаты в коммунальных квартирах.

Стали возвращаться в нормальную жизнь.

Госпремии и орден

Марианна устроилась архитектором в проектные художественные мастерские при Советском подготовительном комитете VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

А затем была принята в научно-исследовательский институт жилища Академии строительства и архитектуры СССР. Занималась поисками оптимальных параметров современной квартиры, строительством натурных макетов. Однажды проектировала дом с навесными алюминиевыми панелями.

После организации Центрального научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования при Госстрое СССР перешла в него на должность старшего архитектора. Вскоре ее назначили руководителем группы архитекторов, с 1967 года – главным архитектором проекта ЦНИИЭП жилища.

Работала самозабвенно, с большим увлечением. Но, думаю, всем ее талантам открыться было не суждено. В то время проявить свою индивидуальность архитектору было сложно. После выхода в 1955 году Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» разрешалось развивать только индустриальные методы строительства и типовое проектирование.

Стояла одна задача – повысить темпы строительства и увеличить его экономичность. Трудящихся переселяли из бараков и коммуналок. Каждая советская семья должна была встретить коммунизм в отдельной квартире.

Архитектор не мог позволить себе ни единого элемента декора, ведь стоимость квадратного метра должна быть минимальной. Известен случай, когда Евгения Рыбицкого, удостоенного в 1949 году Сталинской премии за проект дома работников МГБ, этой награды лишили «за излишества в проектировании».

И даже в таких условиях проекты Марианны Максимовны получали признание. Она занималась проблемами нового типа жилья. Участвовала в проектировании экспериментального дома в 4-м Вятском переулке в городе Москве, разрабатывала комплекс «Новый быт».

А когда в столице проходила Всемирная химическая выставка, проектировала и наблюдала за строительством экспериментальной 3-комнатной квартиры перспективного типа. Успешно участвовала в различных конкурсах. Была в числе

участников Всемирного конкурса на проектирование жилого района на Юго-Западе Москвы, конкурса на проектирование типовых серий жилья для I-й и IV-й климатических зон, Всемирного конкурса на проектирование 1-2-этажных блокированных домов для Всемирного общества угля и стали.

26 апреля 1966 года в Ташкенте произошло катастрофическое землетрясение. Центральная часть города была полностью разрушена. Погибли люди. Более 300 тысяч человек осталось без крыши над головой. Правительство решило на месте руин построить современные многоэтажные дома. В восстановлении Ташкента принимала участие и Марианна Владимировна. Ее вклад был отмечен высокой наградой. Она стала дважды лауреатом государственных премий – Совета министров СССР и Совета министров Узбекской ССР – за проектирование 9 и 2-этажных блокированных жилых домов.

Когда началось строительство Волжского автомобильного завода, Марианне Максимовне поручили проектирование предзаводского комплекса управления. Она работала над зданиями заводоуправления, корпуса ЭВЦ, медпункта, была главным архитектором проекта по интерьерам заводоуправления АвтоВАЗа. Круг обязанностей не ограничивался проектированием, подбором материалов и оборудования. Владимировна участвовала в заключении договоров с отечественными организациями и контрактов с зарубежными фирмами.

В связи с этим в 1968 году ее направили в служебную командировку в Италию. Это была уже третья зарубежная поездка. В марте 1959 года она совершила туристический тур по Чехословакии. Наверное, самый большой интерес у нее вызывали достопримечательности архитектуры. Через два года случилась вторая поездка в Чехословакию. На этот раз знакомство со страной Марианна совмещала с лечением в санатории Карловых Вар. В 1969 году Марианна Максимовна дважды съездила в Польшу.

Внучатая племянница писательница Вера Сокова (дед ее был родным братом отца Марианны) в небольшом рассказе вспоминает, как тетя Марианна (Марьяна) Максимовна Тухачевская подарила ей чудесный красный берет:

«Ее я совсем не помню, приезжала ли она к нам в Озерки или присылала подарки из Москвы – это дело прошлое. Книжку про Zorro, хотя она была на итальянском языке, читали от корки до корки... Марьяна Максимовна независимо от всех трудностей, выпавших на ее жизнь, выучилась, стала архитектором и очень часто ездила в командировки ... и баловала нас подарками. Спасибо ей и светлая ей память».

Своих детей у Марианны не было. Такую судьбу разделили многие ЧСИР, чьи лучшие годы, молодость были растоптаны в годы репрессий. Многим женщинам, побывавшим в заключении или в ссылке, не суждено было испытать радость материнства. Многие остались одинокими людьми.

Марианна скончалась от тяжелого заболевания 5 августа 1987 года, на 62-м году жизни. Мария Николаевна похоронила дочь на Ваганьковском кладбище, где подыскала место и для себя.

Сестры маршала Тухачевского (кроме Софьи) прожили трудную, но долгую жизнь. Скончались в 1995–1998 гг. Ольга Николаевна ушла на 93-м году жизни, Елизавета Николаевна на 92-м, Мария Николаевна на 89-м.

Судьба матери Мавры Петровны как и место последнего упокоения долгое время были не известны. Только в 1989 году прокуратура завела надзорное производство по розыску материалов о М.П. Тухачевской. Ее последние следы нашли в Казахстане. На месте могилы местные жители поставили скромныйobelisk.

Дети страшных лет России

Я уже писала, что мне удалось найти потомков Тухачевских. Наше общение осуществлялось благодаря сыну Андрея Николаевича подполковнику в отставке Николаю Андреевичу Тухачевскому.

Когда он спросил тетю Марию Николаевну о впечатлениях от прочтения моей рукописи, она сказала всего два слова:

– Пол-литра валокордина...

Настолько я невольно взбудоражила память о тяжелейших годах детства.

... Дети страшных лет России

Забить не в силах ничего

Николай Андреевич сообщил мне о судьбах своих родных.

Андрей Николаевич после школы служил на флоте. И дальше пошел по стопам своих предков, дворян Тухачевских, связал жизнь с военной службой. Окончил бронетанковую академию. Ушел в отставку в звании полковника. Его как грамотного инженера очень ценили на Мытищенском машиностроительном заводе. У Андрея Николаевича пять сыновей и дочь.

Мария Николаевна, окончила библиотечный институт, работала референтом. Вырастила сына, есть внук и внучка.

Сейчас оба ветерана на пенсии, живут по-прежнему в Москве.

Дочь маршала Светлана после лагеря вышла замуж. Ее избранником стал Степан Мельник, строитель по специальности. Светлана Михайловна работала в военном издательстве. Собирала материалы о своем отце, много времени проводила в архивах. Итогом стала книга, вышедшая в издательстве Министерства обороны. Скончалась в Москве в 1982 году, едва дожив до 60 лет. Ее дочь Нина уехала на постоянное место жительства в Испанию. Правнучку Михаила Тухачевского назвали Светланой.

Сын Ольги Николаевны Тухачевской Аскольд погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Воевали и дети Александра Николаевича – Юрий и Наталья. Наталья служила водителем на «Дороге жизни» блокадного Ленинграда, имела награды. Через шесть лет после окончания войны брата и сестру как и Марианну, без суда и следствия отправили в ссылку. Сейчас никого из них в живых уже не осталось.

Подробности биографии Марианны Владимировой удалось восстановить благодаря сотрудникам акционерного общества «ЦНИИЭП жилища – института комплексного проектирования жилых и общественных зданий». В ответ на мой запрос отдел кадров прислал копии очень важных документов – личного дела, подробной автобиографии на 4 страницах, характеристики и приложения к хо-

дательству Госстроя СССР о командировке Владимировой М.М. в Италию в октябре 1967 года.

«Но только вьюга плачет здесь навзрыд»

... В Шилинке уже ничто не напоминает о существовавшем когда-то пристанище ссыльных специалистов. Опустевшие корпуса ОТБ-1 (СибцветметНИИ-проекта) некоторое время пустовали. В них хотели устроить пионерский лагерь для детей сотрудников управления МВД. Но планы поменялись. Летом 1957 года сюда перевели дом инвалидов из Маклаково, который в 1971 году перепрофилировали в психоневрологический интернат. Деревянные дома постепенно снесли. Вместо них возвели современные кирпичные корпуса. В память об ОТБ-1 до наших дней сохранился только старый клуб.

Уже на выезде из Шилинки мы с фотокорреспондентом увидели деревенское кладбище. Где-то здесь среди ссыльного контингента лежат и сотрудники ОТБ-1, не дожившие до освобождения.

Решили заехать: вдруг найдем места их упокоения. Бродили-бродили по погосту, заросшему лесом, читали сохранившиеся надписи на памятниках и крестах. ... Увы, многие могильные холмики сравнялись с землей, а на истлевших крестах ничего уж нельзя прочитать...

Их тяжкий труд преступно позабыт,

Их памяти нельзя не поклониться.

Но только вьюга плачет здесь навзрыд

И мелкий снег поземкою струится

И вдруг на одном надгробии – знакомое имя. Залесский Изидор Васильевич. Инженер ОТБ-1, один из тех, с кем работала Марианна Владимировна.

2017 год

Очерк «Крушение» признан лучшим в конкурсе медиафорума «Енисей. РФ.-2017» в номинации «Мы помним»

Отклики читателей

Людей вывозили колонной

С большим интересом прочитал очерк Ольги Вавиленко «Крушение» – о судьбах родных Тухачевского. О самом маршале я много читал, большая книга о нем есть в моей личной библиотеке. Легендарная личность!

Надо же было такому случиться, что в «Таежном» отбывала ссылку племянница полковника – Марианна Владимировна. Удивительно, как Ольге Вавиленко удалось это выяснить? У нас в Атаманово вообще никто не знал об этом.

Читаем материалы автора и не перестаем удивляться: сколько же народу перебывало в нашем совхозе. Какие люди! Какие судьбы! Помню, зоотехником на ферме Саман работал Павел Александрович Гофман. Говорили, что он бывший генерал, специалист по коневодству. Высокий такой, с тростью ходил, что-то с ногами неладно было.

Автор очерка «Крушение» пишет о переселении неблагонадежных лиц из Атаманово и других сел. Я хорошо помню это событие.

В 1952 году меня, почтового работника, перевели из Краснотуранска в Атаманово. Я с женой и маленьким ребенком на попутной машине главпочтамта доехал до Миндерлы. Как дальше добираться – не знаю. Стою у моста, на выезде из Миндерлы, горюю. Вдруг вижу: колонна машин. Подошел к лейтенанту в форме МВД, оказалось, идут в Атаманово. С разрешения начальника, майора, нас загрузили с нехитрым нашим скарбом в будку. Так я прибыл в енисейское село, в котором живу уже 65 лет.

Эта колонна машин (не менее 10) в июне 1952 года тоже вывозила из села политических ссыльных, депортированных немцев, калмыков, балтийцев, возможно, и заключенных.

Калмыков перевели от нас в Кононово. Немцев тоже всех выселили. Недалеко от нас жили Бауэры, их постигла та же участь. Даже сыну Героя Советского Союза Корольского, женатому на немке, пришлось уехать на Четвертое отделение. Выгнали всех участников войны, побывавших в немецком плену. Напротив нас жил Тюменцев, его отправили в Нахвалку. Выслали Резника, Куимова. Несмотря на эту высылку, село оставалось едва ли не самым крупным в Сухобузимском районе. Помню, в 1954 или 1955 году я участвовал в переписи населения. Так вот, в Атаманово проживало тогда 3088 человек. Не считая заключенных. К тому времени мужской лагерь куда-то перевели, у нас оставался только женский. Теперь на его месте краевая психоневрологическая больница.

Василий БЕЛОВ.

94 года,

участник Великой Отечественной войны,

с. Атаманово

газета «Сельская жизнь» 16 июня 2017 г.

Пол-литра валокордина

Несколько дней хожу под впечатлением от статьи Ольги Вавиленко «Крушение» («Сельская жизнь» №№ 18, 21, 22, 24). Как интересно было читать! И о трудных судьбах родных маршала Тухачевского, и об истории нашей Шилинки, ее жителях.

Ничего-то мы не знали – ни про секретное Особое техническое бюро, ни про «Енисейстрой», ни про удивительных людей, трудившихся над проектами, а также на фермах, в поле и на огороде ХОЗО.

Кого только к нам не ссылали! Как жаль, что так мало о них знали. В то время не принято было расспрашивать. А ссыльные, наученные горьким опытом, обычно о себе ничего и не говорили.

Нахлынули воспоминания...

Наша семья приехала в Шилинку из Казачинского района в 1942 году. Отца Николая Алексеевича Ходаковского раскулачили на его родине – в украинском селе Шепетовке. Отправили в Сибирь.

Отец работал конюхом в подсобном хозяйстве НКВД. Я помню спецкоменда-

туру НКВД, палатки, бараки, разделенные на крохотные клетушки, землянки, где жили ссыльные. Позже построили здания ОТБ-1. Но организация держалась особняком. Единственное, что мы видели: люди там работают умные, высокообразованные, культурные. Жили они как бы отдельно от остальных, о своей работе ничего не рассказывали. Но нас пускали в клуб этой секретной организации (ставшей филиалом «Сибцветметниипроекта») – на танцы.

После окончания медучилища я вернулась в Шилинку, здесь вышла замуж. Моего покойного мужа Эдуарда Яковлевича Мусса в начале войны, как и других немцев, выслали из Ленинграда. Сначала работал в подсобном хозяйстве завода № 327 под Миндерлой, потом перевели в Шилинку.

Я работала в доме-интернате, в тех самых 2-этажных деревянных корпусах, где раньше располагалось ОТБ-1. Устроилась медсестрой. Проработала в интернате почти 50 лет. В основном на должности заведующей медицинской частью, некоторое время – директором.

Заместителем директора дома-интерната был политссыльный Изидор (все звали его Сидором Васильевичем) Залесский, о котором Вы упоминаете в своем очерке. Культурный, вежливый, начитанный. Позже он уехал в Красноярск, работал в «Сибцветметниипроекте».

Сильное впечатление произвела на меня статья Ольги Михайловны Вавиленко. Точно – пол-литра валокордина, как сказала племянница маршала Мария Николаевна Тухачевская. На многое открылись глаза. Спасибо автору и газете за такие публикации.

Валентина МУСС (Ходаковская)

п. Шилинка

газета «Сельская жизнь» 23 июня 2017 г.

Мавра Петровна Тухачевская.

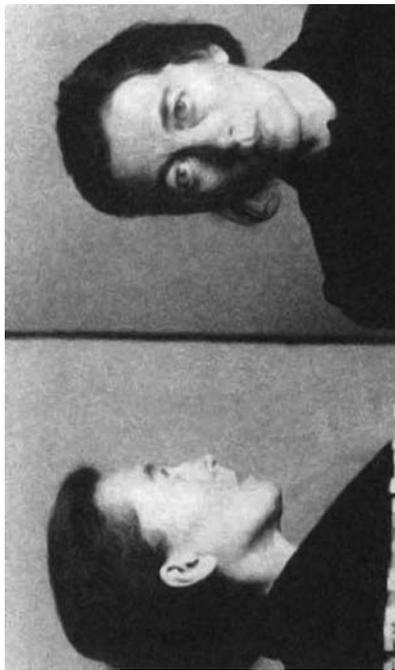
*Это лицо знала вся страна. Маршал
Михаил Николаевич Тухачевский.*

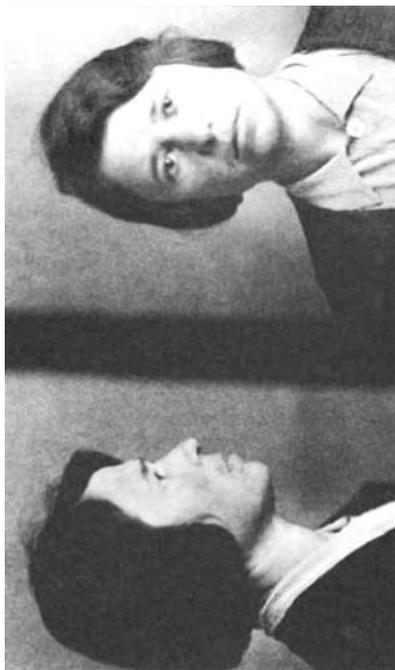
Софья Тухачевская.

Николай Тухачевский.

1938 год Жена Н.Н. Тухачевского Мария Викентьевна.

Лагерная фотография жены маршала Нины Тухачевской.

Мать Мариинны красавица Мария Тухачевская в тюрьме стала не похожа на себя.

Дочь маршала Светлана Тухачевская.

Отец Марианны М. Владимиров с братом.

Марианна Владимировна. Дата снимка неизвестна. Фото предоставила заведующая Архивом истории ГУЛАГа Алена Козлова.

СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА

284

1. Владимирова Марианна Максимовна
фамилия, имя и отчество

2. Год и место рождения 1926 г. Москва

3. Национальность русская

4. Родной язык русский

5. Знание иностранных языков и языков народов СССР Слабо Хорошо

6. Партийность:

а) член РКП(б) с 19 г. № №

б) член ВКП(б) с 19 г. № №

в) член ЦК ВКП с 19 г. № 47

7. Состоял ли раньше в ОДНМ при чинах событий до 1950-гг. арест

8. Состоял ли в других партиях (казак, козак) Нет

9. Был ли колебания и проведение линии партии и участвовал ли в оппозициях (опиши, когда) Нет

10. Имел или имеет нарушения (казак, когда, за что) Нет

11. Привлекался ли к судовой ответственности (казак, когда, за что) (решение суда) с 1950. № 060. К 81. статьи 105, 7-35

12. Социальное положение:

а) по профессору из отца и матери
Михаил Мельников

б) по личному положению свободная

в) профессия стенограф

г) род занятий родителей до революции (послед. рив. разношерстная
швей.

13. Образование:

а) общее Н. Высшее
высшее, среднее, высшее
обучилась в г. Иркутск
Московская артиллерийская
школа. г. Москва

б) школы и курсы ЗИД

в) партийно-политическое

14. Служил ли в войсках или учреждениях безвыходности (казак, где и в каких должностях) Нет

15. Был ли в плену, в окружении или интернированном во время империалистической или гражданской войны, а также в период Отечественной войны против немецких оккупантов, где, когда, при каких обстоятельствах, из какой части РККА попал в плен, в окружение или был интернирован. Нет

16. Проживал ли на территории белых (казак, где, и чем занимался) Нет

17. Был ли за границей Нет

18. Извест ли кто из родителей и родных (его и по линии жены) за границей (где, с какого времени) Нет

19. Кто из его или жены родственников подвергался репрессиям (казак и за что) Евгений Владимирович 31.8.1927, репр. Осерский - деп. - в лагере. Мельник, отбывал срок.

Эта карточка была заполнена на имя Марианны Владимировой в совхозе «Таежный».

ПРИКАЗ**МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР****за 1949 год****СОДЕРЖАНИЕ:**

00800.1^Б - Об организации Особого технического бюро
№ 1 4 Спецотдела МВД СССР при Енисейстрое
МВД СССР.

00800. 22 августа 1949 года. Гор. Москва.

В целях внедрения и использования передовой
техники при решении ответственных задач, возло-
женных Постановлением Совета Министров СССР
№ 1401-506сс от 11 апреля 1949 года на Главное
управление Енисейстроя МВД СССР -

П Р И К А З Н В А Ю:

1. Начальнику Енисейстроя генерал-майору
ПАНКОВУ и начальнику 4 Спецотдела МВД СССР
генерал-майору КЕРАСЬНИНУ:

а) организовать в г. Красноярске при Главном
управлении МВД СССР "ЕНИСЕЙСТРОИ" Особое техни-
ческое бюро № 1 4 Спецотдела МВД СССР, возложив
на него выполнение научно-исследовательских,
проектно-конструкторских и опытных работ для
Енисейстроя МВД СССР;

б) укомплектовать ОТБ-1 руководителями и опера-
тивным составом из числа сотрудников 4 Спецотдела
МВД СССР;

Т.А.К.К., Ф.Р.-1929. 04 3, 9. 4. 1 132

1949 Приказ министра МВД СССР об
организации ОТБ-1.

А.Н. Кулику – 90 лет.
Он помнит тех, кто работал в ОТБ-1.

Так выглядели строения филиала ОТБ-1 в Шилинке.
Рисунок бывшего его сотрудника Игоря Пономарева.

Марианна Владимировна.

Личный листок
по учету кадров

1. Фамилия Владимирова
имя Марианна отчество Максимовна
2. Пол Ж 3. Год, число и месяц рождения 1926.5.март
4. Место рождения г. Москва
(дом, деревня, город, район, область)

5. Национальность русская 6. Сос. происхождения служащая
7. Партийность член партизан нет партизан нет
(имеет ли партийные награды) (имеет ли)

8. Состояла ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета с 1940 по 1956 г.
9. Образование высшее

Наименование учебного заведения и его местонахождение	Формулы или специальности	Год начала обучения	Год окончания обучения	Если не окончено, то в каком году курс закончен	Какие специальности получены в результате окончания учебного заведения, указав № диплома или удостоверения
Воскресный Архит. ин-т, ул. Урицкого, Москва	Архит.	1946	1956		архитектор
Воскресный ин-т строительства в г. Вульфовка	ИТС	1947	1946		получена квалификация в области строительства

10. Какие иностранные языки и языки народов СССР вы знаете знаю
и перевожу со словарем по специальности
(указав в скобках по какому, какому, какому языку, какому предмету)

11. Ученая степень, ученое звание ученой степени и звания не имею

12. Какие ученые звания, награды и грамоты научный сотрудник
и награжденный не имею

Приложение к подл. № 196 г. СПРАВКА
на тов. Владимирова Марианну Максимовну
Кандидатура Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам строительства (Госстрой СССР)
в Италии на инженера (исполнитель) работу сроком на _____ в качестве _____
Год рождения 1926 Место рождения г. Москва
Национальность русская Партийность член Партийная № артистка
Образование высшее Специальность архитектор
Состояла ли ранее в КПСС не состояла Была ли в плену с 1945-1956 г. нет
Имеет ли партийные награды не имеет Имеет ли государственные награды нет
Имеет ли награды не имеет Была ли в плену с 1945-1956 г. нет
Имеет ли награды не имеет Была ли в плену с 1945-1956 г. нет
Имеет ли награды не имеет Была ли в плену с 1945-1956 г. нет

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1944-1946 Студентка Московского инженерно-строительного института им. Вульфовки

1946-1950 Студентка Московского Архитектурного института

1951-1955 Техник-архитектор. Предприятие почтовой связи № 126 Министерство металлургической промышленности.

1955-1956 Студентка Московского Архитектурного института

И-1957-17-1957 Архитектор - Проектно-художественные мастерские Советского подпольного комитета УИ Всемирного фестиваля молодежи.

X-1957-1958 Архитектор - Научно-исследовательский институт киленов Академии строительства и архитектуры СССР г. Москва

1958 по настоящее время Старший архитектор, с 1964 г. руководитель группы архитекторов - Центральная научно-исследовательской и проектной институт геодезии и аэрокосмического проектирования филиала Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР
- с 1. III. 1967 г. главный архитектор проекта ЦНИИИ киленов, г. Москва

Приложение (на листе) Москва, ул. Пилота Вестерова д.111 кв.20

Личный листок по учету кадров.

Справка на Владимирову М.М.

*Дети Н.Н. Тухачевского,
Андрей и Мария, в молодости.*

*Племянник маршала Андрей Николаевич
Тухачевский в 2008 году. Кадр из фильма
«Светлана Тухачевская. Дочь красного
Бонапарта»*

*Внучатый племянник маршала Николай
Андреевич Тухачевский. Кадр из фильма
«Ворошилов против Тухачевского. Маршал
на заклятие». 2015 г.*

*Кладбище в Шилинке. Сколько
исстрадавшихся душ упокоилось под
кронами деревьев – неизвестно.*

Американский мишка

Звонок из штата Массачусетс

Утренний звонок. Мужской голос в трубке. Слышимость отличная. Такое впечатление, что собеседник где-то совсем рядом. Когда же представился, я так и ахнула:

– Альберт Григорьевич! Неужели это Вы?! Столько лет Вас искала...

Когда стало понятно, с какого материка звонит Альберт Григорьевич, пришлось доставать географический атлас мира.

Так... где же находится город Нэйтик (Natick)?

Вот она, Северная Америка. Надо искать штат Массачусетс. Разливается голубым цветом Атлантический океан. А Бостон – столица штата – на его берегу. Нэйтик в 26 километрах. Надо посмотреть, далеко ли до Нью-Йорка – сюда нас тоже приведет дорога. От Natick всего 322 км.

...А до Первого отделения совхоза «Таежный» Сухобузимского района Красноярского края по прямой – не меньше 12 000.

Никогда не думала, что так далеко заведет поиск.

Однажды был разговор с учителем Сухобузимской средней школы Ириной Александровной Зуевой. Известный человек в районе. Прекрасный педагог-математик, любимый многими поколениями учащихся. Но у нас с ней особая тема. После того, как я увлеклась историей совхоза «Таежный», все расспрашиваю и расспрашиваю ее о ссыльных, там работавших. Сколько удивительных историй уже рассказала Ирина Александровна! А какие фотографии сберегла в семейном альбоме. Им цены нет!

Ее мама Вера Алексеевна работала в «Таежном» экономистом, а дед Алексей Филиппович Григорьев был там на разных должностях – бухгалтер, ревизор, заместитель начальника совхоза, долгое время – начальник Первого и Третьего отделений. Григорьевы дружили со многими интересными людьми, оказавшимися в сибирской ссылке.

В тот раз Ирина Александровна показала фотографию очень красивой, элегантной женщины. Она отбывала ссылку в 1940-х вместе с сыном Аликом. По рассказам, муж Анны Никитичны Шмидт работал за рубежом, был то ли послом, то ли военным атташе в США... Ирина Александровна точно не знала. Как и его имени.

Я долго искала в интернете сначала советского дипломата по фамилии Шмидт, потом военнослужащего. Но там обнаруживались в основном немецкие генералы. В списках жертв политического террора в Советском Союзе находилось много Шмидтов, но, судя по биографическим данным, все они были однофамильцами мужа Анны Никитичны. Поиски ни к чему не приводили. Слишком мало данных: неизвестно имя, отчество, год и место рождения, профессиональная принадлежность.

Ирина Александровна с мужем Михаилом Петровичем много раз ездили в Москву и там бывали в гостях у Шмидтов. Но потом связь потерялась. Однажды

Михаил Петрович Зуев обмолвился, что встречал статью Альберта Шмидта в журнале «За рулем». Я попросила найти публикацию. Ведь там наверняка указана должность и место работы автора. Хоть какая-то зацепка. Но журнал он не смог найти.

Поиск заглох окончательно.

...Прошло шесть лет. Как-то в беседе с М.П. Зуевым я посетовала, что так и не нашла Шмидтов. Фамилия распространенная, без отчества не найти. И вдруг Михаил Петрович спокойно так говорит:

– Так я знаю отчество Альберта!

–?!

– Альберт Григорьевич.

Немедленно набираю в поисковой строке: «Шмидт Альберт Григорьевич». На экране компьютера возникает фотография – и в кабинете раздаются два возгласа. Мы оба одновременно узнаем... Алика, чьи детские и юношеские фотографии Зуевы до сих пор хранят в альбоме.

Не откладывая ни на минуту, пишу письмо.

Проходит еще полтора месяца. Ответа нет.

...И вот неожиданный звонок из США. Правильнее сказать – такой долгожданный.

Херсон-Петроград-Москва

Отец Альберта Григорьевича не был послом Советского Союза, как и военным атташе. Но личностью неординарной, его история полна невероятными событиями.

По его послужному списку можно предположить непростое происхождение, например, дворянское или из известной московской семьи. Но это не так.

Григорий Ефимович Шмидт появился на свет 17 января 1902 года в обычной рабочей семье. Место рождения – село Каменка Мелитопольского уезда Таврической губернии. Отец работал по найму на мельнице, мать портниха-надомница. Когда Грише исполнилось 6 лет, семья переехала в Херсон, где больше возможности заработать на жизнь. В городе на высоком берегу Днепра, вблизи его впадения в лиман Чёрного моря, имелись заводы и фабрики, крупный морской порт, куда и устроился отец.

Маленький Гриша развит не по годам. В шестилетнем возрасте его отдают в начальную школу. А когда исполнилось 10 лет, он поступает в Херсонское ремесленное училище. Семья с пятью детьми не имеет хорошего достатка, чтобы сын продолжал обучение в гимназии. Родители зарабатывают мало. И Григорий, обучаясь слесарно-механическому ремеслу, на летних каникулах не отдыхает, как большинство одноклассников, а нанимается подмастерьем в разные мастерские.

В июне 1916 года окончил училище и в течение месяца устроился токарем на завод К. Фаермана. Отец некоторое время занимался мелкой торговлей: продавал посуду. Но, видимо, без особого успеха, так как вскоре оставил торговлю и перешел на иждивение детей.

После Октябрьской революции Херсон несколько раз переходил из рук в руки. Ненадолго установилась Советская власть, но уже через два месяца город оккупировали австро-германские войска. В конце 1918-го на Черноморском побережье высадились соединения Антанты.

10 марта 1919 года Херсон заняла Красная Армия. В конце апреля большевики, депутаты Херсонского Совета создали союз рабочих-подростков. Революционные идеи подкупали своей новизной, увлекали благородными целями, открывали невиданные перспективы.

Молодой токарь тоже захвачен революционным движением, участвует в деятельности союза рабочих-подростков, стал членом Коммунистического союза молодежи. Учится на вечерних курсах общеобразовательной школы.

Когда губком КП(б) Украины для борьбы с бандитизмом объявил об организации в Херсоне Коммунистического батальона, он добровольно вступил в его ряды. Кто из отважных мальчишек не мечтал повоевать! Григорий не был исключением. Тогда он еще не знал, что вся его дальнейшая жизнь будет связана с Рабоче-крестьянской Красной армией. Вместе с товарищами-красноармейцами несет службу по охране порядка в городе. Боевое крещение получает в столкновениях с бандами атамана Григорьева.

Принимает участие в сборе продовольствия для рабочих Петрограда. Комсомольская организация выдвигает его в состав делегации, сопровождающей вагоны с продовольствием в Петроград.

Красноармейцы благополучно доставили ценный груз в голодающий город. Григорий впервые увидел прекрасную Северную столицу с ее величественными храмами и блистательными дворцами.

Петроградский комитет РКСМ в ответ на гуманитарную помощь выделил для комсомольцев Херсона литературу. Но Шмидт и его товарищи не смогли вернуться в родной город. В августе 1919 года в порт вошла белая армия А.И. Деникина. Григорий повез книги в Киев. И там сдал их в ЦК КП(б) Украины.

Красная Армия остро нуждалась в специалистах. Командование, оценив способности красноармейца Шмидта, любовь к технике, направляет его в Москву, на Военно-инженерные курсы комсостава РККА. Там семнадцатилетнего комсомольца приняли в члены РКП(б). В мае 1920 года Шмидта переводят на курсы при Высшей военной электротехнической школе комсостава РККА, в город Сергиев. Курсант активно участвует в общественной жизни, выполняя поручения партийной организации. По направлению Сергиевского укома партии выступает с докладами на фабриках, участвует в различных агитационных кампаниях, выезжая в волости Московской губернии.

Служба в крепости

Летом 1921 года девятнадцатилетний юноша получает звание красного командира РККА, военного техника-электромеханика. Ему уже не суждено вернуться в благодатный черноморский край. Предстоит путь к холодному морю – в Кронштадт, на военно-морскую базу Балтийского флота.

Говоря современным языком, выпускник попал в еще не остывшую «горячую

точку». Ведь 28 февраля 1921 года на острове Котлин произошло крупное анти-советское восстание. Гарнизон крепости, экипажи кораблей Балтийского флота и жители города выступили против диктатуры большевиков и проводимой ими политики «военного коммунизма». Мятеж был подавлен силовым путем. Обе стороны понесли значительные потери. Примерно 8000 мятежников ушли в Финляндию.

К счастью, в карательных акциях Шмидт не участвовал. Его используют по специальности – для обеспечения технического состояния Кронштадтской крепости. Зачисляют во 2-й артиллерийский дивизион помощником заведующего электроосветительными аппаратами. Дивизион вскоре переформирован в 1-ю артбригаду. Шмидт переведен помощником начальника прожекторной команды. Последовательно занимает должности помощника военкома бригады, помощника начальника агитпромчасти политотдела Кронштадтской крепости. Приказом по крепости за отличную службу Шмидту объявлена благодарность. Там же он получил первую в жизни Почетную грамоту. Несмотря на молодость, избран секретарем партийной организации дивизиона, потом артбригады. Работал и в комиссии Кронштадтского райкома партии по шефству над деревней.

В августе 1923 года его переводят в Шлиссельбургскую крепость на должность военкома артдивизиона. Там прослужил пять месяцев. Был избран членом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, членом бюро райкома партии.

Февраль 1924-го встречает в Петрограде. Здесь ему предстоит прожить восемь лет. Преподаватель, военком школы среднего состава зенитной артиллерии особого назначения РККА. Некоторое время – старший инструктор политотдела Ленинградского укрепленного района. С октября 1924 года почти два года служит военкомом батареи и полковой школы в артиллерийском полку 20-й стрелковой дивизии. Постоянно занимается самообразованием.

Заветная мечта

Больше всего молодого командира влечет новая техника, поступающая на вооружение РККА. Весной 1926 года он успешно сдал экзамены за курс артиллерийской школы. И был безмерно счастлив, получив приказ о направлении в Военно-техническую академию РККА имени Ф.Э. Дзержинского.

В 24 года исполнилась заветная мечта о поступлении в высшее учебное заведение.

Счастливые годы учебы, жизнь в прекрасном городе-музее, общение с талантливыми и образованными людьми. Впрочем, свободного времени почти нет. Учится просто блестяще, стремится получить знания сверх программы, пробует себя в науке, конструировании.

Много сил отнимают партийные нагрузки. Слушатели академии вовлечены в общественную работу. Шмидт как агитатор, руководитель кружков политпросвещения по заданию Выборгского райкома партии выезжает с докладами на различные предприятия и в организации. Даже руководит курсами политпро-

свещения на Ленинградском металлическом заводе имени Сталина, ниточно-прядельной фабрике. На последнем курсе заведует курсами подготовки в вуз парттысячников. Все время студенчества – неизменный член партбюро факультета.

Никто не удивился, когда после выпускных экзаменов, в 1930 году, Григория Шмидта оставили в академии. Приказом Реввоенсовета (РВС) №731 от 11 сентября 1930 г. выпускник факультета механизации и моторизации назначается адъюнктом автобронетанковой кафедры Военно-технической академии. Через два года назначен начальником технического сектора факультета.

*Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг до всех наук –
Со всем запасом их несметным –
И уж не выпустить из рук.*

(Александр Твардовский «По праву памяти»)

Химический танк адъюнкта Шмидта

В 1931 году Сталин утвердил план реорганизации войск, в котором делалась ставка на танки. Техническое перевооружение Красной Армии особенно активно продвигал М.Н. Тухачевский, назначенный начальником вооружений РККА. Механизация войск привела к отказу от конной тяги в пользу автомобилей, развитию танковых войск. Многого заимствовалось за рубежом. В этом же году по приказу Тухачевского начались работы по созданию собственных химических танков.

Григорий Шмидт, будучи слушателем академии, успешно занимался конструированием. Когда Совет труда и обороны поручил Военно-технической академии имени Дзержинского проектирование химического танка, его назначили руководителем бригады конструкторов. В эту группу включили Василия Ефимовича Филиппова, Василия Дмитриевича Ткача, Николая Константиновича Соловьева и инженера Владимира Павловича Сивкова.

В то время боевые машины создавались либо на оригинальной основе, либо на базе уже действующих моделей. Второе было предпочтительней по экономическим соображениям. Поэтому в качестве базы Шмидт избрал уже поставленный на конвейер легкий двухбашенный танк Т-26, имевший хорошие ходовые характеристики. Кстати, Т-26 являлся английским Light Tank Mk.VI.

Что может быть интересней для военинженера с творческой жилкой, чем конструирование настоящей боевой машины! Группа Шмидта работала, не замечая часов. Никто не придерживался графика рабочего времени. Трудились до позднего вечера, в выходные и праздничные дни. Да что там время! Забывали пообедать, когда бились над сложной технической задачей.

В 1931 году в академию несколько раз приезжал заместитель наркома по военным и морским делам СССР, заместитель председателя РВС СССР Михаил Тухачевский. Его целью было знакомство с проектами боевых машин, создаваемых преподавателями вуза. Полководцу представили авторов, в их числе был и Шмидт.

Следующая встреча произошла на ленинградском заводе «Большевик», где собирали химический танк. Григорий Ефимович показывал Тухачевскому свое детище. Видимо, не только машина произвела впечатление на заместителя наркома. Он разглядел в молодом конструкторе большой потенциал. Между ними возникло взаимное уважение, возможно, хорошие отношения, выходящие за рамки служебных. (О, если б знать, какие последствия они будут иметь в будущем.)

Летом 1932 года танкетка Шмидта была готова.

«По проекту СТ представлял собой универсальный химический танк, предназначенный для постановки дымовых завес, заражения местности отравляющими веществами, борьбы с закрепившимся противником «мощным огнеструеметанием» и для дегазации зараженной местности. Боевое вещество должно было размещаться в двух цистернах на 600 и 400 л, установленных на корпусе вместо башен».

(Из статьи А. Кириндаса, М. Павлова «Химический танк адъюнкта Шмидта»)

Авторы подчеркивали универсальность машины: для всех видов боевой работы задействовалось одно и то же оборудование, требовалось лишь сменить насадки на брандспойте. Специальные вещества закачивались в емкости при помощи механического зубчатого насоса.

Для зажигания огнесмеси было сконструировано электрическое запальное устройство. Танк оборудован приемо-передающей радиостанцией. Мог развивать отличную для того времени скорость – до 35 км/час. Колёсно-гусеничные боевые машины в начале 1930-х проходили за час обычно только 10 км. Переброска танков на другой участок занимала слишком много времени.

Проект одобрен

Наступил долгожданный день. 27 июля 1932 года Шмидт представил свой проект на совещании в Управлении по механизации и моторизации РККА, который возглавлял командарм 2-го ранга Иннокентий Андреевич Халепский.

С замиранием сердца ждал оценки специалистов. Когда участники совещания обменялись мнениями, можно было праздновать победу: проект получил одобрение большинства. Председатель РВС К.Е. Ворошилов произнес: «Выражаю твердую уверенность в том, что своей дальнейшей работой перечисленные военные инженеры дадут на вооружение РККА еще не один новый образец».

22 декабря 1932 года председатель Реввоенсовета СССР издал приказ № 0036 о «награждении 2500 рублями военного инженера адъюнкта Военно-технической академии имени Дзержинского т. Шмидта Г.Е., как руководителя бригады научных работников, за создание в короткие сроки по заданию Военно-химического управления РККА проекта универсального боевого химического танка, оборудование его рядом новых приборов и агрегатов собственной конструкции». Григорий Ефимович был награжден также часами.

Были поощрены и другие члены бригады конструкторов. Василия Ефимовича Филиппова премировали 1000 руб., а остальных членов коллектива по – 500.

Приказ РВС был объявлен в академии, адъютанту вынесена благодарность с занесением в личное дело.

Военно-химическое Управление РККА намерено было разместить заказ на изготовление двух опытных образцов химического танка Шмидта на промышленных предприятиях. Однако из-за недостатка средств в бюджете проект Шмидта не был реализован. В целях экономии ресурсов решили использовать для переоборудования уже имевшиеся Т-26.

Хотя танкетка так и не поступила на вооружение, имя конструктора Шмидта вошло в историю. Сведения о его детище опубликованы во многих изданиях. Сейчас их можно найти в Википедии, на тысячах других сайтов. Недавно на сайте «каропка.гу» я нашла фотографию макета химического танка адъютанта Шмидта. По имеющимся чертежам в масштабе 1:35 его сконструировал Александр Егоров. На форуме моделлистов эта работа получила высокую оценку. Кстати, при ее обсуждении один из форумчан поинтересовался: «Что стало потом с адъютантом Шмидтом? Во вредительстве не был обвинен?». (Как в воду глядел.) Но судьба автора проекта остается неизвестной до сего времени.

Москва. Новая академия

С увеличением численности Вооруженных сил и появлением новых их видов в стране стал остро ощущаться недостаток командиров и технических специалистов.

Механизированным войскам РККА требовались специально обученные кадры. Поэтому Реввоенсовет принял решение на базе факультета моторизации и механизации Военно-технической академии имени Ф.Э. Дзержинского и Московского автотракторного института имени М.В. Ломоносова открыть в Москве Военную академию механизации и моторизации (ВАММ) РККА.

Адъютант Шмидт вместе с факультетом в июне 1932 года переезжает из Ленинграда в Москву. В новом учебном заведении его назначают помощником начальника научно-исследовательского отдела ВАММ. Избирают членом бюро ВКП(б) академии.

Возможно, наш герой смог бы стать выдающимся конструктором. Он активно участвовал в научно-исследовательской работе учебного заведения. В его личном деле в графе «научные труды или изобретения» указано: выполнил пять научно-исследовательских и конструкторских разработок по танкам.

Но внезапно он вынужден оставить начатые проекты. Не по своей воле. Военнослужащий не может сам определять свою деятельность. Он обязан выполнять приказ.

Впрочем, новый приказ приятно удивил – он открывал отличные перспективы. Многие хотели бы оказаться тогда на месте Шмидта.

Англия. Фирма «Виккерс-Армстронг»

Все-таки по боевой технике РККА отставала от современных вооружённых сил

других государств. Поэтому Советский Союз закупал вооружение в передовых европейских странах, в том числе в Великобритании. Она считалась мировым лидером по производству бронетехники. В 1930 году здесь приобрели партию легкого танка «Виккерс-Армстронг». Потребовались новые модели.

В сентябре 1932 года Наркомат обороны по ходатайству Отдела внешних заказов и Управления механизации и моторизации РККА командировал Григория Ефимовича Шмидта в Англию. Он был не только высокопрофессиональным специалистом, владел английским и немецким языками.

Надо сказать, что направление в заграничную командировку тогда было целым событием. Для таких случаев существовал порядок, утвержденный Высшим советом народного хозяйства РСФСР в 1929 году.

Под лупой изучается биография кандидата, его родственные связи. «Правильного» ли происхождения, служил ли в Белой армии, есть ли родственники за границей, поддерживает ли с ними связь, подвергался ли кто-нибудь из близких репрессиям. Выясняется, участвует ли претендент в переписке под грифом «секретно».

По месту работы проводится опрос («за» и «против») по поводу командирования коллеги. В партийные органы отправляется соответствующий запрос. План командировки согласовывается на разных уровнях: в комитете ВКП(б), совнаркозе, НКВД, в организации места командирования. Также о командированном составляются справки, собираются отзывы о его работе, партийной активности. После успешного прохождения этой процедуры Шмидту выдают *«научные задания по изучению вопроса конструирования и производства танков в Англии»*. В то время советские специалисты допускались в заводские корпуса зарубежных стран и могли наблюдать за сборкой машин. Отдел внешних заказов поручает Шмидту также прием танкеток-амфибий «Виккерс-Карден-Ллойд» у фирмы Виккерс-Армстронг, где они были заказаны Управлением механизации и моторизации РККА.

РККА нуждается в броневых машинах, способных самостоятельно преодолевать водные преграды, удерживаться на поверхности воды, вести бой на суше и воде. Тремя годами раньше именно в Англии построен по-настоящему надежный плавающий танк. Плавает «Виккерс» за счет максимального облегчения веса, дополнительных баков (установленных под дном корпуса) и поплавков-надкрылков, прикрепленных над гусеницами.

Шмидт пробыл в Англии около трех месяцев.

Не патефон. И не фотоаппарат...

По возвращении из командировки в декабре 1932-го Шмидт составил отчет. Очевидно, выступал с докладами в наркомате, в отделе внешних сношений, в управлении механизации и моторизации РККА.

Военинженер привез не только массу впечатлений о жизни богатой европейской страны, которая разительно отличалась от советской действительности...

Командированные покупали за границей различные вещи. Чаще всего это были радиолы, патефоны, фотоаппараты, одежда и обувь.

Но Шмидт, бесконечно влюбленный в технику, мечтал не о модных пиджаках. Когда представлялась возможность, он с замиранием сердца садился за руль. И совершил-таки этот дерзкий, по мнению обывателей, поступок.

Он купил в Англии автомобиль.

Конечно, статус, заработная плата военных инженеров, преподавателей академии были в стране Советов довольно высокими. Они имели отдельные квартиры, дачи, ездили в отпуск к морю. Выделялись и элегантно одетой на фоне основной массы людей, носивших ширпотреб. Они могли позволить себе статусные вещи.

Но автомобиль! В ту пору это настоящая роскошь. Немногие из москвичей имели его, да еще заграничной сборки. Григорий Ефимович не был уверен, что ему разрешат привезти на родину машину. Но как человек решительный, смело пошел на риск.

На таможне в Ленинграде, как и предполагалось, возникли сложности: машину не пропускали. Тогда он по совету начальника Управления боевой подготовки РККА Александра Игнатьевича Седякина обратился за помощью к Тухачевскому. Седякин сам передал письмо маршалу.

Михаил Николаевич Тухачевский написал ходатайство наркомку внешней торговли СССР А.П. Розенгольцу. Слово авторитетного военачальника имело большой вес, и вскоре Шмидту выдали автомобиль. Это свидетельствовало о признании заслуг Григория Ефимовича. Ведь в 1930-х годах наиболее отличившихся специалистов премировали автомобилями или разрешали их приобрести.

Шмидт вернулся в академию, продолжал работать в должности помощника начальника научно-исследовательского отдела. В феврале 1933 года назначен преподавателем кафедры танков и тракторов, через 9 месяцев – старшим преподавателем. Читал курс теории расчета и конструкции танков, руководил дипломными проектами слушателей. Всесоюзным комитетом по высшему техническому образованию при ЦИК СССР ему присвоено звание доцента.

Встретил любовь

В декабре 1933 года случилось важное событие. Он женился. Избранницей стала москвичка Анна Страхова. Ему – 31 год, ей – 22. Молодая красавица происходила из простой семьи: отец служил на Главпочтамте, мать – домохозяйка. Анна после окончания курсов стенографии и машинописи работала в только что созданной Всесоюзной торговой палате, затем в одном из наркоматов. Возможно, Григорий встретил девушку во время подготовки к заграничной командировке.

На другом континенте

В октябре 1934 года Шмидт оказался далеко не только от Москвы, но и от Европы. К месту назначения плывет на трансатлантическом пароходе. Судно,

преодолев тысячи километров по Атлантическому океану, пришвартовывается в одном из портов США.

Здесь военинженеру-конструктору предстоит провести три года. Командировка оформлена во Всесоюзном объединении «Станкоимпорт». Ее цель – размещение заказов на станочное оборудование.

Эта организация с 1930 года занимается технологическим перевооружением предприятий отечественной промышленности.

Но в Америке до недавнего времени не было даже советского посольства, она стала одним из последних государств, признавших СССР. Дипломатические отношения установлены лишь при президенте Рузвельте – 16 ноября 1933 года. А первое соглашение о торговых взаимоотношениях заключено 13 июля 1935-го.

Однако правительство США не препятствовало торговле между частными американскими компаниями и советскими торгово-промышленными организациями. В условиях продолжающегося экономического кризиса промышленность страны была заинтересована в зарубежных рынках сбыта.

В Нью-Йорке действует советско-американская внешнеторговая фирма Амторг. В документах отмечалось: «Амторг фактически выполнял функции и посольства, и торгпредства, служил главной закупочной организацией Советского Союза в Америке и источником экономической информации о США».

Он подчинялся двум наркоматам – внешней торговли и иностранных дел.

В Советском Союзе идет бурное строительство и реконструкция производств. Возводятся крупнейшие машиностроительные, сталелитейные, химические, электротехнические, тракторные заводы. При этом более 80% оборудования закупается за рубежом, большей частью в США и Канаде. Все сделки и контракты с американскими фирмами, оплата их услуг проводились через Амторг.

Прибыв в Нью-Йорк, Шмидт возглавляет спецотдел Амторга. Настойчивый, инициативный, он умеет быстро ориентироваться в обстановке, принимать верные решения. Как и другие сотрудники, устанавливает контакты с представителями делового мира, осуществляет закупки оборудования для оборонных предприятий, проводит приёмку приобретенных станков, контролирует их отгрузку. Но круг обязанностей этим не исчерпывается. Советские инженеры должны изучать, а по возможности, копировать передовые технологии иностранных компаний, перенимать их опыт работы и организации труда. Американская техника, приборы и оборудование занимают первое место среди изучавшихся в СССР зарубежных образцов.

Соединенные Штаты являлись нейтральной страной и не входили в какие-либо военные блоки. Русские имели беспрепятственный доступ к разнообразным техническим данным, могли делать зарисовки и бесплатно снимать копии.

Григорий Ефимович получил задание от Разведупра РККА собирать сведения об американской военной технике. Такое деликатное поручение имели многие его коллеги. Возвращаясь на родину, они составляли подробные отчеты о том, что видели. Позже американские аналитики назовут Амторг «плацдармом советского шпионажа и старейшим советским разведорганом в США».

Дружба с легендарным летчиком

Удивительно, но Шмидту позволили взять с собой в командировку жену. Анна не переставала изумляться, наблюдая окружающую жизнь. Гуляла по Нью-Йорку, так не похожему на Москву, заходила в магазины, которые казались музеями. Понемногу осваивала английский язык. Шмидты побывали на Манхэттене, любовались статуей Свободы, взмывшим ввысь небоскребом Эмпайр-стейт-билдинг – самым высоким зданием в мире, из 103 этажей.

Посетили Метрополитен и музей естественной истории. В выходные выбирались на берег океана, купались, загорали. Анна увидела природу субтропиков, другие штаты и города.

Супруги с удовольствием общались с соотечественниками, приехавшими в США. Подружились с легендарным летчиком Сигизмундом Леваневским, участником экспедиции по спасению парохода «Челюскин», вторым по счету Героем Советского Союза. Вместе отдыхали, знакомились с достопримечательностями Америки. (Сын Шмидтов до сих пор хранит множество их совместных фотографий).

В 1935 году после нескольких сверхдальних авиаперелётов Леваневский предпринял попытку совершить беспосадочный перелёт по маршруту Москва–Северный полюс–Сан-Франциско. Однако, преодолев почти 2000 километров, Леваневский вынужден повернуть назад: в кабину пилота стало протекать масло. Неудачу отнесли на счет несовершенства отечественного самолета. С.А. Леваневского и штурмана В.А. Левченко командировали в США, чтобы приобрести там самолет и осуществить перелет по намеченному курсу.

Очевидно, поплавковый вариант пассажирского одномоторного самолёта «Валти V-1А» был куплен при содействии Амторга.

5 августа 1936 года Леваневский и Левченко на американском гидроплане «Валти» вылетели из Лос-Анджелеса в Москву. Маршрут пролегал через Чукотку. Было совершено несколько посадок, прежде чем 13 сентября лётчики благополучно приземлились в Москве. За этот перелёт Леваневский удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а Левченко – ордена Ленина.

Самый счастливый день

В следующем году Шмидты жили в ожидании самого главного события в жизни. Оно случилось 7 августа 1937 года. В семье появился долгожданный ребенок. Сын! Счастливый отец передавал Аннушке в роддом трогательные записочки, полные любви и нежности. Он был безмерно благодарен ей за сына. Когда впервые взял на руки маленькое сокровище, вдохнул лучший в мире запах младенческого пушка на головке, закрыл глаза от нахлынувших, не известных доселе чувств... Младенец был его копией. Такой же высокий лоб, красивые карие глаза.

В консульстве Нью-Йорка оформили свидетельство о рождении нового гражданина Советского Союза Альберта Григорьевича Шмидта.

Тревожные вести с родины

Жизнь омрачали тревожные вести с родины. Правда, ни сотрудники Амторга, ни кто другой не могли тогда представить даже сотой доли беды, обрушившейся на советский народ.

Григорий Ефимович был потрясен, прочитав в американской прессе сообщения о казни девяти военачальников во главе с маршалом Тухачевским. Их признали виновными в организации заговора с целью захвата власти. Происходящее не укладывалось в голову.

Еще никто не знал, что расправа с Тухачевским повлечет за собой массовые чистки среди командного и начальствующего состава РККА.

В считанные месяцы будут обескровлены не только армия и флот, выбит цвет военной науки – расстреляны почти все ведущие профессора и преподаватели военных академий, в первую очередь, цвет русской дореволюционной армии.

В Академии механизации и моторизации тоже идет чистка от «ненадежных элементов». Арестованы начальник кафедры тактики комбриг Н.Г. Матвиевский, начальник кафедры иностранных языков полковник Ф.Л. Григорьев, начальник курса инженерного дела полковник В.А. Зун, преподаватели – комбриги А.И. Гречаник, В.М. Иконостасов, В.В. Любимов, полковники И.К. Таубе, М.А. Колокольников, С.И. Певнев, В.А. Федерольф, Б.А. Лачинов, военинженер 1 ранга П.С. Озеров.

«Что-то тут не так...»

Ведомства словно соревнуются между собой по количеству выявленных «врагов народа». На недостаточно бдительных обращают свой взор карательные органы. Увы, стали обычным делом доносы. Кто-то «сигнализировал» ради собственного спасения, кто-то таким образом делал карьеру, кто-то получал жилплощадь.

Шмидт находился в США, а на его счет тоже поступило несколько «разоблачительных» писем. Исходили они, как ни печально, от коллег.

Сотрудник 4-го Главного управления Наркомата оборонной промышленности СССР Х-в в сообщении утверждал, что 12 станков для обработки снарядов, которые американская фирма «Эксцелло» готовила для СССР, не соответствуют техническим требованиям. К тому же цена станка якобы 4-5 тысяч долларов, а Советскому Союзу продали за 11 тысяч долларов только приспособления для наружной обработки изделия. Выводы: «Г.Е.Шмидт неправильно информировал Москву и заслуживает серьезного внимания, что-то тут, мне кажется, не так».

Он же 12 мая 1937 года на совещании у т. Богдана в своей информации о положении заказа на станки фирмы «Эксцелло» указал: «Со стороны Г.Е. Шмидта к фирме проявляется мягкотелость и стремление найти какой-нибудь путь, чтобы принять от нее станки».

Через два дня от Х-ва ушел очередной донос.

Через месяц, 15 июня 1937 года, в партком Наркомата внешней торговли СССР вновь поступили сведения, порочащие Григория Ефимовича. И на этот раз их написал коллега, некто Г-н, с которым вместе работали в Англии. Как только в газетах появилось сообщение о «разоблачении» маршала Тухачевского, Г-н тотчас «вспомнил»: «Шмидт часто говорил мне, что знаком с Тухачевским, так что, если мне машину не пропустят, я схожу к нему, и все будет в порядке».

11 августа 1937 года к начальнику отдела кадров Наркомата внешней торговли СССР Троицкому пришел слушатель Промакадемии им. Сталина Г-н, который должен был перейти на работу в Наркомвнешторг, и сообщил, что заведующий спецотделом в Нью-Йорке тов. Шмидт был в близких отношениях с расстрелянным предателем Тухачевским, по его ходатайству провез из-за границы автомобиль...

Возвращение на родину

Ничего не подозревающие Шмидты в это время прощались с Нью-Йорком. Срок командировки заканчивался, они радовались предстоящему возвращению на родину.

В ноябре 1937 года Амторг купил им билеты на французский трансатлантический лайнер «Нормандия», ходивший по линии Нью-Йорк – Плимут – Гавр.

В то время это было самое быстрое пассажирское судно в мире.

Когда супруги с четырёхмесячным сыном Аликом поднялись на борт, то пришли в изумление от гигантских размеров судна, имевшего 11 палуб. Пассажиры «Нормандии» могли плавать в бассейне размером 25×5,8 м, любоваться цветными оранжереями, садом, где пели птицы. На верхней палубе находились теннисные корты, магазин и даже католическая часовня.

Поражала красота и роскошь внутренних интерьеров. Пассажиры обедали в огромном салоне на 1000 посадочных мест, высотой в три межпалубных пространства. Анна взяла там на память меню ресторана (оно сохранилось до сих пор).

Григорий Ефимович, скорее всего, проявлял заботу об «Олдсмобиле», который приобрел в Америке. Кстати, на пароходе имелся гараж на 100 машин. Среди них был и автомобиль Шмидтов.

Путешествие на «звездном» лайнере было незабываемым.

Но что ждало их на родине? Григорий Ефимович знал из американской прессы о массовых репрессиях. Думал ли о том, что в условиях развернувшейся «шпиономании» он, дважды побывавший за границей, входивший в круг «предателя» Тухачевского, может прямоком попасть в застенки НКВД?

Неизвестно. Возможно, какие-то сомнения были, но, не зная за собой никакой вины, он их отбрасывал.

Редкий случай: несмотря на «убийственные» факты, Шмидта не тронули. Он, безусловно, представлял ценность для РККА как талантливый, перспективный специалист, имевший академическое образование и приобретший ценный опыт за рубежом. Но чья-то заботливая рука аккуратно складывала в папку компрометирующие материалы. Авань, пригодятся...

К 1 января 1938 года Григорий Ефимович успел полностью отчитаться перед руководством о своей работе в США. Во время командировки он состоял в штате академии и хотел вновь вернуться к преподавательской деятельности. Но еще в июле 1936-го приказом НКО он зачислен в распоряжение Управления по командному и начальствующему составу РККА. И теперь против желания временно прикомандирован к Наркомату внешней торговли СССР. Назначен заместителем председателя «Станкоимпорта».

...К 1938 году многие крупные руководители и специалисты, с которыми контактировал Шмидт, были уничтожены. Оказалось, по роду своей деятельности он имел дело со слишком большим количеством «врагов народа».

Равносильно приговору

4 ноября 1938 года парторганизация объединения «Станкоимпорт» создала специальную комиссию по персональному делу Г.Е. Шмидта. И такое вот совпадение: 13 ноября в партком поступило еще одно порочащее его заявление – от А. К-ва.

Комиссия «установила»: *«за время своей работы заместителем председателя правления “Станкоимпорт” т. Шмидт не проявил должной политической бдительности к врагам народа Клименкову и Романову и допустил ряд политических ошибок. Так, уже, будучи председателем правления, он посылал врага народа Романова на крупные заводы одного, вместе с представителем германской, а позднее английской фирм, хотя имел сигналы о связи Романова с врагом народа Бухариным»*. Кроме того, Шмидт якобы не очищал организацию от чуждых людей, не укреплял аппарат, не выдвигал молодые кадры.

Комиссия не поленилась найти лиц, знавших Шмидта по совместной службе в ленинградской Военно-технической академии. Опросили трех человек, но никаких сведений об антисоветской деятельности фигуранта добыть не удалось. Коллеги лишь подтвердили, что:

– Шмидт ездил докладывать о проекте химического танка заместителю наркома Тухачевскому и начальнику Управления механизации и моторизации РККА Халепскому;

– свою боевую машину строил на Петроградском государственном оружейном оптическом и сталелитейном заводе «Большевик» и позднее здесь же демонстрировал ее Тухачевскому;

– затем, как премию, получил загранкомандировку в Англию по представлению врагов народа Тухачевского и Халепского;

– при возвращении из Англии у Шмидта ленинградской таможней был задержан купленный автомобиль, который потом ему выдали по ходатайству Тухачевского;

– вторая поездка за границу, в 1934 году, была тоже оформлена с ведома врага народа Тухачевского.

На заседании парткома 11 ноября 1938 года разбирались еще два заявления – бдительных товарищей Ш-кого и А-вского. Прозвучали «новые» факты. На заграничную работу в 1934 году Шмидта оформлял бывший председатель правления

«Станкоимпорт», а теперь враг народа Гальперштейн. При этом определенную роль играл враг народа Тухачевский.

По результатам работы партийная комиссия приняла решение о вынесении Шмидту взыскания – строгого выговора с занесением в личное дело *«за неискренность перед парторганизацией и полное отрицание фактов при разборе дела о своих связях с врагом народа Тухачевским и за политическую близорукость при работе заместителем председателя правления “Станкоимпорта”»*.

Ну а дальше больше. По тем же самым аргументам (обвинения переписаны слово в слово) 13 декабря 1938 года общее партийное собрание объединения «Станкоимпорт» приняло решение об исключении Шмидта из рядов ВКП(б).

Это было страшным ударом. Как правило, за таким событием следовал арест.

Страх у изголовья

Когда у коммуниста отнимали партийный билет, он тут же попадал в число изгоев. Казалось, дни на свободе сочтены. Друзья и знакомые отныне избегали общения с Григорием Ефимовичем и его женой.

С этого дня они стали ждать ареста. Жили в постоянном напряжении. Особенно тяжело было ночами. Прислушивались к каждому шороху на лестничной площадке, вскакивали с постели, когда под окнами останавливалась машина.

А страх, что всем у изголовья

Лихая ставила пор...

Александр Твардовский

Аресты в это жуткое время чаще всего происходили ночью. Сколько коллег и товарищей уже кануло в неизвестность...

Но дни шли чередой, а он оставался на свободе. Почему его не трогали?

Как раз в конце 1938-го Сталин осознал, что террор приобрел гигантские масштабы, пора остановиться. 9 декабря освобожден от обязанностей наркома «кровавый карлик» Ежов. Наступило затишье. Перестали хватать людей без всякого разбора. Прекращали начатые дела. А некоторых арестантов даже оправдали – выпустили из тюрем. Кое-кого из военнослужащих вернули в армию. Вот и райком партии не утвердил решение парторганизации об исключении Шмидта из партии.

Он вернулся к преподавательской деятельности. Приказом НКО № 01554 от 21 апреля 1939 года Шмидт, состоящий в распоряжении Управления по командному и начальствующему составу РККА, назначен преподавателем кафедры танков и тракторов Военной академии механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. Кстати, очередное воинское звание – военинженер 1 ранга – ему присвоено 29 ноября 1938 года приказом Наркомата обороны № 02367/п.

Прошло два года. Григорий Ефимович преподавал в родной академии, очевидно, занимался и конструированием боевой техники. Как и другим преподавателям, ему предоставляли путевки в ведомственные санатории. Григорий, Анна и Алик дважды отдыхали на Черном море – в Сочи и в Коктебеле. Съездили супруги и в Ленинград. Григорий показал жене великолепный Петергоф. Григорий Ефимович увлекался фотографией, сам делал памятные снимки.

А вскоре в семье произошло очень радостное событие. Супруги давно мечтали о дочке. И 14 февраля 1941 года эта мечта сбылась – в семье родилась девочка. Ирина. Ирочка. Иришка.

Крошечное создание и подрастающий сын наполняли жизнь таким светом и радостью, что хотелось верить: все самое страшное уже позади.

18 мая. 3 часа 30 минут

Роковой звонок в дверь прозвучал ночью 18 мая 1941 года. На часах было 3.30. Шмидты жили в трехкомнатной квартире № 5 академического дома № 3/5, корпус 10, на Красноказарменной улице, рядом с академией, которая располагалась в бывшем Екатерининском дворце.

Прибывшие люди предъявили постановление на арест от 14 мая 1941 года. Подписано начальником следственного отдела НКГБ Зименковым и начальником следственной части Влодзимирским, утверждено народным комиссаром госбезопасности СССР Меркуловым. На документе – две резолюции от 17 мая 1941 года: «согласен» – наркома обороны СССР С.М. Буденного и «санкционирую» – прокурора СССР В.М. Бочкова.

Арест производили сотрудники НКГБ.

В качестве понятого был приведен комендант Н.Я. Трухин.

Начался изнурительный обыск. Насмерть перепуганная Анна, укачивая плачущего ребенка, проснувшегося от шума, с ужасом глядела на неожиданных гостей. Муж внешне выглядел спокойным. Четко отвечал на вопросы.

Сначала потребовали документы. Изъяли партбилет, удостоверение личности, пропуск в академию, диплом автотракторного института имени М.В. Ломоносова, медаль «20 лет РККА» и удостоверение к ней. Нашли 16 боевых патронов к пистолету калибра 6,35.

Из ящика письменного стола извлекли иностранную валюту. Это была мелочь: 13 монет белого металла, 30 – медных, 6 купюр разного достоинства на общую сумму 34 американских доллара. Видимо, эти деньги Шмидты не успели потратить на пути из США и привезли домой в качестве сувениров. И хотя сумма мизерная, 1 доллар тогда стоил 5,3 рубля, в протокол изъятия скрупулезно внесены номер и серия каждой ассигнации. Ведь гражданам СССР было запрещено иметь иностранную валюту.

Чекисты принялись рыться в ящиках и книжных шкафах. По листочку перебирали бумаги.

Большинство книг, альбомов, брошюр соответствовали специальности доцента Шмидта. Но все равно некоторые откладывали в отдельную стопку – для изъятия. Среди них две книги о танках и бронев автомобилях Англии и Америки, книга «Танк БТ-7», инструкции по уходу и эксплуатации Т-26, Т-40, БТ-7, альбом с иллюстрациями по танку КВ. Обнаружили черновую техническую переписку и расчеты по танкам. Пересчитали – 147 листов. Потом извлекли еще 365 листов черновики. Видимо, Шмидт продолжал конструкторскую работу. Завершал внушительную стопку «Проект гусенично-колёсной танкетки Г.Е. Шмидта» – собственного детища хозяина квартиры.

Какой компромат может быть в специальной литературе преподавателя кафедры танков? Но ее конфисковали, равно как и учебник «Краткий курс политической экономии», материалы бюро партколлектива академии, в котором активно работал Шмидт.

Обыск длился 13 часов

Выглянуло солнце. Дом ожил. Из подъезда доносились звуки хлопающих дверей. Соседи уходили на работу, дети спешили в школу. Начался обычный майский день. Никто не знал, какая трагедия разыгрывается за дверью пятой квартиры.

Проснулся трехлетний Алик. Смотрел испуганно, как чужие люди бесцеремонно копаются в их вещах, переводил глаза на побледневшего отца – и ничего не мог понять. Едва сдерживая слезы, мать прижала его к себе. Детское сердечко замерло от предчувствия беды. Но отец успокоил сына.

Солнце пригревало все больше. Анна успела уже несколько раз покормить Ирочку, уложить спать. Обыск между тем продолжался. Добычей сотрудников НКГБ стали две брошюры с конъюнктурным обзором США за 1937 год, блокноты и записные книжки – всего набралось 17 штук, тетради с записями – 29 штук, 79 личных писем на 108 листах, заявления по разным вопросам на 110 листах, записки с адресами и телефонами.

Гэбисты заметно оживились, когда увидели письма, написанные на английском языке (на 200 листах). Изъяли и 13 фотокарточек.

Наступило обеденное время. Соседские дети уже вернулись из школы. А в квартире № 5 по-прежнему кипит работа. В комнатах все уже перевернуто вверх дном. Но обыск еще не окончен. Мужчины перебирают вещи в гардеробе, листают книги и рукописи, роются в чемоданах и даже детских игрушках. Трудятся без отдыха уже 12 часов. Но, видно, никак не могут выполнить поставленную задачу – найти компрометирующие материалы.

Зафиксировав в протоколе изъятые документы и бумаги, приступили к конфискации вещей. Взяли американскую портативную пишущую машинку Royal, два импортных фотоаппарата, швейцарские часы «Лонжин». Добавили к ним технические паспорта на автомобили Oldsmobile и Chrysler (двухместный, спортивный, выпуска 1929 года, с пробегом 22620 миль). Обе Шмидт привез из заграничных командировок.

Упаковали в пакет облигации государственных займов на общую сумму пять тысяч рублей. Оглянувшись на Анну Никитичну и прижавшихся к ней детей, положили перед ней деньги и часть облигаций, отметив в протоколе: *«семье арестованного: жена и двое детей, оставлено наличными 2600 рублей и облигаций разных займов на сумму 2000 рублей».*

Бумажной полоской с печатью НКГБ № 21 опечатали шкаф с литературой.

Тщательно переписали все имущество, включая посуду. Домашние вещи, в том числе пианино и холодильник, оставлены на «ответственное хранение» супруге арестованного. Анне объявили: на имущество наложен арест, она отвечает за его сохранность, и вручили копию протокола.

Наконец обыск закончился. Он продолжался в течение 13 (!) часов. Конфискованные предметы, 39 наименований, отнесли в машину, стоящую у подъезда.

Не плачь, я скоро вернусь ...

Наступила минута прощания. Григорий Ефимович держался мужественно, не показывая волнения. Успокаивал плачущую жену: я ни в чем не виноват, разберутся и отпустят домой.

Он обнял Анну, поцеловал детей, пошел к выходу. У двери остановился на мгновение, посмотрел на родные лица...

Ни он, ни она тогда не знали, что видят друг друга в последний раз.

Оставшись в разоренной квартире, Анна не могла прийти в себя. Такой счастливой была жизнь еще вчера... Что теперь с ними будет?

Еще не пришло понимание, что 13 часов назад начался отсчет совсем другой жизни...

В академии среагировали оперативно. Приказом № 65 от 18 мая 1941 года доцента Шмидта уволили по ст. 44 п. «в» «Положения о прохождении службы начсоставом Красной Армии».

Интересная подробность. В карточке строевого учета Шмидта записано: приказом № 37 от 20 марта 1941 года он назначен старшим преподавателем, заместителем начальника кафедры танков. Но строка эта перечеркнута, и в соответствующей графе значится, что приказ № 37 отменен. Видимо, начальство, почувствовав, что над доцентом сгустились тучи, решило подстраховаться.

Через 10 дней после ареста по указанию заместителя наркома госбезопасности Кобулова автомобили Шмидтов были изъяты из гаража академии и переданы в 3-й отдел НКГБ. Остальное имущество будет конфисковано позже и вывезено на базу Госфондов, на улицу Кирова, 13.

Лубянка. Внутренняя тюрьма

Анне удалось узнать, что мужа увезли на Лубянку, во Внутреннюю тюрьму. Здесь содержали под стражей особо важных подследственных. В разное время в Лубянской тюрьме томились такие известные люди, как Николай Бухарин, Лев Каменев, Григорий Зиновьев, Михаил Тухачевский, Осип Мандельштам, Александр Солженицын.

Свиданий не дают, переписка запрещена. Но молодая женщина старается поддержать мужа. Оставив трехмесячную Ирочку и Алика у родных, часами простаивает в скорбных очередях, чтобы передать в тюрьму передачу или немного денег.

Никто не знает, что происходит за толстыми стенами.

18 мая, в день ареста, состоялся первый допрос. Он длится два с половиной часа. Его ведет начальник 3-го отделения 1-го отдела следственной части старший лейтенант Р.

Шмидт не признает себя виновным в антисоветской деятельности. Через четыре дня его снова ведут в кабинет. Следователь уже другой – лейтенант Г. Допрос длится 4 часа.

К делу приобщены ранее поступившие доносы, характеристики, материалы партийной комиссии по персональному делу. Арестованный на все вопросы отвечает четко: *«В антисоветской организации не состоял и никаких преступлений не совершал».*

Никаких доказательств нет. Тем не менее, через 12 дней после ареста следователь выносит постановление: *«Шмидт достаточно изобличается в том, что являлся участником заговорщической шпионской организации, по заданиям которой проводил активную вражескую работу».*

К этому времени из уголовных дел других лиц – архивных и недавно заведенных – сделаны выписки показаний против военинженера.

Теперь-то мы знаем, что ни одному из этих протоколов верить нельзя. Большинство показаний – результат вымыслов сотрудников госбезопасности, а «признания» выбиты пытками и истязаниями. Пленум Верховного суда, выносивший решения о реабилитации в 1950-х, отмечал, что приговоры 1930-40 гг. основывались на самооговоре обвиняемых, *«самооговор же достигался путем обмана, шантажа, психического и физического насилия».*

Но для следователя нет лучших доказательств, чем показания «сообщников». Извлекли на свет «признания» одного из руководителей Наркомвнешторга СССР. Он уже расстрелян по обвинению в шпионаже, год как лежит на Донском кладбище. Но на одном из допросов якобы утверждал: *«Бывший нарком Внешторга СССР Мерекалов начал с того, что на основные руководящие посты стал назначать явно скомпрометированных людей. Так в «Станкоимпорт» Мерекалов пригласил Г.Е. Шмидта, военного работника, командированного за границу врагом народа Тухачевским».*

(А.Ф. Мерекалов чудом уцелел. С поста замнаркома отправлен полномочным представителем в Германию, позже – на государственной и научной работе. Умер в Москве в 1983 году).

Бывший работник Импортного управления наркомата П. на допросе 16.08.1938 года показал, что в сведениях о реализации заданий по импорту оборудования, представленных Наркомвнешторгу заместителем председателя «Станкоимпорта» Г.Е. Шмидтом и подписанных им, было большое количество неверных сведений. (Этот человек, осужденный на 5 лет ИТЛ, впоследствии от показаний отказался).

Самые серьезные обвинения исходили от высокопоставленного сотрудника Наркомата внешней торговли СССР. 17.05.1941 года он показал, что «вредительскую работу по задержке размещения в Америке импортных заказов по отделу «Станкоимпорта» и по части финансирования Троцкого он, «по указанию наркома Внешторга СССР Розенгольца, проводил через Г.Е. Шмидта».

Не это ли «признание» коллеги, с которым связывали товарищеские отношения, послужило причиной ареста Григория Ефимовича? Ведь его взяли буквально на следующий день. Вряд ли это простое совпадение.

(А.П. Розенгольц – нарком внешней торговли СССР, кандидат в члены ЦК

ВКП(б), член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), член Президиума ЦКК. Арестован 7 октября 1937 года. Осужден на знаменитом Третьем Московском процессе антисоветского правотроцкистского блока. Среди обвиняемых (всего 21 человек) видные деятели партии – Рыков, Бухарин, Крестинский, Раковский, бывший нарком внутренних дел Ягода, известные московские врачи. Розенгольц обвинялся в том, что в составе террористической группы в августе 1934 года добивался приема у И.В. Сталина с целью совершения в отношении него террористического акта. Как и большинство фигурантов дела, наркома расстреляли 15 марта 1938 года на полигоне Коммунарка).

Следствие стремится определить Шмидта в подельники расстрелянного наркома Розенгольца. А того обвиняли не только в попытке покушения на Сталина. Якобы, будучи в сговоре «с представителями иностранных государств проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождающуюся нанесением экономического ущерба СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого».

Наркомат внешней торговли подвергся жесточайшим репрессиям. В 1938 году на пост наркома Сталин назначил Анастаса Микояна. Позже в книге воспоминаний «Так было» он напишет:

«И вдруг в конце 1937 г. Розенгольц был арестован “как бывший троцкист и теперь имевший отношение к троцкистской деятельности”. Он действительно когда-то голосовал за Троцкого, но был предан Сталину и никакого отношения к троцкистской группировке давно уже не имел. Я удивлялся только, что делал Сталин с людьми, которые честно работали для советской власти».

Новый нарком знакомится с положением дел, с сотрудниками наркомата. И обнаруживает:

«... Многими овладел страх. Люди боятся проявить инициативу, активность, чтобы это не сочли за вредительство. В наркомате господствует паника, перестраховка... Состояние дел оказалось хуже, чем я мог предположить. В наркомате из 46 человек, которые, начиная с 1930 г., в разное время были заместителями наркома или членами коллегии, не оказалось ни одного. Все были репрессированы...

...Из 21 объединения в десяти не было председателей, во многих управлениях и отделах взамен снятых кадровых работников были назначены совсем неопытные работники. В 15 странах из 25, с которыми были торговые связи, должности торгпредов были вакантны из-за того, что кадровые работники были сняты. Не было торгпредов в Бельгии, Греции, Дании, Италии, Иране, Китае, Литве, Монголии, Туве, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швеции, Японии».

Платою тройной

22 июня 1941 года началась война. Враг шел напролом, советские войска отступали. Репрессии против командно-политических, инженерно-технических и

иных кадров ослабили армию. Как бы пригодились сейчас на фронте их знания и опыт!

Казалось бы, пришло время наконец остановить истребление мифических врагов и бросить все силы на спасение родины от настоящего врага. Узники воспряли духом, пишут заявления с просьбой отправить на фронт. Готовы ценой жизни доказать, что ни в чем перед Родиной не виноваты. Напрасно. Их продолжают держать в застенках. И, как писал Александр Твардовский:

***И может быть,
с того платили
В войне мы платою
тройной...***

24 июня. Третий день войны. Но на Лубянке все как обычно. Камера переполнена, дышать нечем. Люди с тоской глядят на узкую полоску неба, виднеющуюся через небольшую щель в закрытом снаружи окне. Кого-то привели (принесли) с ночного допроса, кто-то обреченно ждет, когда откроется «кормушка» – оконце в железной двери, через которое передавали пайки, а конвоиры выкликали очередную жертву.

Пришла очередь Шмидта. Снова новый следователь. Снова изнурительный поединок.

26 июня следственное дело № 2547 участника антисоветской правотроцкистской организации Наркомвнешторга Шмидта принято в производство. С тех пор как в ведомстве вскрыли еще одну группу, члены которой занимались «вредительством, финансировали троцкистско-заграничный центр, были связаны с иностранными разведками и фашистскими организациями», у чекистов дел невпроворот – находят все новых и новых «сообщников».

Теперь Григория Ефимовича вызывают на допросы каждый день. Возвращается в камеру заполночь. Следователи меняются. Звучат все новые и новые обвинения. Военинженер твердо стоит на своем: «ни в какой организации не участвовал, вражеской работы не вел, и никакие материалы не могут доказать того, чего не было».

9 августа срок ведения следствия и содержания под стражей продлевается на два месяца – до 10 сентября 1941-го.

На допросе 15 августа следователь сосредоточился на заграничных командировках. Выяснял, чем именно там занимался подследственный. Но более всего допытывается: кто лично рекомендовал Шмидта на работу в Англию и США.

Какой криминал в том, что за рубеж направляли грамотного инженера, члена партии с 1919 года, владеющего иностранными языками? Даже в Москве такие кандидатуры не просто найти.

Но когда следователь озвучивает фамилии, картина получается удручающая. Шмидт постоянно находился среди врагов. Они его и продвигали. Заместитель наркома Тухачевский (расстрелян), начальник Управления механизации и моторизации РККА Халепский (арестован), председатель «Станкоимпорта» Гальперштейн (арестован), начальник 4-го управления РККА Березин (арестован).

Вновь и вновь следователь задает один и тот же вопрос: какие отношения были с этими людьми? И хотя Шмидт уже тридцать пять раз сказал, что встречался с

ними лишь по служебным делам и никаких личных связей не имел, следовательно не понимается. Новый допрос – и все те же вопросы.

Через несколько дней возникает новый круг лиц, под чьим руководством служил Шмидт в разные годы. Все они занимали высокое положение, но теперь тоже признаны врагами народа.

Командарм Александр Игнатьевич Седякин возглавлял Военно-техническую академию в 1930–31 гг. Именно его приказом выпускник Шмидт назначен на должность адъюнкта автобронетанковой кафедры. А еще раньше, в начале 1920-х, Седякин был комендантом Кронштадской крепости, а также Петроградского укрепленного района, где тоже нес службу молодой командир Шмидт. Но можно ли всерьез считать, что их пути пересекались, слишком большая разница в рангах. Они не могли встречаться и позже. Седякин служил совсем в других войсках – сначала заместителем начальника штаба РККА, потом начальником управления ПВО РККА, командующим войсками ПВО Бакинского военного округа. Взят органами НКВД в декабре 1937-го, через несколько месяцев расстрелян.

Под руководством казненного в 1938 году комкора, начальника и комиссара Военной академии механизации и моторизации РККА Жана Фрицевича Зонберга Шмидт работал преподавателем с мая 1932 года по август 1933-го. Получается, что меньше года, так в это время на четыре месяца командирован в Англию. Зонберг с августа 1933-го в академии уже не работал. Состоял в распоряжении РВС СССР и наркома обороны, а потом стал инспектором по военной работе Осоавиахима СССР.

Зонберга сменил комкор Маркиан Яковлевич Германович. Он руководил Военной академией моторизации и механизации РККА три года. Шмидт почти все это время находился в США. Германович расстрелян в сентябре 1937 года.

И опять следователь долдонит: какие взаимоотношения связывали подследственного с этими людьми?

Не получается привязать Шмидта к «преступлениям» бывших начальников академий? Значит, найдем других. Во Внешторге бо-ольшой выбор «врагов народа». Например, бывший нарком Чвялев, заместитель наркома Розов, начальник Импортного управления Волин, бывший председатель Амторга Боев.

(Е.Д. Чвялев. Участник Гражданской войны. Занимал разные должности в политуправлении РВС, редакции газеты «Правда», Союзкино, ВСНХ УССР. В 1934 году окончил экономический институт Красной профессуры. После обучения в аспирантуре Академии внешней торговли был ее директором. В 1937–1938 – заместитель, народный комиссар внешней торговли СССР. С декабря 1938 года – преподаватель Академии внешней торговли. Арестован в апреле 1939 года. Обвинен в шпионаже. Расстрелян 5 февраля 1940 г.).

(А.Г. Волин. Старый коммунист. Работал начальником Импортного управления Наркомвнешторга СССР, а в момент ареста – заместитель начальника производственного отдела «Главкотлотурбопрома» Наркомата электростанций. Арестован 31 августа 1939 года. 06.09.1940-го приговорен по первой категории. Расстрел заменен на длительный срок заключения. Скончался в 1967 году в Москве).

(И.В. Боев. Председатель Амторга. Арестован 31.12.1937 г. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР как участник контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 8.04.1938-го на Коммунарке).

Шмидта вынуждают признать соучастие в преступлениях коллег по Внешторгу. Предъявляют порочащие его выписки из допросов разных людей. Стараются увязать его и их показания.

Григорий Ефимович стоит на своем. Ни на какие провокации не поддается. Не оговаривает ни себя, ни других.

Предательство друзей

Самым страшным ударом были «признания» друзей и коллег. Все они приобщены к делу.

Бывший преподаватель кафедры танков Академии механизации и моторизации РККА сообщил: 22 января 1940 года в доме отдыха «Архангельское» в разговоре за столом при обсуждении фильма «Ошибка инженера Кочина» Г.Е. Шмидт спросил в резкой форме: «А что вы хотите? Чтобы вам показали как там (имеется в виду НКВД) бьют?»

Другой коллега Шмидта, старший преподаватель кафедры броневозов Академии механизации и моторизации, военинженер 1 ранга, арестован прямо на лекции по доносу одного из близких людей. Блестящий инженер, кандидат технических наук, спортсмен, автор книг, не выдержав истязаний, оговорил себя и товарищей. На одном из допросов утверждал, что Шмидт с восхищением рассказывал об американской промышленности.

Веская улика. Налицо низкопоклонство перед Западом. И ничего, что само руководство партии и правительства называет США высокоразвитой державой. Американская техника на всех уровнях ценится очень высоко. Только один пример. До войны большая группа советских специалистов во главе с известным конструктором профессором А.Н. Туполевым съездила в Америку, Францию и Англию. В США пробыла около трех месяцев. Конструкторы, посетив самолетостроительные и моторостроительные заводы, отмечали: американцы опередили европейцев во многих отраслях. Восхищались «высокой технологией производства, развитой конкурентоспособностью, превосходной организацией научно-исследовательских и экспериментальных работ, смелой и решительной ломкой устаревших принципов и быстрым внедрением всевозможных новшеств и образцов». По возвращении на родину инженер А. Аузан написал в статье, опубликованной газетой «За индустриализацию»: *«То, что я воочию увидел в США, — намного превзошло всякие ожидания».*

И это воспринималось как должное. Но высокая оценка американской техники подследственным расценивается как антисоветская пропаганда и агитация. Когда Шмидту зачитали показания коллеги, он подтвердил, что знает его только по совместной работе в академии с 1932 года, но не встречался с ним вне стен учебного заведения и никогда не беседовал на политические темы. Единственный раз, в мае 1941 года, заходил в лабораторию броневозов по поводу ремонта личной автомашины. Разговор шел о том, как в Америке поставлено

обслуживание автотранспортных средств, и он поделился своими впечатлениями.

Позже окончательно сломленный коллега даст показания, что он *«завербовал Шмидта для шпионской деятельности в марте 1939 года»*. Ложные показания не спасут его, он погибнет в заключении в 1942 году.

Дал показания против Шмидта и его близкий товарищ. Они познакомились в Ленинграде при поступлении в Военно-техническую академию в 1926 году. Встречались во время учебы. А после ее окончания оба оставлены в академии. Товарищ Григория сделал головокружительную карьеру, попал на ответственный пост в одном из наркоматов. Однажды приехал в командировку в Нью-Йорк. И неожиданно встретил в офисе Амторга Шмидта. Тот обрадовался, пригласил сослуживца к себе домой. За дружеским ужином вспоминали годы учебы, много шутили, смеялись.

Пройдет несколько лет, и в декабре 1940 года в собственноручных показаниях товарищ напишет о «восхвалении Шмидтом прелестей американской жизни, техники, быта (он говорил, что у нас в этом отношении «сплошная азиатчина»). В течение трех часов на квартире у Шмидта был сплошной антисоветский разговор». К тому же *«Шмидт характеризовал деятельность Внешторга, как малополезную. Говорил: из-за бюрократизма и волокиты стыдно встречаться с представителями инофирм»*.

В довершение всего товарищ добавил, что в 1930 году Г.Е. Шмидт разделял взгляды троцкистов, а также пользовался покровительством Тухачевского и мог обращаться к нему по служебным и личным вопросам, и его командировка в Америку была оформлена с участием маршала.

Читая эти показания, Григорий Ефимович испытал настоящую боль. Он был поражен. Ведь в трудном 1939 году, когда его едва не исключили из партии, друг поддержал его, дал положительную характеристику.

Шмидт не отрицал близких отношений с этим человеком, но не опорочил его ни единым словом. Он вообще никого не оговаривал. Так, когда следователь спросил, кто давал ему рекомендацию в партию, ответил: не помню.

Эвакуация

Допросы на Лубянке не прекратились и в самый тяжелый час, когда гитлеровская армия подошла к Москве. Государственный комитет обороны принял решение о частичной эвакуации центрального аппарата НКВД СССР.

В Куйбышев, Чкалов, Уфу, Саратов, Киров, Казань, Молотов, Новосибирск, Омск отправляли не только штатных сотрудников, архивы и имущество наркомата. В отдельных «стольпинских» вагонах вывозили наиболее важных политических заключенных. Первые вагонзакы пошли на восток уже в июле. 22-го числа из московских тюрем вывезли 1220 заключенных.

30 июля в Саратов этапировали 811 подследственных.

Возможно, среди них был Шмидт. Как свидетельствуют материалы архивного дела, в сентябре 1941-го его допрашивал уже следователь Саратовской тюрьмы.

Фарс с нелепыми обвинениями

Он продолжался и на Волге. Шмидта обвиняли в том, что он «работал на Соединенные Штаты Америки, умышленно завышал стоимость станочного оборудования, закупаемого для СССР, чтобы разницу с реальной стоимостью направлять на нужды Троцкого». (!)

Какая нелепость! Но, оказывается, подобные «преступления» приписывали многим сотрудникам наркоматов иностранных дел и внешней торговли, экспортных организаций. Как и шпионаж, связь с иностранными разведками.

В то время расходы наркоматов контролировались жестко, все решения о закупках за рубежом принимались с ведома валютной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). Финансовые нарушения были немыслимы.

Но с упорством, достойным лучшего применения, следователи добивались от военинженера 1 ранга признания. Тактика прежняя: всеми силами заставить арестованного дать показания против себя и товарищей.

Сухие протоколы архивного следственного дела не сохранили, какими методами действовали чекисты. Теперь известно: ко всем подсудимым «применялись меры физического и психологического воздействия. По ночам их зверски избивали, сутками держали на так называемой стойке (подследственный не имел право присесть, следователи же, сменяя друг друга, вели допросы круглосуточно). Лишали сна, шантажировали, угрожали репрессиями против членов семьи, обманывали. Обещали, к примеру, в случае самооговора и “хорошего поведения” на суде сохранить жизнь».

От Шмидта не добились ни единого признания. Единственное, в чем уличили – он скрывал, что его близкие родственники были репрессированы.

Что и говорить, в те страшные времена все так поступали. Родство с врагами народа ложилось несмылаемым пятном. За него могли арестовать, выгнать со службы и, разумеется, о преподавании в академии не могло быть и речи.

Муж родной сестры Шмидта Анны Ефимовны – Моисей Филиппович Зильберфарб – действительно был арестован в 1937 году. В то время Григорий Ефимович еще находился в Америке, так что определить его в сообщники Зильберфарба не получалось.

Анна с мужем жила в Николаевской области Украинской ССР. Моисея Филипповича осудили по первой категории. После его казни, 5 марта 1938 года, арестовали и жену, как члена семьи изменника родины. Она оказалась в Средней Азии, там ее следы и затерялись. Шмидт знал о трагедии своей сестры, но никогда и никому об этом не говорил.

Следователь пытался доказать и его непролетарское происхождение. Сделал запрос в Каменский поселковый Совет. Оттуда ошибочно прислали справку на родного дядю Шмидта, который до революции занимался торговлей, имел крупный бакалейный магазин. Его сына тоже звали Григорием.

Григорию Ефимовичу пришлось доказывать, что его отец в Каменке работал по найму на мельнице, а в 1908 году уехал в Херсон, где устроился грузчиком в речной порт. Если бы был состоятельным, разве пришлось бы его единственному сыну учиться в ремесленном училище, трудиться с 12 лет. Собственно, об

этом следователь прекрасно знал, так как в его распоряжении было личное дело Г.Е. Шмидта – с подробной автобиографией, карточкой строевого учета военнослужащего.

Далее выяснялось, кто рекомендовал Шмидта в партию в октябре 1919 года, какие он имел партийные взыскания. Оказалось, за 22 года в партии их было два. Первый – выговор в 1923 году за нетоварищеское отношение к комиссару дивизии, во второй раз – поставлено на вид за незначительный конфликт с однополчанами в 1924 году.

Под Москвой шли кровопролитные бои, гибли сотни тысяч красноармейцев (а может быть, уже миллионы). Здесь, под тюремными сводами, доблестный сотрудник НКВД «защищал» Отечество, со всей важностью выясняя, чем занимался до революции отец подследственного, за что 17 лет назад молодому командиру вынесли партийное взыскание и сколько раз он встречался с Тухачевским.

Следствие продолжается, шарахаясь из стороны в сторону. Шмидта обвиняют то в преступной связи с маршалом Тухачевским, то с коллегами из Внешторга, то с сослуживцами Академии механизации и моторизации.

Объявили соучастником преступления бывшего заместителя наркома боеприпасов СССР Хренкова. Шмидт вместе с ним учился в Ленинграде в Военно-технической академии, поддерживал товарищеские отношения позже.

(Н.М. Хренков – заместитель наркома боеприпасов СССР. Арестован 12.11.1940 г. как руководящий участник антисоветской троцкистской организации. Якобы проводил вредительскую работу в оборонной промышленности и занимался шпионажем в пользу германской разведки. Расстрелян 23 февраля 1942 года с группой других военачальников под Саратовом).

Григорий Ефимович отрицает свою причастность к какой бы то ни было антисоветской организации.

10 октября срок следствия продлен до 10 ноября 1941 года. Шмидта продолжают шантажировать якобы данными против него показаниями заместителя наркома Внешторга Д. А. Розова. Они хорошо знали друг друга, так как Давид Аронович руководил Амторгом. Продолжительное время вместе работали в Нью-Йорке, не исключено, что встречались там семьями. К делу Шмидта приобщили также собственноручные показания жены Розова Зинаиды Петровны, студентки Института иностранных языков. Розов арестован в апреле 1940 года, после возвращения из заграникомандировки. Кстати, и он, и жена тоже сидели во внутренней тюрьме НКГБ. Следователь утверждает: оба сознались в своих преступлениях, а также подтвердили враждебную деятельность Шмидта в составе правотроцкистской антисоветской организации.

...Сломить волю инженера Шмидта не удалось. Следствие вновь продлено. Узника переводят в тюрьму г. Энгельса.

Когда следователь тряс протоколами с «признаниями» супругов Розовых, Григорий Ефимович и предположить не мог, что тех уже нет в живых.

28 октября 1941 года в обстановке полной секретности проведена массовая казнь в поселке Барбыш под Куйбышевом. Безо всякого судебного решения по личному указанию Берии расстреляно 25 человек. Известные советские военачальники

чальники – два генерал-полковника и четыре генерал-лейтенанта, четыре генерал-майора, начальники наркоматов, знаменитые на весь мир авиаторы и конструкторы, пять Героев Советского Союза. В этот день казнены три женщины – жены высокопоставленных лиц. В том списке – заместитель наркома Розов и его супруга. Зинаиду Петровну тоже признали участницей антисоветской троцкистской организации, проводившей «шпионскую работу в пользу германской разведки».

Все мысли – о муже

Когда простая девушка из обычной рабочей семьи встретила обаятельного, образованного и очень симпатичного военинженера она была на седьмом небе. Молодожены отбыли в Америку. Жизнь казалась сказкой. Семья счастливо жила и после возвращения на родину. В доме царил мир и согласие. Григорий Ефимович обожал жену и детей, трогательно о них заботился.

...Все рухнуло в ту черную, нескончаемую ночь, 18 мая 1941 года.

Теперь Анна металась по тюремным очередям в надежде хоть что-то узнать о судьбе мужа. Все вопросы оставались без ответа. Однажды не приняли передачу:

– Выбыл.

Окошко захлопнулось. Словно отсекло от родного человека.

Она знала: он ни в чем не виноват. Думала: его взяли по какой-то чудовищной ошибке – разберутся и скоро выпустят. Но проходили месяцы. И надежды таяли.

Началась война. Москву постоянно бомбили, тревога объявлялась через каждые два часа. Деньги, которые ей милостиво оставили чекисты, вскоре закончились. В доме много ценных вещей – пианино, радиола, пылесос, фотоаппарат, часы. Имелся даже холодильник – Шмидты привезли этот диковинный для Москвы аппарат в 1937 году из Нью-Йорка. Но имущество описано, на него наложен арест. Анна предупреждена об ответственности за его сохранность. Продать ничего нельзя. Надо было думать, как прокормить себя и двоих детей. Анна была высококвалифицированной машинисткой и стенографисткой, могла бы зарабатывать, печатая тексты. Но машинку конфисковали в день ареста мужа. К счастью, на помощь пришли родные.

Знакомые, соседи стремились попасть на поезда, уходившие в эвакуацию. У Анны же все мысли были о муже: быть рядом, разделить с ним его судьбу.

Плохой знак

Прошел год, наполненный страхом, тревогами и ожиданиями. Никаких вестей. Но женщина все время прислушивалась: вот зазвонит звонок, она подбежит к двери – а там Он. Ее любимый муж. Шагнет навстречу: «Здравствуй, Аннушка! Я вернулся. Теперь все будет хорошо».

Этой надеждой и жила.

Минуло еще 5 месяцев. 28 октября 1942 года в квартиру вошли чужие люди. Предъявили документ о конфискации и стали выносить домашнее имущество. Это был плохой знак. Но Анна изо всех сил старалась гнать от себя черные мысли.

Через три недели – в ноябре 1942 года – неожиданный вызов в НКВД. Когда объявили, что муж признан виновным, осужден по 58-й статье, побледневшая Анна едва не потеряла сознание. В прохладном кабинете вдруг стало нечем дышать. Сотрудник налил воды, подождал, когда несчастная придет в себя, и сухо продолжил: «Шмидт Анна Никитична, как член семьи изменника Родины, приговорена к ссылке в отдаленные районы сроком на 5 лет».

Сборы проходили в страшной спешке. Анна двигалась как во сне.

Сошлют, наверное, в Сибирь... А там лютые морозы. Как уберечь маленьких детей? Где и на что они будут жить?

Родственники бесстрашно кинулись в НКВД, просили оставить детей Анны на их попечение. Но их мольбы были отвергнуты.

Молодая женщина, коренная москвичка, не могла понять, какие вещи нужно брать с собой, что потребуется в первую очередь, без чего нельзя будет выжить в далеком краю. Упаковав узлы, посмотрела на них... и заплакала. Ей невозможно унести даже детские вещи: одной рукой прижимает к себе дочь, которой нет еще и двух лет, за другую крепко схватился пятилетний Алик.

Волна человеческого горя

(Из воспоминаний Альберта Григорьевича Шмидта):

«Морозной зимой 1942 года мою семью с другими такими же страдальцами погрузили в товарные вагоны, оборудованные двухэтажными нарами по периметру и печкой-буржуйкой посередине, и отправили в дальнюю мучительную поездку в Сибирь. В этом печальном транспорте – женщины с детьми. Эта одиссея продолжалась около трех месяцев.

Дорога в ссылку была очень долгой и трудной. Во время частых остановок нашего товарного поезда женщины (среди ссыльных мужчин в поезде не было вообще) под присмотром вооруженных конвоиров выбегали на мороз в поисках питьевой воды и топлива для печки-буржуйки. Все страдали без воды, не хватало даже досыта напиться, не говоря уже о том, чтобы помыть детей. В качестве пищи полагалась сильно пересоленная селедка.

В вагоне было очень холодно несмотря на то, что печка топилась круглые сутки. Тонкие дощатые стенки вагона промерзли насквозь. Многие женщины утром с ужасом обнаруживали, что их волосы намертво примерзли к стенке вагона».

Уложив детей, Анна не могла уснуть. В теплушке яблоку негде упасть: теснота невероятная, грязь, плач, стоны. В ссылку ехали ЧСИР – члены семей изменников родины, такие же обездоленные женщины, как и она, в одночасье потерявшие мужей, детей, дом, работу. Сердце не могло вместить этой огромной волны человеческого горя.

Она не знала, что самое страшное еще впереди...

Сгорела как свечка

Первой заболела Ирочка. Поднялась температура, появилось затрудненное дыхание. Голос девочки стал сиплым, а потом совсем пропал. Маленькое тельце сотрясал сильнейший озноб. Мать слышала, как часто-часто бьется сердечко, которому стало тесно в груди. Личико посинело. Анна прижимала к себе малышку, смачивала водой ее запекшиеся губки. Умоляла людей о помощи. Но начались судороги, и Ирочка потеряла сознание. Никто в грязном, темном вагоне уже не мог помочь ребенку, погибавшему от дифтерии.

Девочка сгорела как свечка. Анна безумными глазами смотрела, как уносят тело ее ненаглядного Солнышка и не смогла пошевелиться. Боль жжала голову словно обручем. Сознание затуманилось, речь стала бессвязной.

Их сняли с поезда в Омске. Мать поместили в больницу. У нее обнаружили сыпной тиф в тяжелой форме. Алик остался один.

Меньше хлеба – больше сердца

(Из воспоминаний Альберта Григорьевича Шмидта):

«Моя мать долгое время находилась в бессознательном состоянии. Меня с взрослыми попутчиками поселили в огромное помещение больничного барака, где было множество трехэтажных нар.

Более всего в моем детском сознании отразилась одна ужасная картина. В морозный зимний день, играя в больничном дворе, мы подняли крышку большого ящика, и из любопытства заглянули в него. Внутри оказались обнаженные трупы умерших ссыльных. Я был потрясен, увидев тело кудрявой белокурой девочки моего возраста – дочки нашей попутчицы, ссыльной Тамары Клеопиной. Совсем недавно мы вместе играли во дворе».

Мать пролежала в больнице почти месяц. Все это время ее пятилетний сын обитал в бараке наблюдательного пункта. Как он не заразился тифом, находясь в инфекционной больнице, как выжил сибирской зимой, один, в чужом городе? Нашлись добрые люди, которые присматривали за ним, кормили.

Когда я писала эти строки, вспомнились слова из повести Ильи Эренбурга «Оттепель»:

«Вероятно, у нас было меньше хлеба и больше сердца».

10 февраля 1943 года почерневшую от горя женщину выписали из стационара. Сказали: выжила чудом. Пошатываясь от слабости, исхудавшая, наголо остриженная, она вышла из дверей больницы. Увидела Алика, с невесть откуда взявшейся силой бросилась к нему, прижала к груди, и весь дальнейший путь не могла ни на секунду отпустить его от себя.

Их снова загнали в такой же вагон, предназначенный для перевозки скота. И снова заполнили его людьми, лишенными паспортов. Хотя приближалась весна, за окном стояли морозы.

В седой глуши

В холодный мартовский день выгрузились в Красноярске. Дальше их повезли

на подводах. Конечный пункт оказался маленьким селением, занесенным снегом.

Это было Первое отделение совхоза «Таежный» (ныне поселок Мингуль).

***Опять стеной сугробы намело,
На небе звёзд серебряное крошево,
В седой глуши таёжное село
Холодным лунным светом запорошено.
Лежит на всём безмолвия печать.
В глубоком сне домишки деревянные:
В какое ж мне окошко постучать,
Где обогреться в стужу окаянную.***

Юрий Соловьев

Поселили в переполненный людьми барак. Анну определили в разнорабочие. Получить работу по специальности нечего и думать. Кто ж доверит ЧСИР (члену семьи изменника родины) печатать документы в подсобном хозяйстве ИТЛ, где на каждой бумажке стоит гриф «секретно».

Девять месяцев назад совхоз вошел в состав Норильского комбината – Норильского исправительного трудового лагеря. На отделении для заполярного лагеря выращивали зерновые, картофель, овощи. Держали скот и птицу. Вскоре рядом с поселком построили зону. В отдельный лагерный пункт (ОЛП «Таежный») пригнали заключенных из Норильска, Красноярского речного порта, Красноярской пересыльной тюрьмы.

Поселок заселен ссыльными, депортированными немцами, латышами, украинцами.

Оказалось, в совхозе немало и ЧСИР. Несколько генеральских жён, жён дипломатов и партийных деятелей. Но большей частью солдатки. Все с малыми детьми. Их мужья воевали на фронте, но за какие-то провинности осуждены. Кто-то добровольно сдался в плен, другие проявляли пораженческие настроения. Солдат по ст. 58-1а УК РСФСР (измена Родине) приговаривали к высшей мере наказания, их жён, детей, родителей, сестер и братьев лишали избирательных прав и ссылали на 5 лет.

Погонщик быков

(Из воспоминаний Альберта Григорьевича Шмидта)

«Всех женщин вскоре по прибытии направили на различные работы. Моей маме досталась работа на лесоповале, весьма “подходящая” для городской женщины, к такому труду абсолютно не приспособленной. Ей при этом страшно повезло: закрепили за повозкой, запряженной парой быков, и обязали вывозить обработанные бревна из леса на приемный пункт. Поначалу она не представляла, с какой стороны к этим волам подходить. Тем не менее, такая работа спасла ее от неминуемой гибели в первые дни ссылки.

Позже нам снова повезло: три семьи, включая нашу, переселили в отдельную избушку, получившую впоследствии название Хитрушка. У Лидии Владимировны Горячевой трое детей: Сережа, Кланы и Николай. Вторая семья состояла

из одинокой пожилой женщины Марии Васильевны Колесниковой. И третья – моя мама и я.

Сейчас трудно представить, как мы сумели все разместиться в этой Хитрушке, где была одна-единственная комната, площадью примерно 18 кв. метров.

Жили очень дружно».

Удалось узнать, что муж Лидии Владимировны Горячевой работал на одном из московских заводов. В 1942 году осужден по 58-й статье. Жену с тремя детьми выслали в Сибирь. Так же, как и Анна Шмидт, Лидия потеряла грудного ребенка.

Возможно, эти женщины ехали в Сибирь в одном эшелоне, так как в «Таежный» их привезли одновременно. Как и Тамара Клеопина, Анна Троицкая (фельдшер из Можайска), Ия Озерецковская с мамой Евдокией Матвеевной (москвички), все – ЧСИР.

Когда матери уходили на работу, за Аликом и Сережей присматривали старшие дети Лидии Горячевой. Вместе играли, по-братски делили корочку хлеба.

(Из воспоминаний Альберта Григорьевича Шмидта)

«Какое-то время мама работала учетчиком земель, и в ее обязанности входил обмер земельных участков близлежащих полей с помощью измерительного инструмента, называемого саженью. Это такая конструкция из двух длинных заостренных перекладин, соединенных под тупым углом, с прикрепленной к ним поперечиной.

Учетчик должен был проходить по периметру измеряемого участка и считать сажени, каждая – 2 метра.

В лесах поблизости от нашего поселка обитала бездомная женщина крупных размеров, которую называли Монголкой. Иногда она забредала в наш поселок. Про нее ходили разные легенды, и все жители почему-то боялись встречи с ней. Завхоз Степанов выгонял ее из поселка. Однажды в поле она погналась за моей матерью. Монголка не догнала ее, но страшно напугала.

Когда полевые работы закончились, маму перевели учетчицей молока на животноводческую ферму. Помню, с каким удовольствием я пил там парное молоко, меня всегда угощали им.

И я старался внести свою лепту. Поскольку всегда очень любил животных и умел дружить с ними, мне доверяли “самостоятельно” вывозить навоз на телеге, запряженной лошадей. Взрослые люди нагружали повозку, а моей обязанностью было отогнать ее к месту свалки, разгрузить и вернуться на ферму за очередным грузом. Однажды телега соскочила с поворотного шкворня, и я вернулся на ферму только с передней осью. Мужчины поставили телегу на место.

Как-то мне доверили перевезти груз на подводе, запряженной двумя волами. Я шел впереди и вел их за веревку. В одном месте замешкался на секунду, и один из волов наступил мне на носок ботинка. Мне было очень больно. К счастью, это произошло перед домом ссыльного ветеринарного врача Валентина Романовича, исключительно доброго и отзывчивого человека. Я со слезами прибежал к нему. Сняли ботинок, и он успокоил меня: никаких серьезных повреждений нет».

Заключенный ОЛП «Таежный» В.Р. Винокуров, осужденный в 1937 году по 58-й статье на 10 лет, действительно работал ветврачом в совхозе. Пользовался большим авторитетом у местных жителей. В 2015 году мне с большой симпатией рассказывала о нем девятиностудухлетняя Мария Егоровна Самсонова, тоже в свое время работавшая на Первом отделении. Однажды он спас ее, вовремя распознав приступ аппендицита.

– Валентин Романович всем помогал. Хотя он был ветеринарным врачом, к нему постоянно шли люди со своими болезнями. Что ни спроси – все знает, – вспоминала Мария Егоровна.

«Я был потрясен этим подарком»

В 1944 году Алик Шмидт пошел в школу. Первой учительницей стала Агния Николаевна Григорьева, жена начальника отделения Алексея Филипповича. Мама Алика подружилась с их дочерью Верой. Вера тоже работала на отделении – экономистом.

(Из воспоминаний Альберта Григорьевича Шмидта)

«Это была замечательная, добрейшая семья. Хозяйка дома Агния Николаевна, большой души человек, заведовала местной школой. Все они полюбили меня, пятилетнего пацана. Их гостеприимный дом стал моим вторым домом, где я проводил большую часть своего свободного времени. Меня кроме всего прочего сюда сильно притягивала маленькая собачка по кличке Мушка, с которой была взаимная привязанность.

Алексею Филипповичу по работе был положен конный экипаж, запряженный симпатичной лошадкой по имени Зорька. Пригонять Зорьку с конюшни, а вечером возвращать ее назад стало моей любимой обязанностью.

Алексей Филиппович относился ко мне как к родному сыну, делал мне неожиданные подарки. Никогда не забуду, как к моему дню рождения он преподнес настоящие лыжи, изготовленные местным столяром-виртуозом. Я был потрясен, потому что, как и все мои сверстники, в качестве лыж использовал доски от бочки.

Еще я помню, как мы с мальчишками ходили оравой купаться на речку Мингуль, примерно в 7 километрах от нашего поселка. Помню ссыльных калмыков, приносивших нам замороженное молоко для обмена на чай и соль».

Не жена, а вдова

Анна жила в полном неведении о судьбе мужа. Все время ждала хоть какой-то весточки. Но ее не было.

***О бесконечные года! –
почтовый ящик без вестей,
что с каждым утром все пустей.***

Юрий Домбровский.

Когда она видела изможденные лица заключенных, работавших в совхозе, но-

чью долго плакала, не в силах представить своего любимого Гришу в заплатанном эковском бушлате, худой обуви и жалкой шапчонке. Где он теперь, в каком лагере отбывает срок? Есть ли у него теплая одежда? Не голодает ли? Как она скажет ему, что не уберегла дочку...

Анна не знала, что она уже несколько лет не жена, а вдова.

10 лет без права переписки

– Мы ничего не знали о судьбе отца, все время ждали встречи с ним. Конечно, мама писала запросы в официальные органы. В ответ было либо молчание, либо вранье, – с горечью рассказывает Альберт Григорьевич.

Анна понимала, сколь шатко ее собственное положение. Знала, что многих жен изменников родины отправили в лагерь за «содействие контрреволюционной работе мужей». Без всякого на то основания. А уж пришить антисоветские настроения женщине, не отрекающейся от врага народа и проявляющей о нем заботу – вообще ничего не стоило. И тогда загремела бы Анна в места не столь отдаленные, а Алик – в детский дом.

Но она продолжала писать заявления.

И только через три года полной неизвестности наконец пришел ответ. В конце апреля 1944 года. На бланке Сухобузимское районного отделения НКВД значилось: «Ваш муж Шмидт Г.Е. осужден на десять лет лишения свободы без права переписки».

Слава Богу! Живой. Отбывает наказание в каком-то дальнем лагере. Срок, конечно, большой. Но какие бы испытания не выпали, она дождется мужа, и счастье вернется в их дом. Анна верила в это.

Даже в войну, когда изнасилась одежда и обувь, и не было даже простого мыла, чтобы помыться и постирать вещи, она не опускалась. Всегда следила за собой. Когда, утопая по колено в грязи, подтянутая, стройная, причесанная женщина шла по улице, переступала порог фермы, заваленной навозом, деревенские всегда провожали ее удивленными взорами: как ей удавалось в таких условиях сохранять достоинство, женственность и красоту? Только близкая подруга Вера Григорьева знала, что творится на душе, какие страдания приносит неизвестность.

После очередного запроса в июле 1946 года Анну вызвали в милицию повесткой: «Явитесь в РО МВД для получения ответа по розыску Вашего мужа Шмидта Г.Е.».

По новым правилам письменных справок об осужденных уже не давали. Устную информацию – только в стенах ведомства и только близким родственникам.

...Остается только догадываться, что лгали Анне в этот раз.

Разлука с сыном

В этом же, 1946, году спецкомендатурам разрешили освобождать из ссылки не-

совершеннолетних детей. Родные Анны просили отправить Алика к ним, в Москву. Она долго сомневалась. Ей казалось совершенно невозможным пережить еще и разлуку с единственным сыном. Условия жизни в послевоенной Сибири были очень тяжелые, жили впроголодь, обносились. Но самое главное – на отделении имелась только начальная школа. Как продолжать образование? Ближайшие школы – средняя в Сухобузимском (в 12 километрах) и семилетняя – в Атаманово (в 16). Где ребенок будет жить? Определять его на квартиру к чужим людям и видаться только на каникулах?

Да и кто знает, вдруг через некоторое время снова запретят передавать детей родственникам. В таком случае она уже не сможет дать сыну образование. И разве простит ей Григорий, что воспитала сына неучем? Проплакав не одну ночь, переборов отчаянье, Анна приняла разумное решение.

Утешала себя: до окончания ссылки оставалось полтора года. Значит, скоро они встретятся в Москве и уже никогда не будут больше расставаться.

Как нельзя кстати случилась оказия. В Москву отправлялась жительница Первого отделения Фронтовская. Анна Никитична умолила ее взять с собой Алика. Сама она, естественно, не имела права отлучаться с места поселения даже на 5 километров.

Москва. Большая Ордынка

– В столице добрейшая Мария Ивановна Фронтовская передала меня родной сестре мамы – Прасковье Никитичне Ореховой. Так закончилась моя сибирская ссылка, – вспоминает Альберт Григорьевич. – Деда к тому времени в живых уже не было. Никита Дмитриевич умер в 1944-м, бабушка Евдокия Ивановна – в 1946 году, вскоре после моего возвращения в Москву.

Но в Москве жили родные брат и сестра матери. Они встретили Алика со всей душой:

– Родственники у меня потрясающие, относились ко мне как к сыну. Тетя Паня стала для меня второй матерью. С двадцатилетней дочкой Ниночкой она занимала комнату в коммунальной квартире, где жили еще две семьи. К великому горю, Ниночка умерла от туберкулеза легких.

Напротив, через дорогу, в отдельной квартире жила семья младшего брата моей матери – Владимира Никитовича, в ней две дочери примерно моего возраста. Мы воспитывались вместе. Страховы окружили меня любовью и заботой. Дядя Володя увлекался рыбалкой и мотоциклом и везде брал меня с собой (все-таки мальчишка).

Родные жили в центре Москвы – на Большой Ордынке. Алика приняли в ближайшую школу в Старомонетном переулке. Она находилась вблизи Третьяковской галереи, Дома писателей, Дома правительства (печально известный Дом на набережной), была по тем понятиям привилегированной. Здесь учились дети общественных деятелей, литераторов, других известных лиц, но и рядовых москвичей тоже.

Алика зачислили в третий класс. Учился он на одни пятерки. За время ссылки ни в чем не отстал от своих сверстников. Его первая учительница Агния Нико-

лаевна Григорьева в маленькой сибирской школе давала знания не хуже, чем в столице.

«Сибиряк» быстро освоился в новой обстановке. Активно участвовал в школьной жизни, посещал разные кружки. С восторгом изучал Москву.

Мудрый классный руководитель Марк Соломонович Либерман не распространялся, что отец мальчика осужден по политической статье, а мать в ссылке. Сиротство было обыденным делом. Полкласса – безотцовщина, отцы погибли на войне. Многие считали, что в их числе и отец Алика. Марк Соломонович эту тему обходил. Такой же совет дал и Алику. Очевидно, поэтому сына «врага народа» без всяких препятствий приняли в пионеры, а потом и в комсомол.

Прощай, Сибирь!

... Жизнь в маленьком сибирском поселке текла по-прежнему. Правда, с ростом объемов производства увеличивалась численность населения. Поступали и поступали новые партии ссыльных – жители Западной Украины, Прибалтики, бывшие советские военнопленные, репатрианты. Прибыло заключенных и в отдельном лагерном пункте.

Анна жила ожиданием писем. Продолжала работать учетчиком и табельщиком. Однажды в хозяйстве срочно потребовалась машинистка. Посадили за машинку Анну Никитичну. И она выдала такую дробь, что конторские диву дались. Машинисток такой высокой квалификации они еще не видели. Анна еще по окончании курсов машинописи достигала скорости 206 ударов в минуту. А потом еще больше набила руку, работая во Всесоюзной торговой палате, Наркомате земледелия СССР. Все время командировки в США, до самого рождения сына, служила в Ампторге, тоже в качестве машинистки.

Еще перед замужеством окончила в Москве курсы стенографии, получив квалификацию съездовой стенографистки (скорость – 120 слов в минуту). К тому же она была очень внимательна, хорошо знала русский язык и печатала практически без ошибок.

Анну переводят с Первого отделения в Атаманово. 23 декабря 1946-го отдел кадров «Таежного» года оформляет ее машинисткой. Разумеется, ей не доверяют печатать секретную информацию, только сводки, таблицы, ведомости и прочую хозяйственную документацию.

В ноябре 1947 года наконец закончился срок ссылки. С разрешения спецкомендатуры Анна увольняется из совхоза 4 января 1948 года и тут же отправляется в Москву.

За сто первый километр

Но радость встречи с сыном и родными сразу омрачена. Женщину не пустили в ее родной город. Гражданам, репрессированным по политическим мотивам, разрешалось селиться не ближе 100 километров от Москвы.

Анна поехала во Владимир. И там сложности. Жилья нет, прописку не дают, на работу помеченных клеймом ЧСИР нигде не берут.

С большим трудом удалось устроиться на временную работу в дом отдыха ЦК профессионального союза работников торговли. И снова мучительные поиски работы, съемного угла.

Экспедиция на Туркменский канал

В январе 1950 года ее принимают секретарем-машинисткой в Черкесскую агролесомелиоративную экспедицию, которая входит в проектно-изыскательское объединение «Агролесопроект» Министерства лесного хозяйства СССР. Охотников на эту должность не находится: предстоят длительные командировки в дальние республики. Но человеку, только что вернувшемуся из ссылки, выбирать не приходится.

Трудности ее не пугают. Беда в том, что нельзя забрать к себе Алика.

Экспедиция отправляется в степные районы Азербайджана. Весь 1950 год производит там изыскания и проектирование государственных защитных лесных полос.

Вернувшись с берегов Каспийского моря и недолго побыв в Подмосковье, Анна снова собирает рюкзак. В Туркмении начинается строительство Главного Туркменского канала. Руководство страны в целях освоения новых земель и развития хлопководства решило провести воду по древнему, высохшему руслу реки Узбой. Канал предназначался также для судоходства.

Черкесская экспедиция занималась в Каракумах проектно-изыскательскими работами, озеленением и закреплении песков. Анна подолгу жила в Туркмении. В семье сохранилось командировочное удостоверение тех лет – в город Небит-Даг, стоящий у подножья Большого Балхана.

Работа среди бесконечных барханных песков в одной из самых горячих пустынь мира была нелегкой. После пятидесятиградусных сибирских морозов надо было приспособиться к изнуряющей жаре, тоже зашкаливающей за 50 градусов.

В Туркмении, как и в «Таежном», были нередки встречи с колоннами заключенных, они составляли более половины работающих на стройке. В 1951 году в пустыне построили несколько исправительно-трудовых лагерей. При виде людей, одетых в лагерные робы, у Анны всегда щемило сердце. Вдруг встретит среди них своего Гришу!

Где лежат его пути-дороженьки? Видно, сидит в лагере с особым режимом, где запрещены письма и передачи. «10 лет без права переписки» подошли к концу. Григорий должен вернуться. Но почему от него нет ни одной весточки?..

Анна изо всех сил гнала от себя черные мысли.

В день траура плакали не все

В 1952 году после окончания полевого сезона экспедиция вернулась в Москву на камеральную обработку материалов и представление проектов в правительство. Начальник экспедиции обратился в первое отделение милиции г. Москвы

с просьбой временно прописать сотрудницу А.Н. Шмидт в квартире ее сестры П.Н. Ореховой, проживающей на Большой Ордынке, дом 7, кв.17.

Столько было радости, когда мать снова смогла обнять сына.

Она уже не могла жить в разлуке с ним. Поскольку Москва по-прежнему была для нее запретным городом, в октябре 1952-го поселилась в Щекинском районе Тульской области. 200 километров от столицы. Устроилась секретарем-машинисткой в СМУ-1 треста № 18 Щекингазстроя и взяла к себе Алика. В девятый класс он пошел в школу им. Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

До сих пор помнит, как безутешно плакали учителя и школьники в день смерти Сталина, в марте 1953 года.

Сам не плакал. К этому времени у него уже появились некоторые сомнения в непогрешимости вождей партии. Причиной таких настроений были репрессии. Когда в стране развернулась вакханалия по истреблению врачей-отравителей, не все люди поверили в достоверность тяжких обвинений, предъявляемых уважаемым докторам. Алик был в их числе.

Он не переставал думать об отце, хотя уже не мог четко представить его облик. Ни минуты не сомневался в его невиновности. Но они с матерью по-прежнему не знали, где он.

Через год Альберт вернулся из Ясной Поляны в Москву. Окончил школу и получил аттестат зрелости. С детства мечтал стать военным моряком, но было ясно, что дорога в Нахимовское военно-морское училище для сына «изменника родины» закрыта.

Отцовские гены

Выбор профессии определила любовь к машинам. С начальных классов занимался в Детской технической школе. Будучи учеником пятого класса, ездил по Москве на полutorке – с инструктором. Научился разбирать и собирать узлы и детали автомобиля. Вскоре получил юношеские права, позволяющие управлять автомобилем под присмотром взрослого водителя.

Позже, когда в семье появилась машина, обслуживание и ремонт (в том числе капитальный) Альберт Григорьевич всегда проводил сам. За всю жизнь ни разу не прибежал к услугам сервиса или ремонтных мастерских. Водит машину по дорогам Америки и сейчас, в восьмидесятилетнем возрасте.

В 1954 году Альберт успешно сдал экзамены и поступил в Московский автомеханический институт (МАМИ), готовивший высококвалифицированные кадры для предприятий и научно-исследовательских институтов автомобильной промышленности. Сам того не осознавая, пошёл по стопам отца, увлекся конструированием. Потом удивлялся: генетика.

Анна некоторое время снова работала в «Агролесопроекте» и уволилась оттуда, когда после 6 лет мытарств по экспедициям, небольшим городкам и районным поселкам наконец разрешили поселиться в Москве.

Начальник Черкесской экспедиции М. Пожарский дал ей прекрасную производственную характеристику. Отметив высокую квалификацию, добросовест-

ность и аккуратность, добавил: «Тов. Шмидт А.Н. пользовалась авторитетом и уважением всего коллектива экспедиции, в котором только инженерно-технического состава имеется до 80 чел. Морально устойчива». Наверное, он понимал, что члену семьи изменника родины будет трудно устроиться на работу, и не побоялся (напомню, шел 1954 год) написать о нем хорошие слова.

Первое свидетельство о смерти

В Москве Анна нашла работу во Всесоюзном институте научно-технической информации. По вечерам и в выходные подрабатывала, печатая диссертации и рукописи. Ютились в коммуналке – старом доме под снос. Квартиру и конфискованное имущество Шмидтам, разумеется, не вернули. Только однажды они побывали в академическом доме, где счастливо жили полной семьей до 18 мая 1941 года. Их пригласил в гости товарищ и сослуживец Григория Ефимовича – генерал Кац. С другими его коллегами не встречались. Вероятно, одни разделили такую же судьбу, были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах, другие сложили головы на полях Великой Отечественной.

Анна не прекращала попыток узнать о судьбе мужа.

Прошло 14 лет со дня ареста.

И вот, после очередного запроса, Анне Никитичне, наконец, выдали документ.

...Это было свидетельство о смерти. На официальном бланке Первомайского райбюро ЗАГС г. Москвы – с номером и гербовой печатью – значилось:

«Шмидт Григорий Ефимович умер 18 марта 1948 года в возрасте 46 лет от склероза сердца». В графе «место смерти» – прочерк.

Почему семье не сообщили об этом в 1948 году?

Из каких соображений надо было мучить ее неизвестностью семь лет?

И по какой причине актовая запись произведена лишь 20 января 1955-го?

Анна не задает никаких вопросов.

Она просто не может прийти в себя.

Все. Надежды рухнули окончательно. Уже нельзя больше думать, что муж томится в каком-то секретном лагере. Невозможно мечтать о встрече...

Впрочем, если бы осмелилась о чем-то спросить, правдивых ответов все равно не получила бы.

Все уместилось в девять строчек

Однажды у знакомых Анне Никитичне встретился хороший человек, вдовец. Вскоре он предложил ей выйти за него замуж. Измученная одиночеством сорокачетырёхлетняя женщина приняла предложение, и они зарегистрировались. Но второй брак не принес счастья: через два года Герман Павлович Волков скоропостижно скончался от инфаркта миокарда.

И вновь длинные вечера в одиночестве.

Как только стало известно, что в Москве начался пересмотр дел осужденных по 58-й статье, Анна обратилась в прокуратуру СССР. Первое письмо написала 25

февраля 1956 года. И только через полгода пришел ответ из Главной военной прокуратуры: «Жалоба проверяется, о результатах Вам будет сообщено». Прошло еще 5 месяцев. 30 января 1957-го военный прокурор сообщил: «Дело в отношении Шмидта Г.Е. направлено для рассмотрения в Военную коллегию Верховного суда СССР». Снова потянулись дни томительного ожидания.

20 июня 1957 года Анну Никитичну пригласили в приемную Военной коллегии, на улицу Воровского, дом 13.

Едва справляясь с нахлынувшим волнением, она переступила порог высокого учреждения. Офицер сообщил:

– 15 июня 1957 года дело по обвинению Вашего мужа Шмидта Григория Ефимовича пересмотрено. Постановление особого совещания при НКВД СССР в его отношении отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Григорий Ефимович реабилитирован посмертно.

Сотрудник протянул женщине справку, скрепленную печатью судебного органа. И все.

Девять строчек машинописного текста на официальном бланке...

Всего девять.

...Какой мерой измерить человеческую трагедию, заключенную в них?

Анна не смогла вымолвить ни слова. Она всегда это знала! Гриша ни в чем не был виноват!

За что же принял такие муки! И что надо было сделать с человеком, чтобы у него, здорового, сильного духом, в 46 лет не выдержало сердце.

За что!?

Было жаль своей сломанной жизни, Алика, выросшего без отца... Но больше всего – жаль Гришу, чей век был оборван в самом расцвете сил.

И в голову не могло прийти...

Получив справку о реабилитации мужа, Анна Никитична обратилась в парткомиссию при Главном политуправлении Министерства обороны СССР. И вскоре Григория Ефимовича восстановили в партии.

23 августа 1957 года Главная военная прокуратура СССР сообщила, что и ее собственное дело о ссылке в Сибирь направлено для рассмотрения в Военный трибунал Московского военного округа. 30 сентября 1957 этот орган тоже отменил постановление ОСО НКВД от 18 ноября 1942 года в отношении жены изменника родины «за отсутствием состава преступления».

Понадобилось 16 лет, чтобы органы госбезопасности признали, что Шмидт не совершал никаких преступлений. Но вдове так и не сказали всей правды.

Ей же и в голову не могло прийти, что свидетельство о смерти мужа, выданное в 1955 году, – липа.

Ночные смены кандидата наук

Альберт учился на третьем курсе. Небольшая компенсация, выплаченная семье

за конфискованное в 1941–42 гг. имущество, пошла на его образование (как раз ввели плату за обучение). Два последних курса ему также выплачивали пенсию за отца – 90 рублей в месяц.

В 1959 году он успешно защитил диплом и получил квалификацию инженера-механика по специальности «Автомобили и тракторы». По распределению попал на московский автобусоремонтный завод «Аремкуз». Приняли старшим инженером. Уже через год предложили возглавить конструкторское бюро, в котором Альберт проработал до 1964 года в должности главного конструктора.

Но его больше всего влекла научно-исследовательская работа. Поэтому в 1964 году он перешел в НИИ автомобильной промышленности (НАМИ) на должность руководителя группы конструкторского бюро.

Работу в лаборатории стендовых и дорожных испытаний легковых автомобилей совмещал с учебой в аспирантуре. В 1970 году успешно защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата технических наук.

Научно-исследовательская работа стала еще более захватывающей, когда появилась электронно-вычислительная техника. Компьютеры в ту пору были редкостью, первый занимал в институте огромную комнату, и к нему выстраивалась очередь. НИИ арендовал электронные машины в других организациях, но все равно машинного времени на всех не хватало. Альберт Григорьевич по настоящему увлекся новой техникой, нередко работал на ЭВМ по ночам.

Писал статьи по автомобильной тематике, их охотно печатали научно-технические журналы.

23 года проработал в институте – старшим инженером-исследователем, заведующим сектором топливной экономичности легковых автомобилей. Проводил теоретические и расчетные исследования, лабораторно-дорожные испытания. Их целью была оптимизация конструктивных параметров легковых автомобилей, достижение топливной экономичности. Опубликовал более 50 научных работ.

В 1994 году Альберта Григорьевича назначили ученым секретарем НАМИ.

Мать гордилась успехами сына. Про себя все время отмечала, что он во всем похож на отца. И внешне – как две капли воды. И такая же всепоглощающая увлеченность работой, такая же жажда знаний, множество разносторонних интересов.

Как и отец, сын не расставался с машиной. Настоящей страстью стали и автомобильные путешествия. Изучив интересные места Подмосковья, начал прокладывать дальние маршруты. Ездил в Поволжье, на Кавказ, в Крым, в Прибалтику и Карелию.

В студенческие годы Альберт встал на горные лыжи. Освоил не только все подмосковные горные трассы. Ездил покорять снежные вершины в Домбай (Карачаево-Черкесия), в Цахкадзор (Армения). Кстати, на горных лыжах катался до пенсионного возраста.

Жена Маргарита Федоровна разделяла многие его увлечения. Однажды супруги приобрели разборный швертбот. Изучили основы владения парусом. Начались незабываемые путешествия по водоемам. Ходили на яхте по Азовскому морю, по Ладожскому озеру, Вуоксе, по водным просторам Карелии.

Горькая память

Мать с нетерпением ждала их возвращения из путешествий. Но однажды неожиданно сама отважилась на дальнюю поездку.

Друзья, обретенные в ссылке, – настоящие. Их не разлучают ни изменившиеся обстоятельства, ни годы, ни расстояния. Анна Шмидт продолжала дружить с Верой Григорьевой. Ее дом, а потом и дом Альберта радушно встречали сибиряков, приезжающих в столицу. Те, в свою очередь, настойчиво звали к себе в гости.

И однажды Анна Никитична решилась. Но переоценила свои силы. Хотя со дня первого «путешествия» в Сибирь – под конвоем – прошло 32 года, стоило ей очутиться в поезде, следующем по Транссибу, остро нахлынули воспоминания о трагических событиях. Женщина непрерывно пила таблетки, но ничем не могла унять боль. В Омске, где умерла маленькая дочка, Анну Никитичну свалил тяжелейший гипертонический криз. Потребовалась медицинская помощь... Когда Григорьевы встретили гостью в Красноярске, испугались одного ее вида: на руки им упала полуживая женщина. Окружили вниманием и заботой, стараясь отвлечь от горестных воспоминаний.

Потребовалось время, чтобы она начала отходить от потрясения. Анна Никитична другими глазами увидела Сибирь. Узнавала и не узнавала места, связанные с жизнью в ссылке. Побывала на Первом отделении, очень обрадовалась встрече с Лидией Горячевой. Плакали и смеялись, вспоминая, как жили всемером в избушке, в тесноте, да не в обиде.

Даже у смерти – две даты

И Анну, и ее сына все время мучил вопрос: где окончил свой земной путь их родной человек. Так хотелось съездить на могилу, поклониться месту последнего упокоения, положить цветы...

В 1955 году семье сообщили, что Григорий Ефимович скончался во время заключения в исправительно-трудовом лагере.

Но где, в какой дальней стороне? В Республике Коми? В Норильске? На Колыме?

Вопросы без ответа.

Анна уже не надеялась когда-нибудь поплакать на дорогой могиле.

И вдруг ее повзрослевший сын проявил характер. Двадцатилетний студент не побоялся обратиться в учреждение, одно название которого тогда у многих вызывало ужас, – в Комитет государственной безопасности. Люди, особенно из числа репрессированных, панически боялись оказаться в поле зрения этого ведомства.

Альберт написал заявление с просьбой сообщить место захоронения отца.

Ответ пришел из управления КГБ по Саратовской области.

Он потряс все его существо. Юноша не знал, как сообщить матери об открывшейся страшной тайне.

В сообщении УКГБ черным по белому было написано: *«Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 22 августа 1942 года Шмидт Г.Е. осужден к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 сентября 1942 года в г. Саратове.*

Информация о месте захоронения не сохранилась».

Как же так?! Ведь два года назад им выдали свидетельство о смерти отца, где тоже черным по белому – «умер 18 марта 1948 года от склероза сердца»!

До какой низости надо было дойти, чтобы, уничтожив невинного человека, столько лет обманывать его близких... Лгать и извращиваться.

Шмидты не знали, что лгали не только им, а всем семьям репрессированных.

Так органы запутывали следы собственных преступлений, скрывали правду о массовых казнях невинных людей. Оберегали страну от шока.

Забудь, откуда вышел родом

И даже после того, как началась реабилитация невинно осужденных, родственникам по-прежнему не говорили правду.

18 августа 1955 года (за полгода до XX съезда!) эту ложь санкционирует на своем заседании Президиум ЦК КПСС. На основании его секретного Постановления составлена Инструкция КГБ СССР № 108-сс от 24 августа 1955 года «О порядке рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН – расстрелу». Было приказано, как и раньше, сообщать родственникам, что их близкие были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания наказания. К этому времени их безымянные могилы сровнялись с землей. Одни заросли лесом и травой, на других возникли промышленные зоны.

В годы перестройки стала открываться правда о чудовищных сталинских репрессиях.

В 1988 году Альберт Григорьевич вновь обратился в Военную коллегию Верховного суда Союза ССР с запросом о месте захоронения отца. Он надеялся, что сведения о расстрельных полигонах уже рассекречены. Напрасно.

Судебный орган уведомил сына: «По действовавшим в 1942 году правилам место захоронения заключенных не фиксировалось, поэтому установить его в настоящее время не представляется возможным».

«Система не только уничтожала людей, но и обеспечивала все необходимое, чтобы стереть память о них даже у их родных и близких», – написал мне Альберт Григорьевич.

Удивительно его слова совпали со стихами Александра Твардовского:

Забывать, забывать велят безмолвно,

Хотят в забвенье утопить

Живую быль. И чтобы волны

Над ней сомкнулись. Быль – забыть!

Не оставляя попыток хоть что-нибудь узнать о жизни отца, в 1989 году Альберт Григорьевич написал запрос в Академию бронетанковых войск имени Маршала

Советского Союза Малиновского (бывшую Академию механизации и моторизации). Ему ответили, что «Шмидт Григорий Ефимович действительно до 1941 года проходил здесь службу, однако после ареста его личное дело, а также учетная карточка члена КПСС были отправлены в Центральный архив Министерства обороны СССР».

Ни в библиотеках, ни на кафедре никаких работ и документов, связанных с его именем, обнаружить не удалось. Сохранилось только два приказа по академии. Первый от 2 февраля 1933 года о вынесении благодарности и награждении адъютанта Шмидта Г.Е. за проект боевого химического танка, второй – о сроках выслуги лет.

Домыслы и передержки

Однажды Альберт Григорьевич узнал, что некоторым родственникам известных людей, погибших в годы террора, дали возможность ознакомиться со следственными делами. 22 января 1993 года он тоже написал заявление в Министерство безопасности России. Он не надеялся на положительный ответ. Но к немалому удивлению ровно через две недели ему позвонили и сообщили, что архивное дело найдено и пригласили в приемную, на Кузнецкий мост.

На знакомство со следственным делом отца отвели три дня. Их Альберт Григорьевич запомнил на всю жизнь. Изучать страницы уголовного дела без содрогания было невозможно. Хорошо, что он унаследовал от отца сильную волю и самообладание.

Стены этого учреждения помнили, как при чтении архивных документов некоторые теряли сознание. У женщин начиналась истерика. Плакали же над историей гибели родных все без исключения.

Потрясенный Альберт Григорьевич не мог просто читать страницы. Он сразу начал делать выписки.

Хотелось запомнить все.

Чем больше вникал, тем страшней становилась жуткая картина происшедшего. Были очевидны полнейшая бесосновательность обвинения, отсутствие малейшей попытки создать даже видимость доказательств. Следователи менялись. Но никто из них не хотел слышать доводы разума и логики. У них была одна единственная цель – издевательствами и пытками выбить из подсудимого нужные «признания».

Изучая протоколы допросов, сын узнавал некоторые подробности жизни отца: о службе в Красной Армии, учебе в академии, работе над химическим танком, о заграничных командировках, знакомстве с известными людьми.

Альберт Григорьевич успел изучить 161 лист из 354 листов уголовного дела № 2547/56. Отведенные ему МГБ три дня закончились.

И в последующие годы его не оставляла мысль найти и съездить на могилу отца. Но на запросы в разные ведомства ответ был один: информация о месте захоронения не сохранилась.

Метрики на английском языке

Анна Никитична погибла в 1997 году при пожаре в московской квартире. Сын похоронил ее на Ваганьковском кладбище.

– всю жизнь я пользовался свидетельством о рождении, которое было оформлено Генеральным консульством СССР в Нью-Йорке. При разборе домашних вещей я случайно обнаружил свои вторые метрики, выданные родителями департаментом Нью-Йорка.

Мне не было известно об их существовании: по всей видимости, запуганная до предела мать скрывала их от меня.

С этими метриками я обратился в посольство США, и через месяц мне был выдан американский паспорт.

В институте, где работал Альберт Григорьевич, существовала российская секция американского Общества автомобильных инженеров (SAE). Ее возглавлял директор НАМИ В.Ф. Кутенев, а всю текущую работу выполнял Альберт Григорьевич, так как был в ту пору ученым секретарем. Имея на руках паспорт гражданина США, в 1997 году по приглашению Общества беспрепятственно отправился на конференцию в город Балтимор (штат Мэриленд).

Так ровно через 60 лет он оказался в месте своего рождения – в Нью-Йорке. Хотелось найти дом, где жили его родители, местонахождение Амторга, где оба работали. Но столько лет прошло, все изменилось...

– Жизнь моя на родине складывалась весьма успешно, и у меня даже в мыслях не было переехать в другую страну. Но в 2002 году в научно-исследовательском институте сменилось руководство. С новым директором отношения не сложились, пришлось уволиться.

Раздумывая о том, как жить дальше, я вспомнил о возможности пожить в США и решил: почему бы не попробовать. Страна произвела на меня очень хорошее впечатление... Так в 2002 году я оказался в Америке.

Поселился в небольшом городке Нэйтике штата Массачусетс. Вместе с женой Маргаритой Федоровной много путешествовали на машине по Америке, побывали в Канаде, Мексике. Отдыхать отправлялись в Турцию.

Альберт Григорьевич с юмором уточняет:

– Мы совершали много автомобильных путешествий в первое время, по приезде в США, пока были «молодыми» – мне 65, Маргарите 62. Сейчас, к сожалению, больше путешествуем по докторам разной специализации.

Но по всему видно, что и в 80 лет он в хорошей форме. Водит машину, по утрам совершает велосипедные прогулки, вместе с женой посещает фитнес-центр, где есть тренажеры и бассейн. В прошлом году совершили морской круиз на Бермуды.

Несколько раз ездили в Россию, общаются по скайпу с московскими друзьями:

– Конечно, скучаем по родной, красивой, замечательной, великой стране...

Вернули из небытия

Начав собирать материалы для очерка о судьбе этой семьи, обрушила на Аль-

берта Григорьевича массу вопросов. Когда отношения стали доверительными, спрашивала и о самом сокровенном. Неловко было беречь душу, но остановиться трудно. Журналист извечно стоит перед этой проблемой: не всегда удается сохранять деликатность, проявляя профессиональный интерес.

Альберт Григорьевич предельно достоверно и очень искренне отвечал на мои вопросы, хотя некоторые требовали немало душевных сил.

К сожалению, он немного знал об отце. Еще в юности несколько раз пытался расспросить мать, но та сразу начинала плакать. И он останавливался, видя, какую душевную рану вызывают у нее воспоминания о тех страшных временах.

Как же пригодились мне записки, которые сделал Альберт Григорьевич в 1993 году, изучая в МБ РФ архивное дело отца. Эти конспекты имеют немалую историческую ценность, так как содержат дословное воспроизведение документов следствия.

И все-таки сведения о биографии Григория Ефимовича были обрывочными. Неизвестно, как попал в Красную Армию, где служил, в каком качестве, какую академию окончил и чем занимался в дальнейшем. Тогда я обратилась в архивы.

Из каждого получила ответ. Архивная служба Вооруженных Сил Российской Федерации не располагала сведениями о военнослужащем Шмидте, но его сотрудники дали ценные рекомендации по дальнейшему поиску документов, сообщили адреса пяти архивов и Центрального музея бронетанкового вооружения и техники.

Российский государственный военный архив (РГВА) прислал ксерокопию служебной карточки Г.Е. Шмидта с его послужным списком за период с 12 мая 1919 года по 15 сентября 1930-го. РГВА сообщил и о дальнейшей службе нашего героя, сделав выборку из приказов РВСР-НКО за 1929–1939 гг. и тоже дал адреса других архивных учреждений.

Самым толстым оказался пакет из Подольска – из Центрального архива Министерства обороны РФ. Он содержал 12 драгоценных листов – копии личного дела Шмидта и подробной автобиографии.

Таким образом, стали известны недостающие и очень важные сведения.

Альберт Григорьевич был потрясен, получив от меня архивные документы. Только теперь он наиболее полно узнал историю жизни своего отца, словно вернувшегося из небытия.

Я спрашивала у Альберта Григорьевича: какие чувства он испытывал при знакомстве с делом отца и сейчас, когда мы по крупницам восстанавливаем события семидесятипятилетней давности:

– Меня постоянно преследует вопрос: как так получилось, что группа безграмотных деятелей, захвативших власть, присвоила себе право решать, кому жить, а кого надо уничтожить, – ответил он.

К моему немалому удивлению, сын до сегодняшнего дня сохранил большое количество фотографий разных периодов. В 1941 году было конфисковано только 13 снимков, видимо, «подтверждающих» связь военинженера с «врагами народа» и «шпионскую» деятельность.

Поразительно: Альберт Григорьевич взял с собой в Америку не только фото-

альбомы, но и абсолютно все семейные документы. Правда, среди них нет ни одной бумаги отца, все были изъяты при аресте. Сохранились только две записочки с признанием в любви, написанные его рукой жене в госпиталь в день рождения сына.

Сначала мать бережно хранила все эти свидетельства – счастливых и трагических событий в их семье. Свидетельство о браке лежало рядом с меню ресторана парохода «Нормандия», на котором семья возвращалась из США. Свидетельство о рождении дочки Ирочки, умершей в январе 1943 года по дороге в ссылку, и командировочное удостоверение на Главный Туркменский канал. Характеристика из совхоза «Таежный» и ответы НКВД.

Теперь все это сберегает сын.

В ответ на мое удивление он написал просто, без пафосных фраз:

«Мои родные – мое главное богатство. А поскольку я всю жизнь занимался исследовательской работой, систематизация и сохранение материалов стали моей профессиональной чертой (как у бухгалтера)».

Когда мы только начали общаться с Альбертом Григорьевичем, он первым делом спросил о внучке Григорьевых (Ирине Александровне Зуевой) и о семье Горячевых.

Больше 70 лет прошло со времени ссылки, а человек сохраняет в сердце благодарность сибирякам за поддержку. Обрадовался, узнав, что жива его подружка по детским играм Кланы Горячева. (Клавдии Ивановне Грищенко – 86, живет в Красноярске). Альберт Григорьевич попросил передать ей привет и наилучшие пожелания. Что я и сделала через внучку Лидии Горячевой – Наталью Николаевну Лазавикову. Оказалось, Клавдия Ивановна тоже хорошо помнит общительного московского мальчишку Алика, безошибочно назвала имя его мамы.

Память об исчезнувшем отце

...1943 год. Сибирь. Пятилетний мальчик впервые вышел на деревенскую улицу, крепко прижимая к себе коричневого медвежонка. Он изумился: так много снега, все белым-бело, а хвойный лес стоит зеленый.

...2018 год. Северная Америка. Штат Массачусетс, город Natick. На улице много красивых экзотических растений. Но седовласый мужчина смотрит в окно на хвойное дерево, растущее во дворе его дома. Оно напоминает ему картины детства.

А с тумбочки ему улыбается коричневый медвежонок. Тот самый. Только уже не такой пушистый, мех на боках уже истерся.

Отец купил эту игрушку в день рождения сына, 7 августа 1937 года, в Нью-Йорке.

Спустя четыре месяца медвежонок на огромном лайнере переплыл океан, проехал Европу и поселился в Москве.

Через 5 лет снова отправился в дальний путь. В сибирскую ссылку.

Вернувшись с берегов Енисея, долго жил в Москве, переезжая с квартиры на квартиру.

А через 65 лет вернулся на свою родину.

...Это единственная вещь, оставшаяся на память об отце.

Фото из архивов А.Г. Шмидта (США), И.А. Зуевой (Григорьевой), Н.Н. Лазавиковой (Горячевой), с. Сухобузимское.

2018 год

Очерк «Американский мишка» принес победу во Всероссийском конкурсе на лучшее журналистское произведение 2018 года, в краевом конкурсе Красноярские перья-2018, конкурсе медиафорума «Енисей РФ-2018».

Отклики

В конце 2018-го я поработала в жюри краевого конкурса журналистского мастерства «Красноярские перья». Главным открытием стала для меня одна из конкурсных работ, по моему мнению, безусловный лидер в своей номинации – «Американский мишка» Ольги Вавиленко, журналистки из Сухобузимского района.

Материал о пути советского репрессированного учёного на 60 (!) страницах читается как художественное произведение. Здесь и методы журналистского расследования, и выразительные черты очеркового жанра, и исследовательская настойчивость, и писательский талант автора.

Кристина Сергеева,
член жюри краевого конкурса
журналистского мастерства «Красноярские перья».
«Сельская жизнь», 18 января 2019 года

В десяти номерах газеты в апреле–июле 2018 года был опубликован очерк Ольги Вавиленко “Американский мишка” о моих родителях Шмидт Григории Ефимовиче и Анне Никитичне, невинно пострадавших от политических репрессий, проходивших в стране перед началом Второй мировой войны.

Опубликованные материалы дали мне новую, ранее не известную, информацию о моем отце Григории Ефимовиче Шмидте. Они помогли вызволить его из небытия, уготвленного ему, среди миллионов подобных жертв, ни за что ни про что загубленных системой. Также они поведали о муках, незаслуженно выпавших на долю моей матери.

Читал все публикации на одном дыхании, они очень информативны и талантливо изложены. Это не только мое мнение, но и мнение моих друзей, ознакомившихся с очерком «Американский мишка»

Искренне,
А.Г. Шмидт
Natick, USA
«Сельская жизнь», 3 августа 2018 года.

1920-е. Молодой командир Шмидт в парадном мундире.

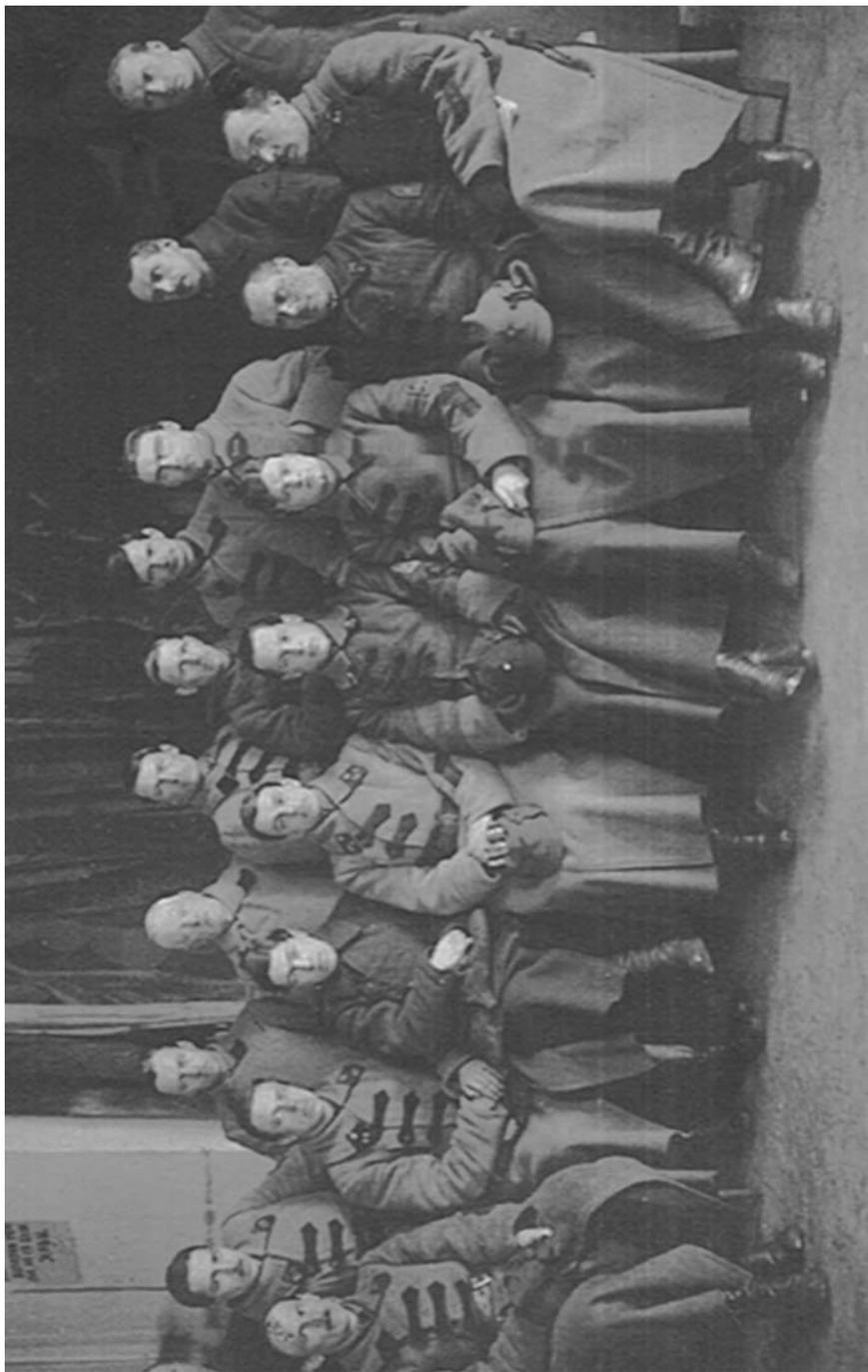
Красный командир Шмидт. Дата снимка неизвестна.

1920-е. Григорий Шмидт (стоит) во время занятий.

1920-е. Красноармеец Григорий Шмидт в отряде конницы.

Молодость РККА. Г. Е. Шмидт в первом ряду, третий справа.

32. Прохождение службы в РККА

Служено (год и м-ц)	По какому (год и м-ц)	Должность	Часть, армия, фронт в военное время (армия) в мирное время	№№ и дата приказов НКВД или приказа, флага (дата мирного времени)
Май 1919	Сент. 1919	красноармеец	Коммунистическ. 6-н гор. Лерсон.	Приказ № 138-1920г. № 118-266-1921 г.
Сент. 1919	Май 1920	курсант.	Москов. военно-инженер. курсы Комсостава РККА г. Москва.	Приказ № 138-1920г. № 118-266-1921 г.
Май 1920	сент. 1921	курсант.	Военно-электротехнич. курсы Комсостава РККА при Военно-электротехнич. школе Комсостава РККА г. Сергиев бивш. Моск. губ.	Приказ № 138-1920г. № 118-266-1921 г.
Сент. 1921	Май 1922	Пом. зав. электросветит. аппаратами	2 Артидивизион Кронкрепости	приказ № 187-1921 г.
6 УШ 1922	23 УШ 1923	Пом. нач. прожекторн. команды	1 Артиллерийская бригада Кронкрепости	приказ № 8 1922 г.
23 УШ 1923	29 УШ 1923	Пом. Нач. Артипрогчасти	Политотдел Финштадтск. крепости	приказ № 114 1923 г.
29 УШ 23г.	5 УШ 24г.	Врид. Военкома	Артидивизион Шлиссельбургск. укрепл. части	приказ № 237 23 г.
2 П. 24г.	1 Август 24г.	Военком	Повторная школа среднего Комсостава Зенитной Артилл. особого назначения РККА гор. Ленинград	Приказ Утверд № 29-24г. и Приказ № 41-1924 г.
1 УШ 24г.	1 окт. 24г.	Ст. линетрукт. артипрогчасти	Политотдел Ленинградск. Укреплённого р-на	Приказ № 222 и № 261-24г.
1 окт. 1924г.	27.8 1928	Военком бат-реи и Военком полков. школы.	Артиллерийск. полк XX Стрелк. Дивизии	приказ № 1-1924 г. и № 287-25 г.
27.8 1928	Сент. 1930	Слушатель	Военно-техническая Акад. РККА им. Дзержинского	Приказ ГВНКА № 170-1924 г. № 141-1926г. и Приказ № 206-27г. и Приказ ГВНКА № 666 по № 9 армии № 730-30г.

Примечание. При первом заключении личного дела обязательны: личная подпись лица, на кого составлено личное дело, и подпись командира части.

О всех последующих изменениях в служебном положении (перемещение, переводное, досрочных званий) запись производится в начальном штабе части, за его личной подписью, с указанием

Личное дело Шмидта Г.Е. Документ предоставлен Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации в 2017 году.

Отдых с товарищами. Григорий Шмидт в шляпке сидит на скале, крайний слева. Дата снимка неизвестна.

*Довоенное фото. Командиры Красной армии на маневрах. Имена их, к сожалению, нам не известны.
Григорий Ефимович Шмидт – четвертый справа.*

*Танк СТ, или химический танк
адъюнкта Шмидта. Модель А. Егорова.
Фото с сайта «каронка.ru».*

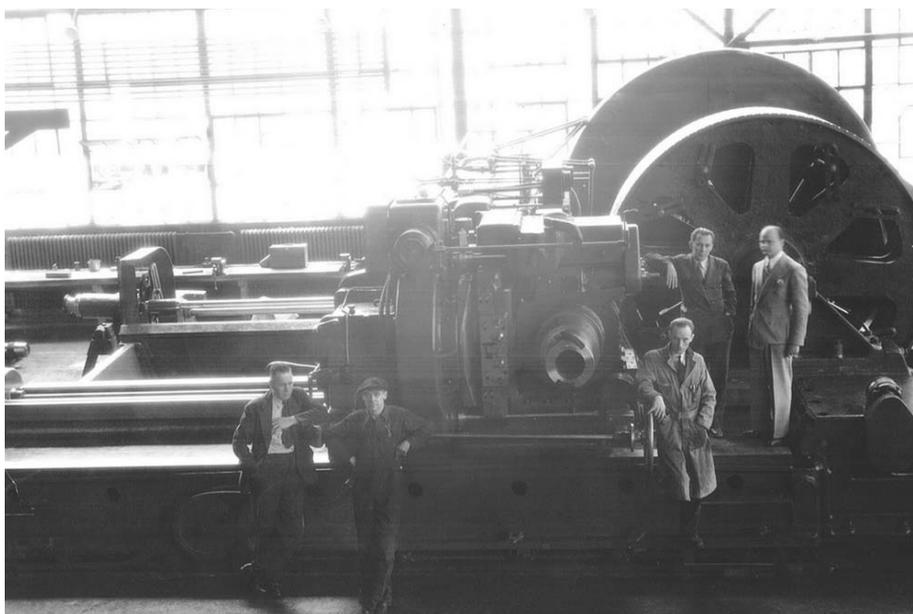
1935. Анна Шмидт. США.

*Г.Е. Шмидт. США.
Штат Флорида 1936 г.*

*Сигизмунд Леваневский с Фирой и Анной
Шмидт (справа).
Парк Bear Mountain, США.*

*Приемка оборудования. США.
Заведующий отделом Амторга Григорий Шмидт вверху справа.*

1938 год. Григорий и Анна Шмидт в Петергофе. Еще ничто не предвещает беды.

Алексей Филиппович Григорьев возглавлял в «Таежном» сначала Первое, а потом Третье отделение. Фото из альбома Ирины Александровны Зуевой.

Агния Николаевна Григорьева награждена орденом Ленина. Однажды в Новый год получила поздравительную телеграмму от председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина.

В наше время трудно представить, как три разных семьи могут жить в одной 18-метровой комнате и при этом прекрасно ладить. Анна Шмидт и Лидия Горячева (на снимке) и не просто ладили, но и дружили.

Каракумы. 1951 год. Верблюды – единственный вид транспорта в пустыне. Вчерашней «сибирячке» пришлось освоить и это средство передвижения.

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

30 сентября 1988 г.
№ 4н-1881/57
121260, Москва, ул. Воровского, д. 15

Исп. вх. № 7739д

Гр-ну ШМИДТУ А.Г.
129336, г. Москва, Анадырский проезд,
дом 55, кв. 15

На заявление от 15 сентября с.г. сообщая, что ШМИДТ Григорий Ефимович, до ареста – военинженер I ранга, был необоснованно привлечен к уголовной ответственности по обвинению в государственном преступлении и по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР расстрелян 22 августа 1942 года.

15 июня 1957 года он посмертно реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

По действовавшим в 1942 году правилам место захоронения заключенных не фиксировалось, поэтому установить его в настоящее время не представляется возможным. На другие интересующие Вас вопросы ответить не можем, т.к. прекращенное дело ШМИДТА Г.Е. в 1957 году было отправлено нами в КГБ СССР, г. Москва.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
А.А. НИКОНОВ

ТКЗ. Зак. 2226

1988 год. Справка Военной коллегии Верховного суда Союза СССР о расстреле Г.Е. Шмидта в 1942 году.

Альберт Григорьевич Шмидт. США.

А.Г. Шмидт. На заднем плане – плюшевый мишка – единственная вещь, оставшаяся на память об отце.

Окно в ночи

Отклик из Израиля

В марте 2018 года на сайт нашей газеты «Сельская жизнь» www.selo-life.ru пришло неожиданное письмо из Израиля. Отклик на мой очерк «Фамилия как приговор», опубликованный в 2016 году.

Очень короткий: «Залмен Аронович Фитерман – мой дедушка».

...В ту ночь Льву Калменовичу не спалось. Стал искать в интернете сведения о своем отце, участнике Великой Отечественной войны Калмене Залменовиче Фитермане. И вдруг увидел имя деда:

– Я испытал настоящее потрясение. Даже руки затряслись от волнения. Как будто получил привет от деда из далеких-далеких лет. Он скончался, когда мне было 11 лет. Но я помню его...

В очерке была одна-единственная фраза об этом человеке: «*Зубным врачом работал Залмен Аронович Фитерман*».

Публикация же моя рассказывала о семье врачей Джафаровых.

Берта Самойловна Левина-Джафарова первым браком была замужем за Стефаном Радомысльским, сыном близкого соратника Ленина, члена Политбюро ВКП(б) Г. Е.Зиновьева. Григория Ефимовича и Стефана в 1936–37 гг. расстреляли. Берте за родство дали 5 лет.

На Кольме она познакомилась с вольнонаемным врачом Мусой Джафаровым. После окончания срока они с маленькой дочкой Валею переехали в Азербайджан.

Когда Берту Самойловну репрессировали во второй раз, муж добровольно последовал за ней в ссылку. Местом поселения для Берты Самойловны назначили село Атаманово, центральную усадьбу подсобного хозяйства Норильлага – совхоза «Таежный». Здесь же дислоцировалось 25-е лагерное отделение.

Мусу Рустамовича назначили начальником медсанчасти, которая на 90% состояла из политссыльных.

Врачи Матильда Тихоновна Кривошеева, Маргарита Александровна Мегежекская, Юленч Семенович Эренценов, Григорий Исаакович Розовский, фельдшеры и медсестры Мориц Исидорович Рубин, Стефания Ауштравичене, Лея Давыдовна Романовская, Она Богушите д. Клеменсо. Все они лечили работников хозяйства и заключенных ИТЛ.

Залмена Ароновича Фитермана выслали в Сибирь в 1949 году. Родные посылали ему туда письма и открытки к праздникам. Они и представить не могли, что через 70 лет доведется вспомнить этот адрес: *Сухобузимский район Красноярского края*.

В настоящее время внуки Залмена Ароновича живут в США и Израиле. По моей просьбе они начали собирать сведения о нем: разыскали родственников, обосновавшихся в разных уголках земного шара, чтобы восстановить подробности биографии, сделали запросы в архивы.

Лев Калменович заново изучил воспоминания своей мамы Валентины Василь-

евны Баевой, которые она записала незадолго до своей смерти. Его сродная сестра Наталья Гиршевна отыскала старинные фотографии. Обнаружились и другие семейные реликвии.

Вскоре из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга прислали копии документов З.А. Фитермана, 1920–1930-х годов, из Государственного музея памяти жертв репрессий Узбекистана – справку и фотографию.

Так из небытия стала возвращаться трагическая судьба человека, безвинно пострадавшего от сталинских репрессий.

Процент для евреев

...Залмен Фитерман родился 1 июля 1891 года в Российской империи, в уездном городе Балта Подольской губернии. В многонациональном населенном пункте жили русские, украинцы, поляки и татары. Но 56% составляли евреи.

Балта не была каким-то особенным городом: Россия в то время имела самую большую еврейскую общину в мире. По переписи населения 1897 года число лиц иудейского вероисповедания превысило 5 млн.

В семье торговца Фитермана четыре сына. Родители стремятся дать детям образование. Но в империи существует немало ограничений для граждан этой национальности. Под предлогом «тлетворного влияния на юношество» в средних и высших учебных заведениях установлена процентная норма для евреев. В 1901 году при зачислении в гимназии в черте оседлости она составляет 7%, в остальной России – 3 %, в столицах – 2 %. Выпускники еврейских средних школ вообще не имеют права поступать в государственные вузы.

Исключением являются консерватории, где много вакантных мест.

В Залмене с детства проявилась необычайно сильная тяга к знаниям. Ему удается окончить гимназию. Некоторое время работает учителем в школе.

Погромы наводили ужас

Революционное движение в 1905 году сопровождалось массовыми еврейскими погромами. На западе страны наиболее трагические последствия они имели в Кременчуге, Чернигове, Виннице, Кишинёве, Екатеринославе, Балте. Следствием стала массовая эмиграция евреев за границу, в основном в США. С 1881 по 1914 год Россию покидает около 2 млн человек.

Не удивительно, что после жутких погромов, новой волны ограничений среди еврейской молодежи наибольшую популярность приобретают социалистические идеи.

Залмен тоже увлекается революционной деятельностью, обещающей построение первого в мире общества социальной справедливости и равенства, где не будет места преследованиям по национальным мотивам.

С 1910 года он участвует в рабочих сходках, забастовках, первомайских выступлениях, состоит в выборных органах полулегальных профессиональных организаций. Попав под влияние «Поалей Цион», Еврейской социал-демократической рабочей партии (ЕСДРП), выполняет их задания, ведет работу среди насе-

ления. Возглавляет организацию ЕСДРП в Балте, состоит в отряде самообороны горожан от еврейских погромов.

Двери высших учебных заведений для еврейского юноши закрыты. Ему удастся поступить в Одесскую зубоврачебную школу. Учится с большим увлечением, именно об этом мечтал с детских лет.

Выпускные экзамены сдает блестяще. Принимают их на основании «высочайше утвержденных правил испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов» на медицинском факультете Новороссийского университета:

«Совет сего университета в 4 день октября 1917 года утвердил Залмена (Залмана) Ароновича Фитермана, иудейского вероисповедания, выдержавшего установленное испытание, в звании зубного врача со всеми правами и преимуществами, присвоенными сему званию»

С первого взгляда

1917-й Залмен считает самым счастливым в своей жизни. Его любимая девушка, наконец, сказала заветное «да». Юноша влюбился в нее с первого взгляда. По-другому и не могло быть. Достаточно взглянуть в широко открытые, выразительные и печальные, как у всех еврейских девушек, глаза, полюбоваться нежным овалом лица, короной темных пушистых волос...

Родители Эсфири Беспрозванной (дома ее называли Эстер) владели мастерской по изготовлению головных уборов и магазином, доставшимся им по наследству.

Восточной красотой, внутренней наполненностью и очарованием Эсфири покорены многие молодые люди из более состоятельных семей. Но она выбирает Залмена.

Молодожены были счастливы. Разве могли они предугадать, что впереди их ждут серьезные испытания. Да и кто тогда знал, что в России наступает один из самых страшных периодов за всю историю. Революция, гражданская война за несколько лет унесут 10 миллионов жизней, еще 2 млн соотечественников покинет родину.

С 1918 года молодая семья живет в Одессе, Залмен занимается лечением людей. Любит свою работу. Но уже не может быть в стороне от активной политической деятельности. К этому времени обнаружили его незаурядные организаторские способности.

Когда Одессу заняла Добровольческая армия, Залмен едва не погиб. Белогвардейцы арестовали его на вокзале. Спасся чудом, сумев подкупить пьяного офицера контрразведки.

Родной город Балта во время гражданской войны постоянно переходил из рук в руки, побывал под властью и большевиков, и Директории, денкинских и австро-германских войск.

В 1919 году семья возвращается в Балту. Там появляется на свет первенец, названный в честь деда Эсфири Калменом. Родители ласково зовут его Комой, радуются улыбке, милому детскому воркованию.

Но за окном идет кровопролитная война. Страшно.

В партизанском отряде

Залмен вступает в партизанский отряд Ивана Дьячишина, участвует в вооруженной защите города от налетов петлюровцев, на счету которых сотни кровавых еврейских погромов. Состав отряда интернационален: в одном строю русские, евреи, украинцы.

Белая власть, пришедшая на смену Петлюре, продолжает разнузданные антисемитские акции. Еврейская молодежь вступает в РКП(б) и на службу в Красную армию.

Отряд Дьячишина взаимодействует с подпольным комитетом коммунистической партии и содействует организации Совета рабочих депутатов. Когда в феврале 1920 года в Балте установилась советская власть, Фитермана назначают заместителем председателя городского исполкома и ответственным секретарем уездного исполкома. В совет как-то заходил К.Е. Ворошилов, знакомился с его членами.

Постановлением Всеукраевкома Балтский уезд передан в состав Одесской губернии. Фитерман снова живет в Одессе, работает дантистом и очень активно занимается общественной работой. Является председателем врачебно-контрольной комиссии при отделе здравоохранения и секретарем еврейской секции народного образования.

С 1920 по 1922 он состоит членом Еврейской коммунистической партии. В 1922 году в одесской организации ЕКП происходит раскол, Залмен Аронович в числе других переходит на большевистские позиции, вступает в ряды КП(б)У. Ему поручают руководство школами и кружками политграмоты, избирают членом партбюро, председателем окружной профсоюзной организации работников медико-санитарного труда.

В 1926 году семья переезжает в Херсон.

Москва. Академия

В 1930 году Херсонский окружной комитет КП(б) Украины направляет Залмена Ароновича в Москву, в Академию коммунистического воспитания (АКВ).

В это учебное заведение принимают коммунистов и комсомольцев, имеющих среднее образование, опыт работы, рекомендации местных партийных органов. АКВ выпускает преподавателей учебных заведений, специалистов по педагогике, политико-просветительной работе, организаторов народного образования.

Студенту Фитерману 39 лет. Надо содержать семью, где уже двое детей, в материальной помощи нуждаются его престарелые родители. Поэтому учебу приходится совмещать с работой. В выходные дни и по вечерам, как всем студентам, вести политико-просветительную работу на заводах и фабриках.

Но учиться интересно. В АКВ преподают выдающиеся деятели народного образования и педагогики, среди них Н.К. Крупская, П.П. Блонский. В академии хорошо оборудованные кабинеты, богатые библиотеки. Залмен Аронович серьезно увлекается философией.

Эсфирь тоже не теряет времени даром. Поступает на заочное отделение Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. Успешно сдает экзамены и получает специальность фармацевта.

Чилля – зной без ветра

После окончания академии – распределение на работу, но не на родную Украину, а на далекую экзотическую окраину. В город Ташкент Узбекской ССР – преподавателем диалектического и исторического материализма вечернего педагогического института имени В.Г. Белинского.

Казалось, не приживется уроженец украинских равнин в знойной республике с совсем иной культурой, языком, обычаями.

Поначалу действительно было тяжело. Чего стоил хотя бы чилля – 40-дневный период безветренного летнего зноя в Ташкенте.

Но Залмен Аронович исключительно дисциплинированный и ответственный человек. Коль партия сочла необходимым направить его на трудный участок, значит надо выполнять свой долг.

Общительный и доброжелательный по характеру он сразу вписался в коллектив. Вскоре его назначают деканом факультета истории и литературы. Одновременно преподает и в Ташкентском финансово-экономическом институте. Его, природного педагога, очень любят студенты. Отдавая им свои знания, он непрерывно пополняет и собственный багаж.

С успехом защищает кандидатскую диссертацию. Пишет серьезный научный труд по философии.

Эсфирь Исааковна работает фармацевтом в аптеке. Старший сын Калмен поступил на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета. Младший Гирш учится в школе. В семье живут родители Эсфири.

Волна дошла до окраин

Наступает 1937 год. Волна невиданного террора докатывается и до восточных окраин Советского Союза. Под его каток попадают государственные деятели, партийные кадры, выдающиеся представители национальной интеллигенции – ученые, писатели, деятели культуры и искусства. Арестованы многие преподаватели вузов.

Скорее всего, Залмен Аронович был знаком с заведующим кафедрой всеобщей истории Среднеазиатского государственного университета Л.Г. Райским, читавшем лекции и в педагогическом институте. Райский взят в июне 1936 года, этапирован в Ленинград, через четыре месяца расстрелян.

В сентябре 1936 года исключают из партии и снимают с должности ректора Среднеазиатского государственного университета профессора В.Я. Яроцкого...

Фитерман хорошо знал В.Я. Яроцкого. Они земляки, оба родились на Украине, провели там детство и юность. Профессор Яроцкий – легендарная личность – был другом известного политика М.П. Томского. Еще в юности стал профес-

сиональным революционером. После третьего ареста приговорен царской властью к заключению в крепости. Бежал из-под стражи, эмигрировал за границу. Жил во Франции и Великобритании, учился в Сорбонне. В 1917 году написал диссертацию. После возвращения на родину Василий Яковлевич преподавал в МГУ, коммунистических университетах. В 1930-м его направили в Ташкент. Яроцкий был смелым человеком. Не побоялся привлекать к научной и преподавательской деятельности высокообразованных, но «неблагонадежных» специалистов, высланных из Москвы, Ленинграда и Киева. Среди них был и Л.Г. Райский. Близость к «врагам народа» не могла остаться незамеченной. В январе 1937-го Яроцкий тоже попадает за решетку.

Хотя Залмен Аронович не знает за собой никакой вины, но чувствует, что репрессии могут задеть и его. Старается ни в чем себя не скомпрометировать.

Его тесть Исаак Нысенович поддерживает связь с родным братом, эмигрировавшим в США. Братья переписываются. Иногда американская родня присылает посылки.

Узнав, что Залмен Аронович занимается научной работой, «американцы» отправляют ему в подарок пишущую машинку. Для ученого в те годы – настоящее сокровище, купить в Советском Союзе невозможно. Но от греха подальше Фитерман относит полученный «Ундервуд» в НКВД. Ходят слухи, что печатные машинки надо ставить на учет. Залмен Аронович решает: лучше пожертвовать подарком, чем навлечь на себя подозрения о связях с заграницей.

Живет «с задержанным дыханием», тревога не отступает ни на один день. Предчувствие не обмануло. В ноябре 1937 года с формулировкой «за протаскивание троцкизма» его исключают из партии, снимают с работы.

«Где прячете оружие?»

15 апреля 1938 года в дом Фитерманов нагрянули сотрудники НКВД. Всю ночь идет обыск. Перетряхивают вещи, особенно тщательно осматривают книги, которых было много.

Старшего сына Калмена трясут за грудки и кричат в лицо:

– Признавайся, где прячете оружие!?

Потрясенный нелепыми обвинениями 19-летний юноша отвечает:

– Что вы такое говорите? Я секретарь комсомольской организации факультета!

Скорее всего, чекисты разыгрывают эту сцену для устрашения и придания значимости акции. Как будто они не знают, что никакого оружия в кабинете декана института нет, а из колющих, острых предметов – разве что перьевая ручка...

Залмена Ароновича довольно долго держат в подвале здания НКВД г. Ташкента. Многочасовые допросы, чаще всего ночью, ведет молодой, комсомольского возраста, следователь. Не добившись признания в антисоветской деятельности, арестанта крепко привязывают к спинке стула, истязатель-следователь сопровождает свои вопросы отборным матом и сильными ударами в грудь и область почек.

Позже Залмен Аронович вспоминал обстоятельства очной ставки с профессо-

ром Василием Яковлевичем Яроцким. Тот, уловив момент, показал свои страшно опухшие, покрытые черными синяками ноги.

Вероятно, Фитермана тоже включают во вредительскую группу Яроцкого.

Следствию очень хочется раскрыть разветвленную контрреволюционную троцкистскую организацию историков Узбекистана, поддерживавших связь с коллегами из Москвы и Ленинграда. Это очень ценится руководством, поощряется наградами и повышением званий.

7 октября 1938 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговаривает В.Я. Яроцкого к высшей мере наказания.

Следствие по делу Фитермана продолжается. Следователь, принуждая Залмена Ароновича дать признательные показания, угрожает арестом жены и старшего сына.

К такой беде никто не готов

Эсфирь Исааковна была за мужем, как за каменной стеной. Все оборвалось в одночасье. Беда пришла в дом. Нельзя сказать, что неожиданно. Но к такой беде никто не готов...

Зема в тюрьме, обвинен в тяжком преступлении. Неясна и ее дальнейшая судьба, и детей. О себе не думала, стараясь, если не спасти, то хотя бы облегчить участь мужа.

Написала письмо с просьбой о помощи Клименту Ефремовичу Ворошилову, вдруг он помнит, что Залмен в 1920 году участвовал в организации Балтского Совета рабочих депутатов. Ответа не получила.

Простаивала в тюремных очередях, чтобы передать узелок с продуктами и одеждой. Продала наиболее ценные вещи и начала искать хорошего адвоката. Он-то сможет доказать невиновность мужа.

Откуда ей было знать, что следствие, суды и Особые совещания в то время прекрасно обходились без всяких юридических норм. «Антисоветский элемент» приговаривали к длительным срокам заключения и даже высшей мере наказания, не имея абсолютно никаких доказательств преступления.

Она собрала все письма родных из США, которые не изъяли при обыске, сожгла их. И правильно сделала, так как Залмену вполне могли приписать еще и шпионскую деятельность. Многих граждан, поддерживающих отношения с заграничными родственниками, уже объявили агентами иностранных разведок.

Неожиданно пришла посылка из США. Эсфирь, не распечатывая, отправила ее обратно, хотя семья, два года существующая на ее мизерную зарплату фармацевта, уже испытывала немалые трудности.

Родители Эсфирь были потрясены случившимся, они очень любили и гордились своим зятем. Исаака Нысеновича разбил инсульт. Парализованного 78-летнего старика отказались взять в больницу. Жена и дочь, сменяя друг друга, ухаживали за ним больше года. В ноябре 1939 года Исаак Нысенович скончался.

«Двадцать тысяч лье под водой»

В конце 1939 года родные чудом узнают, что Залмену Ароновичу вынесен приговор – 8 лет лагерей, и он отправлен по этапу. Кинулись вслед и на какой-то станции догнали поезд с з/к. Сумели передать теплые вещи и продукты. Наверное, этот отчаянный шаг смог сделать старший сын Калмен.

Теплушки, в которых когда-то перевозили скот, забиты до отказа. Людей утрамбовали так, что они вплотную притиснуты друг к другу.

Почему-то Фитермана поместили в один вагон с малолетками. Так называют несовершеннолетних преступников. Уголовная ответственность за правонарушения наступает с 12-летнего возраста. А законы – беспредельно жестоки. Ребенка могли осудить за кражу никчемной, дешевой вещицы или буханки хлеба. Правда, некоторых подростков «закрыли» за дерзкие и жестокие преступления. Так что были в том вагоне и отморозки, имевшие не первую судимость, и домашние дети, пошедшие на преступление из-за голода или по неосторожности. Много сирот.

С болью смотрел на них Залмен Аронович.

Дети сквернословили, как взрослые уголовники, ругались, то и дело затевали драки.

Первое, что сделал умудренный жизнью человек, – раскрыл свой вещевой мешок и объявил: все, что тут есть у меня, теперь будет наше. Сильно похудевший, изголодавшийся в тюрьме, он без сожаления отдавал продукты, собранные женой, еще более голодным детям.

Поезд медленно тащится в неизвестность, подолгу стоит в тупиках. Никто не знает конечной станции. Тягостно, бессюжетно тянется день. Еще более мучительны – бессонные ночи.

Он не знает, что ждет его впереди. Сердце сжимается при мысли о судьбе жены и сыновей. В тюрьме он узнал о преследовании родственников осужденных по 58-й статье. Детей исключали из институтов, нередко тоже репрессировали, жен сажали в лагерь или ссылали в Сибирь. За то, что знали о преступной деятельности мужа и отца и не донесли.

В вагоне стоял невообразимый шум. Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей и прекратить хоть на время рев и гвалт, он начал пересказывать роман Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». И вскоре в переполненной грязной теплушке наступила полная тишина.

Изменилось даже выражение лиц у малюток. Сквозь разнужданность и приклатненность стали проступать черты детской непосредственности. Залмен Аронович и на себе почувствовал великую силу литературного слова. Стало чуть-чуть легче.

Излагая «Тайнственный остров», наверняка, вспомнил слова одного из героев романа Жюль Верна: *всегда следует принимать во внимание и худший вариант, и не создавать себе иллюзий, которые потом могут не оправдаться.*

Устные повествования стали ежедневными. К счастью, Залмен Аронович знал множество книг. «Остров сокровищ» сменял «Всадник без головы», «Приключения Шерлока Холмса», «Дети капитана Гранта».

...Кто знает, может, эти «литературные чтения» заронили в души малолеток хоть малую искру добра и света. И в трудовых колониях, где им предстояло отбывать наказание, кто-то из них потянулся не к игральным картам, а к книге. Подростки стали относиться к Деду с уважением, проявлять заботу. Облегчили страдания, связанные с болезнью. У Фитермана на допросах были отбиты почки, ему часто требовался туалет. Добраться через спрессованные тела к «уборной» – вырезанной в полу вагона дыре – было невозможно. Подростки дали бутылку, в которую он мог мочиться, а потом по цепочке передавали ее друг другу, чтобы вылить содержимое.

У Северного полярного круга

Состав с арестантами прибыл в Архангельскую область, большая часть территории которой – районы Крайнего Севера. Зимой здесь 40-градусные морозы, многодневные метели.

Малолетних попутчиков со станции повели в Архангельскую промышленную колонию для несовершеннолетних.

Взрослых, в том числе и Фитермана, повезли в Кулойский ИТЛ. Лесоповальный лагерь организован в августе 1937-го, еще не обустроен должным образом. Неизвестно, куда попал Залмен Аронович – в Приморский отдельный лагерный пункт с центром в деревне Часовенная, Пинежское отделение (Красный Бор), комендантский лагпункт (деревня Талаги), или в Березниковское отделение. А, может быть, в одну из многочисленных командировок или подкомандировок. Так назывались мелкие лагерные подразделения. В 1939 году Пинежское отделение насчитывало 10 лагпунктов и 9 командировок, Приморский ОЛП – 5 лагпунктов и 3 командировки.

У меня не было никакой надежды хоть что-то узнать о лагерной жизни героя очерка. Но, оказалось, семейная память хранит наиболее яркие эпизоды. О них рассказали внуки Наталья Гиршевна и Лев Калменович.

История первая

– Когда он попал в барак, уголовники сразу же выхватили у него вещевой мешок. Дед так и остался стоять у порога, не зная, что дальше делать. Пространство вдруг очистилось, и он увидел толстого человека, возлежащего на простынях.

Этот человек, назовем его Пахан, поманил его и стал спрашивать.

Что в таких случаях узнают? Наверно, откуда родом, кто по профессии, за что осуждён.

Пахан отчего-то взял деда под свое покровительство: указал ему на нары неподалёку от себя. И тут же велел шестеркам вернуть врачу отобранную котомку. Виновника нашли, вытолкнули в проход между нарами и начали избивать.

Мир там был жесток.

История вторая

– В тот день была пурга, и заключённых поставили на разгрузку. Они подходили по очереди, на плечи каждого ставили мешок. У деда большое сердце, отбиты почки. Он худой, небольшого роста. Физической силой не отличался и раньше, а после тюрьмы и этапа и вовсе ослаб. Под тяжестью мешка рухнул на снег. Поднимается – и ему снова кладут мешок на плечи. Он опять падает. Тогда ему с матюгами дают метлу и велят очищать дорогу от снега. А ничего не видно. Снег тут же все застиляет, и ветер валит с ног.

Пурга, одним словом.

Ясно, что на общих работах ему долго не протянуть.

Дневная норма – восемь стволов

«Рабочий день длился 10 часов без перерыва на обед. За это время каждый заключенный должен был в среднем свалить, обрубить сучья, раскряжевать и ошкурить около восьми стволов деревьев, что составило бы его дневную норму - 7,2 м³. Заключённые первой категории получали 800 граммов хлеба, второй – 500, третьей – 400 граммов. Невыполнение нормы влекло за собой сокращение пайки хлеба, уменьшение пайки приводило к потере сил, а это в дальнейшем еще более усложняло возможность выполнения нормы», – так описали рабочие будни з/к авторы документального исследования «Кулойский лагерь НКВД (1937–1960 гг.) В.А. и М.В. Митины.

К этому следует добавить, что основными орудиями производства являлись лучковая пила да топор.

Историки сообщают, что в 1939 году число заключенных Кулойского лагеря превышало 10 000 человек, а в 1941-м – более 30 000. Размещались они в переполненных бараках, палатках и даже шалашах. Страшная скученность, вшивость, болезни:

«Заключенные месяцами не снимали с себя то, что когда-то называлось одеждой. Спали, не раздеваясь, на голых нарах. Плохо обстояло дело с обувью. В лагере было налажено производство суррогатной обуви – ботинок – из автопокрышек. Часто отмечался выход заключенных на работы зимой без теплой одежды, в ботинках. Это приводило к частым простудным заболеваниям».

Смертность была велика.

Для доходаг в Кулойлаге организовали производство товаров широкого потребления. Здесь работали в основном заключенные с ослабленным здоровьем, а также инвалиды.

История третья

«Когда дед оказался в лагере, первая мысль была: живым ему отсюда не выйти...

К счастью, в формуляре декана историко-филологического факультета значилась его первая профессия. И он оказался в лагерьной больнице на должности

зубного врача. Неизвестно – прямо с этапа его туда взяли, или после общих работ.

Больница была спасением. И профессиональные навыки быстро восстановились. Все бы ничего. Но с наступлением сильных морозов в зубной кабинет валом повалил народ. За удаленный зуб полагался отдых. В губительное время на лесоповале, когда каждый день мог оказаться последним, заключенные решались распрощаться со здоровым зубом, только бы не выходить на работу. Готовы были терпеть сильную боль при удалении зуба: никакими анестезирующими препаратами врач не располагал.

Что делать? Отказ уголовнику мог плохо закончиться. Обращение в администрацию тоже повлечет за собой беду. И в этот раз на помощь неожиданно пришел Пахан. Стал сам регулировать поток.

Потом случилось восстание заключённых, которое было жестоко подавлено. Пахан исчез».

История четвертая

– За Залменом Ароновичем закрепилась репутация врача высокой квалификации. Поэтому когда у народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии, приехавшего в северные лагеря с инспекцией, выпала золотая пломба, то не кому-нибудь, а «врагу народа» было доверено восстановить пломбу.

Позже деда спросили, почему тогда промолчал, не попытался рассказать нарком, что его осудили незаконно, ведь по одному-единственному слову высокопоставленного пациента могла измениться его судьба. Залмен Аронович ответил: **я не считал себя вправе использовать этот особый момент.**

Лагерный фольклор

Ему было трудно жить без привычной интеллектуальной работы. Бывший преподаватель исторического материализма незаметно для окружающих стал записывать лагерные истории, песни, байки и «крылатые» выражения. Осмысливать каждое, давать философско-общественную и социологическую оценку.

Удивительное совпадение. В это же самое время на другом краю земли подобным делом увлекся заключенный Норильлага – лингвист, в прошлом – деятель Коминтерна Жак Росси. Он составил толковый словарь советских лагерно-тюремных терминов. В алфавитном порядке расположил жаргонные слова и выражения блатных, надзирателей, политзаключенных и официальных лиц, а также географические названия. Использовал при этом и ненормативную лексику.

Много лет спустя книга Жака Росси была издана за границей, переведена на английский, французский, чешский и японский языки. А в 1991 году вышла и в Москве под названием «Справочник по ГУЛАГу». В моей библиотеке есть первый том. И я пользовалась им при подготовке не только этого очерка.

Конечно, очень интересно было бы почитать работу Фитермана. Но судьба ее неизвестна. Родные говорят: эта рукопись, как и работа по философии, попала в

КГБ. То ли отняли у автора, то ли он добровольно отдал ее в органы, решив, что там пригодится больше – для понимания психологии лагерников.

Война

С началом войны жизнь заключенных изменилась. Условия содержания уже сточились, питание ухудшилось. Контингент Кулойлага стали использовать не только на лесозаготовках, но и на погрузо-разгрузочных работах в порту г. Архангельска.

В 1942 году Кулойский ИТЛ был реорганизован в Архангельский ИТЛ с дислокацией в областном городе. Скорее всего, в Архангельск перевели и Фитермана.

Единственной его радостью были письма из дома.

В июле 1941 года Эсфирь отправила в лагерь фотографию. Мне кажется, этот сильный духом человек плакал, когда увидел родные лица: постаревшую жену, вытянувшегося Геру, совсем взрослого Кому, его избранницу Валентину и мать жены Мениху Калменовну, с которой их связывали тоже теплые чувства.

Какое счастье, что его семью не тронули! Калмена не исключили из университета, как сына «врага народа», Эстер не выгнали с работы.

Если бы Залмена Ароновича взяли в 1937 году, то, скорее всего, репрессировали бы и жену, и старшего сына. Но его арестовали в 1938-м, а осудили в 1939-м, когда масштаб репрессий резко сократился. Некоторых заключенных и подследственных даже освободили.

Калмен в 1941 году с отличием окончил университет. Женится на любимой девушке, тоже выпускнице университета Валентине Баевой.

В 1943-м у них родилась дочь. Оля. Появление маленького человека в семье политзаключенного, которая шестой год жила в состоянии «замороженного» ужаса и съедающей душу тревоги, было радостно вдвойне. Эсфирь так и называла внучку - Солнышком. Девочка и была солнышком, отогревшим застывшие от муки сердца. Каждое утро своей улыбкой, чудесной детской песенкой она напоминала – жизнь продолжается.

В семье только жалели, что общением с Солнышком не могут насладиться ни отец, ни дед.

Калмен за несколько дней до рождения дочери был призван в армию. После окончания пулеметного училища в г. Кушка Туркменской ССР младший лейтенант попадает на 1-й Белорусский фронт. Командир пулеметного взвода. Потом – пулеметной роты. Участвует в освобождении Варшавы. Был дважды ранен, в октябре 1944-го и январе 1945-го. За проявленное мужество награжден двумя орденами Красной Звезды.

Но несмотря на заслуги, отважный офицер тоже мог оказаться там же, где его отец.

Когда погиб замполит, Калмену как командиру принесли его полевую сумку. И он с изумлением обнаружил в ней страшный по содержанию донос на себя. якобы, сын врага народа лейтенант Фитерман подговаривал солдат сдаваться

врагу. Кто знает, как повернулось бы дело, если бы замполит успел отправить эту бумагу в особый отдел.

Калмен дошел до Берлина. А после победы его оставили служить в Германии в качестве начальника штаба мотострелкового батальона.

Он впервые увидел дочь в ее три года. Приехал в отпуск в Ташкент, и ему разрешили взять свою семью в Германию. Валентина и на чужбине не теряла времени даром. Она была одаренным и увлеченным человеком, писала стихи, беззаветно любила классическую литературу и музыку. Не могла довольствоваться ролью домашней хозяйки. В чужом, разбитом городе стала брать уроки немецкого языка и игры на аккордеоне.

Возвращение

В последних числах декабря 1946 года Залмен Аронович вернулся домой. 8 лет и 7 месяцев разлуки. Потрясенный он смотрел на поседевшую жену, узнавал и не узнавал во взрослом молодом человеке Геру, того 9-летнего мальчика, плакавшего при расставании.

Он ничего не рассказывал родным о лагерной жизни. Очень трудно было этой болью делиться.

О возвращении на работу в институт не могло быть и речи. Поселиться в Ташкенте бывшему з/к тоже не разрешили. Он поселился в Янгиюльском районе Ташкентской области, устроился зубным врачом. Поселок Янгиюль находился между рекой Сыр-Дарья и горами Тянь-Шань. Вокруг простирались хлопковые поля. Кроме местного населения здесь под надзором спецкомендатуры МВД жили корейцы, выселенные с Дальнего Востока и депортированные в мае 1944 года крымские татары.

Залмен и Эсфирь получили опыт проживания рядом со ссыльными. Разве могли тогда подумать, что вскоре он пригодится им...

Жизнь налаживалась. Залмен окреп. После долгой разлуки и перенесенных страданий особую цену имело общение с родными. И вершиной счастья были внуки.

Калмена демобилизовали в 1947-м, и он с семьей вернулся в Ташкент. В 1948 году родился сын Лева.

Гера окончил среднюю школу, поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта.

«А друг в дороге – радость и подмога...»

Прошло два года. Залмен работает зубным врачом, живет скромно.

Ничто не предвещает новой беды.

Отчего же она вновь постучалась в двери?

21 декабря 1948 года в дом постучались вооруженные люди в форме. Обыск. Застывшие слезы в печальных глазах Эсфири.

В голове – одна непостижимая мысль: «За что?»

За что!!!

Снова тюремная камера. Снова допросы.

Неужели второй срок?!

... всегда следует принимать во внимание и худший вариант, и не создавать себе иллюзий, которые потом могут не оправдаться.

Несколько месяцев его держали в тюрьме. Шло следствие. Что пережила в эти месяцы его семья и он сам, остается только догадываться.

Никакого нового преступления не «оформили».

Но клеймо 58-й статьи автоматически включало бывшего декана в число «особо опасных государственных преступников» и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года его надлежало отправить «в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Красноярский край соответствовал такому назначению. Так в селе Сухобузимском, стоявшем в 65 километрах от Красноярска, в начале мая 1949 года появляется новый зубной врач. Поднадзорное лицо. Как и другие «контрреволюционеры» два раза в месяц ходит на отметку в спецкомендатуру. И не имеет права ни под каким предлогом отлучаться с места поселения. Ссылку объявили вечной.

В районном центре Фитерман жил три месяца. В августе вышло распоряжение РО МГБ о переводе в село Атаманово. Видимо, в медсанчасти совхоза и лаготделения потребовался зубной врач. А поскольку «Таежный» был подразделением Норильлага, то его заявки на специалистов выполнялись безотлагательно. В это время совхоз был реорганизован в дом отдыха «Таежный». Там отдыхали, набирались сил работники заполярного комбината и Норильского ИТЛ.

Еще не было ясно, станет ли Атаманово конечным пунктом. Ссылных то и дело перебрасывали с места на место. Из «Таежного» часто посылали в Норильск. Но его верная и преданная Эсфирь уже собиралась в дорогу. Надо было обладать немалой силой духа для такого решения. Обитателям южных широт Сибирь представлялась настоящей каторгой: жуткие морозы, от которых птицы падают замертво, никакой цивилизации, сплошь лагерные зоны.

Но ничто не могло поколебать любящего сердца. Она должна быть рядом с мужем.

«Друг в дороге – радость и подмога...». Это строка из стихотворения Ольги Никитиной. В нем есть еще:

«Нас всех друг другу посылает Бог...».

«Просто – рук не разнимут двое»

Мне хочется представить, как они встретились. Как сидели, взявшись за руки, в темной комнате, где единственным источником света был огонь из дверцы топящейся печки. Электричество в жилые дома Атаманово еще не проведено, оно есть только в лагерной зоне.

Залмен грел озябшие руки жены в своих ладонях.

А, может быть, как у Марины Цветаевой:

Или просто – рук

*Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!*

С приездом Эсфири жизнь на берегу Енисея, вдали от родных уже не казалась приговором. Уже не «*больно глядеть одному В предвечернюю серую тьму*».

Теперь, возвращаясь с работы, он видел светящееся окно, ускорял шаги, чтобы быстрее оказаться в комнате с керосиновой лампой, руками Эсфири превращенной в уютный родной островок. Рассказать ей, как прошел день, а потом вместе, в шестой или седьмой раз, перечитывать письма детей.

Сибирь и в самом деле была невольничьим краем. Особенно густо населена депортированными, поселенцами, ссыльными, спецконтингентом территория «Таежного», имевшая также несколько лагпунктов и лагкомандировок.

Ссыльные в большинстве своем оказались обычными людьми, в среде ИТР – высокообразованные и интеллигентные специалисты. Заключение тоже не представляли угрозы. Многие осуждены по 58-й статье или за незначительные бытовые преступления, невыработку трудодней, кражи, на которые толкнул голод.

И те, и другие являлись пациентами Залмена Ароновича. Опытный глаз бывшего з/к безошибочно определял товарищей по несчастью.

58-я – это бывший сотрудник ЦК ВКП(б), ныне начальник ОТиЗ Е.В. Вартамян, выпускник Московского геодезического института, ныне землеустроитель Камбай Озим Оглы Шахсуваров, пианистка, аспирантка Киевской консерватории, ныне фельдшер амбулатории Л.Л. Жовнер, альпинист слушатель академии Жуковского, ныне начальник отдела снабжения А.И. Поляков, выпускники Тимирязевской академии, ныне агроном отделения Н.Б. Свинкин и начальник планового отдела А.П. Вихляев...

Эти имена я нашла в архивных документах совхоза «Таежный». Сохранился один из списков вольнонаемных работников, находившихся на учете в спецкомандатуре МВД. В нем 19 человек. Под № 15 значился врач амбулатории З.А. Фитерман: «*судим в 1939 г. по ст. 58, срок 8 лет, находится на положении ссыльного*».

Здравствуй, милое Солнышко!

Освоившись на новом месте, Залмен и Эсфирь стали просить привезти им внучку Олю, ее они называли Солнышком. Калмену и Валентине трудно хотя бы на время расстаться с дочкой. Но они понимают: Солнышко согреет родителей, наполнит их жизнь смыслом.

И вот осенью 1950 года 7-летний ребенок отправляется в путь, длиной 4000 километров. Благополучно прибывает в Атаманово.

...Оля, Ольга Калменовна Фитерман давно живет в США. Я отправила ей свою книгу «Таежный» на карте архипелага» и попросила рассказать о жизни в Си-

бири. Оказалось, она хорошо помнит те далекие годы.

«Дедушка с бабушкой встретили меня, и мы втроем шли к дому, где они жили. Двигались по каменистому берегу огромной реки Енисей.

Дедушка был с палкой и шел очень быстрым шагом. Бабушка попросила меня следить за ним: у него большое сердце, нельзя ходить быстро.

Дом оказался бревенчатым: много окошек со ставнями, одна комната, маленькая кухня».

Мне представляется: Залмен Аронович в очередной раз мысленно благодарил судьбу за то, что в молодости получил специальность дантиста.

Не имея ее, где бы оказался бывший преподаватель исторического материализма? На лесоповале, скотном дворе, или на стройке... А жил бы в землянке или в бараке. Как рассказывали мне бывшие ссыльные немец Виктор Адамович Гюнтер и латыш Арвидс Варпиньш, в каждой комнате на 18 квадратных метрах размещалось три–четыре семьи, 25–28 человек. Все пространство было занято двухэтажными нарами.

К специалистам дефицитных в Сибири профессий отношение было другое. Их ценили, устанавливали хорошую зарплату, поэтому Фитерманы имели хоть и маленькое, но отдельное жилье.

Волк за колючей проволокой

Девочке, приехавшей из теплых краев, все окружающее было интересно. Особенно нравилась сибирская зима. В ее родном Ташкенте если и выпадал снег, то сразу таял. А в Атаманово сугробы выше ее собственного роста, морозы, окна в узорах, метели.

Жалко только, что в декабре и январе почти все время приходится сидеть дома. На термометре – минус 40 и даже -50. Взрослые, выходя на улицу, заматывают лицо шарфом или платком, одни глаза видно.

Когда морозы спадали, буйствовали метели. Оля начинала проситься на улицу. Бабушка, конечно, охала и расстраивалась. Дедушка, наоборот, одобрял смелость внучки.

Оба души не чаяли в девочке, старались украсить ее жизнь. В Новый год попросили соседа срубить в лесу маленькую елочку. Поставили на табуретку. Елочных игрушек купить было негде. Кое-какие украшения дали знакомые. Венчала лесную красавицу обычная лампа. Оля под руководством дедушки покрасила ее акварельной краской алого цвета.

Из воспоминаний О.К. Фитерман:

«Через некоторое время мы переехали во вновь построенный дом. В нем – квартиры для людей, работающих в Доме отдыха и амбулатории «Таёжного». У нас была комната с кухней, прихожая с полатями. Окна смотрели на небольшую просёлочную дорогу и высокий глухой забор, окантованный колючей проволокой, со сторожевыми вышками и с часowymi на них. Была видна еще

невысокая ограда, за которой ночью выпускали сторожевых овчарок. Они бегали по проволоке, охраняя лагерь.

Недалеко от нашего дома также был расположен собачий питомник. Однажды я попала в дворик, где в будках сидели овчарки. Отдельно, в небольшом строении, сидел волк, которого использовали для улучшения потомства...»

Все точно, дорогая Ольга Калменовна! Барак для специалистов в Атаманово действительно построили рядом с 25-м лагерным отделением. Теперь от того и другого не осталось и следа. На месте бывшей зоны – улица Связи, застроенная двухквартирными жилыми домами. Лишь в ограде краевой психиатрической больницы, размещенной в 1959 году в бывшем женском лагере, сохранились некоторые строения: дом для охраны и карцер. А неподалеку в лесу стоит дом младенца. Его построили в 1951 году. Там до 3 лет росли дети, рожденные за колючей проволокой. Теперь это жилой дом.

Огонь до неба

Из воспоминаний О.К. Фитерман

«Как-то зимой я упала с высокого крыльца на землю, усыпанную замерзшими стружкам и щепками, очень серьезно поранила щёку. Представьте себе, как дедушка с бабушкой были расстроены и обеспокоены!

Дедушка обратился к начальству, попросил разрешения, чтобы меня проконсультировал очень известный профессор, хирург, сидевший в то время в лагере.

Мы шли в лагерь дорогой, по краям которой было множество барачков.

Профессор осмотрел мою щёку и сказал: надо дать всем ранам спокойно зажить, не беспокоить их.

Так и произошло. Все зажило, никаких следов у меня не осталось».

Оля побывала в самой главной достопримечательности енисейского села – в чудесном пионерском лагере для детей Заполярья, стоявшем в сосновом бору на берегу Енисея.

Однажды кто-то из знакомых дедушки взял ее на пионерский костер. Это было незабываемое зрелище: в огромном зареве пылали не тонкие веточки хвороста, а мощные стволы деревьев. Огонь до неба.

Такие в Сибири костры!

В доме любили и ценили хорошую книгу, музыку. Ольга Калменовна хорошо помнит, как бабушка читала ей «Гранатовый браслет» Александра Куприна.

Оля подружилась с Валею, дочкой Берты Самойловны Джафаровой. Они вместе занимались музыкой. Ссылная пианистка учила девочек играть на фортепиано, петь, танцевать. Это была высокообразованная женщина, родом из Москвы, из среды известных артистов и музыкантов.

Оля Фитерман и Валя Джафарова участвовали в концертах художественной самодеятельности. Профессиональная портниха, тоже из числа ссыльнопоселенцев, шила для них сценические костюмы.

Никем не объявленная ссылка

В 1951 году с трудом налаженную жизнь снова порушили. Политссыльных стали срочно выселять из Атаманово и других приенисейских сел.

Кого отправляли на Север, кого на юг Красноярского края.

1 августа 1951 года уволили из «Таежного» и Фитермана. Спецкомендатура перевела его в районный центр.

Можно сказать, повезло. Смогли перевезти в Сухобузимское кое-какую домашнюю утварь, чтобы в очередной раз не начинать жизнь «с чистого листа», и хотя бы не бегать в поисках матраца, лавки, керосиновой лампы, посуды и прочих предметов обихода.

В Сухобузимском сняли комнату, которую делила пополам перегородка. В одной половине жили сами, а в другой расположился зубной кабинет с кушеткой и ножной бормашиной.

Из воспоминаний О.К. Фитерман

«К дедушке приходили или приезжали на лошадях лечиться и протезировать зубы.

Он был не только высококвалифицированным врачом, но и добрым, оптимистичным человеком. Любил людей и свою профессию. Всегда успокаивал больного, подробно объяснял ему свои действия. Если удалял зуб ребенку, то, почистив его, отдавал на память.

При протезировании многократно снимал гипсовые слепки с зубов (до 6 раз) и только потом выбирал лучший. Слепки отправлялись с бабушкой к технику-протезисту, который работал в Красноярске.

Дедушка был невыездным.

В селе действовала поликлиника. Там зубным врачом работала молодая женщина. Случалось, больные приходили к дедушке после ее неудачного лечения. Нередко его также просили прийти в больницу для консультаций по поводу трудных случаев.

В Сухобузимском я пошла в первый класс. В классе было довольно много детей, учительница молодая, симпатичная и очень доброжелательная. Как-то она задала каждому ученику вопрос: кто он такой. Дети отвечали по-разному, а я сказала, что я ссыльная. Об этом учительница рассказала дедушке при встрече.

Под чужим именем

Подошел 1953 год. После смерти Сталина режим для политссыльных стал смягчаться. А через год их стали снимать с учета и выдавать паспорта. В сентябре 1954 года разрешили выехать домой и Фитерману.

Супруги вернулись в Ташкент. Здоровье обоих было подорвано. Особенно часто страдал от сердечных приступов Залмен Аронович. Заметно сдала и Эсфирь

Исааковна. Родные помнят: выглядела сильно постаревшей, усталой женщиной. Как будто смотрела вглубь себя.

Хотя обоим было за 60, пришлось устраиваться на работу. Надо было заново обустроить свою жизнь. Квартиру никто им не собирался возвращать, о реабилитации речь не шла. Дети помогли купить небольшую комнату без удобств в старой части города. Залмен Аронович продолжил врачебную практику, Эсфирь Исааковна устроилась провизором в центральную аптеку.

Однажды Залмен Аронович увидел научный труд, название которого показалось знакомым. Начал читать ... и узнал свою собственную работу по философии.

Рукопись у него конфисковали во время ареста. И вот она издана, но под чужим именем. Плагатор даже не изменил название.

Не по его ли доносу был репрессирован ученый?

Своих убеждений не менял

Тяжкий груз незаслуженного обвинения давил на плечи. Когда стало известно, что некоторых лагерников реабилитировали, Фитерман поехал в Москву. В столице поселился у двоюродного брата Эсфири Иосифа Моисеевича Винокура. Сын Иосифа Эрнст Винокур вызвался сопровождать дядю в Генеральную прокуратуру СССР. Потом он рассказывал: люди со страхом ходили по кабинетам того страшного (шел 1955 год) учреждения. Боялись. Эрнсту тоже было не по себе. Его поразила спокойная уверенность и смелость Залмена Ароновича, с которой он настаивал на пересмотре своего дела.

После возвращения домой Фитерман получил официальный документ о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления и полной реабилитации. Его восстановили в рядах КПСС с сохранением партийного стажа.

Удивительно: пройдя лагерь и ссылку, он сохранил верность коммунистическим идеалам. Говорил: при таких огромных общественных и социальных сдвигах ошибки и перекосы вполне возможны и даже неизбежны.

Его вера в непогрешимость партии была непоколебимой и совершенно искренней, он не винил ее ни в чем. До последнего часа был верен коммунистическим идеалам.

Секретарь райкома партии, возвращая партбилет, спросил Фитермана: сколько пришлось отсидеть. Услышав ответ, стал выражать свое сочувствие. Залмен Аронович дождался, когда люди вышли из кабинета секретаря, и с мягким укором сказал: не надо было говорить таких слов, это дискредитирует партию.

После реабилитации Залмен Аронович вернулся к общественной работе. Пошел в ближайшую школу и выбрал себе в подопечные 9 класс. Регулярно приходил к ребятам на классные часы и другие мероприятия.

Годы заключения не прошли бесследно: все чаще страдал от сердечных приступов, болезни почек. Жена отпаивала его лекарствами, следила, чтобы кислородная подушка всегда была под рукой.

Оказалось, что сыновья унаследовали педагогический талант и трудолюбие отца. Калмен преподавал историю КПСС в Ташкентском государственном педа-

гогическом институте, Гирш работал на железной дороге, позже тоже стал преподавателем. В его семье тоже было двое детей: сначала появилась дочь Наташа, а в июне 1959 года родился сын Илья.

В этом же году завершился земной путь Залмена Ароновича. Он скончался от третьего инфаркта на 69-м году жизни. Эсфирь пережила мужа на два года.

Их внуки живут в разных городах и странах. И даже на разных континентах. Но в этих семьях бережно хранят память о предках, на чью долю выпало так много испытаний.

И семейная история о любви и верности переходит к следующим поколениям.

2020 год

Фото предоставлено Ольгой Калменовной, Львом Калменовичем, Натальей Гиршевной, Ильей Гиршевичем Фитерман.

За очерк «Окно в ночи» автору присуждена победа в журналистском конкурсе межрегионального медиафестиваля «Спас на Енисее-2020» в номинации «Вечные ценности».

Начало XX века. Семья Фитерманов. Замен – крайний справа.

Залмен. Элегантный молодой человек аристократического облика.

*Красавица Эсфирь после окончания гимназии.
Фото из альбома Натальи Терновски. США*

Документ из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Автобиография.

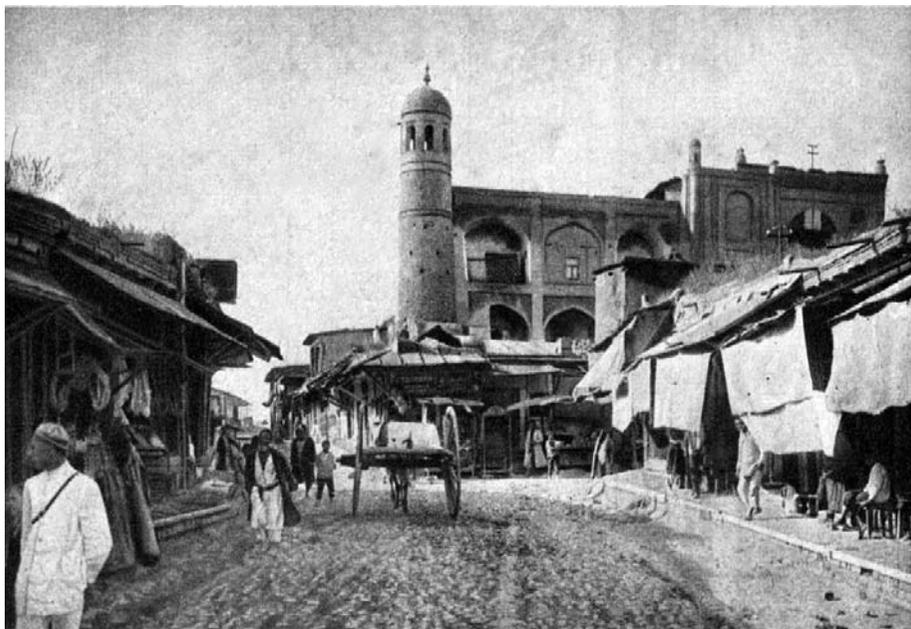
Посвідчення (удостоверение) красногвардейця Фитермана на украинском языке. Документ из Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга

Примерно 1921 год. Эсфирь, Залмен и маленький Кома. Фото из альбома Льва Фитермана. Израиль.

1929 год. Три поколения. Эсфирь с мужем, ее родители Исаак Насынович, Миниха Калменовна и дети. В 1926 году в семье родился второй сын – Гири, по-домашнему Гера. Фото из семейного альбома Фитерманов

1930-е годы. Виды Ташкента.

1939 год. Тюрьма. Глаза, полные страдания. Фото из архивно-следственного дела З. А. Фитермана.

В 1946 году Эсфирь отправила мужу в лагерь свою фотографию с Солнышком.

1941 год. Что могло быть дороже заключенному, чем фотография его родных.

Эсфирь Исааковна с внучкой Олей.

Оля Фитерман и Валя Джафарова исполняют балетный танец.

 **ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРОКУРОРА**
Узбекской Советской
Социалистической Республики
Ташкент, ул. Ленина, № 21

С П Р А В К А

З.А. Арсланов № 6
ИН 18955-588

Выдана настоящих гг.-Эхтерман Замлану пропомку в том, что он действительн по 10 декабря 1946 года, с 14 апреля 1951г. по 10 декабря 1946 года. Вторично был арестован 21 декаб ра 1946- года и освобожден в мая 1949года. Находился в ссылке с мая 8 мая 1949 по 1 сентября 1954 года. Очистился от обвинений 3.А. был арестован 21/ХІ-16.46 года промзвод ством прекращено.

СТАРИШ
 (П.РАПЕКО).

Сообщение прокуратуры Узбекской СССР

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва-центр, Пушкинская, 15-я.

2. декабря 1955 г.
№ 1892-1885-40

ФИТЕГАНУ Замлану Ароновичу
/г.Ташкент, ул. 9 января, Юрний пер.
Дом 123/

Соробар Бид, что по протесту прокуратуры Узбекской ССР определенном Верховного суда Узбекской ССР от 14.ХІ.1955г. дело, по которому Вы обвинялись в 1939г., прекращено. Вы реабилитированы.

Прокурор отдела по сненщению
советских воцщии *А.Варшавский*
/ИФРИЛИ/

30.ХІ.54

1955 год. Справка прокуратуры СССР.

Гири прислал родителям в Сибирь свою первую семейную фотографию.

*Жена Каппелена Валентина Васильевна Блева
записала историю семьи.*

Последний приют, г. Ташкент.

Об авторе

Ольга Михайловна Вавиленко окончила Иркутский государственный университет по специальности журналистика. Работала в двух газетах Красноярского края – «Знамя Ильича» (Краснотуранск) и «Сельская жизнь» (Сухобузимское). Литсотрудник, заведующая отделом писем, ответственный секретарь, заместитель редактора, главный редактор.

Ровно 30 лет (1988–2018) возглавляла районную газету «Сельская жизнь», которая стала неоднократным победителем краевых и межрегиональных конкурсов. В настоящее время – корреспондент.

О.М. Вавиленко – член Союза журналистов России, лауреат всероссийских, межрегиональных и краевых конкурсов. В 2014 и 2019 гг. одержала победу в конкурсах профессионального мастерства Союза журналистов России (очерки «Зажгите поминальную свечу солдату», «Американский мишка»).

Дипломант Всероссийского конкурса журналистов «МЧС: степень риска» (2008 г.), призер Всероссийского конкурса «Патриот России» (2019 г.), обладатель Гран-при конкурса журналистского мастерства межрегионального медиафестиваля «Спас на Енисее» в номинации «Вечные ценности» (2019 г.).

Четыре раза была признана лучшим очеркистом на конкурсах Союза журналистов Красноярского края. Столько же раз одерживала победу в творческих конкурсах межрегионального медиафорума «Енисей. РФ».

Отмечены наградами материалы автора о сталинских репрессиях, в их числе девять очерков, вошедших в эту книгу.

О.М. Вавиленко много лет занимается краеведением. В 2017 году в Красноярске издана ее книга на тему политического террора – «Таежный» на карте архипелага».

Благодаря сделанным Ольгой Михайловной запросам и полученным архивным справкам шесть человек из числа детей «врагов народа» получили статус лиц, пострадавших от политических репрессий.

Уважаемые читатели! Фамилии и имена репрессированных лиц воспроизведены в соответствии с архивными документами. К сожалению, невозможно назвать всех одинаково – с именем и отчеством, потому что в документах люди записаны по-разному. У одних указано имя, у других – инициалы, у третьих – только фамилия. Нельзя ручаться и за правильность написания некоторых имен и фамилий, особенно иностранных.

Приношу извинения за возможные ошибки.

Все граждане, жертвы политических репрессий, названные в этой книге, в дальнейшем были реабилитированы.

Источники и литература

Государственный архив Красноярского края (ГАКК):

Ф.Р-893. Оп.1. ДД. 160, 161, 338
Ф.Р-1386. Оп.1. ДД. 515, 518
Ф.Р-1356. Оп.1. ДД. 508, 497
Ф.Р-1565. Оп.1. ДД. 371, 372, 374
Ф.Р-1565. Оп.3. ДД. 617, 646
Ф.Р-1381. Оп.1. Д. 518
Ф.Р-2181. ДД. 1-10
Ф.П-24

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Ф-6698. Оп.1. Д. 2453

Норильский городской архив

Ф.Р-11. Оп.1. ДД. 96, 273, 561, 957, 963

Сухобузимский муниципальный архив

Ф.Р-1. Оп.3. ДД. 1-12
Ф.Р-3 Оп.3. ДД. 7-10, 11-12
Ф.Р-5. Оп.3. ДД. 1-14
Ф.Р-8. Оп.3. ДД. 4-15
Ф.Р-9. Оп.3. ДД. 1-8.
Ф.Р-24. Оп.2. Д. 106

Архивно-следственное дело Худоногова Ф.И.

Архивно-следственное дело Рогулева И. Н.

Фрагменты архивно-следственного дела Шмидта Г.Е.

Фрагменты архивно-следственного дела Фитермана З.А.

Архивно-следственное дело Портнягина Н.И.

Архивно-следственное дело Коняхина М.П.

Личное дело Шмидта Г.Е.

Архивные справки Центрального архива Министерства обороны РФ, Российского государственного военного архива, Архивной службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России, ИЦ УМВД по Красноярскому краю, УФСБ по Красноярскому краю.

Другие источники

Архив Красноярского «Мемориала»

Фонды МБУ "Музейно-выставочный комплекс "Музей Норильска"

Фонды Ташкентского музея жертв политических репрессий (Узбекистан)

Архив ООО «Племзавод «Таежный»:

Отчеты о производственной деятельности совхоза «Таежный» Норильского комбината НКВД СССР за 1944, 1945, 1946 гг.;

Книги приказов совхоза (дома отдыха) «Таежный» 1950, 1952–1958;

Приказы Норильского комбината 1944–1955 гг.;

Служебные карточки работников 1931–1956 гг.;

Личные дела работников 1949–1955 гг.;

Анкеты–послужные списки работников 1949–1955 гг.;

Личное дело Вартаняна Е.В.

Документы по переселению ссыльных и спецконтингента д/о «Таежный» 1952 г.

Книга учета принятых вновь на работу в д/о «Таежный» за 1952–1954 гг.

Договор от 2 февраля 1954 г. между Красноярским лагерным отделением № 8 УИТЛК УМВД Красноярского края и совхозом «Таежный» Норильского комбината ММП СССР.

Приложение к договору между совхозом «Таежный» Норильского комбината и Атамановским лагпунктом п/я № 188/12 УИТЛК УМЮ КК от 2 февраля 1954
Архив Сухобузимского военкомата
Архив учебно-опытного хозяйства «Миндерлинское»:
Книги приказов Миндерлинской колонии, Миндерлинского совхоза (подхоза) УНКВД (УМВД-УМГБ-УКГБ), 1941–1957 гг.
Личные карточки работников (ф-104) 1946–1956 гг.
Архив Сухобузимской районной больницы
Архив АО «ЦНИИЭП жилища – института комплексного проектирования жилых и общественных зданий г. Москва:
Личное дело Владимировой М.М.
Фонды Сухобузимского краеведческого музея
Фонды музея Атамановской средней школы
Фонды музея Борской сельской библиотеки

Литература:

Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края, Кн.1- Кн.14, Красноярск, «Издательские проекты» - ПИК «Офсет», 2004–2016
История России XX век., М., АСТ, 2001
История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х-первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах, Том 1. Массовые репрессии в СССР М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004
Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: опыт художественного исследования, СПб, «Азбука», 2014
Енисейский энциклопедический словарь, Красноярск, КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998
Центр земли великой: 75 лет Красноярскому краю. 1934–2009 / составитель и автор текста В. В. Чагин. – Красноярск: ООО «Платина плюс», 2009.–
Религия и власть на территории Красноярского края. 1920–1991: Сборник архивных документов и материалов. Кн. 1: 1920–1941. Красноярск, 2002.
«Религия и общество в Приенисейской Сибири.1920–1930-е годы, сборник архивных документов и материалов, Красноярск, 2011.
Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930– 1960, М., Наука, 2005
Бугай И.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6.
Реабилитация: политические процессы 1930–1950-х годов М., Политиздат, 1991
Реабилитирован посмертно, вып.1,2 М., «Юридическая литература» 1989
Возвращенные имена, сборник публицистических статей в 2-х книгах, М., Агентство печати Новости, 1989
Росси Жак, Справочник по ГУЛАГУ, М., «Просвет», 1991
О времени, о Норильске, о себе..., кн.1-кн.11, М., «ПолиМедиа», 2001–2015
Ларина А.М. Незабываемое, М., Издательство АПН, 1989
Твардовский А.Т. Избранные произведения в 3 томах. М., «Художественная литература», 1990
Железногорск, Железногорск, ПИК «Офсет», 2000
Аференко В.А. Район в центре Сибири, Т.1. Т.2, Красноярск, «Красноярский писатель», 2006–2007
Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.) КГПУ - Красноярск, 2006.
Маслов Б.С. От Года Великого Перелома, Книга 1, М. ФГУП «Типография» Россельхозакадемии, 2010 г.

Электронные ресурсы

интернет сайты

<http://lists.memo.ru/index2.htm>

<http://www.memorial.krsk.ru>

<http://www.alexanderyakovlev.org/>

<https://www.sakharov-center.ru/>

<https://www.disserscat.com/content/spetsposelentsy-v-krasnoyarskom-krae-1940-1950-e->

http://www.memo.ru/history/polacy/g_2.htm

<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

<http://www.memorial.krsk.ru/LAGER/Norillag/1.htm>

<https://memorial.krsk.ru/Articles/2007/2007Zberovska.htm>

<https://proza.ru/2010/12/08/1531>

https://royallib.com/book/kantor_yuliya/voyna_i_mir_mihaila_tuhachevskogo.html

Фотографии:

Интернет-ресурсы свободного доступа

И. Наймушина (г. Красноярск), А. Матонина, Е. Ильина, О. Вавиленко, В. Подлегаева, С. Тараненко, Л. Воронова, В. Иванова

Из архива Красноярского общества «Мемориал», фондов Горно-химического комбината (г. Железногорск), племзавода «Таежный», Атамановской сельской библиотеки, Культурно-спортивного центра им. В.И. Еремина (с. Атаманово), музея Атамановской средней школы.

Из личных архивов: А.А. Худоногова А.А. Рудко, И.А. Зуевой (с. Сухобузимское), Е.И.

Ворсиной (Рогулевой) (п. Кононово), А.Г. Шмидта (Natick, США), В.П. Каргаева (с.

Сухобузимское), Марьевых-Коняхиных (Минусинский район), Ф.Е. Вартаняна, Н.А.

Тухачевского (г. Москва), семьи Фитерманов (США, Израиль), В.А. Аференко (г.

Железногорск), А.И. Мельниковой, Т.А. Аксяновой (с. Атаманово), В.В. Гюнтера (г.

Красноярск), семьи Дейснеров, И.Г. Монастырского (п. Бузим), А.К. Нора (д.

Толстомысово), В. Парамоновой (Шадринной) (Крым), Л.П. Шахматовой, (Кусенко)

(Миндерла), Н. Марангоз (Борск), Г. Штыкиной, А.В. Алпацкого, (с. Сухобузимское), А.

Трачук, О. Коломиец (Красноярск), А. Визнер (Германия).

Газеты журналы

«Родина» – российский исторический журнал

Общественно-политическая газета Красноярского края «Красноярский рабочий»

Общественно-политическая газета Сухобузимского района: «Ударник социалистических полей» 1930–1954 гг. «Красное знамя» 1954–1965 гг. «Сельская жизнь» 1966–2020 гг.

Общественно-политическая газета «Маяк коммунизма» Большемуртинского района 1964–1965 гг.

Интервью, воспоминания:

Незаконно репрессированных лиц:

В.А. Гельвера (с. Шила), М.Т. Бахнарела (п. Бузим) Ф.А. и А.В. Вебер (с. Сухобузимское), А.А. Шейфера (Большие Пруды), З.П. Нор (Барташевич) Толстомысово, А.А. Фишера (с. Атаманово), А.Н. Кулика, А.К. Кулик (Супрунюк), К.И. и М.И. Пикулиных, Ф.Д. Блем (Шилинка), К. Рауде, И. Каасика (Таллинн), А. Варпиньш, А. Удре (Варпиня) (Рига).

Рассказы детей и внуков незаконно репрессированных лиц:

Г.Ф. Чихачевой (Худоноговой), с. Куваршино, Е.И. Ворсиной (Рогулевой) Кононово, А.Н.

Тухачевского, М.Н. Тухачевской, Н.А. Тухачевского, Ф.Е. Варганяна (г. Москва), А.Г. Шмидта (г. Нэйтик, США), О.К., Л.К, Н.Г. Фитерманов (США, Израиль), Э. Нейбургса, Л. Смурге (Унгурс) (Латвия), И.Г. Монастырского (п. Бузим), В.В. Гюнтера (г. Красноярск), В.Н. Мусс (Ходаковской) п. Шилинка, А.Д. Богданчиковой (с. Атаманово), Г.И. Шуваевой (с. Сухобузимское)

Интервью, воспоминания:

В.А. Аференко (г. Железногорск), В.С. Белова, А.И. Бабиковой, В.М. Четкина, Т.А. Аксяновой (Степановой), А.И. Мельниковой, Г.А. Наумовой (Лукьяновой) (Атаманово), Т.М. Худоноговой, В.П. Каргаева, И.А. Зуевой (Григорьевой), М.П. Зуева, М.Е. Самсоновой, А.Г. Журавлевой (Леонтьевой), Л.А. Карповой (Мельниковой), К.В. Астапкович, П.П. Абраменко, Г.С. Гутиной, А.А. Вебера, Н.П. Решетова, В.Я. Омелянюка (с. Сухобузимское), В.И. Козлобаевой (д. Седельниково), А.К. Нора (д. Толстомысово), Л.А. Гуровой (г. Красноярск), Н.И. Лукьяновой (Хакасия).